

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири

Ю.Ф. КИРЮШИН, Н.Ф. СТЕПАНОВА, А.А. ТИШКИН

СКИФСКАЯ ЭПОХА ГОРНОГО АЛТАЯ

Часть II ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

МОНОГРАФИЯ

Издательство Алтайского
университета
Барнаул – 2003

УДК 930.26(571.151)+91(571.151)
ББК 63.4(2Рос-4Ал-6Г)273.1
К438

Ответственный редактор:
академик РАН **В.И. Молодин**

Рецензенты:
доктор исторических наук **Ю.С. Худяков**;
кандидат исторических наук **В.И. Соенов**;
кафедра археологии и исторического краеведения ТГУ им. В.В. Куйбышева

Кирюшин Ю.Ф.
К438 Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры / Ю.Ф. Кирюшин, Н.Ф. Степанова, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.
ISBN5-7904-0145-6

В монографии представлены результаты археологического изучения погребально-поминальных комплексов пазырыкской культуры. Приведена сводка о памятниках скифской эпохи Горного Алтая, а также осуществлена полная характеристика материалов из раскопанных курганов таких объектов, как Тыткескень-I и VI. В приложении к книге представлен краниологический анализ имеющихся данных из раскопанных курганов на территории Средней Катуни и даны иллюстрации.

Издание рассчитано на археологов, историков, работников музеев, комитетов по культуре, учреждений по охране культурно-исторического наследия и всех интересующихся скифской эпохой Алтая.

Монография подготовлена в рамках реализации научно-исследовательской работы кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ по теме «Изучение этносоциальных процессов на Алтае в древности и средневековье» и Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАиЭт СО РАН по теме «Сохранение и изучение археолого-этнографического наследия Сибири», а также по гранту РГНФ №01–01–00062а «Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая в скифскую эпоху» и проекту №ИО539 ФЦП «Интеграция» «Исторический опыт хозяйственного освоения юга Западной Сибири»

ISBN5-7904-0145-6

© Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003
© Издательство Алтайского государственного университета, оформление, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ПАЗЫРЫКСКОГО ВРЕМЕНИ В ГОРНОМ АЛТАЕ	8
1.1. «Царские» и «элитные» комплексы	8
1.2. Исследования погребально-поминальных памятников в Юго-Восточном Алтае	15
Кош-Агачский район	16
Улаганский район	24
1.3. Исследования курганов в Центральном Алтае и на других территориях	26
Онгудайский район	26
Усть-Канский район	29
Усть-Коксинский район	31
Чемальский район	32
Майминский район	37
Глава II. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПАМЯТНИКАХ ТЫТКЕСКЕНЬ-I И ТЫТКЕСКЕНЬ-VI	38
2.1. Общая характеристика района нахождения памятников	38
2.2. Результаты раскопок на памятнике Тыткескень-I	39
2.3. Исследование археологических объектов на памятнике Тыткескень-VI	40
Глава III. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НА АЛТАЕ В ПАЗЫРЫКСКОЕ ВРЕМЯ (по материалам памятников Тыткескень-I и VI)	52
3.1. Погребальный обряд как археологический источник	52
3.2. Погребальный обряд могильника Тыткескень-I	52
3.3. Погребальный обряд могильника Тыткескень-VI	53
Глава IV. ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС ИЗ ИССЛЕДОВАННЫХ КУРГАНОВ ПАМЯТНИКОВ ТЫТКЕСКЕНЬ-I И VI	70
4.1. Конское снаряжение	70
4.2. Предметы вооружения	73
4.3. Орудия труда, предметы быта, культа и туалета	78
4.4. Украшения	84
Глава V. КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКА ТЫТКЕСКЕНЬ-VI	90
5.1. Особенности технологии изготовления	90
5.2. Типология керамики	91
5.3. Орнаментированная керамика	96

Глава VI. ДАТИРОВКА И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ	
ПАМЯТНИКОВ ТЫТКЕСКЕНЬ-I И VI	104
6.1. Датировка исследованных курганов	104
6.2. Культурная принадлежность исследованных объектов	107
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	115
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	116
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	132
ПРИЛОЖЕНИЯ	133
SUMMARY	231

ВВЕДЕНИЕ

Скифская эпоха считается одним из наиболее изученных периодов древней истории Горного Алтая. Тем не менее многие вопросы до сих пор остаются дискуссионными (проблемы хронологии, и происхождения культур, исторические судьбы населения и др.).

Несмотря на то, что к настоящему времени в научный оборот введены в той или иной мере материалы пазырыкской культуры из более чем 135 могильников, включающих около 650 курганов, территория Горного Алтая изучена неравномерно. Первоначально исследования велись на тех объектах, которые вызвали особый интерес или были связаны со строительством Чуйского тракта. Ситуация несколько изменилась в 1980-е гг. в связи с проектируемыми мелиоративными работами, расширением сети автодорог и т.п. К настоящему времени наиболее исследован Юго-Восточный Алтай и часть Восточного. По материалам из этих районов написана большая часть статей и монографий. Менее изучены Центральный, Северный и Северо-Западный Алтай. Плановые работы на территории Средней и Нижней Катунь проводились только в течение последних 20–25 лет, но обобщающих работ по этому району нет. Отсутствуют и монографические исследования по скифской эпохе Горного Алтая, в которых были бы отражены результаты раскопок за последние 20 лет, нет даже свода памятников по рассматриваемому периоду, поэтому в настоящем издании предлагается информация такого плана.

Исследования в разных районах Горного Алтая начались не одновременно. Так, в 1930-е гг. в Кош-Агачском районе проводила работы Алтайская экспедиция ГИМа (Киселев С.В., 1951). В 1935 г. Саяно-Алтайская экспедиция ГИМа и АИМКа работала в связи со строительством Чуйского тракта (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 57–117), и были проведены исследования близ с. Курай. В 1964–1966 гг. Южно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа при участии Горно-Алтайского и Бийского краеведческих музеев под руководством С.С. Сорокина раскапывала курганы на могильниках Аргут-I и Кок-Су-I (Сорокин С.С., 1966; 1974). В 1971–1973 гг. Алтайским палеонтографическим отрядом ЛГУ под руководством Д.Г. Савинова (1993) в долине Узунтал изучались могильники Узунтал-I, III, V, VI. С 1968 г. регулярно проводил исследования археологический отряд Североазиатской экспедиции ИИФиФ СО АН СССР под руководством В.Д. Кубарева. В результате исследовано более 160 курганов на 18 могильниках, расположенных в долинах рек Уландрык, Юстыд, Барбургазы, Бугузун (притоки Чуи) (Кубарев В.Д., 1979; 1987; 1991; 1992; и др.). С 1976 г. работала Алтайская экспедиция Института археологии АН СССР под руководством В.А. Могильникова, которой раскопано более 30 курганов на восьми памятниках (Могильников В.А., 1982; 1983; и др.). С 1990 по 1996 г. на плато Укок под руководством В.И. Молодина и Н.В. Полосьмак проводили исследования Западно-Сибирский и Южно-Алтайский отряды Североазиатской комплексной экспедиции ИАиЭт СО РАН (Полосьмак Н.В., 1993; 1994, 2001; и др.; Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др., 1994; Молодин В.И., 1995а, с. 292–293; 1995б, с. 87–89; Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000, с. 77). Всего на территории Кош-Агачского района раскопано 275 курганов на 60 могильниках.

На территории Онгудайского района исследовано 56 курганов на 21 могильнике. В 1927 г. М.П. Грязновым и М.Н. Комаровой раскопан «царский» курган в урочище Шибе. В 1930-е гг. в долине р. Урсул проводились работы С.В. Киселевым, в 1935 г. С.М. Сергеевым – у с. Туэкта (Киселев С.В., 1951; Руденко С.И., 1953; 1960). В 1950 г. под руководством С.И. Руденко были произведены раскопки Башадарских курганов, а в 1954 г. – двух «царских» курганов у с. Туэкта (Руденко С.И., 1960). В 1970-е гг. исследовано несколько курганов рядовых кочевников. В 1974 и 1979 гг. Восточно-Алтайским отрядом Североазиатской экспедиции ИИФиФ СО АН СССР под руководством В.Д. Кубарева (1985; 1987)

у боба Коркечу раскопано два кургана. У с. Туяхта, в урочище Таалай, Горно-Алтайской группой Североазиатской экспедиции под руководством А.П. Погожевой (1978) исследован один курган. В 1979 г. археологической экспедицией ГАНИИЯЛ на северной окраине с. Каракол изучено два объекта (Суразаков А.С., 1982, с. 131). Основное количество курганов рядовых кочевников раскопано в 1980-е гг. археологическими экспедициями Алтайского государственного университета, Института археологии АН СССР и др. (Могильников В.А., 1983; 1988; Владимиров В.Н., Шульга П.И., 1984; Мамадаков Ю.Т., 1987; Владимиров В.Н., Ким А.Р., Мамадаков Ю.Т., 1990; Кочеев В.А., 1991; Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., 1993; Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994; Марсадолов Л.С., 1997, с. 3–10; и др.).

В Улаганском районе исследования начали осуществляться в 1929 г. В.С. Адриановым и С.И. Руденко у устья р. Арагол раскопаны объекты скифской эпохи (Марсадолов Л.С., 1996, с. 21). М.П. Грязновым (1937; 1950) был раскопан Первый Пазырыкский курган. В 1947–1949 гг. экспедиции под руководством С.И. Руденко (1948; 1951; 1952; 1953) работали на четырех «царских» курганах. В 1968–1969 гг. экспедицией ИИФиФ СО АН СССР и Кемеровского пединститута проведены раскопки в долинах Боротал, Алагаил и Тербедок (Мартынов А.М., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985). В 1976 г. в зоне затопления Чуйской ГЭС исследовались археологические объекты Алтайской экспедицией Института археологии АН СССР (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980).

В Усть-Коксинском районе исследования начались в 1865 г. В.В. Радловым на Большом Катандинском кургане, доисследование которого в 1954 г. провела А.А. Гаврилова. В 1925 г. С.И. Руденко неподалеку от устья р. Катанды раскопал два кургана. В 1975 г. Горно-Алтайской группой Североазиатской экспедиции там же был исследован один курган, а в 1983 г. экспедицией Алтайского государственного университета вскрыто восемь объектов. В 1970–1990-е гг. было раскопано более десятка курганов скифской эпохи (Погожева А.П., 1978; Степанова Н.Ф., 1984; 1987; Кубарев В.Д., 1992; Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В., 1992; Мамадаков Ю.Т., 1995; Мамадаков Ю.Т., Неверов С.В., 2001). Таким образом, всего в этом районе исследовано около 20 объектов интересующего нас времени.

В Усть-Канском районе ныне раскопано более 20 погребений, относящихся к пазырыкскому времени. Начало изучения положил М.П. Грязнов (1940), раскопав в 1939 г. курганы у с. Яконур. В 1980-е гг. исследования проводились в зоне проводимых мелиоративных работ у с. Кырлык (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985; Мамадаков Ю.Т., 1995), с. Усть-Кан (Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994; Суразаков А.С., 1982), а также в долине р. Каракол (Алтарева Н.С., 1989; Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф. и др., 1998, с. 98–99) и у с. Черный Ануй (Бородовский А.П., 1995).

В Чемальском районе раскопано свыше 180 курганов скифского времени или более 30% всех погребальных объектов этой эпохи в Горном Алтае. Отличительной чертой в исследованиях на территории Средней Катунь, в частности, является то, что раскопки памятников скифского времени здесь начинаются лишь с 1980 г., когда А.П. Погожевой в окрестностях с. Куюс на могильнике Кара-Тенеш было раскопано три кургана, а А.С. Суразаковым на могильнике Кызык-Телань-I – четыре (Погожева А.П., 1981, с. 205–206; Суразаков А.С., 1983, с. 42–52). С 1980 г. в связи с паспортизацией памятников и обследованием в зоне предполагаемого строительства Катунской ГЭС и подъездных путей к ней проводили исследования археологические экспедиции Алтайского государственного университета из г. Барнаула (Степанова Н.Ф., 1981; 1987; Абдулганеев М.Т., 1985; 1986; Кирюшин Ю.Ф., 1989; Мамадаков Ю.Т., 1987; Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В., 1992; и др.). В результате широкомасштабных исследований на 100 км участка долины Катунь выявлено более 1000 разновременных курганов, несколько десятков поселений (Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В., 1992, с. 26–29; Шульга П.И., 1992; 1995; 1996; и др.). В 1985–1993 гг. экспедициями АГУ на могильниках

Кайнду, В. Еланда-2, Тыткескень-I, VI, В. Тельтехмень-I, Бийке и других исследовано около 90 объектов рассматриваемого времени (Степанова Н.Ф., 1987; 1997; Мамадаков Ю.Т., 1987; Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Кирюшин Ю.Ф., 1989; Степанова Н.Ф., Кирюшин К.Ю., 1989; Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В., 1992; Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994; и др.). С 1988 г. там работали экспедиции из г. Новосибирска (Кубарев В.Д., 1990; Захаров А.А., Худяков Ю.С., 1990; Худяков Ю.С., Мороз М.В., 1990; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990 и др.). Археологическими экспедициями ИИФиФ СО АН СССР (позднее ИАиЭт СО РАН) раскопано около 60 курганов (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990; Тетерин Ю.В., 1992; Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 1992; Худяков Ю.С., 1993; 1995; 1996; Худяков Ю.С., Миронов В.С., 1997; 1998; 1999; Соловьев А.И., 1999; Миронов В.С., 1999). В 1980–1990 гг. горноалтайскими археологами в окрестностях с. Кунос и близ устья Чобы изучено более 70 курганов (Суразаков А.С., 1990; Ларин О.В., 1990; Кочеев В.А., 1990; 1996; Киреев С.М., Алехин А.В., Фуршатов А.В., 1990). В конце 1980-х гг. в долине р. Карбан проводились исследования археологической экспедицией БГПИ (Уманский А.П., 1992).

При сравнительном анализе материалов погребально-поминальных комплексов скифского времени Горного Алтая имеются большие затруднения из-за того, что о многих памятниках есть только упоминания или информация всего в несколько строк в сборниках, которые вышли небольшим тиражом. В то время как материалы исследований этих памятников представляют большой интерес для решения целого ряда проблем этнокультурного характера. Речь идет, например, о таких могильниках, как Курай-II и V, Ала-Гаил-III, Кара-Тенеш, Усть-Кожолу, Айрыдаш-I, Майма-IV, Чеба-V, Тыткескень-VI (Киселев С.В., 1951; Кубарев В.Д., 1990; Погожева А.П., 1981; Суразаков А.С., 1990; Киреев С.М., 1992; Киреев С.М., Алехин А.В., Фуршатов А.В., 1990; Кирюшин Ю.Ф., 1989; Степанова Н.Ф., Кирюшин К.Ю., 1989; Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В., 1992). Кроме того, на большинстве могильников раскопано всего лишь от 1 до 5 курганов. Число памятников, где исследовано более 10 объектов, всего 17 из 135, а на 90 – раскопано по 1–3 кургана. Лишь на могильниках Уландрык-I изучено 15 объектов, Кок-Су-I – 17, Айрыдаш-I и Кайнду по 18, Чеба-V – 21, Малталу-IV – 26, Барбургазы-I и Юстыд-XII – по 28. Материалы памятника Тыткескень-VI, на котором исследовано наибольшее число курганов (49), представляют особый интерес для полноценного отражения сведений о погребально-поминальном комплексе пазырыкского времени.

В данной монографии, наряду с приводимой сводкой основных результатов исследований курганов скифской эпохи, представлены и проанализированы результаты археологических раскопок памятников Тыткескень-I и VI. На этих объектах работы проводились на протяжении нескольких лет. Вместе с авторами книги в них принимали участие многие сотрудники АГУ: В.Н. Владимиров, А.Р. Ким, М.Т. Абдулганеев, А.Л. Кунгуров, С.В. Неверов, Ю.Т. Мамадаков, В.В. Горбунов, В.П. Семибратов, А.А. Казаков, Т.В. Тишкина и некоторые другие. Многие студенты исторического факультета на указанных памятниках проходили учебную полевую практику или работали в составе научно-производственного отряда «Археолог». Благодаря такому участию удалось исследовать большое количество объектов и получить представительный материал. Авторы считают своим долгом выразить благодарность всем тем, чей самоотверженный труд в полевых условиях способствовал получению необходимых данных для написания книги.

Данное издание является продолжением реализации проекта «Скифская эпоха Горного Алтая» (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997). Материалы книги в основном были подготовлены к 1999 г., однако по разным причинам монография в то время не увидела свет. В этой связи новейшие данные, опубликованные в 2001–2002 гг., не нашли в ней должного отражения.

Глава I

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ПАЗЫРЫКСКОГО ВРЕМЕНИ В ГОРНОМ АЛТАЕ

1.1. «ЦАРСКИЕ» И «ЭЛИТНЫЕ» КОМПЛЕКСЫ

Наибольшее внимание среди памятников скифо-сибирского круга всегда отводится так называемым царским курганам Горного Алтая. Эти грандиозные сооружения являются своеобразными маркерами центра и остальной территории распространения пазырыкской культуры, а также отражают определенную сторону социально-экономической структуры древнего общества, демонстрируя, по всей видимости, захоронения вождей и знати племен или союза племен. Некоторые такие объекты уже исследовались археологами, другие даже и не упоминались в научной литературе. Не претендуя на полную осведомленность в данном вопросе, приведем лишь имеющиеся у нас сведения о «царских» и «элитных» курганах скифской эпохи Горного Алтая и ближайших предгорий.

В период освоения территории Сибири и природных богатств этого края русские колонисты не могли не заметить хорошо фиксируемые археологические объекты, среди которых были «бугры Золотари», ставшие местами грабительских раскопок на протяжении целого ряда десятилетий. Такие сооружения, конечно же, интересовали и ученых. Имеется достаточное количество информации о находившемся в предгорьях Алтая кургане «Золотарь» (Демин М.А., 1995), научные раскопки которого были предприняты не так давно (Алехин Ю.П., Демин М.А., 1993).

В Рубцовском районе Алтайского края близ с. Бугры был открыт интереснейший памятник, состоящий из пяти огромных курганов (рис. 1), каменно-земляные насыпи которых сейчас имеют диаметр от 40 до 90 м и высоту до 6 м (Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., 1996, с. 152). В центре и по краям этих сооружений фиксируются многочисленные ямы – следы грабительских раскопок. Такие же большие курганы отмечены исследователями и в других местах по предгорьям Алтая (Демин М.А., 1989; Марсадолов Л.С., 1996, рис.1; и др.). В Чарышском районе на могильнике Урочище Балчикова-III имеется «царский» курган с каменной насыпью диаметром 44 м, высотой до 1,5 м (Гельмель Ю.И., Демин М.А., Ситников С.М., Шульга П.И., 1995, с. 15–16; Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Демин М.А., Тишкин А.А., 2001). В междуречье Бии и Чумыша, на территории распространения быстринской культуры, подобные памятники отмечены пока в небольшом количестве, и они также ограблены. Нам известен каменно-земляной курган на Маяцких Буграх (размеры насыпи 26х18 м, высота 2,5 м) (Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., 1996, с.154), а также Кивдинская Сопка (диаметр насыпи около 30 м, высота до 4 м) на Локтевском могильнике и одиночный объект Каменная Балка (насыпь 45х30 м, высота до 4 м; разведки В.И. Каца в 1961 г.). Грандиозные земляные курганы отмечены в ближайших степных районах, где распространены памятники каменной культуры (например, близ с. Крестьянка в Мамонтовском районе (Иванов Г.Е., 2000), в Михайловском районе Алтайского края (Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999) и других местах). Но все эти погребальные сооружения оставлены соседними для «пазырыкцев» племенами, проживавшими к северу и северо-западу.

Что касается «царских» курганов, обнаруженных в горных долинах Алтая, то изучение их имеет свою историю, неоднократно изложенную на страницах научных изданий (см.: Суразаков А.С., 1989, с. 7–14; Степная полоса..., 1992, с. 161–162; Марсадолов Л.С., 1996). Наиболее значимой чертой этих погребальных памятников скифской эпохи, за исключением больших параметров курганных насыпей, является наличие мерзлоты, которая позволила хорошо сохраниться большому количеству изделий из

органических материалов и мумифицированным телам умерших. Ниже мы приводим сводку данных по таким и близким к ним объектам, а также краткие результаты их исследований. Кроме этого, здесь будут названы памятники, в комплексе которых отмечены «царские» и «элитные» курганы, но их археологическое изучение еще не проводилось.

I. Большой Катандинский курган был раскопан в 1865 г. В.В. Радловым (Захаров А.А., 1926), позднее в 1954 г. его доисследовала А.А. Гаврилова (1957). Памятник находился на левом берегу Катунь между притоками Верхней и Нижней Катандой, в 2 км к северо-востоку от с. Катанда (ныне Усть-Коксинский район Республики Алтай). До раскопок курганная насыпь была в диаметре около 40 м и высотой до 2 м. В глубокой могильной яме стояла двойная погребальная камера из деревянных срубов с полами и потолками, за северной стенкой которой обнаружены скелеты двадцати двух лошадей. В.В. Радловым (1989) и А.А. Гавриловой (1957) найдено большое количество предметов скифской эпохи: элементы конского снаряжения, керамика, изделия из дерева, золота и других материалов. Отдельно отметим хорошо сохранившуюся одежду (Руденко С.И., 1960, с. 7–9). Хотя сведения о раскопках кургана и обнаруженных там вещах неоднократно сообщались в научной печати (Радлов В.В., 1884; 1895; 1896; 1989; Захаров А.А., 1926; и мн. др.), но все же, на наш взгляд, необходима отдельная основательная работа для систематизации имеющихся данных и полная публикация всех материалов в соответствии с современными требованиями.

II. Большой Берельский курган, находившийся в верховьях р. Бухтарма, также раскапывался в 1865 г. В.В. Радловым. После его доисследования состоялось полное издание всех материалов раскопок (Сорокин С.С., 1962; 1969). Диаметр каменной насыпи этого кургана был около 30 м, а высота – до 6 м. В южной части глубокой могильной ямы под бревенчатым настилом находилась деревянная колода для погребенного человека, а в северной части найдены скелеты 16 лошадей. Хотя курган и был ограблен, все же сохранились многочисленные изделия из различных материалов. По мнению Л.С. Марсадолова (1988; 1996, с. 56), Большой Берельский курган воздвигнут в первой половине V в. до н.э.

В 1997 г. на могильнике Берель казахскими археологами под руководством З.С. Самашева начаты комплексные исследования других «элитных» объектов пазырыкской культуры с участием группы иностранных специалистов. Полученные результаты изложены в предварительных публикациях, в том числе монографического характера (Самашев З.С., Жумабекова Г.С., Сунгатай С., 1999; Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С., 2000; Горбунов А.П., Самашев З.С., Северский Э.В., 2000; Самашев З.С., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А., 2001; и др.).

III. Шибе. На этом памятнике в 1927 г. работала экспедиция Этнографического отдела Русского музея. М.П. Грязновым и М.Н. Комаровой раскопан курган с каменной насыпью диаметром 45 м, высотой до 2 м, находившийся на северном окончании цепочки из больших объектов (Руденко С.И., 1953, с. 5; Грязнов М.П., 1928). После В.В. Радлова таких курганов с мерзлотой никто на Алтае не раскапывал (Марсадолов Л.С., 1996, с. 20). На дне глубокой могильной ямы у южной стенки стояла двойная погребальная камера в виде срубов с потолками и дощатым полом. Погребенный находился в большом деревянном саркофаге. В северной части могилы обнаружены остатки 14 лошадей. Предметный комплекс из многочисленных изделий традиционен для такого рода захоронений и полностью опубликован (Баркова Л.Л., 1978; 1979; 1980). Наиболее интересны сохранившиеся благодаря мерзлоте особенности реализации традиции мумифицирования тел людей скифской эпохи (Руденко С.И., 1960, с. 14). В 1986 г. сотрудниками АГУ при проведении аварийных археологических раскопок на памятнике в зоне предполагаемого мелиоративного строительства был снят подробный план курганного поля к северу от с. Шибе (Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., 1993, рис. 1).

IV. Пазырык (рис. 2). Памятник обнаружен в 1924 г. Алтайской экспедицией Этнографического отдела Русского музея под руководством С.И. Руденко в 2 км к северо-востоку от впадения р. Балык-туюль в р. Большой Улаган (ныне территория Улаганского района Республики Алтай) и представлял собой группу курганов, в которой выделялись пять больших каменных насыпей (Руденко С.И., 1953, рис. 2). В 1929 г. был вскрыт Первый Пазырыкский курган, и лишь в 1947 г. начаты раскопки Второго, которые закончились в 1948 г. вместе с исследованиями двух следующих объектов. В 1949 г. на ставшем знаменитым на весь мир археологическом памятнике изучался Пятый курган (Руденко С.И., 1952, с. 5–8). Материалы «царских» курганов из Пазырыка полностью опубликованы и использовались во многих изданиях (Руденко С.И., 1931; 1944; 1948; 1949а, б, в; 1950а, б; 1951; 1953; и др.; Грязнов М.П., 1950; 1958; Киселев С.В., 1949; Степная полоса..., 1992, с. 167–169; и т.д.). Мы лишь остановимся на отдельных характерных чертах погребального обряда, реализованных в этих объектах, и на некоторых интересных находках (Руденко С.И., 1953, с. 362–375).

Пазырык-1. Курганная насыпь, в центре которой оказалась воронка, была диаметром 47 м и высотой 2,2 м. К востоку от нее стоял ряд из вертикально вкопанных в землю камней. Курган оказался основательно ограбленным. Лишь в северной части могильной ямы за двойным срубом сохранились потревоженными останки 10 коней с богатым убранством. В погребальной камере, на полу из толстых плах, стоял деревянный саркофаг, сделанный из огромного ствола лиственницы и украшенный вырезанными из кожи изображениями петухов. Внутренний сруб был сооружен из брусьев, а внешний – из бревен. Обе эти конструкции имели бревенчатые потолки. Погребальная камера, занимавшая две трети могильной ямы, покрывалась несколькими слоями бересты, поверх которых находился сначала слой лиственничной коры, а выше – пласт из кустарника.

Пазырык-2. Предварительное сообщение о раскопках этого кургана отдельно опубликовано С.И. Руденко в 1948 г. Курганная насыпь, к востоку от которой стоял ряд балбалов, была диаметром 36 м и высотой 3,75 м. Погребальная камера устраивалась так же, как и в первом раскопанном объекте. Захоронение семи лошадей располагалось в северной части могильной ямы сравнительно высоко. У южной стенки погребальной камеры стоял деревянный саркофаг, украшенный вырезанными из кожи изображениями оленей. Благодаря мерзлоте сохранились мумифицированные трупы мужчины и женщины. Тело вождя покрывали татуировки. В могиле обнаружены мужская и женская одежда, деревянные и керамические сосуды, изделия из кожи, семена конопли, кориандра и донника, золотые серьги, зеркала, конское снаряжение и многое другое.

Пазырык-3. До раскопок насыпь с западиной в центре имела диаметр 36 м и высоту 2,6 м. Ряд вертикально вкопанных камней находился с восточной стороны. В могиле находилась погребальная камера с полом из плах, с двойными бревенчатыми стенками и такими же потолками, сверху которых лежали слои бересты, лиственничной коры и кустарника. За этой конструкцией, в северной части могильной ямы, на уровне нижнего потолка погребальной камеры размещались 14 лошадей. В могиле, кроме деревянного саркофага, предназначенного для умершего мужчины, обнаружены кафтан из тонкого войлока с капюшоном, головной убор, шелковый кисет, три щита, два столика, части телег, остатки узды и седел с набором украшений, другие предметы.

Пазырык-4. Диаметр насыпи с западиной в центре был 24 м, а высота – 1,5 м. К востоку от кургана располагался ряд вертикально вкопанных камней. На дне могильной ямы у южной стенки стояла погребальная камера в виде сруба из толстых брусьев с полом и бревенчатым потолком, над которым зафиксирована береста и кустарник. В северной части захоронено 14 лошадей. Сохранились укра-

шения узд и седел. Поверх животных лежали бревна в четыре слоя. В погребальной камере найдены два деревянных саркофага с лежащими в них скелетами мужчины и женщины.

Пазырык-5. До раскопок курганная насыпь с западиной в центре имела диаметр 42 м и высоту 3,75 м. По периметру этой надмогильной конструкции, в 2,5–3 м на некотором расстоянии друг от друга, стояли вертикально вкопанные каменные плиты. Кроме того, к ней примыкали каменные выкладки. При выборке заполнения могильной ямы обнаружен трехслойный накат из бревен. На дне стояли один в другом два бревенчатых сруба с полом и бревенчатыми потолками, которые сверху покрывались листами бересты. В деревянном саркофаге находились мумифицированные трупы мужчины и женщины. От действий грабителей содержимое погребальной камеры значительно пострадало. Из оставшихся предметов можно отметить женский головной убор, части деревянных столиков, изделия из войлока и остатки других вещей. В северной части могильной ямы, за срубом, оказались нетронутыми захоронения 9 лошадей. Там же находились комплекты конского снаряжения, повозка-колесница, войлочный шатер, телеги, часть купола переносного жилища с остатками стенок и другие предметы. Наиболее замечательной находкой стал шерстяной ворсовый ковер (Степная полоса..., 1992, с. 168).

V. Каракольский курган под №2 был исследован в 1934 г. Алтайской экспедицией ГИМа (Киселев С.В., 1935; 1949; 1951). Он находился в долине р. Урсул в 2 км южнее с. Туэкта (ныне Онгудайский район Республики Алтай) и имел каменную наброску диаметром 18,5 м, высотой до 1,85 м. На дне могильной ямы стоял сруб из плах, вдоль северной стенки которого располагались уложенные друг на друга убитые лошади. У южной стенки могилы обнаружен скелет молодой женщины, в положении вытянуто на спине, головой на восток и закрытой покрывалом. В этом погребении найден интересный инвентарь, который неоднократно был опубликован (Киселев С.В., 1951; Руденко С.И., 1960; и др.). Судя по материалам кургана, социальное положение погребенной являлось достаточно высоким.

VI. Курота-I. Курган №1 диаметром до 20 м и высотой 1 м был исследован в 1937 г. в долине р. Курота (левый приток Урсула, Онгудайский район Республики Алтай). Погребальная камера располагалась в довольно большой могильной яме и имела сложное перекрытие, под которым находился сруб размерами 4х2,6 м с полом из лиственничной коры. Сопроводительное захоронение двух расчлененных лошадей зафиксировано в восточной части могилы за срубом. Инвентарь представлен железными двухсоставными кольчатыми удилами, остатками седла и других предметов (Киселев С.В., 1951, с. 353–355; Марсадолов Л.С., 1997а, с. 98). Имеющиеся данные свидетельствуют об исследовании на памятнике Курота-I «элитного» погребения скифской эпохи.

VII. Яконур. Большое курганное поле находится в широкой степной долине при слиянии трех речек (Яконур, Бургасты, Имеген) близ с. Яконур (Усть-Канский район Республики Алтай). К скифской эпохе отнесены погребальные объекты, расположенные цепочкой по линии Ю–С. В 1939 г. Алтайской экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством М.П. Грязнова на могильнике Яконур раскопан курган №5, в котором была погребена знатная женщина. Под обширной земляной насыпью, диаметр которой около 25 м, на уровне древней поверхности зафиксировано устроенное широкое ограждение из бревен в два венца, заложенное несколькими рядами камней. Под этим сооружением находилась катакомба в виде глубокой ямы овальной формы с подбоем в западной стенке, где устанавливался большой деревянный саркофаг с телом умершей старой женщины. Хотя могила оказалась ограбленной, все же часть костей сохранила первоначальное положение, судя по которым погребенная укладывалась в вытянутом положении на спине, головой на север. При исследовании кургана были найдены украшения головного убора, вырезанные из листового золота, роговой гребень, железный нож и другие изделия (Грязнов М.П., 1940, с. 17–18). Сведения об описанных выше результатах раскопок кургана носят в

публикации М.П. Грязнова предварительный характер. Конечно же, требуется более полное воспроизведение всех деталей погребального обряда этого оригинального объекта и найденных там вещей, ныне хранящихся в ГЭ (коллекция №1554). Рассмотренный курган №5 из Яконура необычен для «элитных» объектов пазырыкской культуры Алтая. Это дало повод А.С. Суразакову (1989, с. 123) предположить проникновение в среду «пазырыкцев» окружающих их иноплеменников, а М.П. Грязнову (1940, с. 18) высказать версию о возможном брачном союзе с представительницей другого народа.

VIII. Башадар. Горно-Алтайская экспедиция под руководством С.И. Руденко в 1950 г. исследовала два больших кургана (№1 и 2) на могильном поле в урочище Башадар в 1,5 км к северо-западу от с. Кулада (ныне Онгудайский район Республики Алтай) (Руденко С.И., 1960, с. 22–92).

Башадар-1 имел каменную наброску диаметром около 40 м и высотой до 2 м. К востоку от него находился ряд вертикально вкопанных камней. По периферии курганной насыпи были выложены два концентрических кольца из плит и камней. В ходе раскопок выявились и другие особенности сооружения надмогильной конструкции. В южной половине могильной ямы стоял сруб из четырех венцов с потолком. В этой погребальной камере находился деревянный саркофаг с погребенным в нем молодым мужчиной вытянуто на спине, головой на В. Северная часть могильной ямы была предназначена для захоронения 10 убитых лошадей. При исследовании кургана найдены мелкие золотые украшения, фрагменты ткани, берестяной колчан со стрелами, керамические сосуды и другие вещи.

Башадар-2 имел диаметр каменной наброски 58 м и высоту до 2,7 м. Погребальное сооружение имело сложное устройство. В глубокой могильной яме у южной стенки был настлан пол, на который поставлен сруб, покрытый потолком из плотно притесанных бревен. Сверху потолок накрывался черным войлоком. В погребальной камере в двух деревянных саркофагах были захоронены мужчина и женщина. В северной части могильной яме, где дно было застлано берестой, находились останки 14 лошадей, которые, как и умершие люди, оказались потревожены грабителями. Среди обнаруженных вещей отметим остатки двух пар мужской обуви, кожаные ножны, части конского снаряжения, бусы, нашивные бляшки из золота, многочисленные изделия из органических материалов.

В 1985–1986 гг. в урочище Башадар работал Горно-Алтайский отряд ГЭ под руководством Л.С. Марсадолова. В результате этого было проведено дополнительное обследование памятника и раскопана одна из поминальных оградок, находящихся в 100 м от Второго Башадарского кургана (Марсадолов Л.С., 1997б).

IX. Туэкта. Большое могильное поле, на котором хорошо выделяются «царские» курганы, расположено близ одноименного села в долине р. Урсул (Онгудайский район Республики Алтай). В 1935 г. там впервые произвел раскопки С.М. Сергеев. Курган №7 раскапывался Саяно-Алтайской экспедицией ГИМа и АИМКа (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941). Диаметр каменной насыпи этого объекта был около 26 м, а высота – до 1,4 м. В большой и глубокой могиле стенки укреплены кладкой из крупных камней на высоту 1,8 м. В северо-восточной части ямы лежали останки трех убитых лошадей. Погребальная камера для человека в виде сруба стояла в южной части могилы. Курган основательно ограблен, что свидетельствует о находившемся там богатом наборе инвентаря и высоком социальном статусе погребенного.

В 1949 г. с целью обнаружения мерзлоты С.И. Руденко сделал на памятнике разведочные шурфы, а в 1954 г. там был исследован самый значительный по размерам курган №1 (**Туэкта-1**, диаметр насыпи – 68 м, высота – 4,1 м). На дне могильной ямы, ближе к южной стенке, стояла двойная погребальная камера, построенная очень основательно. В ней находился деревянный саркофаг с бальзамированным телом умершего, стол и другие сопроводительные вещи. Убитые лошади размещались у северной стенки могильной ямы. Особенностью этого кургана являлось то, что узды и седла были положены

между северными стенками деревянных камер. Среди изделий, оставшихся после ограбления могилы, стоит отметить обломки серебряного украшения ножен кинжала, остатки одежды и войлочных ковров, щиты. Имеются и другие многочисленные находки. В настоящее время определена абсолютная дата сооружения кургана Туэкта-1 – осень 585 г. до н.э. (Марсадолов Л.С., 1997в, с. 46).

Курган №2 (*Туэкта-2*) располагался к северу от первого и имел диаметр каменной наброски 32 м, высоту 2,6 м. Как и у других подобных объектов, близ него отмечены каменные выкладки в виде колец из вертикально поставленных и вкопанных в землю плит. На дне могильной ямы стояла погребальная камера в виде сруба с полом и потолком, у южной стенки которой находился деревянный саркофаг с телом погребенной женщины головой на восток. От ее одежды сохранились лишь фрагменты. В северной части могилы располагались уложенные один над другим восемь лошадей. Хотя курган в древности ограбили, все же удалось найти значительное число свидетельств культуры населения Алтая скифской эпохи (Руденко С.И., 1960, с. 93–161).

Полученные материалы из «царских» курганов перечисленных выше памятников и их публикация в целом ряде книг на несколько десятилетий закрыли тему исследований погребальных объектов элиты пазырыкского общества. Основное внимание при этом было сконцентрировано на осмыслении имеющихся данных и накоплении сведений о погребениях рядовых представителей горно-алтайских племен скифской эпохи. Тем не менее в ходе археологических изысканий и при проведении раскопок в 1980–1990-е гг. были зафиксированы и исследованы интересные нас объекты. Ниже кратко представим имеющиеся сведения.

Х. Кер-Кечу. Памятник находится на коренной террасе левого берега Катунь, выше устья р. Б. Ильгумень, в 6–7 км к юго-востоку от д. Купчегень Онгудайского района Республики Алтай. В 1983 г. в центральной части долины Кер-Кечу зафиксирован большой курган диаметром 40 м, высотой 2–2,5 м, с западной стороны которого полукругом располагались поминальные выкладки из восьми вертикально поставленных камней (Могильников В.А., 1988, с. 62).

ХI. Талда. В 1985 г. Алтайский отряд ГЭ под руководством Л.С. Марсадолова произвел обследование хорошо известных археологических памятников около пос. Талда в Онгудайском районе. Могильное поле находится севернее указанного села и реки Урсул за трактом, в 0,4 км восточнее р. Талдушки. Здесь зафиксированы курганы и выкладки, каменные изваяния и стелы. Курганы расположены в основном двумя цепочками, вытянутыми с юга на север. В первую, восточную, группу входят два самых больших объекта диаметром более 50 м и высотой до 4–5 м. Рядом с ними находится современное кладбище. Вторая группа также имеет несколько «царских» погребальных объектов (Марсадолов Л.С., 1997б, с. 15–19, рис. 25 и 26).

ХII. Кастахта. На могильнике, который располагается на правом берегу Кастахты (левый приток Катунь) и включает более 60 курганов, есть крупный объект скифской эпохи. Диаметр его каменной насыпи – более 30 м, а высота – до 1,5 м (Степанова Н.Ф., 1987, с. 168, рис. 1).

ХIII. Ак-Алаха-1. Летом 1990 г. Южноалтайским отрядом Североазиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО АН СССР были начаты раскопки в Кош-Агачском районе в Бертекской долине на р. Ак-Алаха, вблизи границы с Китаем, на высоте 2500 м над уровнем моря (Полосьмак Н.В., 1992, с. 26). На могильнике Ак-Алаха-I исследована южная группа археологических объектов, которая включала один большой курган (№1) и примыкающий к нему с севера меньший (№2) поминальный комплекс и отдельное сооружение аналогичного характера (Полосьмак Н.В., 1994, с. 16–17).

Курган №1 имел каменную насыпь диаметром около 18 м и высотой до 0,7 м. Могильная яма располагалась в центре кургана. В ней находился двойной сруб. В северо-восточной части внешней деревянной камеры, где отсутствовало внутримогильное перекрытие, зафиксированы лежащие в два яруса девять лошадей. Внутренний сруб занимал юго-западную часть могилы и был сложен из бревен в пять венцов. Верхняя часть была сплошь покрыта листьями бересты. Перекрытие состояло из плотно подогнанных бревен, а пол – из обработанных плах. Вся камера оказалась заполнена льдом. В ее южной части вплотную друг к другу стояли две большие деревянные колоды, закрытые крышками. В одном из саркофагов погребен мужчина 45–50 лет вытянуто на правом боку, головой на северо-восток, а в другом – девушка. Погребальный инвентарь сохранил свое первоначальное положение и представлял собой значительное число находок различных категорий предметов: вооружение, украшения, одежда, конское снаряжение и другие (Там же, с. 16–60). Значение исследования этого замечательного археологического объекта заключается в том, что он оказался неограбленным и в нем благодаря мерзлоте сохранился наиболее полный набор свидетельств о захоронениях представителей элитной верхушки пазырыкского общества, что позволяет проводить существенный сравнительный анализ, реконструкцию отмеченных элементов погребального обряда и деталей инвентаря ранее исследованных курганов (Полосьмак Н.В., 1994, с. 60–66; 2001, с. 44–59).

XIV. Ак-Алаха-3. Памятник находится в 3 км к востоку от могильника Ак-Алаха-1. Исследован курган диаметром 18 м, высотой около 0,5 м. Прослежена каменная ограда. В могилу оказалось впущено погребение кара-кубинского типа. Основное захоронение совершено в деревянном пятивенцовом срубе с перекрытием, но без пола. Сруб полностью был заполнен льдом. В северной части могилы в два яруса головой на восток лежали шесть лошадей с предметами конского снаряжения. В срубе находилась колода с захоронением женщины (мумифицированное и бальзамированное тело женщины 25 лет). С погребенной был «богатый» инвентарь, сохранившийся во многом благодаря мерзлоте (Полосьмак Н.В., 1994а,б; 1996; 2000; 2001, с. 62–86; Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000).

XV. Кутургунтас. Могильник, состоявший из 5 курганов со следами ограбления, располагается в небольшой горной долине, в месте, где сливаются три реки: Ак-Алаха, Кара-Булак, Ак-Коль. Исследования на памятнике проводились в 1991 г. В результате был раскопан самый большой курган: диаметр каменной насыпи около 27 м, высота – до 0,95 м. К востоку от него находилась цепочка балбалов, а к западу – поминальный комплекс. Особенностью данного кургана являлось наличие бокового хода у восточной стороны могильной ямы. Внутримогильное погребальное сооружение представляло собой двойной сруб. Внутри меньшей камеры на деревянном полу у южной стенки стояла большая деревянная колода – саркофаг, в котором был погребен мужчина. Перекрытия погребальных камер прорублены сверху в результате проникновения грабителей. Северную часть могилы занимали захороненные 10 взнузданных лошадей, уложенных очень плотно головами на восток. Обнаружены также интересные целые изделия и различные фрагменты вещевого комплекса. Материалы о ходе раскопок и полученных результатах археологических исследований опубликованы (Полосьмак Н.В., 1992, с. 35–42; 1994, с. 66–90; 2001, с. 99–107; Молодин В.И., 2000, с. 39–43; и др.).

В заключение данного обзора следует сказать и о тех памятниках Горного Алтая, которые еще не нашли должного отражения в научных публикациях, однако на них также имеются большие курганы скифской эпохи.

XVI. Боочи. Могильное поле расположено на территории достаточно обширной долины у юго-западной окраины с. Боочи Онгудайского района Республики Алтай, на левом берегу Каракола. Этот памятник отделен от следующего подобного комплекса в урочище Башадар естественным горным

выступом. Большие курганы скифской эпохи хорошо видны с шоссе Каракол–Кулада благодаря высоким каменным насыпям.

XVII. Нижняя Соору. Необыкновенно интересный комплекс разновременных археологических объектов (см., например, Илюшин А.М., 1995; Ларин О.В., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф., 1998), среди которых имеются «элитные» курганы скифской эпохи, находится в 3,5 км к юго-востоку от с. Кулада Онгудайского района. Расположение этого памятника в замкнутой живописной межгорной долине – идеальное место для создания музея под открытым небом (Молодин В.И., 2000, с. 31–34).

XVIII. Улита. Могильное поле, на котором имеется около десятка огромных курганов с глубокими воронками в центре каменных насыпей, располагается в 3,5–4,0 км к юго-юго-западу от с. Ело Онгудайского района неподалеку от места впадения р. Улиты в Урсул. Этот памятник уже неоднократно упоминался в научной литературе в связи с проведенными на нем экспедицией Алтайского университета под руководством Ю.Т. Мамадакова раскопками курганов булан-кобинской культуры (Мамадаков Ю.Т., 1990, с. 7, 16) и объекта эпохи бронзы (Цыб С.В., Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф., 1998). Теперь он будет известен еще и как курганная группа с «царскими» погребальными сооружениями скифской эпохи.

Разумеется, что рассматриваемые нами археологические объекты имеются в других местах Алтая. В этой связи необходимо проведение специальной археологической разведки и тщательное обследования подобных памятников, так как они демонстрируют определенную сторону культуры населения пазырыкского времени Алтая (рис. 3.-1) и отражают реальный исторический этап на территории нашей страны.

По имеющимся данным уже сейчас ясно, что основной район, где хоронили людей высокого социального положения пазырыкского общества находится в Центральном Алтае в долине Урсула и его притока р. Каракол (рис. 3.-2). Такая ситуация, на наш взгляд, не случайна, требует более пристального внимания и объяснения. Наша же задача заключалась только в обозначении памятников с «царскими» курганами.

Что же касается результатов раскопок в предгорной зоне, то они требуют специального рассмотрения. Это же относится и к памятникам, находящимся в горных и предгорных районах Алтайского края, где в последнее время обнаружены и исследованы курганы со своеобразными чертами погребального обряда (см., например, Шульга П.И., 1997, с. 336–342). Несомненно, что указанные территории входили в круг политических и хозяйственных интересов «пазырыкцев», однако это были периферийные зоны их обитания. Там же проходила естественная граница разных природных ландшафтов и территорий распространения других племен. Имеющиеся погребальные комплексы, исследованные в этой контактной зоне, нами все же будут использованы в ходе дальнейшего рассмотрения привлекаемого материала.

1.2. ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ АЛТАЕ (рис. 4)

При изложении подготовленной информации о раскопках на Алтае погребально-поминальных объектов рядовых представителей населения скифской эпохи мы для удобства восприятия материалов учитывали современную административную привязку, хронологический порядок проведенных исследований и время введения материалов в научный оборот. В связи с этим, приведенные данные о результатах работ отражены в рамках обозначенных регионов по районам Республики Алтай.

КОШ-АГАЧСКИЙ РАЙОН

1. Курай-II. Памятник находится близ с. Курай. В 1935 г. раскопан один курган, в могильной яме которого обнаружен двойной одновенцовый сруб из бревен, перекрытый сверху плахами. Во внутренней камере были погребены три человека, во внешнем срубе уложены три лошади, ориентированные головами на восток. Из погребального инвентаря найдены железные удила, обломки железного ножа, фрагменты керамического сосуда с наклепными валиками, листовое золото (Киселев С.В., 1951, с. 352–353).

2. Курай-V. Памятник находится близ с. Курай. В 1935 г. был раскопан один курган, диаметр насыпи которого 7 м. В могиле находился бревенчатый сруб в один венец с потолком из досок и полом. В нем погребены мужчина и две женщины. В северной части ямы на приступке обнаружен скелет лошади. Кости второго животного были разбросаны грабителями. Из находок зафиксированы обломки железных предметов, деревянные скульптурки, фрагменты золотой фольги (Киселев С.В., 1951, с. 328).

3. Аргут-I. Памятник находится в 7 км к западу от пос. Джазатор. В 1964 г. раскопано 5 курганов. Размеры насыпей от 4 до 10,5 м. В срубах из нескольких венцов находились одиночные или парные захоронения. Умерших укладывали слегка в скорченном состоянии на правый бок, головой на восток. В северной части могилы за срубом, на приступке, укладывались лошади. Из инвентаря найдены железные и бронзовые ножи, бронзовые зеркала, кинжал, глиняные сосуды и другие предметы (Сорокин С.С., 1966, с. 94–95; 1969, с. 75, 79–88). С.С. Сорокин (1969) датировал могильник V–III вв. до н.э., А.С. Суразakov (1989) сузил хронологические рамки до 2-й половины IV вв. до н.э. – рубежа IV–III вв. до н.э., а Л.С. Марсадолов, (1996, с. 57) относит этот памятник к V–IV вв. до н.э.

4. Кок-Су-I. Памятник находится на правой надпойменной террасе р. Кок-Су, примерно в 6 км от ее слияния с Аргутом. Раскопано 17 объектов с диаметром насыпей от 9 до 13 м. Более половины курганов были обрамлены кольцами из крупных камней в основании насыпей. Умерших людей хоронили в срубах (из 2–4 венцов), поставленных в могильную яму. Лишь в одном кургане не было деревянного сооружения. Погребальные камеры сверху перекрывались бревнами и дважды – камнями. Ориентация умерших была обычно головой на восток (с небольшим отклонением к северу), но дважды зафиксирован западный показатель. Положение – на спине со слегка приподнятыми ногами, на правом и в одном случае на левом боку. Лошадь в могилу укладывали у северной стенки на приступку. В захоронениях найден разнообразный инвентарь – предметы конского снаряжения, глиняная посуда, оружие и т.д. Памятник датирован концом VI – началом IV вв. до н.э. (Сорокин С.С., 1974, с. 62–91).

5–12. Уландрык-I–V и Ташанта-I–III. В долине р. Уландрык и у пос. Ташанта раскопаны 42 кургана пазырыкского времени, которые сопровождалась балбалами и поминальными. Диаметр насыпей курганов от 1,8 до 15 м, а у кургана 1 могильника Ташанта-I – 25 м. Захоронения людей совершались в срубах, в колодах (трижды) и каменном ящике. Срубы сооружались из массивных плах или даже целых лиственничных бревен и только в одном случае – из тонких жердей. Конструкции прямоугольной формы. Длинной осью они, как правило, ориентированы по линии 3–В. Большинство срубов сооружены в «обло с остатком» (лишь в одном случае – «в лапу») в два, три или четыре венца. Внутри деревянных погребальных камер настилался пол, а сверху они перекрывались плахами. Зафиксирована промазка глиной пазов и щелей. Умерших укладывали на правый бок, головой на восток (реже – на левый бок и головой на запад). В двух курганах обнаружены кенотафы. Сопроводительные захоронения лошадей зафиксированы в 55% раскопанных курганов. Животные размещались в северных половинах могил. У некоторых могильных сооружений Уландрыка отмечено наличие остатков вертикально стоявших дере-

вянных шестов. Часть погребальных камер исследованных курганов оказалась заполнена льдом, что способствовало сохранению большого количества различных изделий. Объекты памятников Уландрык-I (к. 2, 5, 7) и Уландрык-III (к. 1) датированы В.Д. Кубаревым (1987) V–IV вв. до н.э., Уландрык-I (к. 3, 6, 12), Уландрык-II (к. 7, 8), Уландрык-III (к. 3, 4), Уландрык-IV, Ташанта-I (к. 1), Ташанта-II (к. 2) – III в. до н.э., а Уландрык-II (к.5) – II–I вв. до н.э.

13–16. Узунтал-I, III, V, VI. Восточнее пос. Кокоря в долине р. Узунтал раскопано 10 курганов пазырыкского времени с диаметром насыпей от 6,5 до 11 м. На дне могильных ям находились деревянные срубы из лиственничных стволов, срубленные «с остатком» в два-три венца. Выделяются несколько типов захоронений: 1) парные и коллективные погребения 3–4 человек в срубах с положением умерших на правом боку, головой на юго-восток с сопроводительным захоронением лошади на приступке у северо-восточной стороны могилы; 2) коллективные погребения с положением погребенных, у которых под головами лежали каменные «подушки», на левом боку, с ориентацией на запад, без сопроводительных захоронений лошадей; 3) погребения одиночные или с ребенком на правом боку, головой на северо-запад, иногда с сопроводительным захоронением лошади, которая ориентирована на юго-восток; 4) с положением погребенных на правом боку, головой на юго-восток с сопроводительным захоронением лошадей. Обнаружено 10 бронзовых кинжалов, зеркала, украшения конского снаряжения, глиняные сосуды и другие предметы, которые хранятся в ГАРКМе. Могильник Узунтал-III (к. 3, 5) датирован II–I вв. до н.э., а остальные объекты указанных памятников – V–IV вв. до н.э. (Савинов Д.Г., 1978, с. 48–55; 1986, с. 10–13; 1993, с. 4–18, рис. 1–11; и др.).

17. Кызыл-Джар-I. Могильник находится в 7–8 км от д. Бельтир в урочище Кызыл-Джар. В 1977 г. раскопано 10 курганов, расположенных цепочками по линии Ю–С. У некоторых погребальных объектов с западной стороны находились поминальники в виде выкладок или колец из восьми вертикально поставленных камней, а с восточной стороны располагались балбалы. Размеры курганов от 5,5 до 12 м в диаметре. По краям насыпей зафиксированы крупные камни. Захоронения совершены в срубах, сооруженных из бревен («в лапу») в 1–3 венца. Пол этих камер был выстлан досками или корой, а перекрытие делалось из плах и бревен. В одном кургане обнаружено захоронение лошади, уложенной у северной стенки могильной ямы на ступеньке, головой на восток. Погребенные люди лежали на спине или на правом боку с подогнутыми ногами, головой на восток. Инвентарь составляли глиняные сосуды, овальные деревянные блюда, бронзовые и железные ножи, бронзовые гривны, бляшки, чеканы, колчан, наконечники стрел, золотая серьга, бусы, кинжалы, кожаные пояса, зеркала и другие предметы (Могильников В.А., 1983, с. 3–39). Исследованные объекты памятника В.А. Могильников датировал концом V – началом III вв. до н.э., скорее всего, IV вв. до н.э., А.С. Суразаков (1989, с. 94) – IV в. до н.э., а время сооружения кургана №13 определил рубежом IV–III вв. до н.э.

18. Кызыл-Джар-II. На памятнике в 1977 г. раскопано три кургана с диаметром насыпей от 3 до 6 м, располагавшихся цепочкой по линии Ю–С. Курган №1 разграблен. Могила на уровне горизонта была перекрыта плитами. Погребен мужчина, уложенный на спину, головой на запад–юго-запад. В курганах №2 и 3 по периметру насыпей прослежено кольцо из крупных камней. К кургану №3 примыкала прямоугольно овальная оградка из крупных валунов, размерами 2,8х2,4 м, в которой находилось захоронение в каменном ящике, помещенном в могилу глубиной 0,6 м от уровня материка. В ящике была установлена колода. В этих курганах похоронены дети: один в каменном ящике – на правом боку с согнутыми в коленях ногами, другой в колоде – вытянуто на спине, головой на восток. Обнаруженный инвентарь – деревянная чаша, овальное деревянное блюдо на четырех ножках с позвонками барана и бронзовый нож. Памятник датирован IV–III вв. до н.э. (Могильников В.А., 1983, с. 40–42).

19. Кызыл-Джар-III. На памятнике раскопано 8 курганов, расположенных попарно. Диаметр насыпей от 3,5 до 8,5 м. По краю насыпей прослежены кольца из крупных камней. Захоронения совершались в каменных ящиках и в двухвенцовых срубках из бревен и с бревенчатым перекрытием. В одном кургане с каменным ящиком зафиксировано захоронение человека с конем. Женщина была уложена вытянуто на спину со слегка подогнутыми ногами, головой на запад. Ориентация умерших различна. В двух курганах они лежали головой на восток. Инвентарь представлен глиняными сосудами, овальными деревянными блюдами, бронзовым ножом, поясным крючком, костяными наконечниками стрел, чеканом и другими предметами. В.А. Могильниковым (1983, с. 43–49) исследованные объекты памятника датированы концом V–III вв. до н.э., а наиболее вероятно, IV – 1-й половиной III вв. до н.э. А.С. Суразаков (1989, с. 97) в целом соглашается с таким определением, но, по его мнению, нижнюю границу следует считать ближе к рубежу IV–III вв. до н.э.

20. Кызыл-Джар-IV. На памятнике раскопано три кургана. Размеры насыпей от 9 до 11 м в диаметре. Одиночные захоронения совершены в каменных ящиках, где погребенные были уложены на спину, на правый или левый бок с подогнутыми ногами, головой на запад или восток. Инвентарь составляли овальные деревянные блюда, бусы, серьга, золотая бляшка. Исследованные В.А. Могильниковым (1983, с. 49–52) объекты датированы IV–II вв. до н.э. или, скорее, концом IV–III вв. до н.э., а А.С. Суразаков (1989, с. 97) определил время сооружения курганов 2-й половиной IV вв. до н.э.

21. Кызыл-Джар-V. На памятнике раскопано четыре кургана, насыпи которых были диаметром от 7 до 8,7 м. Захоронения людей находились в глубоких ямах, где погребальными камерами являлись деревянные срубы в два венца, срубленные «в лапу», или каменные ящики. В кургане №1 захоронение женщины 50 лет было совершено в подбое. Инвентарь в этом погребении представлен глиняным сосудом, деревянным блюдом с бронзовым ножом, железной булавкой, сердоликовыми бусами, серьгой. Положение умерших – слегка скорченное, на правом боку, головой на восток. В целом инвентарь составляли овальные деревянные блюда с позвонками барана, бронзовые ножи, остатки колчанов со стрелами, бронзовые крючки, чеканы, кинжалы, серьга, гривна, зеркала, глиняные сосуды и другие предметы. В.А. Могильников (1983, с. 57) исследованные объекты датировал так: V–III вв. до н.э., скорее, IV–III вв. до н.э., может быть, ближе к III в. до н.э. А.С. Суразаков (1989, с. 94–97) определил время сооружения памятника 2-й половиной IV в. до н.э., а Л.С. Марсадолов (1996, с. 57) «ряд «цепочек» курганов на могильном поле Кызыл-Джар» отнес к числу объектов V–IV вв. до н.э.

22. Кызыл-Джар-VIII. Могильник находится в 7–8 км от д. Бельтир в урочище Кызыл-Джар. В 1977 г. раскопано два кургана, расположенных цепочкой по линии Ю–С. Диаметр насыпей 6–8 м. В первом кургане был сруб в два венца, перекрытый бревнами. В другом обнаружен каменный ящик или скорее каменная обкладка стенок могилы. Во втором кургане имелось захоронение лошади, уложенной у северной стенки могильной ямы на ступеньке, головой на восток. Положение погребенных – на спине или правом боку с подогнутыми ногами, головой на восток. Инвентарь представлен бронзовыми кольчатыми удилами, обломками костяных псалий, костяными пронизями, пряжкой от чумбура и другими предметами (Могильников В.А., 1983, с. 3–39). А.С. Суразаковым (1989, с. 85) могильник датирован концом VI – V вв. до н.э.

23–25. Барбургазы-I, II и Малталу-IV. В 1975, 1978, 1980 гг. в долине рек Барбургазы и Бугу-зун исследовано более 50 погребальных комплексов. С восточной стороны некоторых насыпей находились балбалы. Поминальные выкладки сопровождали все курганы с западной стороны. Диаметр насыпей от 3 до 10 м. Погребения людей совершались в срубках или в каменных ящиках (12), очень редко в колодах. В каменных ящиках дно выложено плитками, иногда досками. Срубы прямоугольной формы,

собирались из массивных плах или даже целых лиственничных бревен. Большинство конструкций сложены в «обло с остатком» в два-три венца, а в детских погребениях – в один венец из четырех плах. Срубы перекрывались плахами и камнями. В отдельных случаях полы закрывали всю площадь сруба в продольном направлении. Но более распространенным способом было сооружение в южной половине специального помоста или ложа. Захоронения коней зафиксированы в 31% раскопанных курганов. Умерших людей обычно укладывали на правый бок с подогнутыми ногами, головой на восток (реже – на левый бок и головой на запад). Один из исследованных погребальных объектов – кенотаф. Могильник Барбургазы-I в целом датирован IV–III вв. до н.э. Курганы №2, 13, 26 могут быть отнесены к V в. до н.э., а объекты №14, 17–18, 21, 23, 25 – к IV–III вв. до н.э. На могильнике Малталу-IV курганы №3, 9, 18–19, 25 датированы IV в. до н.э., а основная масса – III–II вв. до н.э. Материалы раскопок курганов на указанных памятниках полностью опубликованы в монографии В.Д. Кубарева (1992).

26–32. Юстыд-I, III, XII, XIII, XXII и Джолин-I, II. С 1976 г. на указанных памятниках в долине р. Юстыд исследовано 44 погребальных комплекса (Кубарев В.Д., 1991). Ряды вертикально поставленных камней с восточной стороны насыпей сохранились у девяти курганов. Поминальные выкладки сопровождали все исследованные погребальные объекты. Диаметр насыпей курганов от 4 до 13 м. Захоронения людей совершались в срубах, а также в колодах (3) или каменных ящиках (5). Срубы прямоугольной формы сооружены «в обло с остатком» в два-три венца (для погребений детей – в один венец), были перекрыты плахами и камнями, в них настилались полы. Умерших людей укладывали на правый бок с подогнутыми ногами, головой на восток (реже – на левый бок, головой на запад или северо-запад). Один из объектов оказался кенотафом (Джолин-II). В нем был сруб. В 43% от общего числа раскопанных курганов в могиле с погребенными людьми находились сопроводительные захоронения лошадей. В подавляющем большинстве подобные случаи зафиксированы на могильнике Юстыд-XII. В исследованных объектах найдено огромное количество предметов материальной культуры «пазырыкцев». Курганы №21–23 могильника Юстыд-XII датированы IV вв. до н.э., курганы №3–4, 7–12, 15–16, 18–20, 25–27 – V–IV вв. до н.э., курган №17 – III–II вв. до н.э. Могильники Юстыд-I, III и XXII, Джолин-I, II отнесены к IV–III вв. до н.э. и даже к более позднему времени (Кубарев В.Д., 1991, с. 133–134).

33. Елангашский могильник. На памятнике раскопано два кургана, диаметры насыпей которых были 4–6 м. В одном погребен ребенок, уложенный в колоде на правый бок с подогнутыми ногами, головой на восток. В северном углу могилы находилось четыре козьих черепа. В другом кургане ребенок лежал на деревянном настиле, головой на запад, а сверху это погребение перекрывалось плахами. Инвентарь представлен глиняным сосудом с поддоном, железным ножом, бронзовой пуговицей, золотой фольгой с оттисками рогов козерога и т.д. Курганы датированы IV–II вв. до н.э. (Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В., 1979, с. 70–72).

34. Ирбисту-II. В 1979 г. экспедицией ГАНИИИЯЛа раскопана каменная вымостка и курган диаметром 4,5 м, на дне могилы которого находился сруб в один венец, перекрытый бревнами. В нем погребен взрослый человек, уложенный на правый бок, головой на восток. Из инвентаря найдены фрагменты глиняного кувшина и позвонки овцы (Суразаков А.С., 1982, с. 131–132).

35. Талдура-I. Памятник расположен в 5–6 км на запад от д. Бельтир. Раскопано 4 кургана, возле которых находились поминальники и балбалы. Диаметры насыпей 5–6 м. Погребения людей устроены в одно- и трехвенцовых срубах или каменных ящиках. Есть сопроводительные захоронения лошадей. Умерший из кургана №4 был уложен на правый бок, головой на восток. Инвентарь составляют бронзовые ножи, золотые бляшки, бронзовые удила с костяными двудырчатыми псалиями, костяные пронизки, детали узды и седла, золотая проволоочная серьга, деревянная гривна, бронзовый крючок,

вток, обоймы, глиняный сосуд. В.А. Могильниковым и В.Н. Елиным (1982, с. 103–109) памятник датирован около VI–V вв. до н.э., скорее всего, 2-й половиной VI – 1-й половиной IV вв. до н.э. Л.С. Марсадолов (1996, с. 57) ограничивает время сооружения памятника 2-й половиной VI – 1-й половиной V вв. до н.э.

36. Талдура-II. Памятник находится на правом берегу Талдуры в 5–6 км от д. Бельтир. Курганная группа представляет собой три параллельные цепочки, размещенные по линии Ю–С. Рядом с погребальными объектами пазырыкского времени располагаются поминальники и балбалы. Раскопано четыре объекта. Могильная яма была только в одном кургане. Погребение ограблено. На дне могильной ямы обнаружен сруб в два венца, перекрытый плахами. Возможно, это был кенотаф (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 132–136).

37. Бураты-I. Памятник находится на левом берегу Бураты. Он состоял из 4 каменных насыпей, округлых в плане, диаметром 8–10 м. Объекты располагались цепочкой по линии Ю–С. С западной стороны находились «поминальные» кольца-курганчики диаметром 3–4 м. В 1981 г. был раскопан один курган. Насыпь представляла каменную наброску из валунов диаметром 8,6 м. На дне могильной ямы находился лиственничный сруб в два венца, рубленный «в обло с остатком». Приподнятый на камнях пол выстлан досками. Сруб ориентирован по странам света. В южной части этого сооружения располагался костяк женщины, уложенной на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на северо-восток. Инвентарь представлен глиняным сосудом, бронзовым зеркалом, железным ножом, позвонками овцы. В.Д. Кубаревым и В.А. Кочеевым (1983, с. 90–91, 94) памятник датирован III–II вв. до н.э., а Л.С. Марсадоловым (1996, с. 57) – IV–III вв. до н.э.

38. Бураты-IV. Памятник находится на правом берегу Бураты. Он состоял из 12 курганов, располагавшихся цепочкой по линии Ю–С. Диаметр насыпей 7–12 м. Рядом с некоторыми из них находились поминальные выкладки и балбалы. Курганы соединены между собой рядами валунов. В 1981 г. были раскопаны три объекта, один из которых не имел насыпи вообще. Над могилой фиксировалась западина. Одновенцовый сруб был перекрыт небольшими лиственничными плахами и жердями. На полу прослежен тлен от дощатого настила. Погребены две женщины и ребенок, уложенные на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. Диаметр двух других курганов 8,5–11 м. Умершие погребены в двухвенцовых срубах с настилом из досок и перекрытиями. Погребенные были уложены на правый бок, головой на восток. В некоторых случаях отмечено сопроводительное захоронение лошадей в северной части могилы. Инвентарь представлен сосудами, железными ножами, колчаном, бронзовыми зеркалами, железными удилами, подпружной пряжкой и другими предметами. В.Д. Кубаревым и В.А. Кочеевым (1983, с. 90–108) памятник датирован III–II вв. до н.э., а Л.С. Марсадоловым (1996, с. 57) – IV–III вв. до н.э.

39. Кош-Тал-I. В 1982 г. на памятнике раскопано 9 курганов. Погребения людей совершены в срубах (по 2–3 венца), сверху которых зафиксированы перекрытия, а внутри – погребальные лежа из тонких досок. В некоторых случаях имелись сопроводительные захоронения лошадей на приступках. Умерший человек укладывался на правый бок, головой на восток. Один объект оказался кенотафом. Инвентарь представлен глиняными сосудами, оружием, зеркалами, предметами конского снаряжения и другими изделиями. Памятник датирован III в. до н.э. (Суразаков А.С., 1993, с. 25–45).

40. В 1983 г. в междуречье Тете и Актру Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР вскрыто 9 курганов. Следует отметить западную ориентацию всех погребенных, незначительное количество погребального инвентаря и отсутствие сопроводительных захоронений лошадей (Кубарев В.Д., 1985, с. 215–216).

41. Мухор-Тархата-I. Памятник находится в 16 км к югу от одноименного села. В 1991 г. экспедицией Центра археологических исследований, наряду с другими объектами, раскопан курган №4, который с большой долей вероятности можно отнести к пазырыкскому времени. Под каменной насыпью прослежено кольцо валунов, а в могиле обнаружено ограбленное погребение. Найдены просверленные костяные подвески, бронзовый нож, костяная пластина, бронзовая серьга (Ларин О.В., Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 61–62, рис. 4–6).

42. Кызыл-Таш. Памятник находится в 4 км к северо-востоку от с. Курай на правом берегу Кызыл-Таша. В 1994 г. в ходе совместных алтайско-монгольских исследований археологической экспедицией ГАГУ раскопано 6 курганов скифской эпохи. Сооружения располагались цепочкой в меридиональном направлении. В могильных ямах находились разные погребальные конструкции (каменный ящик с каменным перекрытием, комбинированный каменно-деревянный ящик с дощатым перекрытием, деревянное ложе и в одном случае без конструкции вообще). В двух могилах погребенные лежали вытянуто на спине, головой на восток, а в остальных их не было. В пяти курганах обнаружены черепа животных от 2 до 7 шт. Предметы сопроводительного инвентаря представлены костяными подпружными пряжками, бронзовыми ножами, костяными наконечниками стрел и другими предметами. Памятник датирован IV–III вв. до н.э. (Соенов В.И., Эбель А.В., 1998, с. 88–97).

43. В 1996–1997 гг. комплексная бельгийская экспедиция вместе с археологами и студентами ГАГУ проводила исследования в долине р. **Себыстей**, где зафиксировано более 300 различных сооружений. В ходе работ было раскопано два кургана из цепочки восьми таких объектов с диаметром насыпей 10–11 м, расположенных по линии Ю–С. Погребальная камера одного объекта сконструирована из дерева, имела пол и перекрытие. В ней находился потревоженный грабителями скелет мужчины 24–30 лет, который был уложен на левый бок. В другой могиле под перекрытием находился деревянный саркофаг (колода из цельного ствола лиственницы), в котором лежали кости маленького ребенка. Вещевой комплекс представлен немногочисленными изделиями. Дендрохронологическим методом получена дата сооружения второго объекта – приблизительно 490 г. до н.э. (Каммарт Л., Хюле В.В., Буржуа И., Микелсен Я.Х., 1998, с. 235–239).

44. Бертек-I. Памятник расположен в 1,7 км к северу от населенного пункта (н.п.) Бертек на берегу Ак-Алаха. В 1991 г. раскопан курган №1 диаметром 13 м, под насыпью которого зафиксировано кольцо из крупных камней и найдены круглые жернова. В могильной яме под бревенчатым перекрытием находилось погребение человека в деревянной раме. Умерший лежал на полу, выложенном мелкими гальками, в скорченном положении с подогнутыми ногами, на правом боку, головой на восток. Лошадь располагалась вдоль северной стенки могильной ямы за деревянной конструкцией. Кроме керамического сосуда, стоявшего у головы погребенного, обнаружен железный и бронзовый ножи, удила, чекан (Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994, с. 60–70).

45. Бертек-10. Памятник расположен в 2,3 км к северо-северо-западу от н.п. Бертек, в 200 м к югу от р. Ак-Алаха. В 1991 г. раскопан курган №1 диаметром 14 м, с восточной стороны которого стоял ряд вертикально вкопанных камней-балбалов, а к западу находились кольцевые выкладки. Насыпь была сложена из валунов. По ее окружности прослежено кольцо из камней и найдена плита зернотерки. Над захоронением лошади, уложенной у северной стенки могильной ямы, сохранились остатки перекрытия. Умерший пожилой мужчина лежал в раме, закрытой тонкими плахами, на правом боку, головой на восток. Инвентарь представлен фрагментами глиняного сосуда, наконечниками стрел, крюком, кинжалом и другими предметами (Молодин В.И., Мыльников В.П., 1994, с. 70–76).

46. Бертек-12. Памятник представлял собой одиночный курган диаметром 11 м, рядом с которым находился ряд камней-балбалов. Захоронение взрослого человека и ребенка совершено в каменном ящике, который сверху еще был перекрыт плахами и плитами. Умерший мужчина 20–25 лет положен на левый бок с подогнутыми ногами, головой на запад. Сопроводительный инвентарь беден (Молодин В.И., Мыльников В.П., 1994, с. 76–88).

47. Бертек-27. Памятник находится в 1,4 км к северу от н.п. Бертек на левом берегу Ак-Алахи. Раскопан курган №1. В его насыпи размерами 14х12 м по периметру зафиксировано сплошное кольцо, сложенное из крупных галечных формаций. Деревянное прямоугольное сооружение, напоминающее сруб с дощатым полом, находилось в могильной яме и было перекрыто бревнами. На приступке у северной стенки могилы – захоронение лошади. Погребенный пожилой мужчина лежал на подстилке из тонких веток кустарника на левом боку с подогнутыми ногами, головой на запад (Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994, с. 88–94).

Могильники Бертек-1, 10, 12, 27 датированы V–III вв. до н.э. (Полосьмак Н.В., 1994, с. 141).

48. Мойнак-2. В 1992 г. Западносибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАиЭ СО РАН совместно с исследователями Брюссельского королевского музея искусств и истории (Бельгия) раскопано два объекта, расположенных на плоскогорье Укок в небольшой долине Мойнак на берегу проточного озера, на коренной террасе левого берега Ак-Алахи. Под каменными насыпями курганов (диаметрами 9,4 и 9,5 м) зафиксированы ограды, в центре которых размещались могильные ямы с погребальными камерами в виде каменного ящика и деревянного сруба в два венца. Умершие (мужчины 40–45 и 40–50 лет) были уложены на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. В курганах обнаружен такой инвентарь: фрагменты войлочного головного убора, глиняный сосуд, остатки деревянных чаш и блюда, железные и бронзовые ножи, костяные наконечники стрел (Молодин В.И., Каен–Делайте А. и др., 1993, с. 21–49; Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000, с. 72–73).

49. Кальджин-1. Одиночный курган с диаметром насыпи 11 м располагался на плоскогорье Укок. В ходе раскопок выявлена каменная ограда. В погребальной камере был установлен деревянный сруб с перекрытием и полом. Похоронен ребенок трех лет. Он лежал на левом боку в скорченном положении, головой на северо-запад. Из инвентаря найдены глиняный сосуд, бронзовые кинжал и кевец, деревянный гребень (Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000, с. 79–81).

50. Кальджин-6. В 1993 г. Западносибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАиЭ СО РАН исследовано два кургана (№23 и №24) пазырыкского времени, расположенные в долине р. Ак-Алаха. Надмогильные сооружения в виде уплощенных конструкций диаметром 8,8 и 10 м имели ограды из крупных валунов. В могильных ямах обнаружены бревенчатые срубы с перекрытиями. В кургане №24 в четырехвенцовом срубе с полом и перекрытием умершую женщину, уложенную на правый бок, скорченно и головой на восток, сопровождало захоронение лошади. В этом же объекте зафиксировано впускное погребение кара-кобинского типа. Погребенные дети в кургане №23 лежали на левом боку в скорченном положении и были ориентированы головой на юго-запад. Обнаружен следующий инвентарь: глиняные сосуды, железные ножи, бусы, подвески, бронзовые зеркала, чекан, золотая серьга и другие предметы (Молодин В.И., Новиков А.В., 1994, с. 33–35; Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000, с. 81).

51. Верх-Кальджин-1. Одиночный курган с диаметром насыпи более 13 м. Надмогильная конструкция напоминала в плане шестиугольник. В ней выявлена каменная ограда. На дне могилы сооружен бревенчатый трехвенцовый сруб с полом и перекрытием. С севера к нему примыкала деревянная конструкция, в которой находилась захороненная лошадь. В погребальной камере обнаружен скелет женщины 35–40 лет, которая была уложена на правый бок в слабо скорченном положении, головой на

восток. Инвентарь – глиняный сосуд, остатки деревянного блюда, железные удила, деревянные псалии, подпружный ремень с костяной пряжкой, деревянные подвески, рукоять плети и другие предметы (Молодин В.И., 2000; Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000, с. 73–77).

52. Верх-Кальджин-II. В 1994–1995 гг. проведены исследования цепочки из трех курганов с мерзлотой. Памятник расположен на высокогорном плато Укок. Насыпи курганов были в форме многоугольников, а сооружение №3 представляло собой разомкнутое кольцо. Погребенные находились в трехвенцовых срубах из бревен с перекрытием, но без пола, и лежали на ложе-кровати или деревянном помосте, скорченно на правом боку, головой на северо-восток и восток–северо-восток. В двух могилах имелись сопроводительные захоронения лошадей. Инвентарь – деревянные гривны, железные кинжалы, колчаны, деревянное зеркало, костяной гребень, деревянные стрелы, деревянное блюдо, войлочное седло, удила и набор деревянных украшений узды, глиняные сосуды и другие предметы. Благодаря мерзлоте сохранились меховые полушубок и шуба, войлочные сапоги и шлем. Особенности инвентаря исследованных сооружений позволили отнести рассматриваемый памятник к завершающей стадии пазырыкской культуры (Молодин В.И., 1995а, с. 292–293; 1995б, с. 87–89; Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000, с. 77).

53. Ак-Алаха-1. Летом 1990 г. были начаты раскопки в Бертекской долине на р. Ак-Алаха. Как ранее сообщалось, на могильнике Ак-Алаха-1 исследована южная группа археологических объектов, которая включала один большой курган (№1) и примыкающий к нему с севера меньший (№2), поминальный комплекс и отдельное сооружение аналогичного характера. Курган №2 с каменной насыпью диаметром 11 м и высотой около 0,4 м был исследован в 1992 г. В могильной яме под первым перекрытием из бревен, вдоль северной стенки на специальной ступеньке, обнаружено захоронение лошади. На дне стоял небольшой деревянный сруб, в котором был погребен ребенок, уложенный на правый бок, головой на северо-восток. Зафиксированный погребальный инвентарь и расположение данного объекта свидетельствуют о принадлежности погребенного к знатной семье (Полосьмак Н.В., 1992, с. 26; 1994, с. 16–17; 2001, с. 59–62; Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000; и др.).

54. Ак-Алаха-5. Исследовано пять курганов с каменными насыпями диаметром 6–14 м. Во всех объектах выявлены каменные ограды. Захоронения совершены в срубах (от одного до трех венцов), большинство которых имели пол и перекрытие. Погребенные были уложены на правый бок, головой на восток (за исключением парного захоронения из кургана №3, где мужчина и женщина находились на левом боку). Во всех исследованных объектах, кроме кургана №2 с умершим ребенком, были сопроводительные захоронения лошадей. В могилах найдены глиняные сосуды, фрагменты одежды, головных уборов, деревянные блюда с остатками пищи, предметы конского снаряжения и другой инвентарь (Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000, с. 77–79; Полосьмак Н.В., 2001, с. 86–99).

55. Каратас-11. На памятнике исследован наиболее крупный курган. Диаметр насыпи 17 м. Лошадь обнаружена у восточной стенки могилы, на специальной ступеньке. Она была уложена головой на юго-восток. Остатки деревянной конструкции, обнаруженной на дне ямы, напоминают раму с перекрытием. Захоронение нарушено. Первоначально умерший мог быть ориентирован головой на юго-восток. Сопроводительный инвентарь представлен фрагментами глиняного сосуда, обломками железного кельца, железным кинжалом, бронзовой серьгой и мелкими фрагментами золотой фольги (Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000, с. 81).

56. Кальджин-8. К пазырыкской эпохе относится курган №2 с насыпью диаметром 10 м, сложенной из валунов, и каменной оградой. На дне могильной ямы находился двухвенцовый сруб с полом и

перекрытием. Мужчина 40–50 лет был уложен на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на восток–северо-восток. Из инвентаря найдены глиняный сосуд, железный нож, бусина, позвонки овцы (Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000).

57. Чичке-I. Памятник находится в урочище Чичке, в 13 км к юго-западу от с. Курай. Исследования проведены в 1983 г. К скифскому времени достоверно относятся два кургана. Диаметры насыпей 8–8,4 м. Захоронения ограблены. Из вещей найдены бронзовое зеркало, фрагменты глиняных сосудов, бронзовый миниатюрный чекан. Памятник датирован V–IV вв. до н.э. (Мамадаков Ю.Т., Марсадолов Л.С., Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Демин М.А., 1999, с. 111–123).

58. Чичке-II. Памятник находится в урочище Чичке, в 11 км к юго-западу от с. Курай. Исследования двух курганов интересующего нас времени также проведены в 1983 г. Диаметры насыпей – 8–8,5 м. Отмечены два типа захоронений: по пазырыкскому и по саглынскому обряду. В кургане №3 погребенный подросток лежал в подпрямоугольном деревянном срубе в вытянутом положении и был ориентирован головой на восток. В северной части могилы зафиксирована «ступенька» для захоронения лошади. Найден сосуд кувшинообразной формы. В кургане №5 два подростка были погребены в подквадратном деревянном срубе и лежали с подогнутыми ногами, головой на запад. Памятник датирован V в. до н.э. (Мамадаков Ю.Т., Марсадолов Л.С., Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Демин М.А., 1999, с. 111–123).

УЛАГАНСКИЙ РАЙОН

59. Арагол. Памятник находится в 5 км от Пазырыкских курганов на правом берегу Большого Улагана в небольшом урочище. В 1929 г. около устья Арагола раскопано три кургана скифской эпохи. Насыпи имели диаметры 5–12 м. В могильной яме одного из них (№5) в южной половине размещался деревянный сруб из плах. Погребенный там мужчина находился в вытянутом положении на спине со слегка подогнутыми ногами, головой на восток. В области черепа зафиксированы бронзовый нож и позвонки овцы. Аналогичный набор лежал у южной стенки сруба. Обнаружены золотая серьга, бронзовые кинжал, чекан и другие изделия. У северной стенки могилы лежали один над другим два скелета лошадей со снаряжением верхового коня. Подобный погребальный обряд отмечен в кургане №6, но умерших людей было двое, а взнузданные лошади лежали одна за другой. В объекте под №7 захоронение оказалось разграблено, костей животных не обнаружено, попадались лишь части скелета ребенка. Материалы раскопок Арагольских курганов полностью опубликованы Л.С. Марсадоловым (1997). По датировке могильника Арагол мнения исследователей расходятся. С.И. Руденко (1960, с. 14–16, 336) датировал его серединой VI в. до н.э., А.С. Суразаков (1989, с. 99) – IV в. до н.э., а Л.С. Марсадолов (1996, с. 56; 1997, с. 19–20, рис. 15–16) – VI в. до н.э. (580–500 гг. до н.э.).

60. Пазырык. В 1949 г. раскопаны три малых кургана с западинами. Насыпь кургана №6 была диаметром 14–15 м, высотой 0,7 м. В южной части могильной ямы на дне находились остатки бревенчатой камеры, а ближе к северной стенке обнаружены три скелета лошадей. Вместе с останками погребенных людей (взрослая женщина (?) и девочка-подросток) найдены китайское зеркало, большое количество бус, золотая пронизка, железный нож, два керамических сосуда. Курган №7 был слабо различим на поверхности. В могиле у южной стенки стоял покрытый плахами сруб с дном из досок. Там обнаружены кости ног и череп ребенка, фрагменты одежды. Курган №8 имел насыпь диаметром 14 м, высотой 0,65 м. В могиле зафиксированы остатки сруба (в 3 венца), кости одной лошади, листки золота и другие предметы (Руденко С.И., 1953, с. 25, 375–376).

61. Акташ. В 1968–1969 гг. экспедицией ИИФиФ СО АН СССР и Кемеровского пединститута проведены раскопки в 12–17 км к югу от пос. Акташ в долинах Боротала, Алагаила и Тербедака. Исследовано около 60 курганов, многие из которых оказались ограбленными. Некоторые исследованные насыпи имели крепиды. Погребения людей пазырыкского времени совершены в каменных ящиках или срубках, перекрытых бревнами, иногда с выстланным полом из расколотых бревен или березовой коры. В некоторых могилах обнаружены сопроводительные захоронения лошадей. Умершие уложены на спину с согнутыми в коленях ногами, головой на восток или юго-восток (Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985, с. 147–172).

В 1976 г. Алтайской экспедицией в долинах Боротала и Алагаила раскопано 9 курганов, которые располагались в 12–14 км к юго-юго-востоку от пос. Акташ. Датировка могильников Боротал-II, III и Алагаил определена III–I вв. до н.э., или, скорее, III–II вв. до н.э. (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980, с. 191).

62. Боротал-II. Памятник состоял из восьми каменных курганов, семь из которых располагались цепочкой по линии Ю–С. Размеры насыпей курганов от 7 до 8 м в диаметре. На дне исследованных могил стояли бревенчатые срубы (в 2–3 венца), имевшие полы и перекрытия из досок. Умершие люди укладывались у южной стенки погребальной камеры на правый бок, головой на восток–северо-восток. В кургане №2 было похоронено три человека. В том же объекте за северной стенкой сруба находилось сопроводительное захоронение лошади. Инвентарь представлен такими предметами: железные удила, золотая фольга, железные ножи, миниатюрные бронзовые чекан и зеркало, железный чекан, глиняные сосуды и др. (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980, с. 180–191).

63. Боротал-III. Курганы располагались цепочкой по линии Ю–С. Раскопано шесть объектов. Размеры насыпей от 5х5,5 до 6х7 м. Большинство курганов ограблены. В могилах зафиксированы срубы в 1–3 венца. Умершие люди укладывались у южной стенки погребальной камеры на правый бок, головой на восток (с небольшими отклонениями). Отмечены одиночные, парные и групповые погребения. В некоторых курганах вдоль северных стенок могил на приступках имелись конские захоронения. Инвентарь – втульчатый трехгранный наконечник стрелы, деревянные блюда, миниатюрный бронзовый кинжал, железные удила, глиняные сосуды, железные ножи и золотая фольга, серьги и другие предметы (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980, с. 180–191). Курган №2 Л.С. Марсадаловым (1996, с. 57) датирован V–IV вв. до н.э.

64. Алагаил. Могильник расположен к северо-западу от долины Боротал и состоит из шести каменных и одной четырехугольной оградки. Четыре кургана составляли цепочку, ориентированную по линии Ю–С. В 1976 г. Алтайской экспедицией раскопан один курган с размерами насыпи 9х10 м. На дне могилы стоял сруб, имевший перекрытие из досок. У южной стенки погребальной камеры погребены два человека, которые уложены на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на восток–северо-восток. Сопроводительное конское захоронение совершено на материковой приступке вдоль северной стенки могилы. Лошади ориентированы головой на восток–северо-восток. Инвентарь – пять глиняных кувшинов, обрывки золотой фольги, три железных ножа, костяные втульчатые наконечники стрел, бронзовое зеркало, железные удила, костяные двудырчатые псалии, костяные застежка и пряжка (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980, с. 180–191).

65. Ала-Гаил-III. На правом берегу Чуи, в урочище Алагаил в 1974 и 1979 гг. полностью раскопан могильник ранних кочевников (IV–III вв. до н.э.), включавший 11 курганов. Инвентарь – предметы конского снаряжения, многочисленные фигурные бляхи из кости и сверленные кабаньи клыки, удила (в основном железные), костяные двудырчатые псалии с примитивной гравировкой в виде головок

грифов на концах, подпружные пряжки и др. (Кубарев В.Д., 1976, с. 254–255; 1980, с. 90; 1990, с. 31, табл. I.-7)

66. Межелик. В 1993 г. Улаганским отрядом Центра археологических исследований Республики Алтай проводились раскопки на памятнике Межелик, который расположен на левом берегу Башкауса в 3,5 км к западу от с. Улаган. Раскопан один курган, предположительно датированный исследователями скифским временем (Кочеев В.А., Ларин О.В., Худяков Ю.С., 1996, с. 152).

1.3. ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ В ЦЕНТРАЛЬНОМ АЛТАЕ И НА ДРУГИХ ТЕРРИТОРИЯХ (рис. 5)

В данном параграфе приведена информация о результатах исследований, проведенных в Онгудайском, Усть-Канском, Усть-Коксинском, Чемальском и Майминском районах Республики Алтай.

ОНГУДАЙСКИЙ РАЙОН

67. Каракол. В 1934 г. около Каракольской МТС в 2 км южнее с. Туэкта в долине Урсула раскопаны памятники, относящиеся к скифской эпохе: два кургана с каменной наброской, три земляных объекта с концентрическими кругами и два окружавших их маленьких холмика (Марсадолов Л.С., 1996, с. 23).

68. Туэкта. В 1937 г. археологической экспедицией ГИМа под руководством С.В. Киселева раскопано четыре ограбленных кургана с диаметром насыпей до 12 м и высотой до 0,7 м. В могилах стояли срубы из плах, покрытые лиственничной корой. Сопроводительные захоронения лошадей в двух курганах находились в северных и западных частях ям. В кургане №11 с северной и западной стороны зафиксировано по лошади, а в кургане №10 конь располагался только с западной стороны. В указанных объектах отмечена обкладка срубов крупными камнями. Положение умершего человека удалось установить только в одном погребении: скорчено, на правом боку, головой на восток. Из инвентаря обнаружены два железных кинжала с крыловидным перекрестием (у одного из них навершие в виде рогов или обращенных друг к другу голов грифов), параболоидный вток, бронзовые и костяные наконечники стрел, железный крюк, бронзовые и костяные костыльки, стеклянная бусина, предметы конской сбруи и другие изделия (Киселев С.В., 1951, с. 292–298; Руденко С.И., 1960, с. 18–21).

69. Курота-III. В 1937 г. у с. Курота раскопан один курган, на дне могильной ямы которого стоял сруб в два венца из лиственничных плах. Лошадь уложена у северной стенки, головой на восток. Погребение человека разграблено. Кроме золотых листков, найдены серьги из золотой проволоки, обломки двух керамических сосудов баночной формы и высокогорлого кувшина (Киселев С.В., 1951, с. 328–329).

70. Коркечу. В 1974 и 1979 гг. у борма Коркечу раскопано два кургана с насыпями размерами 5,4х4,6 и 9х8 м. В них зафиксированы разные погребальные камеры. В каменном ящике перекрытом плахами, лежал погребенный на правом боку с подогнутыми ногами, головой на восток. Инвентарь представлен деревянными сосудом и блюдом, бронзовым ножом, серебряной серьгой, чеканами и другими предметами. В колоде, перекрытой камнями и плитами, костей человека не оказалось (кенотаф). Инвентарь – керамический сосуд, деревянное блюдо с позвонками овцы, бронзовый петельчатый нож, чекан, бусы, обкладка гривны. Памятник датирован IV–III вв. до н.э. (Кубарев В.Д., 1985, с. 130–137).

71. Таалай. В 1975 г. в долине р. Туяхта в урочище Таалай Горно-Алтайской группой Североазиатской экспедиции раскопан курган, надмогильное сооружение которого представлено в виде аморф-

ного круга с отдельными крупными камнями по контуру. В могильной яме стоял сруб в два венца, перекрытый плахами и имевший пол из горбылей. Бревна, скорее всего, не вязались, а складывались одно на другое и подпирались в этом положении изнутри и снаружи. Щели между бревнами, видимо, тщательно промазывались плотной серой глиной. Лошадь захоронена у северной стенки на приступке, головой на восток. Инвентарь – глиняный сосуд, обрывки золотой фольги (Погожева А.П., 1978, с. 68–70).

72. Каракол-I. В 1979 г. археологической экспедицией ГАНИИЯЛа на северной окраине с. Каракол раскопано два кургана. Умершие были уложены на правый бок, головой на восток. В кургане №2 зафиксированы остатки бревенчатой погребальной камеры со сгоревшим перекрытием (Суразаков А.С., 1982, с. 131).

73. Белый Бом-II. Экспедицией Алтайского госуниверситета в 3 км от с. Белый Бом, на левобережной террасе Чуи в 1980 г. раскопано два кургана (№28, 61). Насыпи имели диаметры 8–10 м. В одном из них сохранились остатки деревянного перекрытия, а двое умерших людей лежали на спине с подогнутыми ногами, головой на юго-юго-восток. В другом находился каменный ящик, перекрытый плитами, в котором погребенный, судя по всему, был ориентирован головой на юго-восток. Инвентарь составляли глиняные сосуды, бронзовый кинжал, изделия из бронзы, две сердоликовые бусины и другие предметы. Памятник датирован V–III вв. до н.э. (Владимиров В.Н., Шульга П.И., 1984, с. 98–104).

74. Семисарт-II. Памятник находится на правом берегу Семисарта (правый приток Каерлыка), в 4,5 км к юго-юго-востоку от с. Ело. Археологической экспедицией АГУ раскопан курган №1 с диаметром насыпи 6 м. В срубе находилось парное погребение людей, уложенных на бок (один – вытянуто, второй – скорченно), головой на восток-юго-восток. Инвентарь составляли два глиняных сосуда, костяные наконечники стрел, миниатюрный бронзовый чекан и крюк (Владимиров В.Н., Шульга П.И., 1984, с. 98–104).

75. Урмулык. В 1981 г. экспедицией ГАНИИИЯЛа раскопан курган №1, который располагался в 2 км к юго-юго-западу от с. Теньга, на правой надпойменной террасе Урсула. Объект представлял собой каменное кольцо диаметром 7 м, в центре которого, над могилой, сооружена вымостка. В бревенчатой погребальной камере (в один венец), перекрытие которой оказалось сожженным, находились три человеческих костяка. Умершие лежали вытянуто на спине, головой на северо-восток. В могиле обнаружены фрагмент кожаного пояса и части двух глиняных сосудов. Памятник датирован III в. до н.э. (Суразаков А.С., 1997, с. 85–89).

76. Кара-Коба-II. Памятник располагается в 2 км к северо-северо-востоку от деревни Кара-Коба, в 100 м на запад от Коксинского тракта и в 300 м от русла Урсула. В 1981 г. было раскопано шесть курганов в северной половине цепочки. Под насыпями, диаметр которых 4,4–9 м, зафиксированы крепи-ды из поставленных на ребро крупных камней. В одном объекте сооружен подбой в виде катакомбы. На дне могильных ям стояли каменные ящики, перекрытые плитами. В одном из курганов находился сруб (обкладка), перекрытый двумя рядами бревен и рядом плит. Умершие люди были уложены скорченно на правый бок, головой на восток. В изголовье обычно находилось овальное деревянное блюдо с курдюком барана и бронзовым ножом, а также глиняный сосуд. Кроме того, в захоронениях были найдены бронзовые чеканы, костяные черешковые наконечники стрел, зеркало, крюки, золотые бляшки. Памятник был датирован V–III вв. до н.э., а наиболее вероятно, IV–III вв. до н.э. (Могильников В.А., 1983, с. 52–82). А.С. Суразаков (1989, с. 102–103) время его функционирования ограничил IV в. до н.э., Л.С. Марсадилов (1996, с. 57) V–IV вв. до н.э.

77. Карасу-I. Группа из 13 курганов, девять из которых протянулись цепочкой, ориентированной по линии ЗЮЗ–ВЗВ вдоль склона гор, располагается в долине Карасу близ с. Купчегень. В 1982 г.

раскопан курган №1. По периметру насыпи размерами 6х5 м фиксировалось кольцо из более крупных камней. На дне могильной ямы в каменном ящике находилось погребение женщины, уложенной скорчено, на левый бок, головой на восток-северо-восток. Инвентарь – бронзовые и железные булавки, ожерелье из бус. По мнению авторов исследований, наиболее вероятно относить курган №1 к VI – началу V вв. до н.э. (Могильников В.А., Елин В.Н., 1995, с. 103–118).

78. Карасу-II. Памятник находится неподалеку от предыдущего. Раскопан курган №2 с каменной насыпью диаметром 4 м, высотой 0,25 м. Могильная яма имела подбой в северной стенке. Там была уложена женщина на левый бок, в сильно скорченном положении, головой на запад-северо-запад. Инвентарь составляли костяные накладки с выгравированным изображением, бронзовый нож, ожерелье из бус. Погребение, вероятно, относится к III–II вв. до н.э., возможно, к IV–II вв. до н.э. (Могильников В.А., 1994, с. 35–39).

79. Кер-Кечу. Курганный могильник расположен на коренной террасе левого берега Катунь, выше устья р. Б. Ильгумень, в 6–7 км к юго-востоку от деревни Купчегень. В 1983 г. вскрыто четыре кургана кара-кобинского типа с размерами насыпей от 3 до 8 м. По окружности насыпей зафиксированы кольца из крупных камней. Погребения людей совершены в каменных ящиках без сопроводительных захоронений лошадей. Ориентация умерших – головой на восток (2), запад (1), север (1), а положение – на правом боку с подогнутыми ногами или вытянуто на спине. В кургане №9 в восточном конце ямы, около уровня перекрытия ящика, лежали черепа двух коз и обломки черепа лошади. Мужчина в этом объекте был уложен вытянуто на спине, головой на восток. В кургане №8 погребенный лежал на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на север. Инвентарь состоял из золотых сережек и трубочки, черешковых наконечников стрел, сердоликовой бусины, бронзового ножа, массивного бронзового зеркала с петлей на обороте (курган №8), костяных пронизей (Могильников В.А., 1988, с. 60–107). Курган №8 датирован VI–V вв. до н.э. и рассматривается как раннекаракобинский или, точнее, переходный от памятников куюмской группы майэмирской культуры к кара-кобинским. Не исключена более ранняя его датировка в рамках VII–VI вв. до н.э. Остальные курганы определены рамками V–IV вв. до н.э. (Там же, с. 72).

80. Ело-II. Памятник находится на левобережной террасе р. Ело, в 1 км к северо-востоку от с. Ело, у горы Башту. В 1984 г. П.И. Шульгой раскопан курган, насыпь которого была диаметром около 8 м и в ней прослежено три концентрических кольца. Погребение человека совершено в каменном ящике, перекрытом плитами и лиственничной корой. Умерший уложен на правый бок с подогнутыми ногами, головой на восток или восток-северо-восток. Из инвентаря найдены бронзовые кинжал, крюк, поясная обойма и другие предметы. Курган датирован IV–началом III вв. до н.э. (Шульга П.И., 1998, с. 272–279).

81. Башадар. В 1985–1986 гг. Горно-Алтайский отряд ГЭ под руководством Л.С. Марсадолова продолжил исследования на хорошо известном памятнике. В результате раскопано два кургана (№9 и 10 по плану С.И. Руденко) с диаметром насыпей 8–13 м, поминальная оградка и камень-стела. Курганы ограблены. При их исследовании найдены впускные захоронения людей. На дне могильных ям, в одной из которых дно и боковые стенки были обмазаны глиной и затем обожжены, стояли деревянные срубы. Сопроводительное захоронение лошади размещено в северной части каждой могилы на одном уровне с погребенным человеком. Инвентарь – глиняные сосуды, золотые бляшки, подвески, бронзовые удила, железные двудырчатые псалии и другие предметы. Памятник датирован 580–560 гг. до н.э. (Марсадолов Л.С., 1997, с. 3–10).

82. Шибе. В 1986 г. археологической экспедицией АГУ проводились аварийные раскопки на хорошо известном памятнике. Могильное поле, состоящее из 116 объектов, начинается сразу у северной

окраины с. Шибе. Исследовано два ограбленных кургана (№10 и 15) с каменной наброской. В одной могиле зафиксировано сопроводительное захоронение лошади и сруб (в один венец), в котором находился погребенный человек, ориентированный, по-видимому, головой на запад. В другой имелось лишь деревянное перекрытие из плах над человеком, ориентированным головой на северо-восток. Лошадь, находившаяся на приступке, лежала головой на юго-запад (Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В, 1993, с. 202–205).

83. Боочи-I. В 1987 г. экспедицией АГУ раскопано два кургана. В деревянных конструкциях умершие укладывались на правый бок, головой на юго-восток или восток (Мамадаков Ю.Т., 1987, с. 150–153).

84. Яломанская Бельда. В 1988 г. проводились аварийные археологические раскопки экспедицией АГУ к югу от с. Малый Яломан на высокой террасе. Все девять исследованных курганов имели однотипные насыпи диаметром 9–12 м, высотой 0,4–0,7 м и были в древности ограблены. В большинстве из них зафиксированы остатки срубов в один венец. Сопроводительные захоронения лошадей, ориентированных на восток или юго-восток-восток, находились у северной стенки на приступке. Умерших людей укладывали на правый бок, головой на восток или северо-восток-восток. Обнаружены костяные наконечники стрел и подпружные пряжки, бронзовые бляшки, удила и псалии. Памятник датирован V–III вв. до н.э. (Владимиров В.Н., Ким А.Р., Мамадаков Ю.Т., 1990, с. 87–90).

85. Большой Яломан-II. Памятник находится в 2,5 км к северу от устья р. Большой Яломан (левый приток Катунь). Совместной экспедицией ИА АН СССР и ГАНИИИЯЛа в 1989 г. исследовано четыре кургана, под насыпями (диаметр от 6 до 8,65 м) которых прослежены крепицы из крупных камней, а на вершине обнаружены выложенные небольшие кольца. В могильных ямах устраивались срубы из бревен в два и четыре венца с перекрытием из толстых плах, поверх которых находились крупные плитообразные камни. Усопших укладывали на правый бок с подогнутыми ногами, головой на восток. Два захоронения были парными. Выделяется вымостка №5, размеры которой 2,8х2,9 м. Могильная яма глубиной от древнего горизонта 1,1 м. В ней умерший человек уложен на правом боку так, что пяточные кости вплотную примыкали к тазу. Ориентирован головой на восток. Инвентарь – фрагменты глиняных сосудов, обломки железного ножа. Памятник датирован V–III вв. до н.э., а курган №5 отнесен к VI в. до н.э. (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 41–48).

86. Усть-Кожолу. В 1989 г. отрядом ГАКМа на северо-восточной окраине с. Купчегень раскопано четыре кургана округлой формы. В двух объектах сопроводительные захоронения лошадей, ориентированных головой на восток, располагались у северных стенок могил на искусственных приступках из камней и грунта. Погребальные камеры представляли собой деревянные ящики с полом и перекрытием из тщательно подогнанных плах шириной до 0,5 м. Доски имели пазы, в которые вставлялись короткие плахи. Умершие были уложены на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. Инвентарь включал железные удила, костяные подпружные пряжки, бронзовый нож, бронзовые миниатюрные чекан и кинжал, костяные наконечники стрел, фрагменты золотой фольги. На могильнике Усть-Кожолу-II в кургане №2 найдена каменная полусферическая бляха с отверстием для крепления, поверхность которой украшена сложным зооморфным сюжетом. Памятник датирован IV–III вв. до н.э. (Кочеев В.А., 1991, с. 91–93).

УСТЬ-КАНСКИЙ РАЙОН

87. Яконур. В 1939 г. М.П. Грязновым наряду с элитным курганом (см. первый параграф) раскопаны еще два объекта той же цепочки. Недалеко от погребального объекта (№5), где была захоронена знатная женщина, исследовалась каменная насыпь (№6), под которой в неглубокой ямке находился скелет жеребенка с железными удилами и роговой пряжкой-блоком. В кургане №8 были погребены два

взрослых человека, ребенок и с ними две лошади. Могила оказалась разграбленной. Однако при исследовании погребальной камеры удалось найти около 60 мелких украшений, вырезанных из золотой фольги, два бронзовых зеркала, три керамических сосуда и другие предметы (Грязнов М.П., 1940, с. 17–21).

88. Сары-Кобы. Памятник находится к юго-западу от с. Яконур. Экспедицией ГАНИИИЯЛа раскопаны два кургана и одна ритуальная выкладка. Диаметр насыпей 5,6–6 м. В могильной яме кургана №24 стоял одновенцовый бревенчатый сруб, дно которого было выстлано лиственничной корой и густо посыпано мелом. У северной стенки, на приступке из крупных камней, захоронена лошадь, головой на восток. Человек был уложен на спину с подогнутыми ногами, также головой на восток. Инвентарь составляли глиняный сосуд с орнаментом, бронзовые кинжал и чекан, железные удила. В кургане №25, в каменном ящике, перекрытом плитами, было погребено три человека, ориентированных головой на восток: двое взрослых – вытянуто на спине, а подросток – на правом боку с подогнутыми ногами. Южный погребенный отделен от двух северных вертикально поставленной каменной плитой. Череп его покоился на каменной подушке. Вещей не зафиксировано. Памятник датирован V–IV вв. до н.э. (Суразаков А.С., 1982, с. 127; Марсадилов Л.С., 1996, с. 57).

89. Кырлык-I. В 1983 г. археологической экспедицией АГУ в 4 км к юго-юго-востоку от с. Кырлык исследовано две плоские вымостки из одного слоя камней. Размеры объектов 6х4,5 и 5х4,5 м. В вымостке №1 по периметру ямы находилось подпрямоугольное сооружение из лежащих на ребре нешироких продолговатых плит. Это был кенотаф. Здесь найдены бронзовый чекан, девять бронзовых черешковых наконечников стрел. В вымостке №2 также отмечена обкладка из камней, перекрытая плитами. Погребенный первоначально был уложен на правый бок, головой на северо-восток-восток и при нем находились костяные наконечники стрел и бронзовый нож (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1995, с. 51–81). Выкладка №1 датирована VI–V вв. до н.э., вероятно, 2-й половиной VI – серединой V вв. до н.э. К этому же времени, видимо, относится и выкладка №2 (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1995, с. 58).

90. Кырлык-II. Курганная группа располагается в 450 м на юго-запад от предыдущего памятника. Раскопано два кургана. Насыпи имели диаметры от 9 до 12 м. В кургане №6, ближе к северной стенке могильной ямы, находилось захоронение двух лошадей, ориентированных головами на восток, а в южной части на деревянном настиле был уложен умерший человек на правый бок с подогнутыми ногами, головой на восток. В кургане №8 зафиксирован подобный погребальный обряд. Обнаруженный инвентарь: железные удила, роговая подпружная пряжка, бронзовые чекан, кинжалы и зеркало, сердоликовые бусы, глиняные сосуды. Памятник датирован IV–III вв. до н.э. (Мамадаков Ю.Т., 1995, с. 81–87).

91. Агафонов Лог-I. В 1988 г. в долине Каракола (левый приток Ануя) Западно-Сибирским отрядом Североазиатской экспедиции ИИФиФ СО АН СССР раскопаны два кургана, в одном из которых могильная яма имела подбой в боковой стенке, заделанный вертикально стоящими каменными блоками. В обоих погребальных сооружениях находились женщины, уложенные на правый бок в слабо скорченном положении, головой на восток. В разных могилах обнаружены одинаковые сосуды, а также бронзовые нож, зеркало, серьги и другие предметы. Памятник датирован V–III в. до н.э. (Алтарева Н.С., 1989, с. 67–68; Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф. и др., 1998, с. 98–99).

92. Черный Ануи-III. Памятник располагался близ с. Черный Ануи на правобережной речной террасе у дороги на с. Солонешное. Раскопано девять курганов с разными насыпями: земляными, каменно-земляными и каменными с округлой крепидой. Диаметр их от 6 до 12 м. В могилах находились рамы из плах и бревен в один венец с перекрытием. Погребенные люди уложены вытянуто на спину, головой на северо-запад. Захоронения одиночные (3), парные (4), групповые (2). Инвентарь – бронзовое

зеркало с боковой ручкой, серьги, заколка, глиняные сосуды и пряслице (Бородовский А.П., 1995, с. 118–121).

93. Ябоган-II. В 4 км к востоку от с. Усть-Кан в урочище Сары-Кобы в 1990 г. экспедицией ГАНИИИЯЛа раскопано два кургана диаметром 8 и 12 м, расположенных цепочкой по линии Ю–С, почти вплотную друг к другу. Под насыпью прослежены кольца из крупных камней. В кургане №1 на 0,4 м выше дна могильной ямы имелись материковые заплечики, на которых лежало перекрытие из дерева и плит. В кургане №2 находился двухвенцовый сруб, по периметру которого находились каменные плиты. Умершие люди были уложены вытянуто на спину, головой на запад и северо-запад. На черепках из кургана №2 отмечены следы ударов клевцом и секирой. Инвентарь – бронзовые зеркало, нож, миниатюрный чекан, наконечник стрелы, глиняный сосуд. Памятник датирован V–III вв. до н.э. (Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 75–81).

УСТЬ-КОКСИНСКИЙ РАЙОН

94. Катанда-II. В 1925 г. под руководством С.И. Руденко вскрыты два кургана в долине Катунь, в 1 км от места впадения в нее р. Катанды. Диаметры насыпей 9–13,8 м. Погребения людей совершались в сопровождении лошадей, которые были уложены в северных частях исследованных могил. В одном из курганов (№2) умершая женщина находилась в вытянутом положении на спине, головой на восток, а дно могильной ямы было выстлано камнями. В другом сохранились останки двух человек. Находки представляли собой железные удила, роговые подпружные пряжки и другие предметы (Руденко С.И., 1960, с. 13–14). Л.С. Марсадоловым (1996, с. 56) памятник датирован концом VI–V вв. до н.э.

95. Ак-Кем. Памятник находится в 17 км восточнее с. Тюнгур, на третьей террасе левого берега Катунь. В 1975 г. горно-алтайской группой Североазиатской экспедиции раскопана выкладка из крупных камней размерами 6,25х4,8 м. По краю овальной насыпи располагались крупные камни, а камни поменьше составляли внутреннее кольцо, в середине которого находилась перегородка по линии Ю–С. В могиле обнаружен сруб (в один венец из лиственничных бревен, связанных в обло), имевший пол из горбылей и перекрытие из продольных плах. Умерший подросток был уложен на спину, головой на запад. Инвентарь – глиняный сосуд, бронзовая модель чекана, бронзовый кинжал (Погожева А.П., 1978, с. 68–73). Л.С. Марсадоловым (1996, с. 57) памятник датирован V–IV вв. до н.э.

96. Тургунда. В 1977 г. в устье р. Тургунды (левый приток Катунь) раскопан один курган из цепочки, ориентированной по линии Ю–С. Насыпь овальной формы была укреплена с южной стороны более крупными камнями. Ее размеры 6,5х7,5 м. В могиле, в ее северной части под плахами и корой, обнаружены костяки двух коней, положенных на брюхо, головами на восток. Под ними зафиксирована выкладка (платформа из валунов). В южной половине могильной ямы находился лиственничный сруб в один венец, рубленный из плах в «обло с остатком», с дощатым настилом на дне. В нем похоронены мужчина и женщина, уложенные на правый бок, головой на восток. Инвентарь – глиняные сосуды, железный нож, бронзовые серьги и зеркала (Кубарев В.Д., 1992, с. 79–91).

97. Кастахта. Курганный могильник располагается на правом берегу Кастахты (левый приток Катунь) к югу от одноименного села и включает более 60 объектов. В 1983 г. археологическим отрядом АГУ раскопано восемь курганов. Диаметр насыпей от 8 до 14 м. Под каменной наброской некоторых объектов зафиксированы крепиды в ровиках. В могилах похоронено по одному или по два человека в сопровождении лошадей, уложенных у северной стенки, головой на восток. Погребения людей соверше-

ны в южной части могильной ямы. Они отделены от захоронений лошади цепочками из мелких валунов или тонкими плашками (курганы №28, 32). В могилах нет никаких конструкций. Умерших укладывали на правый бок, головой на восток. Следует указать, что в одном парном погребении зафиксирована восточная и западная ориентации. Инвентарь представлен бронзовыми чеканами, кинжалами, костяными наконечниками стрел, зеркалами, предметами конской сбруи, глиняными сосудами и другими предметами. Датировка памятника определена концом VI–IV вв. до н.э. или V–IV вв. до н.э., а курган №23, скорее всего, IV–II вв. до н.э. или IV–III вв. до н.э. (Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 215–216; Степанова Н.Ф., 1985, с. 244–245; 1987, с. 168–183; Мамадаков Ю.Т., Неверов С.В., 2001, с. 90–97).

98. Катанда-3. Памятник находится на правом берегу Катанды в 7–8 км к северо-западу от одноименного села. В 1984 г. археологическим отрядом АГУ раскопано три разграбленных кургана. Насыпи округлой формы имели диаметры от 9 до 11 м. Отмечены сопроводительные захоронения лошадей. Инвентарь – глиняные сосуды, бронзовые и костяные пряжки, клыки кабана, костяные наконечники стрел и другие предметы. Памятник датирован VI–IV (III) вв. до н.э. (Мамадаков Ю.Т., 1995, с. 125–131).

ЧЕМАЛЬСКИЙ РАЙОН

99. В урочище Кара-Тенеш у пос. Куяс в 1980 г. А.П. Погожевой исследовано три кургана, расположенных цепочкой по линии Ю–С. В двух курганах находились каменные ящики, перекрытые плитами. Погребенные были уложены на правый бок, головой на восток. Обнаружен следующий инвентарь: глиняный сосуд, костяные трехгранные наконечники стрел, бронзовые нож, крюк от колчана и полусферическая бляшка, кости барана. Под третьей насыпью зафиксированы остатки сруба. Умерший лежал скорченно на правом боку. При нем находился такой инвентарь: часть кринкообразного сосуда, три костяных трехгранных наконечника стрел, берестяной колчан, бронзовые крюк от колчана и обломок пластины, акинак с навершием в виде голов двух грифов и полусферическая бляшка с изображением двух лежащих козлов (Погожева А.П., 1981, с. 205–206). Памятник Кара-Тенеш является одним из ранних погребальных объектов пазырыкской культуры на Средней Катуни и может быть датирован серединой VI–V вв. до н.э. (Степанова Н.Ф., 2000, с. 20).

100. Кызык-Телань-1. Данный археологический объект находится в 7 км к юго-востоку от с. Куяс. В 1980 г. экспедицией ГАНИИИЯЛа раскопано четыре кургана, расположенных цепочкой по линии Ю–С. Насыпи овальной формы имели диаметры от 4,8 до 8,8 м. Погребенные лежали в каменных ящиках на правом боку с подогнутыми ногами, головой на восток. В кургане №6 зафиксированы следующие показатели: на спине с поднятыми вверх коленями, головой на север. Инвентарь представлен ножами, костяными наконечниками стрел, обкладкой лука и другими предметами. Могильник первоначально был датирован в пределах V–III вв. до н.э. (Суразаков А.С., 1983), а позднее – V–IV вв. до н.э. (Суразаков А.С., 1989, с. 103).

101. Айрыдаш-1. Памятник находится в 3 км к юго-востоку от с. Куяс, в долине Айрыдаш. Экспедицией ГАНИИИЯЛа раскопаны археологические объекты в двух группах. Курганы первой группы №15а–28а (VI–V вв. до н.э.) оформлены в виде овальных каменных насыпей, внутри которых фиксируются кольца, сложенные в 1–3 слоя камней. Срубы сооружены из бревен (в 1–2 венца), соединенных в углах встык. Комбинированные камеры имели торцевые стенки в виде вертикально поставленных каменных плит и бревен. Погребенные лежали на правом боку с подогнутыми ногами, головой на юго-восток. Инвентарь – глиняные сосуды, ножи, гривны, зеркала, бараньи позвонки.

Курганы второй группы сложены в виде овальных каменных насыпей. В глубоких ямах находились бревенчатые срубы. Погребенные были уложены на правый бок, головой на юго-восток, а в одной могиле – ничком на коленях.

Выделенные на памятнике две хронологические группы датированы соответственно VI–V вв. до н.э. и V–IV вв. до н.э. (Суразаков А.С., 1990, с. 198).

102. Айрыдаш-II. В 1988 г. отрядом ГАНИИИЯЛа в 2 км к юго-востоку от с. Куюс раскопано три ограды, сооруженные из поставленных на ребро каменных блоков и пристроенных к массивным валунам. Найдена керамика. Данные конструкции определены как ритуальные (Ларин О.В., 1990, с. 192–197).

103. Айрыдаш-III. Памятник находится в 3 км южнее с. Куюс. В 1986 и 1987 гг. данный археологический объект полностью раскопан отрядом Горно-Алтайского областного краеведческого музея. Цепочка из восьми курганов была расположена поперек долины Катунь. С западной стороны зафиксированы поминальные выкладки. Размеры насыпей от 5,5х5,8 до 9,7х11 м. Захоронения совершены в глубоких могилах, ориентированных по линии Ю–С с небольшими отклонениями. Срубы сооружены из тонких плах. В трех курганах обнаружены сопроводительные захоронения лошадей на уступах. Погребенные люди находились вдоль западной стенки. Они были уложены на правый бок с подогнутыми ногами, головой на юг или юго-восток. Инвентарь – глиняные сосуды, бронзовые зеркала, чеканы, ножи и др. Исследованный В.А. Кочевым (1990, с. 210–224) памятник датирован III–II вв. до н.э. Н.Ф. Степанова (2000, с. 21) определила такую дату: конец V–IV или IV–III вв. до н.э.

104. Айрыдыш-IV. Исследованные курганы находятся в 1,5 км южнее с. Куюс. Они располагались цепочкой по линии Ю–С. К востоку от курганов зафиксированы небольшие поминальные выкладки. Каждая насыпь исследованных объектов имела округлую форму и крепиду. В могилах отмечены рамы и срубы. Погребенные уложены на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на восток (в одном случае вытянуто на спине). Исследовано погребение человека в сопровождении лошади. Инвентарь – сосуды, ножи, колчаные крюки, заколки и др. В.А. Кочевым (1990, с. 93–95; 1996, с. 134–137) раскопанные курганы датированы V–II вв. до н.э. Н.Ф. Степанова (2000, с. 21) уточнила хронологические рамки памятника V–IV вв. до н.э.

105. Кайнду. Этот археологический объект находится на правом берегу Катунь в 2 км от с. Еланда по дороге в с. Чемал. В 1985–1986 гг. экспедицией АГУ раскопано 18 курганов, которые располагались цепочками поперек долины Катунь и были ориентированы по линии ЮЮЗ–ССВ или ЮЗ–СВ. Размеры насыпей от 2х2,5 до 8х8,5 м. Над погребенными сооружались перекрытия из камней. На дне ям зафиксированы рамы или каменные ящики. Умершие уложены на спину вытянуто или правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на северо-запад, запад, юго-восток-восток и юго-восток. В двух могилах отмечены сопроводительные захоронения лошадей. Один объект оказался кенотафом. Инвентарь – кинжалы, костяные наконечники стрел, бронзовые ножи, крюки, глиняные сосуды и др. Памятник датирован серединой VI–IV вв. до н.э. (Степанова Н.Ф., 1987, с. 283–284; Мамадаков Ю.Т., 1987, с. 259; Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 242–270; Степанова Н.Ф., 2000, с. 20–21).

106. Верх-Еланда-II. В 1987 г. Катунской экспедицией АГУ на северо-восточной окраине с. Еланда раскопано 13 курганов, располагавшихся цепочкой поперек долины Катунь по линии З–В. Размеры насыпей от 3,75х4,5 до 7,25х8,5 м. Под набросками прослежены кольца или дуги из вертикально поставленных плит. В могильных ямах зафиксированы остатки срубов (в 1–2 венца), рамы, каменные ящики. Погребенные уложены на правый бок (или на спину) с согнутыми в коленях ногами, а также вытянуто на спину, головой на юг, юг-юго-восток и юго-восток. Сопроводительное захоронение лошади было только в одной могиле. Инвентарь – глиняные сосуды, бронзовые: кинжал,

чекан, зеркала, бронзовые и железные ножи, и др. (Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994, с. 11–24). Датировка памятника была определена IV–III вв. до н.э. или V–III вв. до н.э. (Там же, с. 23). Позднее его хронологические рамки были уточнены: конец V–IV или IV–III вв. до н.э. (Степанова Н.Ф., 2000, с. 21).

107. Бике-I. В 1988 г. исследования проводились Восточно-Алтайским отрядом Алтайской экспедиции ИИФиФ СО АН СССР. Памятник находится на правом берегу Катунь, между притоками Бийке и Чобураком. Раскопано девять курганов, расположенных цепочкой по линии Ю–С поперек долины реки. Округлые сплошные насыпи, размерами от 4,5 до 13 м, сложены из валунов и плит. Погребения совершены в узких срубках. Умершие были уложены вытянуто на спину, головой ориентированы в восточный сектор. В одном кургане обнаружено сопроводительное захоронение лошади. Два погребения оказались кенотафами. Инвентарь представлен керамикой, ножами, чеканами, крюком, зеркалом и др. (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 43–95). Авторами раскопок дата сооружения кенотафов определяется в пределах V–IV вв. до н.э., а всех курганов Бике-I более широко – V–III вв. до н.э. (Там же, с. 88–89). Н.Ф. Степановой (2000, с. 20) датировка памятника определена серединой VI–V вв. до н.э.

108. Бике-III. Данный археологический объект находится на правом берегу Катунь. В 1989–1990 гг. Восточно-Алтайским отрядом Алтайской экспедиции ИАиЭ СО РАН раскопано восемь курганов. Курган №8 близок по всем параметрам остальным. Насыпь окружена крепидой из крупных валунов. Умерший похоронен в срубке, головой ориентирован на восток. Инвентарь – бронзовое зеркало, бронзовая трубчатая гривна, железный нож в бараньих позвонках, сосуд (Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 1992, с. 40–41).

109. Бийке. На могильнике, расположенном близ устья одноименной речки (правый приток Катунь), раскопан один курган, который отнесен к пазырыкской культуре (Тишкин А.А., Тишкина Т.В., 1996, с. 37). Датировка памятника определена предположительно серединой VI–V вв. до н.э. (Степанова Н.Ф., 2000, с. 21).

110. Усть-Чоба-I. В 1990 г. Алтае-Сибирским отрядом Алтайской археологической экспедиции ИИФиФ СО АН СССР были начаты исследования памятника, который расположен на правом берегу Катунь, в 1 км по дороге в с. Куюс от р. Чоба, в 0,8–0,9 км до свертка на подвесной мост к с. Ороктой. К скифскому времени относится один раскопанный курган. Его насыпь была округлой формы диаметром 6 м. Крепида составлена из крупных камней и имела скругленно-подчетырехугольную форму. Глубина могильной ямы от материка 1,55 м. На дне фиксировались следы деревянной обкладки и перекрытия. Погребен взрослый человек и ребенок. Первый находился, вероятно, в скорченном положении и был ориентирован головой на восток. Из вещей найден глиняный сосуд с росписью, бронзовый нож и зеркало (?) (Соловьев А.И., 1999, с. 123–125).

111. Чоба-VI. В 1992 г. Катунским отрядом Центра археологических исследований совместно с ГАНИИИЯЛом раскопано два кургана в долине р. Чоба на правом берегу Катунь. Каменные наброски 12 курганов с кольцами-крепидами располагались цепочкой по линии Ю–С. В глубоких могильных ямах погребенные люди лежали на правом боку с подогнутыми ногами. Умершие ориентировались головой на юго-восток. Инвентарь – бронзовые ножи, обойма, крючок, глиняный сосуд (Ларин О.В., Кочеев В.А., 1999, с. 161–163). Датировка памятника была определена в широких хронологических рамках – V–III вв. до н.э. (Там же, с. 163). Н.Ф. Степановой (2000, с. 21) данный показатель определен рамками V–IV вв. до н.э.

112. Чеба-V. Раскопки памятника, который находится в долине р. Чеба, проводились в 1989 г. Часть погребений датирована позднескифским временем (Киреев С.М., Алехин А.В., Фуршатов А.В., 1990, с. 11–12).

113. Верх-Тельтехмень-I. Памятник расположен на второй надпойменной террасе правого берега Катуня у подножья горы В. Тельтехмень, в 0,5–0,7 км к востоку от устья р. Эдиган. Всего зафиксировано 18 разновременных объектов. В 1989 г. Катунской археологической экспедицией АГУ раскопан один курган, который относится к рассматриваемому периоду. Насыпь размерами 4,4х3,8 м состояла из рваного и окатанного камня, уложенного по окружности в один слой. Прослеживалась подсыпка из мелкой гальки, особенно в южной части. В могиле погребен взрослый человек, уложенный скорченно на правый бок, головой на юго-восток. Вдоль стенок находились окатанные камни. Обнаружен глиняный сосуд с ушками и оселок (Степанова Н.Ф., 1997, с. 61–73).

114. Усть-Эдиган. Памятник находится в 3 км от устья р. Эдиган на правом берегу Катуня. В 1988 и 1992 гг. отрядом Североазиатской комплексной экспедиции ИАиЭ СО РАН раскопано два кургана. В одном из них находилось захоронение четырех человек, а в другом – двух. Погребенные уложены на спину с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток. Инвентарь – сосуды, миниатюрный бронзовый кинжал, наконечники стрел, чекан, обломок зеркала и др. (Худяков Ю.С., 1993, с. 56–62; 1995, с. 115–117; 1998, с. 97–112). Исследованные на могильнике захоронения, по мнению Ю.С. Худякова (1993, с. 61; 1998, с. 98–100), были совершены на позднем этапе существования культуры скифского времени в Горном Алтае, т.е. во II–I вв. до н.э. Н.Ф. Степановой (2000, с. 21) датировка памятника определена V–IV вв. до н.э.

115. Салдам. Памятник находится в 7–8 км от с. Куяс по дороге в с. Еланда. Отрядом Североазиатской комплексной экспедиции ИАиЭт СО РАН под руководством Ю.С. Худякова раскопано три кургана. Размеры их насыпей в диаметре от 8 до 10 м. В одной могиле была установлена рама. Это захоронение оказалось кенотафом. В другом кургане обнаружено сопроводительное захоронение лошади. Умершие ориентированы головой на восток и юго-восток. Из инвентаря найдены бронзовые и костяные наконечники стрел, бронзовый кинжал, крюки и др. (Худяков Ю.С., 1995а, с. 115–117; 1995б, с. 87–101). Памятник датирован предположительно серединой VI–V вв. до н.э. (Степанова Н.Ф., 2000, с. 21).

116. Солдин. Этот археологический объект находится к югу от могильника Салдам. Раскопан один курган с насыпью диаметром 9 м. В могильной яме была установлена рама. Погребен один человек. Из инвентаря найден бронзовый колчанный крюк и бронзовая нашивная бляшка (Худяков Ю.С., 1995, рис. 2.-9; Миронов В.С., 1999, табл. 1–2).

117. Солдин-эке. Памятник находится к югу от могильника Солдин. Раскопано два кургана. Размеры их насыпей в диаметре 9–10 м. В могильных ямах были установлены деревянные рамы. Погребение из кургана №2 оказалось кенотафом. Однако в нем находилось захоронение лошади. В другом объекте похоронен человек, который был уложен головой на запад. Из инвентаря найдены глиняные сосуды и бронзовый кинжал (Миронов В.С., 1999, табл. 1–2).

118. Кок-Эдиган. Памятник находится на высокой террасе правого берега Эдигана, в 2 км от одноименного села. В 1995–1999 гг. раскопано 11 курганов, которые располагались в двух цепочках, вытянутых по линии Ю–С через всю террасу. Насыпи соприкасались полами и были округлой формы (диаметры 6–11 м). В восточной цепочке исследован объект с двумя могилами. По обеим сторонам курганов зафиксированы поминальные сооружения. В могильных ямах находились прямоугольные одновенцовые срубы, вероятно, с дощатыми перекрытиями. Погребенных укладывали на правый бок, головой на восток или северо-восток. Инвентарь представлен глиняными сосудами, бронзовыми и железными ножами, а также кинжалом, чеканом, крюком, костяными наконечниками стрел и другими предметами (Худяков Ю.С., Миронов В.С., 1997, с. 310–313; Миронов В.В., 1999; Антонова О.В., Худяков Ю.С., 1999, с. 17–20). Памятник датирован предположительно серединой VI–V вв. до н.э. (Степанова Н.Ф., 2000, с. 20–21).

119. Тянгыс-Тыт. В 1998–1999 гг. Южносибирским отрядом Североазиатской комплексной экспедиции ИАиЭт СО РАН совместно с Новосибирским госуниверситетом раскопано пять курганов интересующего нас времени. Памятник находится в 0,2 км от с. Эдиган, на высокой террасе правого берега Эдигана (приток Катунь). Размеры насыпей от 9 до 12 м. В двух курганах зафиксированы остатки срубов. В трех объектах было погребено по два человека. Умершие уложены на спину с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. В четырех могилах обнаружены сопроводительные захоронения лошадей. Из инвентаря найдены железные удила, украшения, зеркала, глиняные сосуды и др. (Худяков Ю.С., Миронов В.С., 1998, с. 374–372; 1999, с. 539–541).

120. Чолтух. Памятник находится на высокой надпойменной террасе правого берега Эдигана, в 0,9 км к западу от с. Эдиган. К скифскому времени относится раскопанный курган с насыпью диаметром 8 м, в котором погребено два человека в сопровождении лошадей. Один умерший был уложен вытянуто на спину, второй – на спину с согнутыми в коленях ногами, головой на северо-восток. Из вещей найден глиняный сосуд (Худяков Ю.С., Миронов В.С., 1998, с. 378).

121. Дялян. Памятник находится в 5 км к юго-востоку от с. Ороктой. В 1989–1990 гг. Южносибирским археологическим отрядом НГУ раскопано два кургана. Насыпи имели диаметры 5–6 м. Цепочка ориентирована по линии Ю–С. Под каменными набросками прослежены кольца из камней. В могилах находились каменный ящик и сруб (в 2 венца) с перекрытиями. Погребенные в разных курганах женщина и мужчина лежали на правом боку, головой на юго-восток. Найденный инвентарь – керамика, зеркало, нож, позвонки барана. Датировка памятника определена в пределах IV–III вв. до н.э. (Тетерин Ю.В., 1992, с. 65–66).

122. Ороктой-Эке. Катунским отрядом Североазиатской экспедиции ИИФиФ СО АН СССР в 4 км от с. Ороктой на левом берегу Катунь раскопано четыре кургана. В насыпях обнаружены скопления керамики от разных сосудов. Наброски диаметром от 3,5 до 6 м сложены из скальных обломков. Перекрытия могил сооружены из скальных обломков и деревянных плах. В одном объекте зафиксирована рама. Умершая женщина лежала на правом боку скорченно, головой на юго-восток-восток. В кургане №23 зафиксировано такое положение погребенного человека: вытянуто на спине, головой на северо-запад. Инвентарь – ножи, шпильки, серьги, бусы и др. (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, с. 95–150). Памятник датирован серединой VI–V вв. до н.э. (Степанова Н.Ф., 2000, с. 21).

123. Ороктой. Раскопанный курган с насыпью диаметром 6 м находился к юго-востоку от устья р. Ороктой, в 4 км от с. Ороктой. Умерший был уложен вытянуто на спину, головой на северо-запад (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, с. 95, 102–103, рис. 8–9).

124. Гурдуба. Памятник находится к югу от могильника Ороктой-эке. Расположено два кургана, диаметры насыпей которых 4–9 м. В одном объекте находился каменный ящик, в другом – рама. Погребено по одному человеку. Умершие ориентированы головой на юго-восток и восток (Миронов В.С., 1999, табл. 1–2).

125. Карбан. Археологический комплекс находится близ устья р. Ороктой. В исследованных курганах зафиксированы деревянные рамы трапециевидной формы. Из инвентаря найдены деревянные блюда, глиняные сосуды и другие предметы (Уманский А.П., 1992, с. 58). Материалы раскопок не опубликованы и находятся в БГПУ.

126. Эликманар. В 1985 г. в с. Элекманар при рытье погреба было обнаружено древнее захоронение человека. Оно было совершено на глубине 1,1 м от современной поверхности, в каменном ящике из хорошо подогнанных друг к другу сланцевых плит. Внутренние размеры ящика – 1,8х0,65 м. С внеш-

ней стороны стенки сооружения были забутованы камнями. Сверху ящик перекрыт плитами. Человек лежал на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. Под ним прослежена подстилка. Инвентарь – семь черешковых костяных наконечников стрел, бронзовый черешковый нож, бронзовый колчаный крюк и две бронзовые пронизки (Кочеев В.А., 1999, с. 82–84).

МАЙМИНСКИЙ РАЙОН

127. Алферовский. Памятник находится на окраине Горно-Алтайска. Состоит из нескольких сильно задернованных каменных курганов, четыре из которых исследованы А.В. Якубовским в 1933 г. На дне могильных ям обнаружены камеры из крупных камней, перекрытые деревом. Умершие были уложены на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. Инвентарь – бронзовые зеркала с короткими боковыми ручками, деревянное, покрытое золотой фольгой, изображение лошади, бронзовый диск с прорезью. Памятник датирован в пределах III–начала II вв. до н.э. (Суразаков А.С., 1982, с. 121–124; 1989, с. 108).

128. Майма-4. В 1985–1987 гг. исследовано 18 погребений и одна ритуальная выкладка. Конструкции надмогильных сооружений проследить удалось не во всех случаях. Некоторые из них имели невысокие каменные насыпи диаметром от 5,5 до 7,5 м. Большая же часть надмогильных сооружений была в основном одинаковой конструкции: кольцо округлой (реже овальной) формы, выложенное на древней поверхности из крупных рваных камней и плит и заполненное более мелким камнем. Внутримогильные сооружения разнообразны: сруб, прямоугольная обкладка из досок и жердей, дощатый помост, продольное перекрытие из досок на уступах в материке, обкладки из камней по периметру дна ямы, без какой-либо конструкции вообще. Положение погребенных обычно определить затруднительно, так как все курганы ограблены. Большинство погребенных были уложены на правый бок со слегка согнутыми в коленях ногами, головой на восток-юго-восток. В северо-восточном углу могилы стоял один или два сосуда. Иногда в курганах были захоронения лошадей. Инвентарь представлен оружием (чеканы, наконечники стрел), предметами конского снаряжения, железными и бронзовыми шпильками, бусами из сердолика, серьгами и др. Исследованные погребения датированы III в. до н.э. (Киреев С.М., 1994, с. 39–43).

129. Барангол. Памятник находится в районе нижней Катунь, между селами Усть-Муны и Барангол. Зафиксированы две аморфные цепочки курганов, из которых одна ориентирована по линии Ю–С, а другая З–В. Надмогильные конструкции, сложенные из грубого обломочного материала, имеют округлую форму диаметром от 4,5 до 7 м. На памятнике раскопано три вторичных погребения. В двух случаях было похоронено по два человека, в одном – четыре. Предполагаемая ориентация – головой на восток. В могиле из кургана №2 имелись приступки, на которых находились камни обкладки и плахи перекрытия. На дне зафиксирован тлен от деревянной конструкции, а дно выстлано широким полотнищем бересты. В могиле кургана №6 отмечены следы от прямоугольной рамы, а также обкладка из камней. Инвентарь – глиняные сосуды, железные ножи, золотая фольга, бронзовый диск с прорезью. Памятник датирован последней третью I тыс. до н.э. (Бородовский А.П., 2000, с. 197–200).

Представленные в этой главе основные сведения о погребально-поминальных памятниках Горного Алтая скифской эпохи тем не менее требуют дополнений за счет открытых и исследованных объектов последних лет, а также при введении в научный оборот новых ранее неизвестных материалов. Таким образом, накопление археологических данных о пазырыкской культуре продолжается. Публикация в монографии результатов раскопок памятников Тыткескень-I и VI, произведенных в Чемальском районе, является отражением такого исследовательского процесса.

Глава II

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПАМЯТНИКАХ ТЫТКЕСКЕНЬ-I И ТЫТКЕСКЕНЬ-VI

2.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЙОНА НАХОЖДЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ

Рассматриваемые курганные могильники обнаружены в 1983 г. М.Т. Абдулганеевым (1985, с. 189) и находятся примерно в 2 км к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай, на левобережной террасе Катунь, в устье р. Тыткескень: Тыткескень-I на правом берегу одноименной речки, а Тыткескень-VI – на левом. Первоначально памятники были обозначены как один комплекс Тыткескень-I, но в ходе исследований они оказались разделенными на разные археологические объекты по следующей причине. Могильник Тыткескень-I состоял преимущественно из курганов раннескифской эпохи, а Тыткескень-VI – из погребальных и поминальных сооружений пазырыкской культуры, хотя на нем исследованы захоронения энеолита, раннескифского, гунно-сарматского и тюркского времени (Кирюшин Ю.Ф., Мамадаков Ю.Т., Тишкин А.А., 1992; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997а, б; Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1998). Часть курганов могильника Тыткескень-I находились на многослойном поселении Тыткескень-II. Поселенческий комплекс зафиксирован и на территории памятника Тыткескень-VI (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1994).

Регион, в котором расположены курганные могильники, условно обозначен в научной литературе по археологии как Средняя Катунь. Однако, на наш взгляд, это не совсем корректно (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 94). Данный район в свою очередь относится и к Северному Алтаю, для которого характерно сочетание сравнительно невысоких, редко превышающих 2000 м над уровнем моря, горных хребтов, расходящихся веером с юга к северо-западу, северу и северо-востоку. Четко прослеживается ярусность рельефа. Наиболее возвышенные части гор (среднегорья) имеют абсолютные высоты 1000–2400 м, а относительные – 600–1500 м. Для низкогогорья отмечены такие абсолютные высоты – 400–1000 м (относительные 100–500 м). В рассматриваемом регионе развиты широкие плоские слабо-расчлененные водораздельные поверхности. С востока и запада долина Катунь ограничена горными хребтами Иолго, Куминский и Семинский. Район довольно легко доступен с северных предгорий Алтая и относительно труднопроходим с юга, хотя изоляции от Центрального и Юго-Восточного Алтая нет. В формировании климата в рассматриваемом районе Катунь большую роль играют формы рельефа и абсолютные высоты места, а также направление горных хребтов, ориентация и ширина долин. Частая повторяемость фёнов в долине Чемала увеличивает не только температуру воздуха холодного периода, но и продолжительность безморозного периода (Алтайский край: Атлас, 1978, с. 182, 186 и др.). Участок южнее Чемала до места впадения Урсула находится в дождевой тени Семинского хребта и отличается от северной части долины Катунь большей сухостью (Шульга П.И., 1994, с. 51).

Северный Алтай испытывает влияние западно-сибирского континентального климата, однако отличается заметным уменьшением континентальности, относительно теплыми зимами, прохладным летом и более ровным распределением осадков. Этот район отличается и по ряду других характерных природно-ландшафтных признаков (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 94–96). Ближе к Центральному Алтаю отчетливо выражена климатическая контрастность склонов, из которых южные испытывают недостаток влаги вследствие их раннего весеннего прогревания, высоких летних температур, а

также быстрого стекания со склонов атмосферных осадков. Эти условия препятствуют нормальному развитию лесной и луговой растительности, но для скотоводов Горного Алтая данное обстоятельство является положительным фактором, так как именно на этих участках пасутся домашние животные зимой и ранней весной. На территории границы нижнего и среднего течения Катунь (от с. Куяс до с. Чемал) в связи с постоянно дующими ветрами некоторые открытые участки остепненных террас долины реки почти всю зиму находятся без снежного покрова и в таких местах кормится выгоняемый скот. Северные склоны получают основную массу атмосферных осадков. Они почти повсеместно покрыты лесом и пышной травянистой растительностью.

Природные условия в любую эпоху оказывают большое влияние на жизнь общества. Для Алтая это документально подтверждено данными историко-этнографического характера. Например, в XIX в. было хорошо заметно выделение из всех остальных 1-й дючины в плане хозяйственных занятий. Это оказалось связано с несколько иными природными условиями в районе, более других располагавших к оседлости (Владимиров В.Н., 1990а, с. 150, 158; 1990б, с. 73–75).

Данные о природно-климатических и ландшафтных особенностях рассматриваемого региона в определенной мере способствуют реконструкции образа жизни древнего населения и обеспечивают лучшее понимание их погребальной обрядности.

2.2. РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК НА ПАМЯТНИКЕ ТЫТКЕСКЕНЬ-I (130)

Могильник занимает всю террасу по правому берегу Тыткескена. В 1988 г. экспедицией Алтайского государственного университета под руководством Ю.Ф. Кирюшина раскопано 18 объектов. К пазырыкскому времени относятся пять курганов. Четыре из них расположены цепочкой, ориентированной по линии Ю–С. Между курганом №15 и остальными находились два раннескифских сооружения (рис. 6). Четыре кургана пазырыкского времени ограблены.

КУРГАН №1. Насыпь подпрямоугольной формы, слегка вытянутая по линии ЮВ–СЗ, размерами 4,0х2,8 м, была сложена преимущественно из рваного камня, самые крупные из которых располагались в основном по краю. Камни уложены в один слой. Ближе к центру они находились на подсыпке из мелкого галечника. Могильная яма подовальной формы, размерами 1,4х1,05 м была ориентирована длинной осью по линии ЮЗ–СВ. В северной части она оказалась перекрыта двумя плитами. На глубине 0,85 м зафиксирован четырехугольный каменный ящик, составленный из четырех плит и ориентированный так же, как и могильная яма. Размеры данного сооружения по верху, включая плиты, – 1,1х0,85 м, а по дну между плитами – 0,65х0,42 м. Высота ящика всего 0,37 м. Глубина могилы от современной поверхности составила 1,22 м, а в материке – 0,7–0,85 м. На дне погребальной камеры похоронен ребенок 9–10 лет в скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад, без инвентаря (рис. 7.-III).

КУРГАН №2 находился в 5 м к ССВ от предыдущего объекта. Насыпь подчетыреугольной формы размерами 6х5,5 м была сложена из рваного и окатанного камня в 1–2 слоя. В западной части она оконтурена крупными камнями. Прослойка из мелкого галечника отмечена ближе к центру. Могильная яма подовальной формы, ориентированная длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ, находилась практически под западиной. Могила имела размеры по дну 1,95х1,15 м. Ее глубина от современной дневной поверхности составила 1,9 м (в материке – 1,25 м). В заполнении ямы на глубине 1,6–1,7 м находилось скопление камней. Под ним вдоль южной и восточной стенки зафиксированы вертикально стоявшие камни. Погребение потревожено. Череп отсутствовал, а нижняя челюсть найдена в северном углу. Умершая женщина 20–25 лет (здесь и далее половозрастные определения С.С. Тур) была уложена на

правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на запад-северо-запад. Найдено три десятка бусин у западной стенки могильной ямы, у камня и под ребрами (рис. 7.-II, 1).

КУРГАН №3 находился в 1 м к СВ от предыдущего объекта. При зачистке каменной наброски найдены фрагменты керамики, зуб животного, а также скребок и отщепы, которые происходили из культурного слоя поселения Тыткескень-II. Насыпь кургана подквадратной формы, размерами 6,5х6,5 м была сложена из рваных и окатанных камней в 1–2 слоя. С восточной и юго-восточной сторон выделялись крупные камни. Прослеживалась подсыпка из мелкого галечника. В центре кургана наблюдалась западина. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ–СВ, ближе ко дну изменила параметры от 1,65х1,2 до 1,65х0,65 м. На отметке 1,65 м вдоль северо-западной и северо-восточной стенок зафиксированы остатки древесного тлена (до этого уровня яма не сужалась), который находился на 10–20 см выше дна могилы. Глубина могилы от современной дневной поверхности составила 1,85 м, в материке – 1,3 м. Погребение потревожено и частично завалено камнями. В могиле была похоронена женщина 20–25 лет, на правом боку, головой на юго-запад. Возле черепа найдено около двух десятков мелких бусин (рис. 7.-I).

КУРГАН №15 имел округлую форму с неровными краями размерами 6,0–6,5 м. Наброска повреждена. В насыпи обнаружены фрагменты керамики и обломок кости животного. Курган сложен из рваных и окатанных камней, уложенных в 1–2 слоя. На юго-западном и западном краю насыпи находились более крупные камни. В центре объекта фиксировалась западина. Под ней обнаружена могильная яма, ориентированная длинной осью по линии ЮЮЗ–ССВ. Она имела контур подпрямоугольной формы, размерами 2,45х1,6 м и в верхней части оказалась заполнена камнями. На глубине 0,65 м найдены обломки человеческих костей. На этом же уровне располагались камни, образующие подобие ящика размерами 1,7х0,95 м. Такое сооружение было составлено из мелких и средних камней. На глубине 1,04–1,25 м обнаружены части скелета мужчины 50–55 лет. Они находились преимущественно в центре могилы и в беспорядке. У южной стенки сооружения зафиксирован череп, а рядом с ним найдена нижняя челюсть и другие кости. Глубина могилы в материке составила 0,75 м. Под черепом лежала бусина. В северо-восточной части могилы обнаружен костяной наконечник стрелы (рис. 8.-I–II, 1–2).

КУРГАН №18 находился в 1 м к СВ от первого объекта. Насыпь, вытянутая по линии ЮВ–СЗ, имела размеры 6,0х5,0 м. Она была сложена преимущественно из рваного камня в 1–2 слоя (как бы по кругу). В центре кургана фиксировалась западина, под которой обнаружена могильная яма подовальной формы, ориентированная длинной осью по линии ЮВВ–СЗЗ и имевшая размеры по верху 1,8х1,3 м, а по дну 1,4х0,9 м. Глубина могилы от современной дневной поверхности составила 1,95 м, в материке – 1,55 м. На глубине 1,4–1,7 м в восточной части ямы обнаружены остатки деревянного перекрытия. Две плашки на отметке 1,7 м лежали у северной стенки. Погребение потревожено, поэтому первоначальное положение умершей женщины 45–55 лет восстановить невозможно. У западной стенки могилы найдена бусина (рис. 8.-III–IV, 3).

На курганном могильнике Тыткескень-I не вскрытыми остались еще 5–7 объектов.

2.3. ИССЛЕДОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ НА ПАМЯТНИКЕ ТЫТКЕСКЕНЬ-VI (131)

Терраса, на которой расположен курганный могильник, с запада и северо-запада ограничена горами, с юга р. Тыткескень, с востока и северо-востока руслом Катуня.

Изучение памятника проводились экспедициями Алтайского государственного университета под руководством Ю.Ф. Кирюшина с 1988 по 1993 г. Исследования велись в основном с применением методики сплошного вскрытия, когда в один раскоп включалось по несколько объектов (иногда до 12), а затем вокруг и между ними выбирался грунт. Благодаря этому выявлен ряд небольших ранее незамеченных сооружений, в частности курганы №8, 15, 17 и грунтовая могила №47, которые не выделялись на современной дневной поверхности. Некоторые курганы были повреждены в процессе хозяйственной деятельности людей. Все исследованные объекты оказались хорошо задернованными.

Памятник попадал в зону строительства плотины Катунской ГЭС и почти полностью раскопан. Остались неисследованными несколько зафиксированных при обследовании курганов и часть ритуальных выкладок. Сохраняется вероятность и того, что небольшие погребальные или поминальные сооружения диаметром 2–4 м, а также грунтовые могилы могли быть просто не замечены. Как показала практика, малые объекты практически не выделялись на поверхности даже по растительности, так как слой дерна и гумуса над ними составлял по 20–30 см. Несколько таких конструкций, например, поместились бы между курганами №18 и 19, 6 и 29, где существуют разрывы между раскопами (рис. 9). Однако крупные курганы не могли остаться незамеченными.

В ходе всех проведенных работ оказалось вскрыто более 60 объектов, из которых большая часть (49) относится к скифской эпохе.

Курганы пазырыкского времени располагались цепочкой по линии Ю–С на протяжении 450 м параллельно Катуни. В 15–20 м к западу от них находилась цепочка поминальных выкладок. Курганы составляли три микроцепочки, расположенные в северной, центральной и южной частях могильного поля. Каждая из них в свою очередь состояла из нескольких групп курганов (рис. 9). Первая включала три таких образования: 1) №11–18; 2) №19–25; 3) №41–47, 6–9. В 40–47 м к юго-востоку находилась вторая микроцепочка, в которой также выделялись три группы курганов: 1) №30, 29, 71–73, 28; 2) №27, 62, 54 и один не раскопанный объект; 3) №4, 3, 2, 48. К юго-западу располагалась третья микроцепочка, объекты которой (№31–37) образовывали отдельную группу в южной части могильного поля, разместившись параллельно р. Тыткескень (по линии 3–В) или перпендикулярно основной цепочке пазырыкских курганов.

Представленные ниже описания исследованных объектов даются, начиная с самого северного кургана (№11) и далее в том порядке, как они расположены на местности (рис 9).

КУРГАН №11 находился на всхолмлении и вместе с объектами №12 и 13 образовывал микроцепочку, ориентированную по линии ЗСЗ–ВЮВ. Полы этих курганов соприкасались. Насыпь рассматриваемого кургана аморфной формы, размерами 4,5х3,6 м, вытянутая по линии 3–В, была сложена преимущественно из мелкого и среднего рваного камня в 1–2 слоя. Нижний горизонт составляли более крупные камни. Могильная яма находилась в центре кургана, имела контур подпрямоугольной формы и была ориентирована длинной осью по линии 3–В. Отмечены такие размеры могилы: по верху 2,0х1,0 м, по дну 2,0х0,85 м, глубина 1,9 м. Вдоль южной стенки ямы лежало бревно диаметром до 15 см. Кости человека отсутствовали. На дне, в северной части могилы, располагался развал глиняного сосуда, рядом с ним бронзовый колчаный крюк, в центре бронзовый нож и позвонки овцы, а южнее этого – миниатюрные бронзовые чекан и кинжал (рис. 10.-III; рис. 11.-3; рис. 12.-1–2, 5–6).

КУРГАН №12. Насыпь его частично разрушена. Объект как бы втиснут между курганами №11 и 13. Среди камней наброски найдено несколько фрагментов керамики. Насыпь была вытянута по линии ЮЗ–СВ, имела размеры 5,8х4 м. Она сооружалась, в основном, из рваных камней, которые частично укладывались по кругу и располагались в 1–2 слоя. Нижний горизонт составляли более крупные камни.

Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ–СВ, имела такие размеры: по верху 1,65х1,15 м, по дну 1,25х0,6 м, глубину 1,4 м. В заполнении могилы попадались угольки. По контуру ямы располагались крупные камни, а под ними зафиксированы остатки сруба, который находился на 10 см выше дна могилы. Короткие плашки перекрывали длинные. Толщина их составляла 5–6 см. Умерший подросток был уложен на правый бок, головой на северо-восток. Кости ног оказались частично перекрыты плашками сруба. Возле плечевой кости правой руки найден целый глиняный сосуд, расписанный черной краской, а рядом лежал железный нож (рис. 10-I; рис. 11.-2, 4).

КУРГАН №13. Насыпь, вытянутая по линии Ю–С, размерами 6х5,5 м была сложена преимущественно из мелкого камня в 3–4 слоя. Могильная яма оказалась смещенной к востоку от центра кургана. Она имела контур подпрямоугольной формы, ориентированный длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. Размеры могилы были такие: вверху 2,0х1,1 м, по дну 1,8х0,8 м, глубина 2,25 м. На отметке 2 м в яме с трех сторон фиксировались остатки деревянной рамы, сооруженной из плах толщиной и шириной 13х6 см. Рама располагалась на 10–12 см выше дна. В могиле погребен мужчина 30–35 лет, уложенный на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на восток-юго-восток. В северо-восточном углу найден целый глиняный сосуд с росписью, рядом с черепом обнаружены позвонки овцы, между ребрами и тазовыми костями лежала бронзовая пуговица, а у бедренной кости правой ноги отмечен миниатюрный бронзовый кинжал (рис. 10.-II; рис. 11.-1; рис. 12.-3–4).

КУРГАН №14 находился в 2 м к югу от предыдущего объекта. Насыпь округлой формы диаметром 6,6–7 м была оконтурена крупными камнями, уложенными горизонтально, реже поставленными на ребро, без углубления в материк (рис. 13). Мощность курганной наброски составила от 2 до 4 слоев камней. В восточной части насыпи найден крупный галечный нуклеус. Могильная яма была расположена в центре кургана. Она имела подпрямоугольную форму, ориентацию длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ и такие размеры: 2,75х1,5 м, глубину 2,6–2,75 м. По дну могилы вдоль южной и северной стенки находились крупные окатанные камни. Над погребением прослежены остатки древесного тлена от перекрытия. Женщина 35–40 лет была уложена в центре могилы на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. В северо-восточном углу ямы найден целый глиняный сосуд баночной формы, к западу от него – бронзовый нож и позвонки овцы. Бронзовое зеркало с короткой боковой ручкой лежало слева у пояса. Кроме этого, были обнаружены бусы (из сердолика, стекла, створок раковины моллюска и др.) и железная заколка с бронзовой шляпкой (рис. 14.-II; рис. 15).

КУРГАН №15. Северной полкой примыкал к предыдущему объекту (рис. 13). Насыпь округлой формы диаметром около 2 м была сооружена из мелкого и среднего окатанного камня, уложенного в один слой. По краю наброски располагались более крупные камни. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ, имела следующие параметры: 1,25х0,7 м, глубину 1,4 м. У каждой стенки могилы находилось по одному окатанному камню. Сохранилось всего несколько костей ребенка.

КУРГАН №16 находился в 1,5 м к югу от предыдущего объекта. Насыпь округлой формы, размерами 8,5–9,5 м (рис. 13) состояла из 3–5 слоев рваных и окатанных камней. Наброска была оконтурена крупными булыжниками. В насыпи фиксировалась западина. По ее краям находились крупные камни. В западине найдено несколько фрагментов керамики, в том числе венчик от сосуда баночной формы, украшенный жемчужником. Могильная яма подовальной формы, ориентированная длинной осью по линии З–В, имела следующие размеры: по верху 2,25х1,7 м, по дну 1,83х0,86 м, глубину 2,45 м. В заполнении попадались остатки сгнившего дерева. На дне могилы обнаружен «сруб» из плах высотой до 10 см. Короткие плашки были перекрыты длинными. В северо-западном углу ямы находился круп-

ный наклонно стоящий камень. Над погребением мужчины 20–25 лет сохранилась берестяная прослойка. Могила, по-видимому, была ограблена, когда труп еще полностью не разложился, о чем свидетельствует положение некоторых костей. In situ находились только кости рук и ног. Судя по ним, умерший был уложен на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. В могиле найден развал глиняного сосуда, бронзовый крючок и позвонки овцы (рис. 14.-I; рис. 16.-1).

КУРГАН №17 находился в 2,3 м к югу от предыдущего объекта. Насыпь округлой формы, размерами 2,5–2,8 м была сложена преимущественно из мелкого и среднего окатанного камня, уложенного по краю в один, а в центральной части – в два слоя (рис. 13). Крупные валуны окантовывали насыпь с восточной стороны. Могильная яма подовальной формы, ориентированная длинной осью по линии 3–В, имела такие размеры: по верху 1,45х1,1 м, по дну 1,15х0,65 м, глубину 0,95 м. В ней находился каменный ящик подчетырехугольной формы, из вертикально поставленных плит и камней высотой 0,26 м. Длинные стенки составлены из двух камней каждая. В такой погребальной камере лежал ребенок 5 лет на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. В северо-восточном углу сооружения, возле черепа, найдены позвонки овцы (рис. 14.-IV). Сверху ящик был перекрыт камнями и плитами.

КУРГАН №18 находился в 0,5 м к югу от предыдущего объекта. С курганом №16 он был соединен «полосой» камней в один слой, проходящей восточнее кургана №17 (рис. 13). Насыпь рассматриваемого объекта была округлой формы размерами 6,25х6,5 м. Она состояла из мелкого и среднего окатанного галечника (в 3–4 горизонта), а также из крупных рваных камней, уложенных по кругу в один слой. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии 3С3–ВЮВ, имела следующие размеры: по верху 2,15х1,25 м, по дну 2,12х0,75 м, глубину 2,2 м. На отметке 1,6 м были зафиксированы крупные камни, лежавшие по диагонали могилы. Деревянная рама размещалась на приступках шириной 5–6 см, сооруженных у северной и южной стенок. В ней погребена умершая женщина 18–20 лет, уложенная на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на восток-юго-восток. На локтевых костях правой руки найдено бронзовое зеркало. Вдоль ребер, с правой стороны, обнаружены разноцветные бусы. В северо-восточном углу, за пределами рамы, располагался глиняный сосуд с росписью (рис. 14.-III; рис. 16.-2–4).

КУРГАН №19 находился в 11 м к югу от предыдущего объекта (рис. 9). К юго-востоку от него зафиксировано скопление камней в один слой с мелким галечником. Насыпь кургана округлой формы, диаметром 6,75 м, сложена из рваных и окатанных камней до 3 слоев. По краю наброски находились крупные камни, а в центре фиксировался мелкий галечник. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии 3–В, имела следующие размеры: по верху 2,2х1,3 м, по дну 1,6х0,65 м, глубину 1,9 м. Древесная обкладка (ширина тлена 8–15 см) находилась на заплечиках по периметру могилы. Погребена женщина 50–55 лет. Она лежала на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. В северо-восточном углу могилы находился глиняный сосуд с росписью (рис. 17).

КУРГАН №20. Каменная насыпь имела округлую форму диаметром 9,6 м. Овальной формы могильная яма, размерами 3х1,92 м, была ориентирована длинной осью по линии 3–В. Заполнение ее оказалось забутовано камнями и мешанной землей. В нем обнаружено впускное погребение. Умерший человек захоронен в вытянутом положении, головой на восток-юго-восток. Правая рука его была согнута в локте. Инвентарь отсутствовал. Основное погребение зафиксировано на глубине 1,9–2,2 м. Скелет мужчины 30–35 лет потревожен грабителями так, что восстановить первоначальное положение умершего невозможно. Найдены отдельные фрагменты сосуда с прочерченным геометрическим орнаментом (рис. 20.-3). Кроме этого, в заполнении могилы встречены угли. На дне могильной ямы обнаружены остатки деревянного сруба в один венец, перекрытого, видимо, плахами.

КУРГАН №20а находился в 2 м к югу от предыдущего объекта. Насыпь была сложена преимущественно из крупных и мелких камней. Ее размеры с севера на юг – 5,2 м, с запада на восток – 4,8 м. Ни могилы, ни каких-либо находок не отмечено.

КУРГАН №21. Каменная насыпь была округлой формы диаметром 6,7 м, высотой 0,42 м. По ее краям находились крупные камни, служившие крепидой. Могильная яма подквадратной формы с сильно закругленными углами размерами 3х2,5 м, глубиной 2,26 м, ориентирована длинной осью по линии З–В. Погребение человека обнаружено в двухвенцовом деревянном срубе размерами 1,9х1,3 м, высотой 0,22 м. Перекрытие сруба было составлено из плах толщиной 10–15 см. Умерший мужчина 40–45 лет лежал на правом боку с сильно согнутыми в коленях ногами, с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на восток. В северо-восточном углу сруба стоял керамический сосуд. У северной стенки могильной ямы, за срубом, находился скелет лошади, судя по которому, животное укладывалось на живот, головой на восток (рис. 18.-I, 1).

КУРГАН №23. Насыпь округлой формы, диаметром 5,7 м, высотой 0,4 м. По ее окружности лежали крупные валуны, служившие крепидой многослойной наброски. Могила подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами, ориентированная длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ, имела такие параметры: 2,3х1,1 м, глубину 1,9 м. На отметке 1,4 м выявлены крупные камни, под которыми шло перекрытие из плах, и обнаружено большое количество углей. На дне ямы находился двухвенцовый сруб из жердей размерами 1,8х0,65 м. В нем погребена женщина 25–30 лет на правом боку с подогнутыми ногами, головой на восток с небольшим отклонением к югу. Сопроводительный инвентарь представлен бронзовым зеркалом с ручкой, находившимся у тазовых костей с левой стороны, и керамическим сосудом с росписью (рис. 18.-II, 2–3).

КУРГАН №24. Насыпь была такого размера – 7,6х6,0 м. Могильная яма овальной формы, ориентированная длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ, имела следующие параметры: длина 2,65 м, ширина 1,85 м, глубина 2,3 м. На дне могилы находился сруб из жердей размерами 1,9х1,25 м, высотой 0,28 м, имевший плохо сохранившееся перекрытие. Там захоронены три человека (две женщины 30–40 лет и подросток), которые лежали на правом боку, с согнутыми в коленях ногами. Все они были ориентированы головой на восток (с отклонением к югу). Сопроводительный инвентарь представлен двумя бронзовыми зеркалами с боковыми ручками (одно изделие представляет собой имитацию настоящего предмета), железным ножом и двумя разрушенными керамическими сосудами, стоявшими у северной стенки сруба (рис. 19). Крестец овцы обнаружен у восточной части погребального сооружения близ черепа одного из умерших.

КУРГАН №25. Каменная насыпь имела размеры 8х7,2 м. Под ней выявлены две могильные ямы овальной формы. Одна располагалась в центре. Ее размеры 2,3х1,62 м, ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Другая могила находилась в 1,2 м к северу от первой. Она была овальной формы, размерами 1,2х0,84 м, глубиной 1,05 м, ориентирована длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ и имела вертикальные стенки. На дне центральной ямы обнаружены разбросанные кости взрослых людей (женщины старше 50 лет и мужчины 35–40 лет) и бронзовые вещи: восьмерковидная серьга, зеркало, сломанное пополам, нож. В боковой могиле был погребен ребенок 1,5–2 лет, уложенный на правый бок, со слегка подогнутыми ногами, правая рука его была вытянута, а левая согнута в локте и уложена на уровне грудной клетки. Сопроводительный инвентарь представлен фрагментами железного ножа, лежавшего рядом с костями овцы (рис. 20.-I–II; 1.-2, 4).

ОБЪЕКТ №41 находился в 2 м к югу-востоку от кургана №25 и состоял из двух дугообразных сооружений, направленных лучами в противоположные стороны. «Северная дуга» (№1) смещена к вос-

току по отношению к «южной» (№2) и сложена преимущественно из рваного камня, хотя там же прослежена и подсыпка из мелкой гальки. Камни располагались в основном в два, реже – в один или три слоя. Нижний горизонт наброски составляли крупные камни, верхний – мелкие и средние. Максимальные размеры описанной дуги с запада на восток – 7,25 м, с севера на юг – 2,3 м. Размеры дуги №2 соответственно 7,0 м и 1,5–2,0 м. Она сложена из окатанного камня в основном в два слоя (рис. 21).

ОБЪЕКТЫ №46 и 47 находились в 2,5 м к югу от предыдущего объекта и в 2 м к северу от кургана №44 (рис. 21). Объект №46 представлял собой бесформенное скопление из мелких окатанных камней, вытянутое по линии З–В с максимальными размерами 2,5х1,5 м. Камни были уложены в один слой. На восточной окраине скопления обнаружен относительно крупный камень. Несколько мелких галек располагались там ниже общего уровня. Объект №47, представлявший собой скопление окатанных камней, зафиксирован на глубине 0,85–0,98 м. С отметки 1,18 м прослежена могильная яма подовальной формы, ориентированная длинной осью по линии З–В, размерами 2,1х1,1 м, глубиной 1,9 м. Деревянное перекрытие могилы фиксировалось с глубины 1,58 м. На дне ямы находился деревянный ящик (?), высота стенок которого была до 25 см, а толщина – около 5 см. Размеры погребальной камеры – 1,7х0,8 м. В могиле захоронено три человека (мужчина 45–50 лет, женщина 30–35 лет и подросток 15–16 лет), уложенных скорченно, на правый бок. Все умершие ориентированы головой на восток. В юго-восточном углу могилы найдены позвонки овцы, три глиняных сосуда с росписью, шесть костяных втульчатых наконечников стрел и обломки двух железных ножей (рис. 22.-I; 23).

КУРГАН №44 юго-восточной полой примыкал к кургану №42, а с объектом №45 был соединен перемычкой (рис. 21). Бесформенная плоская насыпь, сложенная преимущественно из окатанных камней в 1–3 слоя (по краю насыпи крупные камни уложены в один слой), имела следующие размеры: 3,5х2,75 м. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии З–В, размерами 1,35х0,85 м, была перекрыта уложенными поперек четырем плитам, под которыми находился каменный ящик трапецевидной формы, размерами 0,8х0,5 м, глубиной по плитам до 0,22 м. Стенки погребальной камеры укреплены камнями. На глубине 0,7–0,75 м от современной поверхности в ящике лежал ребенок скорченно на правом боку, головой на восток. При нем находился миниатюрный бронзовый нож (рис. 22.-II; 24.-6).

ОБЪЕКТ №45. Насыпь подтрапецевидной формы, вытянутая по линии ЮЗ–СВ, размерами 4,0х2,5 м была сложена из окатанного камня в 1–2 слоя. Крупные камни располагались по краю наброски. Могильная яма не обнаружена (рис. 21).

КУРГАН №42. Насыпь округлой формы, размерами 5,5х5,25 м, оформлялась преимущественно из рваного камня мощностью до пяти слоев (рис. 21). По всей площади кургана нижний горизонт составляли крупные булыжники. В насыпи найден точильный брусок. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии З–В, имела такие размеры: длину 2,65 м, ширину 1,55 м, глубину 2,15 м. По контуру могилы, с отметки 1,9 м, фиксировались окатанные камни. Под некоторыми из них сохранился древесный тлен. Умерший погребен скорченно на правом боку, головой на восток. В северо-восточном углу найден развал глиняного сосуда. Напротив правой плечевой кости обнаружены позвонки овцы (рис. 22.-IV; 24.-3).

КУРГАН №43 находился в 1 м к югу от предыдущего кургана. Насыпь округлой формы с неровными краями, размерами 8х9 м, была сложена из окатанных и рваных камней, в основном в три слоя (рис. 21). Нижний горизонт составляли наиболее крупные камни. Западина и грабительский выброс из могилы зафиксированы в центре кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ, имела следующие размеры: по верху 2,35х1,55 м, по дну 2,25х1,3 м,

глубину 2,15 м. На отметке 1,8 м обнаружены камни, выложенные по контуру ямы. В западной части сохранились две плахи перекрытия. Погребение потревожено. В могиле был погребен один человек. Он лежал на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на восток-юго-восток. Из инвентаря сохранились: целый глиняный сосуд с росписью, бронзовый нож, позвонки овцы, у правой локтевой кости – бронзовый крючок, а у тазовой – бронзовая ворворка (рис. 22.-III; 24.-2, 4–5, 8).

КУРГАН №9. Насыпь округлой формы диаметром 3,75 м была сложена из камней в 2–3 слоя. Крупные камни располагались по окружности наброски. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ, имела следующие размеры: по верху 1,9х1,0 м, глубину 1,5 м. Деревянная рама и часть перекрытия зафиксированы под крупными валунами, которые находились в заполнении могилы на глубине 1,1 м. Параметры плах перекрытия 75х18х3 см. Рама имела размеры 1,6х0,65 м, высоту бревен до 11 см. Северное бревно частично перекрывало кости руки и ноги женщины 25–30 лет, которая была положена на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на восток-северо-восток. Около черепа зафиксировано несколько уголков и крестец барана. Под восточным бревном рамы обнаружен глиняный сосуд с обломанным венчиком, а у бедренной кости лежал костяной наконечник стрелы (рис. 25.-I; 26.-2,11).

КУРГАН №8. Насыпь округлой формы, диаметром 2,75 м, сложена из мелких и средних окатанных камней в один слой. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ, имела размеры: длину 1,6 м, ширину 0,9 м, глубину в материке 1,3 м. Над погребением находилось несколько окатанных камней. Перекрытие было сделано из коры. Под ним сохранились остатки деревянной обкладки могилы вдоль северной, восточной и южной стенок. Ребенок 6–7 лет был уложен на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на восток-юго-восток. В северо-восточном углу могилы находились позвонки овцы. Кроме этого, найдены два глиняных сосуда плохой сохранности (рис. 25.-IV; 26.-7, 9, 14).

КУРГАН №7 северо-западной полкой примыкал к предыдущему объекту. Насыпь подтреугольной формы, размерами 5х5 м, была сложена из окатанных и рваных камней мощностью до четырех слоев. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ, имела следующие параметры: по верху 2х1,2 м, по дну 1,95х1 м, глубину 2,15 м от современной поверхности и 1,65 м в материке. В могиле сохранились остатки деревянной обкладки высотой до 3 см вдоль южной, северной и западной стенок. Погребенный был уложен на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на восток-юго-восток. Рядом с черепом находился глиняный сосуд. Кроме того, найдены бронзовый нож и остатки миниатюрного бронзового зеркала с боковой ручкой (рис. 25.-II; 26.-6, 8, 12).

КУРГАН №6 находился в 0,5 м к югу от предыдущего объекта. Насыпь имела подовальную форму (вытянута по линии Ю–С) и размеры 9,25х7,75 м. В центре кургана зафиксирована западина. Наброска состояла преимущественно из окатанных камней в 1–4 слоя, в том числе много мелких галек. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии З–В, имела следующие параметры: по верху 2,35х1,65 м, по дну 2,1х1,05 м, глубину 2,25 м. Погребение сильно потревожено. Сохранились остатки деревянной обкладки. У западной и восточной стенок находилось по одному камню. Умерший был уложен на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. Из инвентаря найдены обломки глиняного сосуда и бронзовые вещи: чекан, ворворка, кинжал, крючок, пронизка, нож (рис. 25.-III; 26.-1, 3–5, 10, 13).

ОБЪЕКТ №30 располагался в 39 м к юго-востоку от предыдущего кургана. Насыпь сложена из окатанных камней. Могилы не было. На глубине 0,22 м в центральной части объекта обнаружены обломки сосуда. Венчик орнаментирован треугольными вдавлениями углом лопаточки (рис. 27.-III, 1).

КУРГАН №29 находился в 48 м к юго-юго-востоку от кургана №6. Насыпь овальной формы, размерами 5,8х4,5 м, была сложена из окатанных и рваных камней. Могильная яма прослежена на глубине 0,46 м. Она была овальной формы, размерами 2,03х0,92 м, глубиной 1,9 м, ориентирована длинной осью по линии З–В. Заполнение ямы – светлая супесь, камни, а с отметки 1,42 м фиксировался слой песка и галечник. Древесный тлен в могиле прослеживался на глубине 1,47 м. В центральной части сохранились остатки деревянной конструкции, состоявшей из перекрытия в виде жердей толщиной до 12 см, положенных продольно. Под костями погребенных также фиксировался 4–5-сантиметровый слой древесного тлена. В могиле похоронены два человека (мужчина 40–50 лет и женщина 16–20 лет). Они лежали на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. С ними находились следующие вещи: обломок бронзовой трубчатой гривны, бронзовый клинок кинжала с остатками деревянной обкладки, миниатюрный бронзовый чекан, два развала глиняных сосудов (рис. 28).

КУРГАН №72. Насыпь округлой формы, размерами 4,6х4,1 м, была сложена преимущественно из окатанных камней (рис. 29). Могильное пятно овальной формы зафиксировано на глубине 0,5 м. Оно оказалось вытянутым длинной осью по линии З–В и имело такие размеры 1,9х1,05 м. В заполнении могильной ямы встречались камни, ракушки, фрагменты керамики. Остатки древесного тлена мощностью около 3 см обнаружены на глубине 1,67 м. Вероятно, перекрытие было сооружено из плах и занимало площадь 1,4х0,73 м. Найденные по углам вертикально стоящие камни служили опорой для внутри-могильного сооружения. Похоронены два человека (женщина 25–30 и мужчина 30–35 лет), которые лежали на правом боку, в скорченном положении (пятки сильно подтянуты к тазовым костям), головой на восток. На дне могильной ямы (1,8 м), в северо-восточном углу, находился плоскодонный сосуд и кости м.р.с. Кроме этого, обнаружены бронзовый чекан с остатками древка, бронзовые ворворка и крючок (рис. 30.-I, 1–4).

КУРГАН №73 оказался вытянутым по линии ЮЗ–СВ. Он имел такие размеры – 7,8х3,25 м. Насыпь была сложена из рваных камней. По ее периметру располагалась, вероятно, крепида (рис. 29). Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентированная длинной осью по линии З–В, имела следующие параметры: по верху 2,08х1,55 м, глубину у западной стенки 1,3 м, а у восточной – 1,24 м. На дне могилы по углам находились камни, которые являлись опорой для деревянного перекрытия (размерами 1,55х1,1 м), зафиксированного на отметке 1,13 м в виде тлена. По всей видимости, было захоронено два человека. Они были ориентированы головой на восток. Кости очень плохой сохранности. В северо-восточном углу могилы обнаружены ножи: бронзовый и сильно окислившийся железный. Кроме этого, найдены три сосуда с росписью, часть одного из которых была отбита еще в древности (рис. 30.-5–7; 31.-4–5).

КУРГАН №71. Насыпь округлой формы, размерами 6х5,25 м, была сложена из окатанных и рваных камней (рис. 29). Могильная яма прослежена на глубине 0,5 м от уровня современной поверхности. Она имела размеры 2,7х1,7 м и овальную форму контура, вытянутого длинной осью по линии З–В. На дне могилы, у южной и северной стенки, обнаружены камни, которые, вероятно, служили опорой для деревянного перекрытия (1,73х0,98 м), состоящего из плах толщиной 3–4 см, скрепленных поперек брусками и зафиксированных на глубине 1,6 м в виде древесного тлена. Могила имела заплечики. Глубина ее составила 1,8 м. Похоронен мужчина 35–40 лет. Он лежал на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. Из вещей найдены: глиняный сосуд с росписью, бронзовый нож, обкладка ножен в виде фольги из белого металла, кости м.р.с., бронзовый кинжал с остатками кожаных ножен, бронзовый миниатюрный чекан с остатками деревянной рукояти (рис. 31.-I, 1–3, 6).

КУРГАН №28 находился в 6 м к юго-западу от предыдущего объекта. Насыпь была сложена из рваных и окатанных камней. Могильная яма прослежена на глубине 0,54 м в юго-восточной части кургана. Она была овальной формы, ориентирована длинной осью по линии 3–В, размерами 2,3х1,3 м. На глубине 0,83 м обнаружено перекрытие каменного ящика, составленного из плит и имеющего размеры 1,83х0,75 м. Погребен один человек. Он лежал на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. При нем находились два костяных наконечника стрелы, а также остатки заупокойной пищи в виде костей м.р.с. и бронзовый нож (рис. 27.-I, II, IV, 2–4).

КУРГАН №27 находился в 16 м к юго-юго-западу от предыдущего объекта. Насыпь округлой формы (размерами 7,7х6,5 м) была сложена из мелких и средних окатанных камней в три слоя. Могильная яма прослежена на глубине 0,65 м в центре кургана. Она имела контур овальной формы, ориентированный длинной осью по линии 3–В (с небольшим отклонением), размерами 3,1х1,9 м. В заполнении могильной ямы в виде темной и светлой супеси попадались отдельные камни и галечник. С глубины 1,21 м обнаружен скелет лошади, которая была уложена на приступку у северной стенки могилы, на брюхо, с подогнутыми ногами. Фиксировались остатки дерева, которое использовалось, вероятнее всего, как перекрытие погребальной камеры для человека. На лопатках и хребте сохранилась кожа и темный ворс шкуры животного, а на ней множество бронзовых украшений в виде нанизанных на ремень бронзовых колечек различных диаметров. В состав конского снаряжения входили следующие элементы: два бронзовых распределителя ремней, две подпружные пряжки, удила и бронзовые двудырчатые псалии, налобная бляшка с петелькой для ремня, бронзовая бляшка в виде стилизованной головы грифона и др. Подпружные пряжки лежали с левой стороны, под ребром, на кожаных ремнях. На переносице сохранился ремень с двумя бронзовыми колечками-пронизками. Под лопаткой обнаружен сильно окислившийся железный предмет. Погребальная камера для человека представлена в виде обкладки из рваных камней, валунов и небольших плит (высотой до 0,52 м). У южной стенки их было 8, у северной – 4. На глубине 2,09–2,12 м захоронена женщина 25–30 лет, которая лежала на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на северо-запад-запад. Инвентарь представлен следующими предметами: бронзовым зеркалом в чехле из кожи, в котором сохранились кусочки бересты; каменной курильницей, лежавшей у локтевого сустава правой руки; цепочкой из золотой проволоки, найденной у черепа; остатками железных булавок и просверленным камнем, двумя золотыми серьгами, двумя бусинами (одна – из красного камня, другая – из белого), бронзовым ножом, черным глиняным сосудом. Обнаружены остатки заупокойной пищи в виде костей м.р.с (рис. 32–34).

КУРГАН №4 находился в 160 м к югу от кургана №6. Насыпь имела овальную форму, вытянутую по линии ЮВ–СЗ, размерами 10,5х9 м. В центре кургана фиксировалась западина. Наброска состояла из рваных и окатанных камней от 2 до 5 слоев. Самые крупные из них располагались по окружности насыпи в один слой. Среди камней, просевших в могилу, найдены фрагменты керамики и кости животных. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии ЮВ–СЗ, имела следующие параметры: по верху 2,3х1,4 м, по дну 1,9х1 м, глубину 3 м. В могиле прослеживалась деревянная обкладка вдоль восточной, западной и северной стенок. Погребение потревожено, особенно в восточной части. Черепа не было, но нижняя челюсть сохранилась. Умерший был уложен на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток. Между бедренными костями найден бронзовый кинжал и неподалеку бронзовая ворворка (рис. 35, 1–3; 36.-2).

КУРГАН №3 находился в 2,5 м к югу от предыдущего объекта (рис. 35). Насыпь была вытянута по линии ЮЗ–СВ, имела размеры 5,5х5 м, частично повреждена. Возможно, первоначально курган имел подпрямоугольную форму. Каменная наброска состояла из рваного камня в 1–2 слоя. По краю насыпи

уложены крупные камни. Могильная яма подпрямоугольной формы, вытянутая длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ, имела следующие параметры: по верху 1,9х1,1 м, по дну 1,7х0,85 м, глубину 2,5 м. Над погребением находились крупные камни. Прослежены остатки деревянной обкладки могилы у северной, восточной и южной стенок (шириной 6 см, толщиной 7 см). Умерший мужчина 25–30 лет был уложен на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на восток (рис. 37.-II). В северо-восточном углу могилы найден глиняный сосуд с росписью, между ним и черепом – крестец м.р.с., а около грудной клетки сохранился фрагмент мумифицированного тела умершего с остатками одежды, под которой находился миниатюрный бронзовый чекан с деревянной ручкой (рис. 38–47). Между берцовыми костями ног лежал костяной черешковый наконечник стрелы, а у черепа – уголек (рис. 37.-1–3).

КУРГАН №2 находился в 1 м к югу от предыдущего объекта. Насыпь округлой формы, размерами 8х7,25 м, была сложена из рваного и окатанного камня. Западина зафиксирована в центральной части кургана. В насыпи найдены фрагменты керамики и кость животного. Могильная яма подпрямоугольной формы, вытянутая длинной осью по линии ЮВВ–СЗЗ, имела такие размеры: по верху 2,6х1,3 м, по дну 2,1х0,85 м, глубину 2,85 м. На дне сохранились три стенки деревянной рамы, высотой до 11 см, шириной – 5 см. В могиле погребена женщина в возрасте около 20 лет. Она лежала на правом боку, головой на юго-восток-восток (рис. 50). Из вещей найдены: глиняный сосуд с росписью, бронзовый нож, бронзовое зеркало с ручкой в виде лежащего верблюда, каменная курильница, около трех десятков мелких бусин разного цвета из сердолика и жемчуга (?). Крупные бусины красного цвета найдены на месте яремной впадины.

КУРГАН №48. Насыпь овальной формы (размерами 6,5х5 м) сооружена из рваных камней и речных валунов (рис. 51). По краям наброска состояла из двух слоев камней, а в центре – из трех (между ними прослеживалась прослойка из мелкого галечника и супеси). Могила подпрямоугольной формы, размерами 2,44х1,85 м, была ориентирована длинной осью по линии З–В. Ее глубина в материке составила 2,1 м. На отметке 1,9 м зафиксирована однослойная забутовка из речных валунов и рваного камня. Под ней обнаружен скелет мужчины 45–50 лет, уложенного скорченно на правый бок, головой на северо-восток-восток (могила-1). У левой руки погребенного найден бронзовый крючок, севернее головы, среди астрагалов м.р.с., лежал бронзовый нож, а возле позвоночника – обломок костяного наконечника стрелы (рис. 37.-I; 51.-1–2).

У северо-восточного края насыпи обнаружено пятно округлой формы, размерами 0,85х0,75 м. При его выборке обнаружен прокол кострища. Пятно было обложено небольшими речными валунами. Вещей не обнаружено. Восточнее кострища, под однослойной насыпью из камней, находилась конструкция из каменных плит подпрямоугольной формы, размерами 1,1х0,6 м. Две верхние плиты перекрывали две нижние. Под ними выявлено могильное пятно округлой формы, размерами 1,47х1,12 м. Глубина могилы в материке составила 0,64 м. В могиле обнаружен каменный ящик из четырех вертикально поставленных плит, перекрытых одной большой плитой (рис. 51). В этой погребальной камере находился скелет ребенка, уложенного головой на восток (могила-2). Кости плохой сохранности. В северо-восточном углу ящика обнаружен орнаментированный керамический сосуд, а возле него – бронзовый нож (рис. 51.-3–4).

КУРГАН №62 вытянутой по линии З–В формы, размерами 5,5х4 м, был сложен из рваного и окатанного камня разных размеров. Могильная яма выявлена на глубине 0,54 м. Она имела овальный контур, ориентированный длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ, размерами 3х2 м. Глубина могилы в материке составляла 1,5 м. У северной стенки, на приступке высотой 15 см, находился костяк лошади. Животное захоронено на животе, с подогнутыми ногами. Над погребением прослежены четыре плахи от

перекрытия, располагавшиеся вдоль могилы. На этом же уровне найдено несколько камней также от перекрытия. Мужчина 35–40 лет был погребен у южной стенки, на спине (?), с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток-восток. Под черепом зафиксирован камень. Между человеком и лошадью найдены глиняный кувшин, позвонки и крестец м.р.с. (рис. 52.-I, III, 3).

КУРГАН №54. Насыпь округлой формы, размерами 6,5–7 м была сложена преимущественно из рваного камня разных размеров в 1–3 слоя. По окружности кургана выделялась кольцо-крепида из более крупных камней, местами в два слоя. Среди камней наброски обнаружен обломок зернотерки. Могильная яма выявлена на глубине 0,65 м. Она имела подпрямоугольную форму, была ориентирована длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ, размерами 2,2х1,5 м. Глубина ямы в материке составляла 1,85 м. На дне могилы (вдоль стенок) находились крупные окатанные камни. Умерший лежал на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на восток-северо-восток. В северо-восточном углу зафиксированы развал глиняного сосуда с росписью, бронзовый нож и крестец м.р.с. У нижней челюсти погребенного находилась бусина красного цвета, под черепом черное пятно, а под тазовыми костями угли (рис. 52.-II, 1–2, 4).

КУРГАН №31. Насыпь вытянутой по линии З–В формы, размерами 6х5 м была сложена из рваного камня в 2–3 слоя. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии Ю–С, имела следующие параметры: по дну 1,3х0,7 м, глубину в материке 1 м. В ней погребена женщина 35–40 лет, уложенная на спину, головой на север. Ног не было. К югу от тазовых костей найдена железная заколка (рис. 53.-II, 3).

КУРГАН №32. Насыпь округлой формы, диаметром около 6 м была сложена из камней в два слоя. В центре зафиксирована западина. Могильная яма, ориентированная длинной осью по линии Ю–С, ближе ко дну сужалась и имела размеры 2,05х1,2 м. Глубина могилы в материке составила 1,8 м. Над погребенным лежали камни. На дне ямы сохранились остатки деревянных плашек, по-видимому, от рамы. Захоронение разграблено. Сохранилось несколько костей человека, в том числе череп, найденный в северо-западном углу рядом с позвонками м.р.с. (?). Скорее всего, умерший мужчина 50–55 лет был ориентирован головой на север (рис. 53.-I).

КУРГАН №35 представлял собой вытянутую по линии З–В насыпь из рваного камня, размерами 5х3 м.

КУРГАН №34. Насыпь имела размеры около 7х6 м и была сложена преимущественно из рваного камня, реже – из валунов. Могильная яма, ориентированная длинной осью по линии З–В, имела размеры 1,8х1,1 м и глубину в материке 0,9 м. На дне ямы находился каменный ящик из вертикально поставленных камней, перекрытый сверху плитами, уложенными в несколько слоев. Под нижним слоем плит зафиксированы остатки деревянного перекрытия, уложенного продольно. Размеры ящика, включая плиты, 1,65х1,1 м (между плитами 1,37х0,66 м), высота его 0,2–0,26 м. Длинные стенки составлены из двух плит каждая. Мужчина 50–55 лет был уложен на левый бок с подогнутыми ногами, головой на запад. У головы найден круглодонный сосуд, стоящий вверх дном, а рядом с ним позвонки м.р.с. (рис. 53.-III, 6).

КУРГАН №36. Насыпь, видимо, разрушена, поэтому имела форму несомкнутого кольца, размерами 5,5х5 м. Камни находились в основном с северной стороны, с юго-востока их не было вообще. Наброска была сложена из рваного камня. Могила ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ, ее размеры 2,2х1,7 м, ближе ко дну она сужается. В заполнении ямы встречены скопления камней. Глубина могилы – 1,35 м. Погребение ограблено. Кости мужчины 25–30 лет (череп, тазовые, ног, рук, ребра) находились в северо-западной части могилы.

КУРГАН №37. Насыпь сложена из рваного камня. Могильная яма подовальной формы, ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ. В заполнении встречались камни. Глубина могилы в материке 1,2 м. Ближе ко дну она сужалась и имела такие размеры: 2х1,3 м. На глубине 0,3 м от материка зафиксированы заплечики шириной 20–35 см. Погребение сильно разрушено. В юго-восточной части найдено скопление камней и несколько костей человека.

ОБЪЕКТ №38 находился в 17 м к западу от кургана №16 и включал в себя два сооружения: западное и восточное. Западный объект размерами 1,25х1 м состоял из нескольких крупных и средних рваных камней. Он был вытянут по линии ЮВ–СЗ. Восточное сооружение находилось в 0,4 м от предыдущего и имело размеры 2,4х2,2 м. Оно было подпрямоугольной формы, вытянуто по линии ЮЮЗ–ССВ, состояло из рваных и окатанных камней. Под этой насыпью обнаружено около двух десятков фрагментов керамики, несколько обломков костей животных. Яма размерами 1,85х0,75 м, глубиной 0,5 м была ориентирована длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. Находок в ней не было (рис. 54.-III).

ОБЪЕКТ №39 находился в 5 м к югу от предыдущих сооружений. Он как бы разделен на две части длинным камнем (западную и восточную). Сооружение сложено из рваного и окатанного камня, длиной 3,5 м по линии З–В (рис. 54.-I).

ОБЪЕКТ №40 находился в 25 м к югу от объекта №38 и в 17 м от кургана №20. Насыпь, вытянутая по линии З–В, размерами 2,6х2,1 м была сложена в основном из окатанного камня в 1–3 слоя (рис. 54.-II).

Описанные выше результаты исследований памятников Тыткескень-I и VI позволяют приступить к анализу имеющихся данных с привлечением широкого круга материалов скифской эпохи.

Глава III

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НА АЛТАЕ В ПАЗЫРЫКСКОЕ ВРЕМЯ (по материалам памятников Тыткескень-I и VI)

3.1. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В погребальном обряде как археологическом источнике потенциально заложена весьма разнообразная информация. Она состоит из двух взаимосвязанных компонентов. Первый из них характеризует ритуальную сторону и включает набор ритуальных действий, происходящих до похорон, в момент похорон и после них. Второй компонент характеризует общественное положение умершего и состоит из набора материальных элементов, присущих погребальному обряду: погребального сооружения, набора инвентаря, позы умершего. Совокупность двух компонентов составляет стандартный погребальный обряд любой археологической культуры (Алексин В.А., 1981, с. 3–8). Особое внимание исследователи уделяют погребальному сооружению как форме организации замкнутого пространства вокруг умершего, относительно устойчивому элементу всего погребального комплекса и этнокультурному признаку (Ольховский В.С., 1991, с. 16–55; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 43–49; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998; и др.). Материалы могильников Тыткескень-I и VI особенно показательны при решении имеющихся проблем культурогенеза древнего населения Алтая.

Погребальный обряд характеризуется следующими показателями, фиксируемыми при археологических исследованиях: топография и планиграфия памятников, надмогильные и околочурганские конструкции, внутримогильные сооружения, положение и ориентация погребенных, присутствующий инвентарь, следы ритуальных действий и некоторые другие. Отмеченные признаки включают в себя дополнительный набор элементов, рассмотрение которых позволяет не только воссоздать структуру погребально-поминальной обрядности, но и выйти на уровень этнокультурных и этносоциальных реконструкций.

3.2. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МОГИЛЬНИКА ТЫТКЕСКЕНЬ-I

На могильнике раскопано пять курганов пазырыкского времени. Четыре из них составляют цепочку, ориентированную по линии ЮЮЗ–ССВ, т.е. по направлению течения Катунь (рис. 6).

Насыпи. Наброски имели подпрямоугольную и округлую формы, размерами от 4х2,8 (над детским захоронением) до 6,5х6,5 м. Все они относятся к малым курганам. Надмогильные конструкции сложены из рваного камня и валунов разных размеров. В курганах №1–3 отмечена подсыпка из мелкого галечника. Крупные камни находились по краям насыпей. В общем можно констатировать, что наброски сооружались из камней, которые укладывались по окружности в два слоя, а над детским погребением в один.

Могильные ямы подпрямоугольной или подовальной формы были в каждом кургане по одной. Некоторые из них сужались ближе к дну. Длинной осью эти сооружения ориентированы по линиям ЮВВ–СЗЗ (2), ЮЗ–СВ (2), ЮЮЗ–ССВ (1). Размеры могил от 1,4х0,5 до 2,45х1,6 м, глубина в материке от 0,7–0,8 до 1,55 м.

Погребальные камеры. В устройстве погребальных камер наблюдаются существенные различия (сколько курганов – столько вариантов). В могиле кургана №1 был сооружен каменный ящик, перекрытый плитами. В кургане №2 находилась комбинированная камера. Вдоль длинных стенок моги-

лы лежали бревна, а вдоль коротких располагались вертикально поставленные камни. В кургане №3 на заплечики укладывались бревна. В кургане №15 из рваных и окатанных камней, вероятно, была сооружена обкладка или ящик, но конструкция оказалась разрушенной при грабительском проникновении в могилу. Скорее всего, она была такой, как в могиле объекта №27 памятника Тыткескень-VI. В кургане №18, кроме остатков перекрытия из плашек, каких-либо следов другой конструкции не прослежено.

Среди зафиксированных на могильнике Тыткескень-I типов погребальных камер нет традиционных пазырыкских срубов или рам (Суразаков А.С., 1989; Кубарев В.Д., 1987; 1991; 1992; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1997; Степанова Н.Ф., 2000; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2001; и др.). Кроме каменных ящиков, все остальные конструкции относятся к редким вариантам внутримогильных сооружений, хотя аналогии им известны. Комбинированные камеры, т.е. с торцевыми стенками в виде вертикально поставленных плит и бревен, зафиксированы на могильнике Айрыдаш-I (Суразаков А.С., 1990). Обкладки из валунов и плит встречаются в захоронениях пазырыкского времени, но крайне редко. В частности, такая ситуация отмечена на могильнике Кырлык-I (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985). Не часто отмечается в погребальных объектах Алтая скифского времени отсутствие каких-либо конструкций в могилах. Данное обстоятельство зафиксировано, например, на могильниках Кайнду (курган №16) и Усть-Эдиган (курганы №60 и №74) (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Худяков Ю.С., 1993). Нехарактерными для Горного Алтая являются и заплечики в могиле. Они прослежены лишь на могильнике Ябоган-2 (Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994). В то же время подобный элемент погребального обряда часто встречается в могилах каменной культуры, например, на памятниках Камень-II, ЕКМ-I, Рогозиха, в Соколовских курганах и других объектах (Могильников В.А., Куйбышев А.В., 1982; Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998; Уманский А.П., 1992; Уманский А.П., Брусник Н.Д., 1982; и др.).

Положение и ориентация умерших определены в трех случаях. Дважды зафиксировано положение на правом боку с согнутыми в коленях ногами и один раз на правом боку скорченно (в ящике). Ориентация погребенных была такой: головой на юго-запад (2) и северо-запад-запад (1). Размещение могил, в которых положение умерших не удалось определить, оказалось длинной осью по линиям ЮЮЗ-ССВ и ЮВВ-СЗЗ.

В могилах погребено по одному человеку: ребенок 9–10 лет, три женщины (в курганах № 2–3 – 20–25 лет, кургане №18 – 45–55 лет) и один мужчина 50–55 лет (в кургане №15).

Инвентарь. Вещей в погребениях найдено немного, потому что они, вероятнее всего, были ограблены. Обнаружены бусы и бисер: в курганах №15 и 18 по одной, в двух других – по несколько десятков бусин. В кургане №15 зафиксирован костяной черешковый наконечник стрелы (рис. 8). В детском погребении инвентаря не было. В курганах №1 и 2 бисер найден в районе черепов, которые оказались смещены с первоначального местоположения. Последний факт позволяет предположить, что могилы были ограблены, когда одежда еще не истлела, и черепа были сдвинуты вместе с головными уборами.

3.3. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МОГИЛЬНИКА ТЫТКЕСКЕНЬ-VI

Планиграфия и топография. Курганы вытянуты цепочкой по линии Ю–С, параллельно направлению течения Катунь. Они составляли три микроцепочки, расположенные в северной, центральной и южной частях могильного поля. Каждая из микроцепочек состояла из нескольких групп курганов. К западу от них располагались поминальные выкладки (рис. 9).

Как уже было выше отмечено, нераскопанных курганов на могильнике Тыткескень-VI практически не осталось. Но все же сохраняется вероятность, что несколько небольших объектов могли остаться незамеченными из-за мощного слоя дерна и гумуса. Например, между курганами №18 и 19 существует разрыв, где могли бы поместиться один большой или несколько малых сооружений диаметром 2–3 м (рис. 9). Возможно, это место осталось незанятым по стечению обстоятельств или оно должно было отделять одну группу погребальных комплексов от другой. Не исключено, что небольшое смещение по линии формирования цепочки между курганами №24 и 25, с одной стороны, и объектом №41 – с другой, также отражает деление между группами курганов, хотя разрыва там нет. Между курганами №6 и 29, которые являлись крайними в северной и центральной микроцепочках, каких-либо объектов не выявлено, хотя не исключено, что небольшие насыпи могли остаться и будут выявлены только в результате сплошного раскопа. Однако между ними достаточно большое расстояние, где могли бы разместиться около восьми объектов, аналогичных, например, группе курганов №11–18 (рис. 9). Отмеченный разрыв может свидетельствовать о намеренно оставленном расстоянии для того, чтобы отделить погребения разных семейно-родственных коллективов и/или оставить место под захоронения близких родственников уже умерших людей.

Особый интерес представляет объект №41. Он является необычным сооружением. В Горном Алтае аналогий нам пока неизвестно. Сооружение состояло из двух дуг, смещенных относительно друг друга и направленных лучами в противоположные стороны. Дуги оказались сложены из разного материала: северная – преимущественно из рваного камня, а южная – из окатанного (рис. 21). Камни были уложены в основном в два слоя. В северной дуге прослежена подсыпка из мелкого галечника.

В настоящее время можно лишь высказывать предположения о назначении этого объекта. Не исключено, что так отделялись две группы курганов (рис. 9). Возможно, это часть какого-то сложного сооружения, не попавшего полностью в раскоп. Может быть, южную дугу необходимо рассматривать в комплексе с курганом №44 и объектом №45, соединенных между собой перемычкой из камней, которые также представляли дугообразное сооружение, направленное «лучами» к южной части объекта №41 (рис. 21). Между южной дугой объекта №41, с одной стороны, и курганом №44 и объектом №45 – с другой, находилась грунтовая могила №47, до раскопок никак не выделявшаяся и обнаруженная только во время работ по более мягкому грунту (рис. 21, 23).

Итак, курганы могильника Тыткескень-VI располагались цепочкой, т.е. как и другие курганы скифского времени Горного Алтая, которые, как правило, объединялись в цепочки, ориентированные по линии Ю–С, иногда с отклонениями до 45°. Крупные группы состоят из микроцепочек (Суразаков А.С., 1988, с. 150; Шульга П.И., 1989, с. 41).

Планиграфия памятников скифского времени Горного Алтая неоднократно рассматривалась исследователями (Суразаков А.С., 1988, с. 118; 1994; Шульга П.И., 1989; Кубарев В.Д., 1992, с. 8–9; и др.). Попытки проследить закономерность в процессе формирования цепочек пока не увенчались успехом. По этому поводу рассматривались разные варианты, которые имели не менее веские возражения. Возможно, что в этом отношении не существовало жестких установок, и построения производились в соответствии с определенными правилами, представлениями или исходя из практики повседневной жизни. Так, у пазырыкцев отмечена традиция пристраивать свои курганы к более древним сооружениям (Кубарев В.Д., 1992, с. 9). Формирование цепочки могло происходить с юга на север и наоборот (Марсадов Л.С., 1997, рис. 5; Могильников В.А., 1983, с. 25), а также от центрального или первого кургана в разные стороны, порой с существенными отклонениями от линий по основным сторонам горизонта (Кубарев В.Д., 1991, с. 8–9). Последнее, как правило, связано с пристройками несколько более позднего

времени и отражает в разных случаях конкретную ситуацию: отсутствие места в цепочке, более близкую связь по сравнению с остальными погребенными родственниками, ритуальный характер конструкции и т.д. Если насыпи курганов перекрывают друг друга и стратиграфически можно достоверно проследить последовательность построения объектов, то в таких случаях становится понятным, как и когда это произошло относительно конкретных погребальных сооружений (Марсадолов Л.С., 1997, с. 8, рис. 5). Однако подобные ситуации фиксируются не часто для монокультурных кладбищ. Порой соединенные насыпями объекты оставлены разным населением и хронологически существенно отличаются. Привычнее видеть картину самостоятельности каждого объекта, несмотря на определенную территориальную близость.

По мнению В.Д. Кубарева (1987, с. 9; 1991, с. 18), топография курганов пазырыкской культуры в целом отражает реальные черты жизнедеятельности людей того времени и могилы чаще всего располагались вблизи мест яйлажного кочевания, т.е. у зимников и летников, как правило, по долинам рек и в приозерных впадинах. Также общепринятым считается, что кочевники Евразии погребали своих близких на местах зимних стоянок (Шульга П.И., 1989, с. 41). Основной формой построения курганных групп пазырыкского времени Горного Алтая являлась цепочка. Подобное расположение погребальных объектов известно и использовалось многими древними народами (Там же). Фиксируемое деление курганов порой значительными разрывами на небольшие группы в длинной цепочке свидетельствует «...о желании родственников умерших не только таким образом отделить их погребения от могил соплеменников, но и оставить место для последующих захоронений членов своей семьи» (Кубарев В.Д., 1992, с. 8). Большой могильник стоит рассматривать как родовой, а отдельные группы курганов – как семейные погребения (Кубарев В.Д., 1987, с. 9; 1992, с. 9). Подобное отношение к данной ситуации в свое время изложил А.С. Суразаков (1988, с. 119; 1994, с. 72), отметив, что «...каждая цепочка курганов, как правило, представляет собой возникший в пределах какого-то относительно небольшого отрезка времени единый погребальный комплекс, сооруженный небольшой семейно-родственной группой...» П.И. Шульга (1989, с. 42–43) в одной из публикаций предположил, что большая цепочка курганов отражает место захоронений рода или большой патриархальной семьи, в котором выделяются и малые звенья близких родственников. Как видно, оценка археологов по отношению к курганным могильникам пазырыкцев во многом совпадает. На наш взгляд, подтвердить или опровергнуть эти положения могут антропологические и молекулярно-генетические исследования населения скифской эпохи Горного Алтая и сопредельных территорий (Чикишева Т.А., 1994, с. 167–175; 1996, с. 249–252; 1997, с. 314–320; Тур С.С., 1999; Феномен алтайских мумий, 2000; и др.). На могильнике Тыткескень-VI, например, в каждой группе курганов имеются захоронения мужчин, женщин и детей. В соседних курганах или в одной могиле могли быть похоронены мужчины (курганы №20 и 21), женщины (курганы №23, 24, в последнем погребены две женщины и подросток) или мужчина, женщина и ребенок (курганы №13–15) (табл.1).

Решения проблемы ориентации и расположения цепочек также рассматриваются в целом ряде работ. Так, В.Д. Кубарев (1987, с. 10), отметив несложную, но четкую и устойчивую топографию могильников пазырыкской культуры, предполагает в этом имитацию порядка расположения жилищ кочевников в небольших сезонных поселениях-кочевьях. П.И. Шульга (1989, с. 42–44), развивая эту мысль и приводя результаты изучения поселений раннего железного века Горного Алтая, а также этнографические параллели, достаточно логично и последовательно изложил возможность отражения в формировании курганных могильников скифской эпохи двух основных типов планировки стоянок кочевников – куренную и айльную. Эта точка зрения представляется нам наиболее оптимальной, так как в ее основе

лежит уже устоявшееся и подтвержденное этнографическими сведениями понимание подкурганного захоронения как имитации реально существовавшего жилища для умершего соплеменника, снабженного всем необходимым для продолжения загробной жизни в мире похожем, на тот, в котором он жил (Алексеев Н.А., 1980; 1992, с. 67–72; и др.).

Ориентация цепочек курганов пазырыкского времени преимущественно меридиональная, т.е. по направлению Ю–С, с небольшими отклонениями. Данное обстоятельство трактуется и объясняется по-разному – ориентацией большинства долин Саяно-Алтая, следованием ландшафтными линиям, преобладающим направлением ветров и другими природно-климатическими условиями; соотношением точек восхода и захода в дни летнего и зимнего солнцестояния; традиционно сложившемся в древности путем миграции племен и расположением основных хребтов систем Азии; религиозно-идеологическими представлениями, определением конкретно значимых ориентиров (священная гора, перевалы, необычные явления и др.), планировкой жилищ кочевников и размещением у них входов-выходов относительно линии расположения на местности и т.д. (Кубарев В.Д., 1987; Суразаков А.С., 1988, с. 118; Шульга П.И., 1989; Марсадолов Л.С., 1996, с. 59–60; 1997, с. 12; и др.). На наш взгляд, изучение данной проблемы требует комплексного подхода, т.е. рассмотрение в каждом конкретном случае вышеперечисленных показателей, выявленных учеными на основе исследовательской работы. Если же продолжить логические измышления о связи расположения курганов с имитацией планировки жилищ, то наблюдения становятся вполне понятными, так как они подтверждают учет древними людьми и климатических условий, и ландшафта, и других показателей при формировании цепочки, а также при ориентации предполагаемого входа-выхода в жилище, который становился наиболее удобным при перпендикулярном размещении его относительно направления основной линии расположения домов кочевников. Подобная ситуация в какой-то мере фиксируется при изучении могильников раннескифского времени (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997) и более поздних периодов (Шульга П.И., 1989), что свидетельствует об аналогичной хозяйственной деятельности и схожем образе жизни в условиях гор Алтая.

В связи с тем, что на могильнике Тыткескень-VI выделены три хронологические группы курганов, представляют интерес следующие наблюдения. Наиболее ранние курганы №27 и 4 находились в центральной части могильника. Курган №27 расположен в центре микроцепочки, и он – северный в одной из групп. Курган №4 также северный, но в другой группе. Курган №18 находился в центральной части северной микроцепочки и был южным в своей группе (рис. 9). Вероятно, что сооружение курганов №2, 14 и 18 произошло в течение жизни одного поколения. Но при этом их расположили в двух разных местах. В целом какой-то явной закономерности в последовательности формирования цепочки проследить не удалось. По-видимому, курганы выстраивались относительно одного объекта, наиболее раннего, в каждой из отмеченных групп. К сожалению, часть курганов ограблена, что не позволяет определить хронологические рамки их сооружения в узких пределах и более достоверно относительно друг друга. Курганы ранней хронологической группы расположены в северной и центральной частях могильного поля и только один курган – в южной. Объекты второй хронологической группы находятся преимущественно в северной части памятника, а поздней – в центральной.

Поминальные выкладки. С западной стороны от курганов расположен ряд поминальных выкладок. Объекты находились в естественной низине и были очень сильно задернованы, поэтому их точное количество визуально определить нельзя. Вероятно, они сооружались у каждого кургана. Четыре из них раскопаны.

Выкладки №38–40 находились напротив могильных ям соответственно курганов №16–17 и 20. Это, по-видимому, свидетельствует о том, что при их сооружении было известно точное местонахождение

могил. Факт длительного открытого состояния могилы отмечен и С.В. Киселевым при исследовании кургана на р. Куроте. Он предположил, что яма была вырыта задолго до похорон (Киселев С.В., 1951, с. 353).

Выкладки №38–40 представляли собой сооружения из рваного и окатанного камня (рис. 54). В них найдены фрагменты керамики и кости животных. Обломки сосудов из объекта №39 украшены наlepными рассеченными валиками, венчики – ямками и отпечатками орнамента в виде уголков (рис. 54). Эти находки имеют аналогии в материалах поселений Горного Алтая раннего железного века, что позволяет датировать цепочку поминальников аналогичным временем и считать их синхронными с курганами, а также, что особенно важно, однокультурными и одновременными с поселениями (Степанова Н.Ф., 1994, рис. 2.-7; Шульга П.И., 1998, рис. 2; и др.).

На могильнике Тыткескень-VI исследовано еще четыре объекта без могильных ям (№19а, 20а, 45, 30), располагавшихся среди курганов (рис. 9). В трех случаях они были пристроены к насыпям с востока и юго-востока, а объект №45 представлял, по-видимому, единый комплекс с курганом №44. Подобные сооружения известны среди погребальных комплексов раннескифского времени (Степанова Н.Ф., 1996, рис. 2; 5; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 56, рис. 6). Возможно, это были поминальники, хотя неоднозначно интерпретировать такие конструкции пока не представляется реальным, тем более, что в них обычно не обнаружено каких-либо находок.

Раскопки поминальников на других могильниках дали возможность отнести их к числу «важнейших определяющих признаков пазырыкской культуры» (Кубарев В.Д., 1987, с. 11–12; 1991, с. 23–24; 1992, с. 12–14; Полосьмак Н.В., 1994, с. 16–17; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2001; и др.). При этом исследователями на основе изучения планиграфии поминальных сооружений было замечено, что первый ряд таких выкладок дублировал порядок расположения курганов на могильнике. Это свидетельствовало о небольшом промежутке времени, прошедшем со дня похорон до создания поминальника (Кубарев В.Д., 1992, с. 13). Кроме того, были выявлены и другие выкладки, находившиеся поблизости или примыкавшие к первым. Это обстоятельство объясняется либо повторными поминками, либо масштабами культовых действий, связанных со статусом погребенного, либо количеством поминавших родственников (Кубарев В.Д., 1992, с. 13; Полосьмак Н.В., 1994, с. 17). С.С. Сорокин (1981, с. 23–39) однозначно определил ряды выкладок около курганов скифской эпохи поминальными сооружениями, имевшими социально-идеологическое значение.

Насыпи. На могильнике не отмечено случаев, чтобы курганы перекрывали друг друга. В одном случае зафиксирована ситуация, когда объект оказался как бы втиснут между двумя другими (курган №12 между №11 и 13) (рис. 10). Обычно полы курганов соприкасались или между ними существовал небольшой разрыв. Насыпи объектов №14 и 16 могильника Тыткескень-VI соединены цепочкой из камней, которая проходит восточнее кургана №15 (рис. 13). Выложенные на древней поверхности ряды валунов, как бы соединяющие между собой курганы одной цепочки, отмечены на могильнике Бураты-IV (Кубарев В.Д., Кочев В.А., 1983, с. 91). По мнению А.С. Суразакова (1989, с.119), это своеобразным образом подчеркивало тесную взаимосвязь людей, погребенных на данном могильнике.

Насыпи курганов могильника Тыткескень-VI были округлой, реже овальной формы, в разрезе полусферические или плоские (курганов №19 и 44). По размерам наброски делятся на четыре группы: 1) от 2 до 4,5 м, в том числе над детскими погребениями от 2–2,1 м до 3,5х2,75 м; 2) от 4 до 6 м; 3) от 6 до 8 м; 4) от 8 до 10,5х9 м (см. табл. 1). Высота сооружений достигала 0,4 м. Количественно преобладают курганы второй и третьей групп. К четвертой относятся всего лишь пять курганов (№4, 6, 16, 20, 43), большинство которых ограблено.

Насыпи были сложены из рваного камня и валунов попеременно, иногда либо из одних рваных камней, либо валунов. Из одних валунов сделаны наброски над детскими погребениями (№8, 15, 17, 44), а также дуга №41/2, ритуальные сооружения №30 и 45. Использовались камни разных размеров, в том числе иногда и мелкий галечник. Обычно нижний слой насыпей сложен из крупных камней, а верхний из более мелких. По краю кургана, как правило, камни уложены в один слой, в центре – до двух-пяти. Насыпи над детскими погребениями сооружены из камней в один слой. Около трети исследованных объектов на курганном могильнике Тыткескень-VI имели крепиду из крупных валунов или рваных камней, уложенных по окружности.

Особенности в устройстве насыпей, редко встречающиеся на рассматриваемом памятнике, имеют аналогии на других объектах, хотя и не всегда многочисленные. Плоская наброска зафиксирована при раскопках кургана №2 на Верх-Еланде-2 (Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994). На могильнике Кальджин-6 курганы имеют уплощенные, не слоистые конструкции с оградой из более крупных валунов, которые по погребальному инвентарю производят впечатление более древних (Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000, с. 82). Овальные насыпи известны на памятниках Кызык-Телань-I (курганы №3–6), Бике-I (курганы №4, 6) и др. (Суразаков А.С., 1983; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990). Из набросок, сложенных из одних валунов, состоит могильник Кайнду (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990). Крепиды или кольца в основании насыпей из крупных камней известны на многих памятниках, например, Кок-Су-I, Кара-Коба-II, Кызыл-Джар-IV, V и др. (Сорокин С.С., 1974, с. 64; Могильников В.А., 1983, с. 40–68). В погребальных сооружениях Горного Алтая раннескифского времени кольцевая выкладка по краю насыпей фиксировалась у значительного числа раскопанных объектов и представляла собой хорошо оформленную постройку (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 48).

В насыпях на могильнике Тыткескень-VI изредка находили кости животных и фрагменты глиняных сосудов горшковидной и баночной форм, чаш, которые по формам существенно отличаются от керамики из могил. В наброске кургана №42 найден обломок точильного бруска по металлу.

Керамику в насыпях находили и на других погребальных памятниках Горного Алтая пазырыкского времени, например, Боротал-II (курган №7), Боротал-III (курган №8), Ирбисту-II, Верх-Еланда-2, Бике-I, Ороктой-Эке и др. (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980, с. 184, 188; Суразаков А.С., 1988, с. 120; Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990). Фрагменты глиняной посуды фиксировались в насыпях раннескифских курганов (Марсадоллов Л.С., 1987; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б).

Могильные ямы. Над могилами иногда прослеживались западины. Под набросками курганов обычно находилась одна могильная яма. Исключение составляли сооружения №25 и 48, где их было по две, хотя в последнем случае, по-видимому, первоначально были две отдельные насыпи, пристроенные друг к другу и слившиеся со временем. Для памятников скифского времени Горного Алтая характерна одна могильная яма (Суразаков А.С., 1989). По две отмечены на могильниках Кайнду (курган №43), Верх-Еланда-2 (курган №1), Кок-Эдиган (курган №14) (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994; Худяков Ю.С., Миронов В.С., 1997). Хотя на Кок-Эдигане, по-видимому, было две слившихся насыпи. На Верх-Еланде-2 вторая могила обнаружена на уровне древней поверхности. Возможно, она была сооружена позднее основного захоронения. Обычно во второй могиле были похоронены дети.

Над одной могилой насыпи не было вообще (объект №47). Подобный случай, когда захоронение совершено в грунтовой могиле без каменной наброски в традиционном виде является для Горного Алтая редчайшим. В качестве ближайшей аналогии можно привести погребальный объект на могильнике Бураты-IV (курган №10), в котором так же, как и в могиле №47, были погребены три человека (Куба-

рев В.Д., Кочеев В.А., 1983, с. 91, 94, рис. 6). Однако на памятнике Бураты-IV захоронения умерших людей оказались нарушены грабителями, а на современной поверхности была отмечена глубокая западина с небольшой кучкой слабо задернованных валунов на дне.

Исследованные на Тыткескене-VI могилы, как правило, смещены от центров курганов. Длинной осью они ориентированы, в основном, по линии З-В, но в нескольких случаях отмечено отклонение по линии ЮВ-СЗ. Ямы имели контур подпрямоугольной, реже подовальной формы. Стенки у них были как строго вертикальные, так и наклонные. У могил из курганов №12, 17-19, 37, 71-72 имелись заплечики (рис. 10, 13, 17, 30-31). Данный элемент внутримогильной конструкции обнаружен на могильниках Тыткескень-I и Ябоган-II (Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 79). Размеры могил от 1,25x0,7 (у детских) до 3,1x1,9; 3x2,5 м. Глубина в материке от 0,35 до 2,4 м, а у большинства ям от 1,5 до 2 м. Детские захоронения неглубокие. Впускное погребение зафиксировано только в кургане №20.

ВНУТРИМОГИЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Перекрытия. Остатки каких-либо перекрытий прослежены в 28 могилах (около 70%). Они находились над срубами, рамами, каменными ящиками, обкладками из валунов и над другими разновидностями погребальных камер. Перекрытия сооружались из разного материала. В восьми могилах над погребенными были уложены крупные камни, под которыми иногда прослеживались остатки деревянных настилов. Всего же остатки перекрытий из дерева зафиксированы в 17 курганах. Плахи и их остатки различной ширины и толщины обнаружены в курганах №9, 21, 23, 43, 62, 72. Они располагались вдоль могил. В кургане №71 плахи были скреплены поперечными брусками. В кургане №29 прослежены остатки жердей. Прослойки из бересты зафиксированы в кургане №16, коры – в кургане №8, древесного тлена мощностью 1,5-3 см – в курганах №14, 24, 27, 34, 42, 47, 73. Каменные ящики были перекрыты камнями и плитами, уложенными поперек могилы с опорой на стенки сооружения. В кургане №48 (могила 2) плиты лежали в два слоя. В кургане №34 под перекрытием из плит прослежены остатки деревянных плах, уложенных продольно.

Погребальные камеры разнообразны (табл. 1, 3, 4). На дне шести могильных ям установлены деревянные срубы (курганы №12, 16, 20-21, 23-24), еще в пяти – рамы (курганы №2, 9, 13, 18-19), в стольких же – ящики из плит и камней (курганы №17, 44, 48/2, 34, 28), в шести – обкладки из валунов и камней (курганы №14-15, 27, 42-43, 54), а на объекте №47 был ящик (?) из плах. В кургане №12 над срубом обнаружена обкладка из валунов и камней, т.е. наблюдалось совмещение (комбинирование) разных типов сооружений. Кроме того, в 16 могилах зафиксирован древесный тлен или остатки дерева, но проследить конструкцию оказалось невозможным. Вероятно, еще в пяти курганах (№3-4, 7-8, 32) были рамы, в двух – обкладки из камней (курганы №71-72), в одном (курган №6) – комбинированная камера. В курганах №25, 48 (могила 1), видимо, вообще не было никакой конструкции. Вероятнее всего, погребенные могли быть укрыты войлочным ковром либо чем-то другим, что не сохранилось до наших дней.

Необходимо отметить, что срубы могильника Тыткескень-VI отличаются от «классических» пазырыкских многими деталями. Под термином «сруб» принято понимать «четырёхугольное сооружение из венцов», а под венцом «в деревянном срубе – звено из четырех бревен в связи» (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., 1997, с. 73). «Каждый ряд бревен в стене называется венцом. Венцы, уложенные друг на друга, образуют сруб» (Шепелев А.М., 1968, с. 104-105). В.П. Мыльников (1998, с. 442-443) подразделяет срубные погребальные конструкции пазырыкской эпохи на замковые и беззамковые. Среди беззамковых он выделяет два типа: 1) стены погребальных сооружений, собранные из плотно горизонтально уложенных бревен, как бы приставленные друг к другу с остатком или без остатка; 2) стены погреб-

бальных сооружений собраны попеременной укладкой бревен с просветом в один венец (разреженная укладка или клеть) (Там же). «Клеть» – это простейшая деревянная конструкция, образованная положенными друг на друга венцами из бревен, которые иногда соединяются в углах вырубками (БСЭ, 1953, т. 12, с. 301; 1973, т. 21, с. 421). По классификации В.П. Мыльников, тыткескенские сооружения можно отнести к беззамковым. Конструкции первого типа соответствуют рамам (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 266), а второго – срубам или клетям. Срубы из «классических» пазырыкских захоронений, в отличие от тыткескенских, обычно замковые, т.е. сооруженные в обло или в лапу из бревен, плах в несколько венцов, с полом и мощным перекрытием (Могильников В.А., 1983; Суразаков А.С., 1989; Кубарев В.Д., 1987; 1991; 1992; Мыльников В.П., 1998; 1999; и др.).

Рамы на могильнике Тыткескен-VI всегда сложены в один венец, а все составляющие находились на одном уровне, впритык друг к другу и не перекрывали одно другое. Рамы сооружались из жердей (курган №9) и плашек толщиной 5–6 см, поставленных на длинное ребро, в результате чего высота сооружения достигала 15 см. Рамы располагались на дне ям (курган №2), на 10–12 см выше дна (курганы №9, 13), так что иногда кости погребенных или инвентарь находились под жердями (курган №9). Этот факт позволяет предположить, что, по крайней мере, в некоторых случаях конструкции устанавливались уже после того, как умерший был уложен в могилу. В курганах №18–19 рамы сооружены на приступках (заплечиках). Перекрытия делались из плах шириной до 18 см, толщиной до 3 см (курган №9), а в кургане №18 – из крупных валунов, уложенных по диагонали могилы.

Срубы могильника Тыткескен-VI сложены в один венец (курганы №12, 16, 20) или в два (курганы №21, 23–24). Конструкции устанавливались выше дна могилы на 10 см (курган №12) или на самом дне (курган №16), сооружались из бревен (курган №21), жердей (курганы №23–24) и плах (курганы №12, 16). В последнем случае короткие плашки находились поверх длинных, но как они соединялись, проследить не удалось. В кургане №12 плахи размещались на костях человека. Из-за плохой сохранности дерева невозможно сказать что-либо об его обработке. Перекрытия в курганах №21 и 24 сложены из плах, в кургане №23 – из камней и плах, в кургане №16 – из бересты.

Рамы, аналогичные тыткескенским, зафиксированы на могильниках Кайнду, Верх-Еланда-2, Айрыдаш-III, Айрыдаш-IV, Ороктой-Эке, Карбан и др. (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Кочеев В.А., 1990; 1996; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990; Уманский А.П., 1992; Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994). Такой вид погребальной камеры в захоронениях скифского времени в Горном Алтае, помимо района Средней Катунь, встречается редко, в частности, на Бертеке-I, Черном Ануе-3 (Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др., 1994, с. 70, рис. 61; Бородовский А.П., 1995; Степанова Н.Ф., 1999; 2000). Однако конструкция из Бертека-I (курган 1) иного типа, чем тыткескенские. В курганах Сайлюгема, где погребены дети, сооружения представляли собой рамы из четырех плах (Кубарев В.Д., 1992, с. 15).

Срубы, такие же как на Тыткескене-VI, исследованы на могильниках Бике-I, Айрыдаш-III, Верх-Еланда-2, Бике-III, Дялян, Кара-Тенеш, Тянгыс-Тыт, Кок-Эдиган, Чолтух, Айрыдаш-I, т.е. этот тип конструкции характерен для района Средней Катунь (Погожева А.П., 1981; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990; Кочеев В.А., 1990; Суразаков А.С., 1990; Тетерин Ю.В., 1992; Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994; Миронов В.С., 1999; Кубарев В.Д., 2001).

Деревянный ящик исследован на объекте №47. Он был составлен из плотно подогнанных плах. Высота его стенок до 25 см. Сверху перекрыт плахами. По-видимому, наиболее близкие по конструкции деревянные ящики выявлены на могильнике Усть-Кожолу. Однако там они сооружены из более широких плах и имели деревянный пол (Кочеев В.А., 1991, с. 92).

Каменные ящики. К ним относятся конструкции из курганов №17, 44, 48/2 (с захоронениями детей) и №28, 34 (с погребениями взрослых). В первом случае ящики сооружены из вертикально поставленных камней и плит в грунтовых могилах глубиной от 0,35 до 0,64 м. Два из них по размерам полностью совпадают с могильной ямой, а третий – немного меньше, поэтому между плитами ящика и стенками ямы уложены мелкие камни. Внешние размеры конструкций 0,75х0,5 м (внутренние – 0,6х0,3 м), 1,15х0,6 м (0,9х0,32 м), высота плит – 0,22–0,26 м. Ориентированы сооружения длинной осью по линии З–В. Ящик из кургана №28 также составлен из вертикально поставленных плит в грунтовой могиле, глубина которой оказалась 1,6 м. Его размеры 1,83х0,75 м (1,6х0,51 м – внутренние), высота плит – до 0,5 м. Ориентация конструкции длинной осью по линии З–В. Ящик из кургана №34 сооружен в грунтовой могиле, глубина которой была 0,9 м. Его размеры 1,65х1,1 м (внутренние – 1,37х0,66 м), высота по плитам – 0,2–0,26 м.

Конструкции рассматриваемого типа характерны для пазырыкского времени Горного Алтая, хотя и встречаются в 3,5 раза реже срубов, но это намного чаще, чем остальные сооружения (Суразаков А.С., 1983; 1989; 1990; Могильников В.А., 1983; 1988; Кубарев В.Д., 1987; 1991; 1992; Степанова Н.Ф., 2000, с. 9).

Обкладки из валунов и камней из курганов №14–15, 27, 42–43, 54, 71, возможно, представляют собой разновидность ящиков. Вдоль длинных стенок могил установлено от 5 до 8 камней. В кургане №42 под камнями сохранился древесный тлен. Возможно, там было такое же сооружение, как и в кургане №12. В объектах №14 и 43 прослежены остатки деревянного перекрытия. В кургане №27 конструкция оформлена из вертикально поставленных камней и плит длиной 15–60 см. У южной стенки их восемь, у северной – четыре, восточной – три. В северо-западном, северо-восточном и юго-восточном углах могилы камней не было, в результате замкнутого пространства не получалось. Тем не менее это сооружение напоминает ящик. Его размеры, включая камни, – 2,45х1,2 м, высота плит – до 0,52 м. Перекрытие фиксировалось в виде двух-трех жердей, которые, вероятно, были положены на камни, а сверху закрывались войлоком или другим органическим материалом.

Подобного типа конструкции (обкладки из валунов и камней по контуру могильной ямы) прослежены на могильниках В. Тельтехмень-I, Айрыдаш-III, Кырлык-I и др. (Кочеев В.А., 1990; Степанова Н.Ф., 1999; Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985).

В некоторых могилах не выявлено никаких конструкций, например, в кургане №25. Отсутствие внутримогильных сооружений отмечено и на других могильниках: Кайнду (курган №16), Усть-Эдиган (курганы №60 и 74), Кастахта (курганы №23–24, 35, 37–38, 40) и др. (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Худяков Ю.С., 1995; Степанова Н.Ф., 1987; Мамадаков Ю.Т., Неверов С.В., 2001).

Одной из особенностей, характерной для всех типов погребальных камер, является отсутствие настилов на полу могилы. Только в одном кургане №29 прослежены остатки древесного тлена под погребенными. Отсутствие настила на дне могильной ямы характерно для памятников Средней Катунь, однако не совсем обычно для объектов на остальной территории распространения пазырыкской культуры (Суразаков А.С., 1989; Кубарев В.Д., 1987; 1991; 1992; Молодин В.И., Полосьмак Н.В., 2000; Степанова Н.Ф., 1999; 2000 и др.).

На могильнике Тьткескен-VI отмечено наибольшее количество разновидностей внутримогильных конструкций для памятников скифского времени. Особенно важно то, что несколько типов сооружений представлены приблизительно одинаково в количественном отношении. Каких-либо закономерностей в расположении курганов с тем или иным типом внутримогильных конструкций нет. Они расположены на всем могильном поле попеременно (табл.1; рис. 9). Не прослеживается и наличие общих черт, выделяющих курганы с тем или иным видом погребальной камеры среди других. Рамы и срубы тьткескенского типа характерны для этого времени для района Средней Катунь. Каменные ящики отмече-

ны на всей территории Горного Алтая в пазырыкскую эпоху. Другие варианты конструкций встречаются редко (Степанова Н.Ф., 2000; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2001). Разнообразие в устройстве погребальных камер свидетельствует о реализации нескольких традиций, которые могли быть связаны со сменой населения или с другими факторами. Это подтверждается элементами погребального обряда, инвентарем, антропологическими материалами (см. Приложение II), о чем ниже будет изложено подробнее.

Положение погребенных. На могильнике Тыткескень-VI отмечено стабильное положение погребенных – на правом боку с согнутыми в коленях ногами. Оно характерно для всех рассмотренных выше типов погребальных камер. Лишь дважды (в каменном ящике из кургана №34 и обкладке из камней в кургане №27) умершие лежали на левом боку с подогнутыми ногами. В Горном Алтае захоронения с таким элементом погребального обряда и с ориентацией головой на запад или северо-запад-запад, встречаются преимущественно на Юго-Восточном Алтае, реже в других районах (Кубарев В.Д., 1987; 1991; 1992; Савинов Д.Г., 1993; Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др., 1994; Степанова Н.Ф., 1999). Положение умерших на левом боку с подогнутыми ногами характерно для раннескифского времени Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б).

Ориентация погребенных более разнообразна, нежели поза. В 16 могилах (курганы №3, 6, 14, 16–17, 19, 21, 28–29, 42, 44, 47–48/2, 71–73) умершие лежали головой на восток, в одной (курган №8) на восток с незначительным отклонением к югу, в семи – на юго-восток-восток (курганы №2, 7, 13, 18, 20, 43, 62), в шести на юго-восток (курганы №4, 23–25, 1–2), в трех – на северо-восток-восток (курганы №9, 48/1, 54), в одной – на северо-восток (курган №12), в двух – на север (курганы №31–32), в одной – на запад (курган №34), в одной – на северо-запад (курган №27). В тех случаях, когда ориентация была не установлена, могильные ямы ориентированы длинной осью по линиям ЮВВ–СЗЗ (1), ЮВ–СЗ (1), З–В (1) (кенотаф). В целом преобладает ориентация в восточном и юго-восточном направлении. Ориентация погребенных людей наиболее стабильна в каменных ящиках (см. табл. 3).

Для погребальных памятников скифского времени Горного Алтая традиционной считается ориентация на восток (Суразаков А.С., 1989, табл. 1–2). Показатели на юго-восток-восток и северо-восток-восток, вероятно, следует рассматривать как отклонения от линии З–В, связанные с определенным временем года (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998). В курганах №31 и 32 умершие были ориентированы головой на север, что очень редко встречается в Горном Алтае в рассматриваемое время: Кер-Кечу (курган №8), Яконур (курган №5), Кызык-Телань-I (Могильников В.А., 1988; Грязнов М.П., 1940; Киселев С.В., 1951; Суразаков А.С., 1983). Ориентация на юго-восток и северо-восток известна в курганах скифского времени Горного Алтая. Почти все памятники, имеющие такие же показатели, исследованы в Кош-Агачском районе (Кубарев В.Д., 1987; 1992).

Ориентация умерших людей является одним из важных элементов при рассмотрении погребального обряда древнего населения. Она фиксируется при раскопках с помощью компаса или буссоли и отражает то направление, в которое была обращена голова погребенного с учетом общего положения тела. При этом на могильниках одной культуры имеются определенные отклонения от наиболее массового показателя, а порой наблюдаются и существенные различия в ориентации. Можно перечислить значительное число обстоятельств, при которых произошли изменения от принятой нормы. Иногда они были связаны с какими-то целенаправленными действиями, но часто смещения происходили в ходе реализации традиционного обряда погребения, а также при усадке грунта, заполняющего могилу, при разложении мягких тканей человеческого тела, при разрушениях внутримогильных конструкций и т.д. Кроме того, фиксируемые показатели ориентации зависят еще и от применяемых инструментов, от

уровня профессиональной ответственности исследователя, от места расположения могильника и от многого другого. Существует и такая причина в отклонении показателей ориентации умерших людей – изменение точек восхода и захода солнца в зависимости от времени года и географической широты места наблюдений, если древние люди использовали этот метод установления сторон горизонта в ходе реализации погребального обряда (Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985, с. 138–139).

Таким образом, при всей тщательности фиксации ориентировки погребенного так или иначе, но будет отражаться объективно существующая погрешность. Поэтому приводимые в публикациях сложные комбинации из четырех основных и четырех промежуточных показателей сторон горизонта при таком подходе особой значимости не имеют, так как важнее всего определить устойчивую повторяемость для выявления закономерности. Тем не менее выделяющиеся существенные отклонения от установленной нормы (в рамках ближайших промежуточных показателей и более) в конкретных ситуациях учитывать все же необходимо, потому что они, например, могут указать, в какое время года осуществлено захоронение. В идеале, археологу необходимо указывать цифровой показатель градусов, отчет которых принято считать от севера (от 0° до 360°). Достаточно точная фиксация магнитного направления сторон горизонта поможет выявить ряд интересных явлений демографического характера (Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985, с. 143, табл. VI).

Многие древние народы мира придавали большое значение ориентировке умерших людей. Это было связано с определенными представлениями об окружающей действительности и о смерти, как о переходе человека из одного состояния в другое, из реального в потусторонний мир. Порой ориентация погребенных людей была связана с конкретными показателями и объектами, расположенными на местности (см., например, Шилов Ю.А., 1995). При изучении археологических данных о погребальном обряде скифской эпохи в Горном Алтае прослежена такая характерная особенность, связанная с ориентацией: умершие почти всегда расположены практически перпендикулярно общему направлению цепочки курганов, в могилах которых они находятся. Возможно, что эта закономерность действительно связана с ориентацией входов в жилища кочевников, которые традиционно перпендикулярны направлению расположения цепочки юрт (Шульга П.И., 1989, с. 44). Если исходить из рассмотрения курганов, как «домов» для мертвых, то подобная трактовка весьма логична и вроде бы отражает реальную картину жизни людей, историю которых мы изучаем. Тогда следует уточнить, каким образом положение человека соотносится с входом-выходом в жилище: головой к нему или ногами?

Что же касается других наблюдений, то они не столь устойчивы и зависят от целого ряда факторов, среди которых наиболее существенным является положение солнца в точках восхода и захода. Анализ опубликованных данных могильников скифской эпохи Горного Алтая с использованием метода определения древних традиций ориентировок по сторонам горизонта, разработанного В.В. и В.Ф. Генингами, уже предпринимался (Тишкин А.А., 1996, с. 50–54; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 49–53; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998, с. 77–79). В данной монографии мы, используя имеющиеся в этом плане наработки, рассмотрим показатели ориентации погребенных людей сначала из памятника Тыткескень-VI (по количеству раскопанных объектов он один из наиболее изученных в настоящее время могильников), а затем из раскопанных курганов в районе так называемой Средней Катунь, которые характеризуются своеобразными локальными показателями.

На могильнике Тыткескень-VI исследовано 49 различных археологических объектов пазырыкского времени, из которых десять оказались без всяких признаков погребений, а в остальных зафиксировано 47 скелетов (не учитывая впускное захоронение и сильно разрушенный курган №37). Одно сооружение оказалось «классическим» кенотафом. На восток были ориентированы 23 умерших человека

(из них два лежали с небольшим отклонением к юго-востоку), на восток-юго-восток – восемь, на юго-восток – один, на восток-северо-восток – три, на северо-восток – один, на север – два, на запад-северо-запад – один, на запад – один. Кроме этого, ориентацию погребенных в разрушенных грабителями могилах и кенотафе можно установить предположительно на основе направления длинной оси могильной ямы, по оставшимся костям и характеру их смещения, по расположению инвентаря и другим признакам. Таким образом получается, что на восток были ориентированы еще два умерших, на восток-юго-восток – четыре и на юго-восток – один. Из представленных выше направлений сторон горизонта, связанных с положением погребенных, явно преобладает восточное.

На основе ранее проведенных исследований (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998, с. 78–79) установлено, что в пазырыкское время люди, проживавшие на территории Горного Алтая (это 50⁰ северной широты), вроде бы определяли стороны горизонта по восходу солнца. В связи с этим и с учетом преобладающей ориентации умерших летом должны были укладывать головой на северо-восток, осенью – на восток, зимой – на юго-восток, весной – на восток (Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985, табл. III). Если бы определение сторон горизонта происходило по заходу солнца, то тогда летом хоронили бы головой на юго-восток, осенью – на восток, зимой – на северо-восток, весной – на восток (Там же). Так как существуют повторяющиеся показатели, то четко установить традицию ориентировки погребенных достаточно сложно. Тем более, что в отдельных конкретных случаях могло происходить и то, и другое. Повторяющиеся ситуации можно скорректировать правилом, согласно которому наибольшая смертность приходилась на зиму и весну. Тогда становится ясным, что большинство погребенных людей на курганном могильнике Тыткескень-VI с ориентацией на восток захоронены весной, а лишь небольшая часть – осенью, один – точно летом, а еще один – зимой. Имеющиеся промежуточные или комбинированные данные по ориентации умерших помогут в некоторых случаях уточнить отдельные периоды времен года. Конечно, желательно, чтобы исследователи отмечали все отклонения, как уже было сказано, в градусах. Это позволит более точно установить календарное или астрономическое время года (Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985, рис. 1а-б, табл. IV). В тех случаях, когда на могильнике Тыткескень-VI были зафиксированы небольшие отклонения от востока к юго-востоку, можно предположить, что погребения совершены в конце зимы – начале весны или ближе к концу осени. Ориентация на восток-юго-восток больше указывает на конец зимы, не исключая и период конца осени. Имеющиеся случаи с погребением на юго-восток, вероятнее всего, свидетельствуют о совершении захоронения в самом начале зимы, когда земля еще не совсем промерзла, и можно было выкопать яму, лишь отогрев кострами верхний слой. Хорошим подтверждением подобного момента и маркером фиксации данного элемента при погребении могли бы стать попадающиеся в заполнении могил угли. Однако не все исследователи в своих публикациях указывают на этот факт. К тому же огонь мог применяться при совершении обряда и в другие времена года.

Умершие, лежавшие в погребальной камере головой на восток-северо-восток, были погребены весной или в конце лета. Северо-восточная ориентация указывает на конец весны – начало лета.

Таким образом, основываясь на всех приведенных выше сведениях, можно говорить о том, что в пазырыкское время на курганном могильнике Тыткескень-VI умерших людей хоронили преимущественно весной, ориентируясь при этом на восход солнца. Это свидетельствует еще и в пользу того, что изучаемый памятник располагался вблизи зимника. Поселения скифской эпохи около могильника специально никто не искал и не исследовал, но находки интересующего нас времени все же были обнаружены в ходе раскопок других памятников около устья р. Тыткескень (Кунгуров А.Л., 1994, с. 43–46, 58, рис. 7 и 8; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1994, с. 113, рис. 9; и др.).

Имеющиеся разнообразные показатели в рамках общей традиции свидетельствуют о других периодах совершения захоронений, среди которых существенным образом отмечается осень. Возможно, подобная картина отражает определенную сезонную закономерность в жизнедеятельности людей, проживавших на берегу Катуня, связанную с ведением хозяйства и передвижением от зимних к летним пастбищам. При этом какая-то часть населения все же оставалась в долине и могла производить захоронения в летний период. О том, что пазырыкцы хоронили своих соплеменников весной и осенью, имеются и другие свидетельства, которые можно привлекать как дополнительные доказательства к полученным выкладкам. Например, состояние лошадей из Второго и Пятого Пазырыкских курганов хорошо подтверждало время совершения захоронений соответственно осенью и весной (Руденко С.И., 1952, с. 34).

Что касается оставшихся не рассмотренными показателей погребенных людей (на запад, северо-запад-запад, север), то они, наряду с другими данными, демонстрируют инородные погребения на могильнике Тыткескень-VI и иные традиции, в которых также возможно использование точек восхода или захода солнца в качестве определения сторон горизонта и использование их для совершения захоронений. Такое же заключение можно дать и при рассмотрении ориентации умерших людей на могильнике Тыткескень-I, где отмечены следующие данные: запад-северо-запад (1), юго-запад (1), юг (1), которые не согласуются с зафиксированной традицией у носителей пазырыкской культуры.

Также несколько иная, по сравнению с массовыми материалами из памятника Тыткескень-VI, наблюдается картина рассматриваемых показателей ориентации погребенных на могильнике Кайнду (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990). Там в 15 исследованных курганах обнаружено 16 скелетов умерших людей и один объект оказался кенотафом. Данные ориентировок распределились следующим образом: на северо-запад (включая запад-северо-запад=северо-запад-запад) – восемь случаев, на запад – три, на восток-юго-восток и юго-восток – четыре. Возможно, что грудной ребенок был уложен головой на восток-юго-восток (?), а в кенотафе ориентация могла быть на северо-запад. В одном случае похороненные подростки лежали «валетом»: один головой на юго-восток, другой – на северо-запад. Таким образом, на могильнике Кайнду, расположенном неподалеку от памятника Тыткескень-VI, но на правом берегу Катуня, относительно преобладающим направлением в ориентации погребенных являлась западная и северо-западная сторона. Такая ситуация не удивительна, так как подобные наблюдения фиксируются в других местах Горного Алтая (Кубарев В.Д., 1991, с. 18–19). Данное обстоятельство еще раз указывает на полиэтничность изучаемого населения скифской эпохи. Отличия могильников Кайнду и Тыткескень-VI отражаются в планировке цепочек курганов (поперек и вдоль долины Катуня), в положении погребенных (преимущественно на спине и скорченно на правом боку), а также в устройстве внутримогильных и других сооружений. Если исходить из рассмотрения традиции ориентировок на запад и северо-запад в сочетании с вытянутым положением умерших, то такие показатели обнаруживают связь с элементами погребального обряда, зафиксированного на поздних этапах существования культуры населения раннескифского времени, когда люди при похоронах учитывали восход солнца (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б). Приведенные показатели находят отражение в материалах быстринской культуры северных предгорий Алтая (Киреев С.М., 1992, с. 56). По-видимому, между обозначенными археологическими комплексами существовала какая-то связь (территориальная, культурная, идеологическая, преемственная, контактная или другая).

Обращает на себя внимание западная и северо-западная ориентация умерших людей в сочетании с положением «скорченно на левом боку», зафиксированная в погребальных памятниках Восточного Алтая. Захоронения с такими показателями имели определенные отличия от «классических» пазырык-

ских, находившихся поблизости, и демонстрировали черты саглыных памятников (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998, с. 80). В данном случае наблюдается сосуществование и взаимовлияние двух культурных традиций на границе Тувы и Алтая.

Теперь обратимся к данным, полученным при раскопках курганов пазырыкского времени в зоне предполагавшегося затопления при строительстве Катунской ГЭС, включая показатели ориентации погребенных людей на уже рассмотренных могильниках Тыткескень-I, VI и Кайнду. Для анализа нами взяты известные и более или менее достоверные сведения, которые распределились следующим образом: на восток – 37 случаев, на восток-юго-восток – семь, на юго-восток – 28, на юго-юго-восток – 10, на юг – семь, на юго-запад – три, на запад – четыре, на запад-северо-запад – четыре, на северо-запад – семь, на север – три, на северо-восток-восток – три, на северо-восток – три. Из этого перечня видно, что на территории так называемой Средней Катуні существовало как минимум две выделяющиеся традиции в ориентации погребенных: преимущественно в восточную сторону и заметно – в западную (северо-западную). Логика анализа этих данных по методике В.В. и В.Ф. Генингов (1985) уже продемонстрирована на примере могильника Тыткескень-VI, и полученные результаты будут в общем соответствовать им, но с цифровым увеличением.

Имеются и другие показатели, отмеченные не только на Средней Катуні (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998, с. 79), которые при таком небольшом количестве трудно интерпретировать. Возможно, часть из них относятся к инородным погребениям. Особенно это может касаться женских захоронений, так как хорошо известен древний обычай привозить жен из других племен, находившихся порой на очень далеком расстоянии (см., например, Владимирцов Б.Я., 1934, с. 47–48). Иногда их хоронили по традициям бывших соплеменников. Отличительные показатели могли получиться в том случае, когда члены какой-то семейно-родственной группы нарушали ориентацию построения цепочки. Тогда, руководствуясь правилом класть в могилу умерших перпендикулярно уже принятому направлению (Шульга П.И., 1989, с. 44), получали отклонения от традиции ориентировки по восходу солнца. Не исключены и другие моменты, связанные с ошибками и противоречивыми сведениями в публикациях, с отсутствием полных данных, с представлением материалов раскопок в такой завуалированной форме, что невозможно получить точные исходные результаты т.д. Тем не менее имеющиеся отдельные нестандартные показатели демонстрируют реализацию определенных религиозных представлений, демографические моменты, отражают многообразие жизненных ситуаций. Таким образом, наряду с традиционными канонами погребального обряда, существовавшими у определенной группы населения скифской эпохи, могли происходить отклонения, связанные с конкретными реальными ситуациями в ходе жизнедеятельности людей. Однако судя по имеющимся данным, можно заключить, что обряд пазырыкцы соблюдали в строгом соответствии с формировавшимися нормами и религиозными представлениями, реконструкцию которых предстоит продолжить с учетом уже проведенных исследований (Руденко С.И., 1952; 1953; 1960; Кубарев В.Д., 1987; 1991; 1992; Суразков А.С., 1994; Полосьмак Н.В., 1997; и др.).

Подводя итог рассмотрению ориентации погребенных людей в пазырыкское время на изучаемой территории, можно сделать ряд заключений, одна часть из которых соответствует ранее высказанным положениям (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998, с. 79), а другая получена в ходе вышеизложенного анализа:

1. Традиция ориентировки погребенных людей базировалась на определении сторон горизонта по восходу солнца со всеми вытекающими из этого последствиями.

2. Погребения осуществлялись преимущественно весной, а также осенью, что соответствовало определенному жизненному циклу и основанным на этом религиозным представлениям.

3. Полученные наблюдения подтверждают то, что в долине Катунь располагались зимники скотоводов пазырыкского времени.

4. В районе нижнего и среднего течения Катунь существовали как минимум две этнические группы населения, имевшие, наряду с общими чертами в материальной культуре, отличающиеся традиции погребального обряда.

Палеодемографические наблюдения. В могилах обычно погребено по одному человеку (85%), но в двух – по три (5%) – курган №24, объект №47, в четырех – по два (10%) – курганы №25 (основное), №29, 72–73. На объекте №47 похоронены мужчина, женщина и подросток, в кургане №24 – две женщины и пол третьего не определен, в курганах № 25 (основное), №29, 72 – мужчина и женщина. Всего похоронено 47 человек, из них 7 детей. Число захоронений детей по отношению к общему количеству погребений не велико, так же как и в могильниках плато Укок (Полосьмак Н.В., 2001, с. 29–30). Следы насильственной смерти отмечены на одном черепе. Останки мужчин с плато Укок также очень редко имеют следы ранений, в отличие, например, от «улангомцев» из Западной Монголии (Полосьмак Н.В., 2001, с. 28; Новгородова Э.А., 1989, с. 264–265).

Антропологические определения есть по 33 черепам (Приложение II). Из них выявлено 14 мужчин, 14 женщин, 1 подросток (15–16 лет), 4 детей (0–0,5; 1,5–2; 5 и 6–7 лет). В возрасте до 20 лет умерло три женщины (курганы № 2, 18, 29), до 25 лет – один мужчина (курган №16), до 30 лет – шесть человек: двое мужчин (курганы №3, 36) и четыре женщины (курганы №9, 23, 27, 72), до 35 лет – четыре человека: трое мужчин (курганы №13, 20, 72) и одна женщина (объект №47), до 40 лет – шесть человек: двое мужчин (курганы №24–25) и четыре женщины (курганы №14, 24, 31), до 45 лет – один мужчина (курган №21), до 50 лет – трое мужчин (курганы №47, 29, 48), старше 50 – женщина из кургана №25, до 55 лет – двое мужчин (курганы №32, 34) и одна женщина (курган №19). Наибольшая смертность среди женщин была в возрасте от 20 до 40 лет (11). Всего старше 40 лет умерло восемь человек (6 мужчин и 2 женщины), а старше 50 лет из 29 взрослых умерло 4 человека (2 мужчин и 2 женщины). Средняя продолжительность жизни женщин – 34,3 лет (14), мужчин – 41,1 (14) (табл. 5).

Средняя продолжительность жизни женщин, похороненных на могильнике Тыткескень-VI, оказалась меньше, чем у женщин из Тыткескень-I, Кайнду и Верх-Еланды-2 (Степанова Н.Ф., 2000, с. 10), но больше, чем у женщин с плато Укок, где она была всего 29,6 лет (Полосьмак Н.В., 2001, с. 28). Средняя продолжительность жизни мужчин практически такая же (41,7 лет), как суммарно по четырем могильникам со Средней Катунь и больше, чем на плато Укок (38,5 лет) (Степанова Н.Ф., 2000, с. 10; Полосьмак Н.В., 2001, с. 28).

Мужские и женские одиночные захоронения. Всего одиночных захоронений 33, из них достоверно мужских – 11, женских – 9, детских – 6. В тех случаях, когда нет половозрастных определений, по инвентарю определить пол погребенных сложно. Лишь дважды предположительно это можно сделать. Наиболее вероятно, что в кургане №4 погребен мужчина, а в кургане №7 – женщина.

Между женскими и мужскими захоронениями основные отличия наблюдаются в инвентаре: в женских имеются украшения, в мужских – оружие. Лишь в одном женском погребении (курган №9) найден костяной наконечник стрелы. Керамики не было в четырех мужских могилах и только в одном женском. Некоторые мужские и женские погребения совершенно не различаются по инвентарю. Например, в курганах №62 (мужское захоронение) и №19 (женское) было найдено по глиняному сосуду (в одном случае кувшин, во втором горшкообразный сосуд). Интересно и еще одно наблюдение. Все

курганы диаметром около 10 м с захоронениями мужчин ограблены, а могилы с женскими погребениями не тронуты.

Погребения детей. Дети были похоронены в следующих курганах: №7–8, 17, 15, 25/2, 44, 48/2. Различия между детскими и взрослыми захоронениями сводятся к тому, что над детскими могилами насыпи меньших размеров – от 2,1х2 до 3,5х2,75 м, меньше глубина могил – от 0,22 до 1,4 м. В кургане №25 детское захоронение совершено в отдельной могиле, а курган №48, судя по всему, объединяет две насыпи, т.е. над детской могилой была, по-видимому, отдельная наброска, которая примыкала к основной. Курган №15 пристроен к кургану №14, где погребена взрослая женщина. На Тыткескене-VI только в одной могиле ребенок (в возрасте 0–0,5 года) похоронен вместе со взрослым.

Половина всех погребенных детей находилась в каменных ящиках и во всех этих захоронениях был какой-либо инвентарь. В четырех случаях дети погребены на правом боку, головой на восток (3), в одном на восток с незначительным отклонением и в одном на юго-восток. Инвентарь был следующий: в кургане №44 – миниатюрный бронзовый нож с вогнутой спинкой (необычный для Горного Алтая), в кургане №8 – два сосуда и позвонки барана, в кургане №48/2 – сосуд с росписью и бронзовый нож, в кургане №25/2 – нож и позвонки овцы, в кургане №17 обнаружены лишь позвонки м.р.с. Из шести погребений керамика была только в двух. В кургане №15 не обнаружено никаких вещей.

На могильнике Тыткескен-VI одиночные мужские, женские и детские погребения расположены вперемежку. Отдельных групп, где были бы сосредоточены женские и детские или мужские захоронения, выделяющиеся территориально, как, например, в Восточном Алтае (Кубарев В.Д., 1987, с. 24; 1991, с. 35; 1992, с. 22), там не наблюдалось.

Кенотаф. Самый северный курган на могильнике (№11) оказался кенотафом. Могильная яма размерами 1,95х1,0 м, глубиной 1,4 м, ориентирована длинной осью по линии 3–В. Вдоль южной стенки лежало бревно. В центре могилы находились позвонки м.р.с. и бронзовый нож, ближе к стенке – бронзовые чекан и кинжал, восточнее бронзовый крючок и развал глиняного сосуда (рис. 10–12). Кинжал изготовлен специально для погребения. С него даже не убран лишний металл после отливки. Возможно, специально для погребения изготовлен и крюк, так как у него также не зачищены литейные швы и имеется отверстие в щитке. Не исключено, что это бракованное изделие, которое было помещено в могилу. Остальные вещи – настоящие.

Сопроводительные захоронения лошадей. Захоронения лошадей были только в трех курганах (№21, 27, 62). Данный показатель является очень низким для пазырыкских могильников Горного Алтая (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998, с. 16–19). Лошадей помещали в северной части могильной ямы за срубом (курган №21), за обкладкой из камней (курган №27), на приступке (курган №62). Животные лежали на животах с подогнутыми ногами, головой на восток (курган №21), на юго-восток-восток (курган №62), на северо-запад-запад (курган №27). Только в кургане №27 захороненная лошадь была с полным набором конского снаряжения. В двух других объектах каких-либо элементов амуниции, необходимых для верховой лошади, не зафиксировано.

Мумифицирование. Населению, оставившему могильник Тыткескен-VI, также были известны способы мумифицирования умерших. В кургане №3 сохранились фрагменты полости живота, наполненного травами. На коже сохранились швы. По-видимому, так же как и в других зафиксированных случаях (Пазырык, Укок), внутренности извлекались, а вместо них укладывался специально подготовленный наполнитель (рис. 39–47). Курган №3 не выделялся среди других какими-либо признаками, в том числе и размерами насыпи (5,5х5 м). Это позволяет предположить, что мумифицировались все умершие и эта традиция была характерна в скифское время не только для Центрального и Юго-Восточ-

ного Алтая. Стоит отметить, что для территории Средней Катуни подобный факт зафиксирован впервые. Наиболее изученными в настоящее время стали мумии, обнаруженные на пазырыкских памятниках Укока (Полосьмак Н.В. 2001, с. 238–255). Стоит остановиться на таком распространенном явлении, как набивка умерших травой и другими материалами. На наш взгляд, в данном обычае реализована идея воскрешения погребенного человека путем наполнения бальзамированного тела исходными веществами для дальнейшего превращения. В подтверждение этого можно привести выдержку из Упанишад – письменного источника религиозно-мифологического плана, в котором наиболее полно отражены представления той эпохи на окружающий мир, что в свою очередь позволяет понять многие ритуалы. В Упанишадах имеется конкретно сформулированная логическая цепочка о происхождении мира и человека: «...из атмана возникло пространство, из пространства – ветер, из ветра – огонь, из огня – земля, из земли – трава, из трав – пища, из пищи – человек. Поистине этот человек состоит из соков пищи» (Антология..., 1969).

Основные признаки погребального обряда. Для могильника Тыткескен-VI характерно расположение курганов цепочкой, ориентированной в направлении Ю–С, вдоль берега Катуни. Основной массив объектов организован в микроцепочки, которые в свою очередь состояли из нескольких групп курганов (микрогрупп).

С западной стороны располагались поминальные выкладки.

Насыпи округлой формы сложены из рваного камня и валунов, часто с крепидой из крупных камней в основании.

Преобладают курганы размерами от 4 до 8 м.

Под насыпью находилась обычно одна могильная яма.

Внутримогильные конструкции, как и на Тыткескене-I, разнообразны (срубы, рамы, обкладки из камней, каменные ящики и др.). В целом преобладают сооружения из дерева.

Срубы и рамы сооружались из жердей и плах, реже из бревен, обычно в один венец, с упрощенным перекрытием. Деревянные конструкции относятся к беззамковым. Для всех типов погребальных камер характерно отсутствие пола.

Положение погребенных на обоих памятниках стабильно – на правом боку с согнутыми в коленях ногами. Ориентация умерших преимущественно головой в восточном направлении.

Обычно в могиле похоронено по одному человеку. Самый северный курган оказался кенотафом. Захоронения мужчин, женщин и детей совершались в общих микроцепочках.

На памятнике зафиксирован случай мумифицирования.

Редки сопроводительные захоронения с конем.

К числу нетипичных признаков погребального обряда для обоих памятников относятся: наличие плоских в разрезе, подпрямоугольных и овальных по форме насыпей, а также насыпи, сложенные из одних валунов, наличие двух могил под одной наброской или отсутствие последней вообще, заплечики в могиле, срубы в два венца, положение умерших на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на запад, северо-запад-запад, север, северо-восток и юго-восток, захоронение в могиле 2–4 человек. Некоторые из перечисленных признаков не характерны не только для Тыткескена-VI, но и для пазырыкских памятников в целом. Например, необычно сооружение типа объекта №41, отсутствие насыпи над могилой. Данные показатели отражают локальные особенности памятников Северного Алтая.

Глава IV

ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС ИЗ ИССЛЕДОВАННЫХ КУРГАНОВ ПАМЯТНИКОВ ТЫТКЕСКЕНЬ-I И VI

Из 41 захоронения безынвентарными были только пять (курганы №15, 17, 32, 36–37), из которых три оказались ограбленными (курганы №32, 36–37), а в двух объектах находились детские погребения.

По количеству находок выделяются курганы №27 и 2 и, пожалуй, №6, 11, 14, 18. Изделия из кожи найдены только в виде чехлов от зеркал и остатков ремней от конской амуниции. Совсем не обнаружено изделий из дерева. Однако известно, что в курганах с мерзлотой находилось много предметов из дерева и сравнительно мало из бронзы, железа, глины, как, например, на могильнике Ак-Алаха-I (курганы №1 и 2) (Полосьмак Н.В., 1994). Поэтому вполне вероятно, что на памятнике Тыткескень-VI подобные находки не сохранились, а «бедность» захоронений относительная или кажущаяся.

Инвентарь представлен несколькими категориями вещей: глиняная посуда, конское снаряжение, оружие, предметы быта, туалета и культа, украшения. Наиболее многочисленные категории погребального инвентаря – керамические сосуды и ножи.

Следует указать, что в данной главе отражены результаты только первичной обработки материалов, необходимой для более полноценной публикации исследованных комплексов. Поэтому представленные классификационные схемы носят преимущественно демонстрационный характер.

4.1. КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

Конское снаряжение найдено только в кургане №27. По своему функциональному назначению оно состоит из предметов, связанных с уздой и седлом. Уздечный набор включает несколько категорий вещей: удила, псалии, кожаные ремни, их распределители и украшения, уздечные блоки. Из предметов, связанных с седлом, найдены подпружные пряжки.

Удила были найдены в зубах лошади. Бронзовые изделия двусоставные с шарнирным соединением звеньев и с кольцевыми внешними окончаниями. Они имеют общую длину 19,5 см, а одного звена – 10 см. Диаметр внешних колец – 3,6 см. Одно звено имеет внутреннее окончание в виде стремечка. Кольца подовальные, относительно тонкого стержня удила поставлены на длинную сторону (рис. 33.-2).

На территории Горного Алтая в могильниках скифского времени бронзовые удила встречаются реже, чем железные (Руденко С.И., 1960, табл. XXXIX; Могильников В.А., Елин В.Н., 1982; Суразаков А.С., 1989, с. 25; Марсадолов Л.С., 1997б; и др.). В раннем пазырыкском кургане Башадар-2 (VI – 1-я половина V вв. до н.э.) обнаружены удила с окончаниями неправильной и подовальной формы. С конца VI в. до н.э. и в основном с V в. до н.э. окончания удила приобретают более круглую форму (Марсадолов Л.С., 1998, с. 10). Бронзовые изделия выходят из употребления в III в. до н.э. (Суразаков А.С., 1989, с. 25). Наличие бронзовых удила в пазырыкских погребениях исследователями считается анахронизмом, однако в Горном Алтае в раннескифское время бронзовых удила с кольчатыми окончаниями пока вообще неизвестно (Кубарев В.Д., 1987, с. 32; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б; и др.).

В Саяно-Алтайском регионе бронзовые удила с шарнирным соединением зафиксированы в кургане Аржан (Грязнов М.П., 1980, рис. 12.-1; 14, 20, 23), который датируется концом IX – началом VIII вв.

до н.э. (Марсадолов Л.С., 1997в). В Минусинской котловине, по мнению Н.Л. Членовой (1967, с. 71), однокольчатые бронзовые удила появились не позже, чем удила со стремечковидными окончаниями, а, скорее всего, даже раньше их. В памятниках тасмолинской культуры (Тасмола-V, курган №2) они известны не позднее второй половины VI в. до н.э., а в Восточном Казахстане с конца VI в. до н.э. (Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, с. 385; Степная полоса..., 1992, с. 134, 146, табл. 56.-59–61). В низовьях Сыр-Дарьи рассматриваемые изделия обнаружены на могильнике Уйгарак в кургане №16 (V в. до н.э.) (Вишневская О.А., 1973, с. 100, табл. V.-7). В целом бронзовые кольчатые шарнирные удила распространены на огромной территории. Они известны и на Северном Кавказе в памятниках VIII – 1-й половины VII вв. до н.э. (Граков Б.Н, 1975, с. 125–126). Однако в скифское время повсеместно преобладают железные однокольчатые шарнирные изделия (Смирнов К.Ф., 1961, с. 82–83; Степная полоса..., 1992, с. 187, 215).

Псалии находились рядом с удилами. Они изготовлены в виде прямого стержня, где загнут лишь один конец. В центре имеются два близко расположенных отверстия, каналы которых параллельны загнутому концу стержня. По-видимому, изделия сохраняют форму отростка рога (рис. 33.-1, 3). Псалии оригинальны и не имеют близких аналогий. Возможно, подобные предметы были найдены в Туэкте (Киселев С.В, 1951, с. 295, табл. XXVIII.-18). Трехдырчатые бронзовые псалии из могильника Бойтыгем-II (курган №2) по форме немного похожи на тыткескенские изделия, но концы стержней у них уплощены и напоминают тонкие широкие лопасти, а отверстия, находящиеся близко друг к другу, также выделены утолщением металла и расположены параллельно загнутому концу (Абдулганеев М.Т., 1994, рис. 1-1). В отличие от тыткескенских у бойтыгемовских изделий отмечается тенденция к S-образной форме. Л.С. Марсадолов (1998, с. 9) датировал их 2-й половиной VII – 1-й половиной VI в. до н.э. Наиболее близкие аналогии тыткескенским псалиям известны в памятнике Измайловка (ограда №17). Измайловский комплекс датирован А.С. Ермолаевой (1987, с. 72, 94, рис. 33.-2а) IX–VII вв. до н.э., а Л.С. Марсадоловым (1998, с. 14) – VII–VI вв. до н.э. По-видимому, подобный псалий найден в Красноярском крае. Н.Л. Членова (1967, с. 73, табл. 16.-38) отмечает, что эта форма обычная в Причерноморье еще для трехдырчатых, архаических, в Красноярском крае чрезвычайно редка. Известны и другие бронзовые трехдырчатые псалии, похожие на тыткескенские двухдырчатые (Вишневская О.А., 1973, табл. III.-11–12; XXIV.-6). Таким образом, относительные аналогии указывают на возможную датировку псалиев из могильника Тыткескень-VI (курган №27) VII–VI в. до н.э.

Бронзовые обоймы для распределения ремней с полусферическим щитком с четырьмя боковыми прорезями найдены в двух экземплярах (рис. 34.-6–7). Они находились в районе лопатки лошади. Изделия имеют аналогии в основном в раннескифских памятниках – Элекманар-2, Айрыдаш-IV, Солонечный Белок (Руденко С.И., 1960, табл. XIX.-5; Степанова Н.Ф., 1996, рис. 3.-11–16; Кочеев В.А., 2000, рис. 5.-23–24). В пазырыкских памятниках такие обоймы встречаются редко, только на наиболее ранних (могильники Талдура-I, Кок-Су-I, Кызыл-Джар-III). В отличие от тыткескенских все они костяные (Могильников В.А., Елин В.Н., 1982, рис. 2.-5; Сорокин С.С., 1974, рис. 7.-4; Могильников В.А., 1983а, рис. 8.-2, 6). А.С. Суразаков (1989, с. 34) датирует их в пределах VI–V вв. до н.э. В Казахстане рассматриваемые детали найдены в памятниках первого этапа тасмолинской культуры VII–VI вв. до н.э., среди случайных находок в с. Камышенке, в кладе в Верненском казенном саду г. Алма-Аты, у населения Нижней Сырдарьи и Тувы, на Илеке (Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, рис. 66.-5; Арсланова Ф.Х., 1974, с. 79–80, рис. 4-7; Максимова А.Г., 1956, табл. 1-12; Вишневская О.А., 1973, с. 103–104; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, рис. 74; Грач А.Д., 1983, с. 82; Смирнов К.Ф., 1961, рис. 55.-3, 5).

Пронизы. Бронзовые пронизы были нанизаны на ремень. На переносице черепа лошади сохранился фрагмент ремня с двумя такими колечками. Пронизы подразделяются на три варианта: округлой, овальной, D-образной, в том числе с несомкнутыми концами. Предметы округлой формы имеют диаметр от 0,8 до 1,1 см, ширину – от 3 до 9 мм (рис. 33.-5–17). Пронизы – овальной формы размерами 1,4–1,6×0,6–0,7 см, пронизки – полукруглой (D-образной) формы размерами 1,3–2,2 см.

Бронзовые пронизки округлой формы без ребра имеют аналогии в раннескифских памятниках предгорного Алтая на могильниках Чесноково-I, Советский Путь-I (Шульга П.И., 1998, с. 60; Ситников С.М., Шульга П.И., 1998, рис. 4.-7). Полукруглые (D-образные) найдены в более поздних памятниках Староалейка-2, Обские плесы-2 (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, рис.16.-3; Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 13.-13). Анализ подобных находок позволил П.И. Шульге (1998в, с. 60, 67) сделать вывод, что они датируются не ранее 2-й половины – середины VII вв. до н.э. Уже в середине VI в. до н.э. кольца-пронизки встречаются редко, поштучно, как украшения узды и ремешков портупеи. С этого времени от Поволжья и Южного Урала до Тувы ремешки конского снаряжения украшаются полукруглыми бронзовыми пронизками, уплощенными с одной стороны и приспособленными под плоский ремень. Некоторые из них разомкнуты или представляют собой скобки.

В-образная пронизь. Костяная пронизь с двумя сквозными параллельными отверстиями (рис. 34.-12) была найдена немного в стороне от погребения лошади, рядом с глиняным сосудом. Она предназначена для раздвоения идущего к псалиям ремня. В-образные пронизы имеют аналогии в ранних пазырыкских памятниках: Талдура-I, Кок-Су-I и, вероятно, в Туэктинском кургане (Могильников В.А., Елин В.Н., 1982, рис. 2.-8; Сорокин С.С., 1974, рис. 5.-4, 7.-5; Киселев С.В., 1951, табл. XXVIII.-18). А.С. Суразаков (1989, с. 34) предполагает, что в Горном Алтае они появились с конца VI в. до н.э. Такие приспособления известны в Казахстане и Минусинской котловине (Максимова А.Г., 1956, с. 254; Маннай-Оол М.Х., 1970, с. 63, рис. 17.-5). По мнению Н.Л. Членовой (1967, с. 78, табл. 17.-24–26), В-образные пронизы тагарской культуры характерны в основном для узды начиная с V в. до н.э. 8-образные пронизы известны во Вторых Пятимарах на Илеке (Смирнов К.Ф., 1961, рис. 54).

Уздечная пряжка или чумбурный блок. Уздечная пряжка находилась рядом с В-образной пронизью. Она каплевидной формы с двумя овальными отверстиями, вырезана из отростка рога и имеет почти круглое сечение (рис. 34.-4). Посредством такого блока один из концов повода крепился к чумбуру. Уздечной пряжке (блоку) известны аналогии в памятнике Барбургазы-I (Кубарев В.Д., 1992, табл. IV.-2). Она соответствует 1 типу (по Суразакову А.С., 1989, с. 35) каплевидных костяных уздечных блоков из Шибинского, 3 и 4 Пазырыкских курганов. Бытовали такие вещи, по мнению А.С. Суразакова (1989, с. 36), на протяжении V–III вв. до н.э. В.Д. Кубарев (1992, с. 36) расширяет эти границы до VI–II вв. до н.э.

К уздечному набору относится бронзовая **зооморфная бляха** (рис. 34.-10) в виде стилизованной головы хищной птицы (грифона?). На обратной стороне имеется скоба для крепления к ремню. Изделие найдено на удилах с левой стороны. Оно могло использоваться в качестве наносника или как нащечная бляха. Однако в последнем случае обычно применялось парное использование подобных украшений узды. Аналогии рассатриваемому предмету известны в кладе из Алма-Аты в Верненском казенном саду (VII–V вв. до н.э.), на могильнике староалейской культуры Обские Плесы-II и других памятниках (Максимова А.Г., 1956, с. 255; Фролов Я.В., 1999, с. 213, рис. 1.-27).

Бронзовая бляха (рис.34.-11), обнаруженная в кургане №27, также может относиться к уздечному комплекту. Ее однозначно использовали в качестве налобного украшения, так как изделие было

обнаружено на черепе лошади. Тем не менее не исключено и другое применение подобных предметов, например, как украшение нагрудного ремня.

Подпружные пряжки (рис. 34.-3, 8). Бронзовые изделия найдены с левой стороны под ребрами лошади (рис. 32). На них зафиксированы остатки кожаных ремней. Изделия имеют подпрямоугольную рамку (основание) и подовальную дужку (головку) шириной 3,6–3,9 см. С обратной стороны у обеих пряжек есть желобок-канавка. У одной имеется шпенек, близкий к Г-образной форме, на котором оформлены два выреза – треугольный и в форме копыта (рис. 34.-8). У второй пряжки обломана нижняя часть рамки (рис. 34.-3). На рамке обозначены небольшие выступы.

Подобные бронзовые подпружные пряжки характерны для памятников раннескифского времени. В Горном Алтае они найдены на могильниках Элекманар-2, Бойтыгем-II, Карбан-I и других памятниках (Степанова Н.Ф., 1996, рис. 3.-9–10; Абдулганеев М.Т., 1994, рис. 1.-3–4; 4.-4–5; Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992, рис. 5.-17–18; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 72–74). В пазырыкских памятниках они встречаются редко и только в самых ранних, в частности, в Первом Туэктинском, Втором Башадарском курганах (Руденко С.И., 1960, табл. LXIV; XXXIX; XL; Марсадолов Л.С., 1998, фото 6). Подобные пряжки найдены в Казахстане в памятниках тасмолинской культуры (Тасмола-I, курган №19, 22, 24; Тасмола-V, курган №6 и др.), под Солонечным Белком, в Приаралье (Уйгарак, курган №16, 60), в Верхнем Прииртышье (Измайловка, ограда №17), на Юго-Западном Алтае (Вакулиха-I), Туве (могильник Алды-Бель-I, курган №21, «ритуальный клад» II) и т.д. (Руденко С.И., 1960, табл. XIX.-7–8; Вишневецкая О.А., 1973, табл. V.-10–11; XVII.-6; Ермолаева А.С., 1987, рис. 32.-15–16; Бородаев В.Б., 1998, рис. 6.-1–2; Грач А.Д., 1980, рис. 83.-2; Боковенко Н.А., 1998, рис. 3.-4–5).

Тыткескенские пряжки имеют подовальные дужки небольших размеров в отличие от изделий из Карбана-I и Бойтыгема-II, аналогично находкам из Тасмола-I (курган №19), Камышенского клада (Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992; Абдулганеев М.Т., 1994; Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, рис. 8; Арсланова Ф.Х., 1974). На рамке имеются небольшие выступы как у находок из Камышенского клада, Тасмола-I, Тасмола-V, Нурманбета-II, Бойтыгема-II, Элекманара-2, Второго Башадарского кургана и др. (Арсланова Ф.Х., 1974, рис. 23, 24; Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, рис. 8, 24, 26; Абдулганеев М.Т., 1994; Марсадолов Л.С., 1998; Степанова Н.Ф., 1996; Руденко С.И., 1960, табл. XXXIX). На шпеньках имеются вырезы, как и у находок из вышеуказанных могильников. Шпенек занимает промежуточное положение между Т- и Г-образным в сечении. Он уже не относится к Т-образным, но еще округлый, а не удлиненный, как у находок из I Туэктинского и большинства изделий из Башадара-2. Л.С. Марсадолов (1998, с. 13) отмечает, что Т-образный шпенек заменили на Г-образный в VI в. до н.э. В целом пряжки, как и все остальные предметы из этой серии, индивидуальны по комбинациям признаков, но имеют аналогии практически по всем отдельно взятым элементам.

Подводя итог, необходимо отметить, что в кургане №27 найден комплект конского снаряжения раннего типа. Ряд предметов его находят аналогии в раннескифских памятниках VII–VI вв. до н.э., но в общем эти находки могут быть датированы серединой VI в. до н.э. В лаборатории минералогии и геохимии ТГУ получены результаты полуколичественного спектрального анализа проб, взятых с некоторых предметов (приложение I).

4.2. ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ

Найденные предметы вооружения в памятниках скифской эпохи степной полосы Евразии относятся к следующим категориям: наступательное оружие, которое делится на оружие дальнего боя (луки,

стрелы) и оружие ближнего боя (чеканы, кинжалы, мечи); защитный доспех (пластины панцирные, щиты, шлемы) и военное снаряжение (колчаны, колчаные крюки, ножны, ремни и др.).

Предметы вооружения пазырыкской культуры относятся к одной из наиболее многочисленной категории находок, хотя процесс активного накопления этих данных происходил в течение 25–30 последних лет. Специальных работ, посвященных полному анализу пазырыкской паноплии, еще нет, хотя обилие полученных материалов позволяет это сделать. Имеющиеся в отдельных работах классификационные схемы в основном носят демонстрационно-отличительный характер. В опубликованных построениях существуют и принципиальные расхождения. При этом многие признаки не выявлены. Подобная ситуация характерна не только для Горного Алтая, но и для других территорий (Субботин А.В., 1998; Могильников В.А., 1997; и др.).

На могильнике Тыткескень-VI найдено сравнительно немного предметов вооружения. Они обнаружены в 11 курганах (№11, 13, 47, 9, 6, 3–4, 28–29, 71–72). В трех курганах №6, 11, 29 найдены и кинжалы, и чеканы, а в кургане №3 – чекан и наконечник стрелы.

Кинжалы. Кинжал в скифское время являлся основным и массовым видом оружия ближнего боя. Он имел обоюдоострый клинок, не превышающий в длину 50 см, и был предназначен прежде всего для колющего удара, а в меньшей степени – для режущего. Клинки длиной 25–30 см и более (особенно широкие) обладают, по мнению М.В. Горелика (1993, с. 15), рубящим эффектом.

Может показаться, что для предметов вооружения пазырыкской культуры кинжалы являются одной из наиболее массовых находок. Однако существует весьма значимая специфика такой категории вещей. Дело в том, что большинство обнаруженных изделий являются макетами или уменьшенными моделями, копиями настоящих изделий и порой положены в могилу как заменители. В этой связи возникает вопрос: «Относить их к предметам вооружения? Стоит ли вообще рассматривать их как таковые?» С одной стороны, несмотря на уменьшенные размеры, они отражают основные признаки настоящих предметов, а с другой стороны, точность копии порой сомнительна. Существует еще одна трудность: часто настоящие кинжалы, сделанные из железа, очень плохо сохраняются. Существует и целый ряд других проблем: разноречивость в терминах, нет единой системы описания, выделенные признаки и уровни не находят объяснений в публикациях такого плана и т.д. Первую специальную работу по кинжалам из Горного Алтая сделал В.Д. Кубарев (1981, с. 29–54). Он собрал известные к тому времени изделия, обнаруженные случайно или в ходе раскопок, и попытался обобщить и разобраться с материалом. Для анализа была использована достаточно представительная серия предметов (около 80 экз.), хотя, по мнению автора статьи, «...материал все еще малочисленен по составу и недостаточно хорошо изучен» (Кубарев В.Д., 1981, с. 54). В результате был получен ряд важных заключений, положивших основу для изучения такого вида изделий в последующие годы.

Для решения значительного количества исследовательских задач, касающихся не только изучения кинжалов, но и всего комплекса вооружения пазырыкской культуры, необходимо выполнить специальную работу. В настоящем издании, посвященном в основном введению в научный оборот материалов исследованных памятников, мы лишь рассмотрим зафиксированные находки.

При исследовании памятника Тыткескень-VI обнаружено 6 экз. кинжалов (курганы №4, 6, 11, 13, 29, 71). В захоронениях они находились у ног погребенных: у правой бедренной кости (курганы №4, 6, 13), у бедренной кости (курган №71) и слева от предполагаемого погребенного (курган №11).

Все кинжалы бронзовые. Они подразделяются по размерам. К уменьшенным относятся кинжалы из курганов №6, 11. Длина кинжала из кургана №11 – 18,8 см, клинок – 10,2 см (рис. 12.-1); длина изделия из кургана №6 – 17,7 см, клинок – 9,7 см (рис. 26.-10). У кинжала из кургана №11 навершие не проработано полностью, перекрестие бабочковидное, на клинке имеется ребро жесткости, рубчатая

рукоять. У изделия из кургана №6 перекрестие сломано под тупым углом, на рукояти желобок, ребро жесткости на клинке. Клинок треугольной формы. Кинжал из кургана №13 (рис. 12.-3) миниатюрный (13,2 см). Изделие из кургана №71 представлено имитацией (рис. 31.-1). Оно находилось на месте кинжала, а нож в этом погребении был рядом с позвонками м.р.с. Поэтому не остается сомнений в том, что рассматриваемый предмет представлял собой имитацию кинжала. По-видимому, аналогичным заменителем настоящей вещи служил обломок кинжала из кургана №29 (рис. 28.-4). Длина сохранившейся части 11,6 см, клинок – 8,6 см. Кинжал имеет двустороннюю заточку, на клинке фиксируется небольшая выемка («дол»). На рукояти сохранилась деревянная обкладка.

Самой необычной и оригинальной находкой не только для данного памятника, но и для Горного Алтая является бронзовое изделие из кургана №4, которое по размерам может быть отнесено к настоящим кинжалам (рис. 36.-2). Общая длина его – 25 см, из них клинок – 16 см. В пользу того, что он настоящий, свидетельствует и тщательное оформление изделия. Перекрестие и навершие у него оформлены в виде двух голов грифонов, обращенных друг к другу. У клинка параллельные, слегка суживающиеся к острию стороны. В верхней части клинка имеется ребро жесткости, ниже он линзовидный в сечении. Оригинальна рукоять кинжала – с волнистым краем, украшенная спиральным или растительным орнаментом. Более конкретно сказать об орнаменте из-за плохой сохранности изделия сложно. Полных аналогий кинжалу пока неизвестно. По оформлению рукояти имеются относительные аналогии с кинжалами североказахстанского типа, а также из ананьинского могильника и некоторых других памятников (Членова Н.Л., 1981, с. 7, рис. 3; Збруева А.В., 1952, табл. XXI.-13; Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, рис. 38; Borovka G., 1928, рис. 40А; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997). Однако у приведенных аналогий другое навершие и перекрестие. Датируются они VI – началом V вв. до н.э. В Горном Алтае кинжал с навершием и перекрестием в виде грифонов был найден на могильнике Уландрык-III (курган №1). От тыткескенского его отличают некоторые детали в изображении грифонов, а наиболее существенно – в оформлении рукояти. Датируется такая находка V–IV вв. до н.э., а курган, в котором он найден, относится, по мнению В.Д. Кубарева, к раннему периоду и дата ориентировочно определяется IV в. до н.э. (Кубарев В.Д., 1987, с. 132, табл. LVIII.-8, рис. 20.-1). Еще несколько кинжалов с Алтая имеют навершие в виде голов двух грифонов, обращенных друг к другу: Кайнду (рис. 36.-1), Кара-Тенеш и Кумуртук (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Погожева А.П., 1981; Киселев С.В., 1951). Однако по оформлению перекрестия и рукояти они существенно отличаются. Датируются вышеперечисленные изделия с конца VI–V вв. до н.э. Кинжалы с навершием в виде обращенных друг другу грифонных головок встречаются достаточно широко – от Северного Причерноморья до Минусинской котловины (Мелюкова А.И., 1964, с. 52–55; Членова Н.Л., 1981, с. 10–11), но их наибольшее количество происходит из Минусинской котловины. Н.Л. Членовой учтено 36 бронзовых, железных и биметаллических кинжалов. Кинжалы с навершием в виде голов грифонов известны там с VI в. до н.э. (Членова Н.Л., 1967, табл. 2; 1981, с. 11; Кулемзин А.М., 1974, с. 32).

Чеканы. Обнаружено 6 экземпляров (курганы №3, 6, 11, 29, 71, 72). Местонахождение чеканов в могилах сравнительно неустойчиво: между бедренными костями (курган №72), справа между локтевыми костями (курган №71), справа под ребрами (курган №3), слева от предполагаемого погребенного (курган №11). Все изделия относятся к миниатюрным или уменьшенным, а находка из кургана №71 представлена имитацией, изготовленной из обломка ножа. Все чеканы проушные, с округлой формой бойка, по сечению обуха подразделяются на два типа.

Тип 1. С округлым в сечении обушком. Три экземпляра происходят из курганов №6, 11, 29 (рис. 12.-2; 26.-1; 28.-3). Длина изделий 10,6–13,6 см.

Тип 2. С плоским в сечении обушком. Два экземпляра найдены в курганах №3 и №72 (рис. 38; 30.-4). Длина изделий 11,7 см.

Чеканы первого типа широко известны в Горном Алтае, а чеканы с плоским обушком редки (Кочеев В.А., 1988, с. 148–149, 160; Кубарев В.Д., 1989, с. 65–69; 1991, с. 77–83; 1992, с. 64–69; Суразаков А.С., 1989, с. 53–54). Предметов с плоским обушком известно всего несколько экземпляров, в частности, из памятников Кызыл-Джар-I, Юстыд-I, Юстыд-XII, Кастахта, в том числе и настоящий железный чекан из Барбургазы-I и др. (Кочеев В.А., 1988; Могильников В.А., 1983б, с. 28; Кубарев В.Д., 1991, табл. XI.-5; XLVII.-26; 1992, табл. XXV.-10; Суразаков А.С., 1989, с. 53; Мамадаков Ю.Т., Неворов С.В., 2001, рис. 6.-2; 7.-3 и др.).

Изделие из кургана №71 изготовлено из обломка ножа. Длина его 6 см. Безусловно, это имитация чекана. В проух вставлена деревянная рукоять, и в погребении он находился там, где обычно должен располагаться чекан. В Горном Алтае известно еще несколько различных имитаций чеканов с помощью других предметов, например, на могильниках Узунтал-III, Юстыд-XII, Уландрык-II, Бертек-I (Савинов Д.Г., 1978, с. 52, рис. 1.-18; Кубарев В.Д., 1991, с. 81, рис. 18.-7; табл. XIX.-10; Кубарев В.Д., 1987, табл. XLVI.-12; Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др., 1994, с. 140, рис. 62.-3).

Наконечники стрел. В четырех курганах были найдены костяные наконечники стрел: в курганах №3, 9, 28 – по 1–2 черешковому наконечнику, а на объекте №47 – 6 втульчатых. Всего зафиксировано 10 таких предметов. В кургане №9 они находились у правой бедренной кости, в курганах №3 и 28 между бедренными костями, а в объекте №47 между тазовыми костями и сосудами.

Наконечники стрел по форме насада относятся к двум типам.

Тип 1 – черешковые трехгранные удлиненно-треугольные шипастые (4 экз. – рис. 26.-2; 27.-2–3; 37.-1). Длина предметов от 4,8–5 (курганы №9, 28) до 5,6–5,7 см (курган №3). На черешках иногда имеются насечки, в том числе и на двух сторонах. Количество насечек на разных сторонах черешка не всегда совпадает.

Тип 2 – втульчатые (6 экз. – рис. 23.-3–6, 8–9). Длина изделий 4–4,6 см. Наконечники стрел со скрытой втулкой, подромбическим сечением с подтреугольными вырезами в основании, которые образуют шипы. Изделия различаются между собой глубиной и формой вырезов в основаниях граней, по форме продольного разреза и т.д. Одна из особенностей всех шести изделий – четвертая грань (ребро) выражена нечетко и иногда почти не читается. Все наконечники частично повреждены.

Наиболее распространены костяные черешковые трехгранные удлиненно-треугольные шипастые наконечники стрел в памятниках скифского времени Центрального и Западного Алтая, Средней Катунь (Кочеев В.А., 1987, с. 57; Степанова Н.Ф., 2000, с. 14). Их находят в памятниках, датирующихся с VI по II в. до н.э. (Могильников В.А., Елин В.Н., 1982, с. 105; Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 51–81; и др.). Для этого типа изделий прослеживается тенденция постепенного уменьшения общей длины с 7–8 см в VII–V вв. до н.э. до 4,5–5,5 см в IV–III вв. до н.э. (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 58). Костяные трехгранные удлиненно-треугольные шипастые черешковые наконечники стрел распространены и на соседних с Горным Алтаем территориях: в предгорьях (Быстрянского), в Лесостепном Алтае (Староалейка-2, Обские Плесы-2), в Минусинской котловине, в Туве и северо-западной Монголии, Казахстане (Завитухина М.П., 1966, рис. 2.-24–25; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996; Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 17–18; Кулемзин А.М., 1976, рис. 10.-2–7,9; Грач А.Д., 1980, рис. 32.-14–25; 53–54; 83; Цэвэндорж Д., 1978, рис. 2.-16; Маннай-Оол М.Х., 1970, рис. 11.-1–6; Степная полоса...,

1992, табл. 56.-36; и др.). На Алтае костяные наконечники стрел этого типа появились в эпоху поздней бронзы и доживают до II в. до н.э. (Савинов Д.Г., 1975, рис. 3.-5; Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996, с. 17–18). В целом они датируются VII–III вв. до н.э.

Костяные наконечники со скрытой втулкой подромбического сечения с шипами имеют аналогии в Горном Алтае и на сопредельных территориях: в I Башадарском кургане, хотя там они, судя по всему, более крупных размеров; на памятниках Уландрык-III, Алагаил, Майма-VII (Руденко С.И., 1960, рис. 17; табл. XXIV.-1; Кубарев В.Д., 1987, табл. LX; Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980, с. 198, рис. 7.-4; Киреев С.М., 1992). Ромбические в сечении втульчатые наконечники стрел найдены в Верхнем Приобье, Туве, Монголии (Грязнов М.П., 1956, табл. XXI.-24; 1980, рис. 11–13; Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1983, с. 25; Иванов Г.Е., 1987, с. 13, рис. 3.-13; Новгородова Э.А., 1989; Членова Н.Л., 1993, с. 33). В целом они имеют широкие рамки бытования. В.А. Кочеев (1993, с. 175) отмечает, что на примере этого типа наконечников прослежена тенденция к уменьшению в размерах наконечников, в более ранних памятниках они крупнее. Кроме того, из втульчатых самыми ранними изделиями считаются ромбические в сечении больших размеров, которые в V–III вв. до н.э. выходят из употребления и сменяются трехгранными втульчатыми с шипами и без них (Руденко С.И., 1960, рис. 17; Кочеев В.А., 1987, с. 57). Наши экземпляры занимают промежуточное положение между ромбическими и трехгранными, т.е., как уже отмечалось, одна грань выражена нечетко. Видимо, и датированы они могут быть также не ранее V в. до н.э.

Крюки. На памятнике найдено шесть таких изделий. Все они бронзовые. Местонахождение их в погребениях установить не всегда возможно, поэтому нельзя определить, для какой цели эти крюки предназначались: использовались ли они как колчаные или же это были застегивки, или что-либо другое. Однако ни в одном из курганов, где они обнаружены, не было наконечников стрел.

Крюки разделяются на группы по тому, из чего они изготовлены: 1) из проволоки (курганы №6, 16, 48/2); 2) из отлитого стержня (курган №11); 3) из пластины (курган №43). Типы выделяются по наиболее изменчивому признаку – оформлению верхней части предметов.

Группа I

Тип 1. Крюки изготовлены из кованой, подчетыреугольной в сечении проволоки, один конец которой загнут в кольцо или петельку. Два экземпляра зафиксированы в курганах №6 (рис. 26.-3) и №48/2 (рис. 51.-1).

Тип 2. Представлен одним изделием, которое изготовлено из кованой подчетыреугольной в сечении проволоки слегка расширяющейся в верхней части. Крюк найден в кургане №16 (рис. 16.-1).

Тип 3. Предмет изготовлен, возможно, или из широкого куска подчетыреугольной в сечении проволоки, или отлит, но дополнительной обработке не подвергался. Крюк не имеет щитка и петли (дополнительного приспособления для крепления к ремню). Один экземпляр отмечен в кургане №72 (рис. 30.-1).

Группа II

Тип 1. Изделие отлито в виде загнутого с одного конца округлого в сечении стержня, на противоположном конце которого имеется округлый уплощенный щиток с поперечной петелькой на внутренней стороне. Один экземпляр происходит из кургана №11 (рис. 12.-5).

Группа III

Тип 1. Пластинчатый. Сделан из загнутой с одного конца пластины, второй конец которой расширяется. Один экземпляр найден в кургане №43 (рис. 24.-2).

Изделия первой группы составляют большинство. Крюкам из проволоки без щитка типа 1 (курган №6, 48/2) аналогии известны на могильнике Салдам (Худяков Ю.С., 1995, рис. 2.-8). Такое же изделие, как крюк из кургана №72, найдено на Кайнду (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, рис. 2.-2). Крюк из кургана №16 памятника Тыткескень-VI прямых аналогий пока не имеет. Крюки из пластин редки для скифского времени Горного Алтая в целом. Кроме нашей находки известно еще два предмета: из могильников Уландрык-IV (курган №3) и Кызыл-Джар-III (курган №5) (Кубарев В.Д., 1987, табл. XVIII-19; Могильников В.А., 1983, рис. 1.-4) Однако все три изделия различаются между собой по оформлению.

Изделие из кургана №11 из отлитого стержня с уплощенным щитком и поперечной петелькой на внутренней стороне, возможно, было изготовлено специально для погребения или же это бракованная вещь. Последнее предположение вызвано тем, что в щитке имеется отверстие, которое, вероятнее всего, является следствием неудачной отливки. В Горном Алтае нам известно еще 9 экз. подобных изделий. Они найдены в памятниках, датирующихся концом VI-V вв. до н.э. (Талдура-I, курган №4), V-IV вв. до н.э. (Кастахта, Кызыл-Джар-I, Кара-Коба-II, Аргут-I, Семисарт-II) (Могильников В.А., Елин В.Н., 1982, рис. 1.-9, с. 108; Степанова Н.Ф., 1987, рис. 8.-8, с. 182; Могильников В.А., 1983, рис. 3.-6, с. 25; Сорокин С.С., 1969, рис. 7.-4, с. 62; Владимиров В.Н., Шульга П.И., 1984, рис. 2.-4, с. 102). Много аналогий изделиям с уплощенным округлым щитком и поперечной петелькой можно обнаружить в предгорном Алтае (Боровое-V), Барабе, Новосибирском Приобье, Туве (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992, с. 22; Полосьмак Н.В., 1987, с. 76; Маннай-Оол М.Х., 1970, рис. 10.-1, 6; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, табл. XXXII.-36).

4.3. ОРУДИЯ ТРУДА, ПРЕДМЕТЫ БЫТА, КУЛЬТА И ТУАЛЕТА

Ножи являются наиболее массовой категорией находок из предметов быта: 17 бронзовых и 5 железных (курганы №12, 24, 47). Они обычно находились рядом с позвонками м.р.с. Ножи относятся к нескольким типам и различаются по материалу, из которого изготовлены, подразделяются на две группы – бронзовые и железные.

Бронзовые предметы по оформлению ручки, как наиболее изменчивому признаку, подразделяются на 6 типов:

Тип 1. Ножи с прямой спинкой без выделенной ручки и без навершия. Можно отметить два варианта.

Вариант 1. Прямые пластинчатые ножи без навершия и какого-либо отверстия в ручке (с глухой рукоятью). Длина изделий 3,8–12,5 см. Пять экземпляров происходят из курганов №7, 11, 13, 71, 73 (рис. 12.-6; 15.-5; 26.-6; 31.-2, 5).

Вариант 2. Пластинчатые ножи с небольшим отверстием в рукояти. Длина изделий 5,9–11,1 см. Два экземпляра из курганов №25 и 28 (рис. 20.-2; 27.-4).

Тип 2. Нож с прямой спинкой, расширяющейся сверху ручкой, длиной 13 см. Обнаружен в кургане №71. Вероятно, был имитацией кинжала (рис. 31-1).

Тип 3. Ножи с прямой спинкой с петлевидным окончанием ручки. Длина изделий 12–14,2 см. Три экземпляра зафиксированы в курганах №27, 43, 71 (рис. 24.-4; 31.-3; 34.-5).

Тип 4. Нож с вогнутой спинкой или изогнутым лезвием длиной 2 см. Найден в кургане №44 (рис. 24.-6). Не исключено, что обломок ножа из кургана №14 относится к этому же типу изделий (рис. 15.-5).

Тип 5. Ножи с небольшим уступом, отделяющим ручку от лезвия с прямой спинкой без навершия двух вариантов:

Вариант 1 – с глухой рукоятью, длиной от 5,3 до 12,3 см. Отметим 2 экз. из курганов №2 и 6 (рис. 50.-2; 26.-5).

Вариант 2 – представлен одним изделием из кургана №54 (рис. 52.-2), длиной 8,1 см и с небольшим отверстием в рукоятке.

Тип 6. Дугообразнообушковый, без навершия. Длина такого ножа из кургана №48/2 – 10,3 см (рис. 51.-2).

Железные ножи представлены целыми изделиями и обломками (рис. 23.-1–2 и др.), которые относятся к одному типу.

Тип 1. Прямые пластинчатые ножи без выделенной ручки, длиной 10,1–12 см, происходят из курганов №12 и 24 (рис. 11.-4; 19.-2).

Итак, наибольшее количество на памятнике Тыткескень-VI составляют прямые пластинчатые ножи без навершия и какого-либо отверстия в ручке, что характерно для Горного Алтая в целом в рассматриваемое время (Суразаков А.С., 1989, с. 16–23). Они имеют аналогии в памятниках раннескифского времени (например, Элекманар-2 (Горный Алтай) (Степанова Н.Ф., 1996, рис. 6)) и на сопредельных территориях. В Лесостепном Алтае аналогичные ножи известны еще с эпохи поздней бронзы (Грязнов М.П., 1956, рис. 7.-27–28, табл. V.-25). В Туве подобные изделия входят в комплексы с VII–V вв. до н.э. до II в. до н.э., в Казахстане – V–IV вв. до н.э. (Грач А.Д., 1980, рис. 24.-5; 1983, с. 30; Степная полоса..., 1992, табл. 53.-9, 19).

Ножей с петлевидным окончанием рукояти в Горном Алтае известно немного: Кырлык-I, Кызыл-Джар-III, Керкечу, Уландрык-I, Кош-Тал-I и другие памятники (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 6.-9; Могильников В.А., 1983, рис. 1.-7; 1988, рис. 4.-7; Кубарев В.Д., 1987, табл. XVIII.-2; Суразаков А.С., 1993, рис. 29.-3). А.С. Суразаков (1989, с. 22) высказал предположение, что в Горном Алтае они появились с середины I тыс. до н.э. и, вероятно, еще в начале III в. до н.э. изготавливались и из бронзы, и из железа. Однако бронзовые ножи этого типа характерны в основном для ранних памятников скифского времени: Кырлык-I (вымостка №1), Кер-Кечу (курган №8), Кайнду (курган №2), Бике-I (курган №6) (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985; Могильников В.А., 1988; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990; Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990). Бронзовые ножи с петлевидным окончанием рукояти известны в Туве в памятниках VII–III вв. до н.э., но составляют большинство на позднем уюкском этапе (Маннай-Оол М.Х., 1970, с. 48, 55, рис. 7.-5, 12.-7; Грач А.Д., 1980; Кызласов Л.Р., 1979, с. 74; Степная полоса..., 1992, с. 188, табл. 76.-23, 37, 40). Известны они в Северо-Западной Монголии на Улангомском могильнике (Новгородова Э.А., 1989, с. 260, 299). В Минусинской котловине найдены в памятниках тагарской культуры (Кириллов Е.Л., 1983, с. 62). В Верхнем Приобье М.П. Грязнов (1956, табл. XXIV) датировал их концом бийского этапа.

Ножей с изогнутым лезвием нам пока известно два экземпляра. Оба изделия миниатюрные, происходят из каменных ящиков (на Тыткескене-VI – из детского захоронения, Дяляне – из погребения женщины (Тетерин Ю.В., 1992). Подобных ножей в Горном Алтае практически неизвестно. Лишь на поселении Узнезя-I найден экземпляр, который немного больше по размерам (Степанова Н.Ф., 1994, рис. 4.-7). На Денисовой пещере обнаружено два изделия, датированные начальной стадией эпохи раннего железа и эпохой поздней бронзы. Однако сближает их со среднекатунскими лишь оформление нижней части лезвия (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 53, 106–107, рис. 48.-1; 49.-1).

Ножи с небольшим уступом и глухой рукоятью были найдены на памятниках Кайнду, Верх-Еланда-2, Ороктой-Эке и др. (Неверов С.В, Степанова Н.Ф., 1990; Степанова Н.Ф., Неверов С.В, 1994; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990). В Горном Алтае ножи с уступом имеют аналогии в памятниках V–III вв. до н.э. (Суразаков А.С., 1989, с. 17–18). Изделия этого типа известны в памятниках эпохи бронзы (например, карасукской культуры) на Енисее, а в Туве – в объектах V–III вв. до н.э. (Комарова М.Н., 1975, с. 82; Кызласов Л.Р., 1979).

Дугообразнообушковые ножи редки для рассматриваемого времени Горного Алтая (Суразаков А.С., 1989, с. 16). Они известны в памятниках конца VI–V вв. до н.э., например, на Кайнду в кургане 42 (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990).

Железные ножи без навершия в Горном Алтае известны уже в памятниках раннескифского времени (могильник Каракол, курган №1), а также в объектах конца VI–IV вв. до н.э. (на Кок-Су-I, курганы №2, 11, 30) (Кубарев В.Д., 1998, с. 74; Сорокин С.С., 1974). Более массовый характер такие находки приобретают лишь с IV в. до н.э. (Суразаков А.С., 1989, с. 20–21; Кубарев В.Д., 1987, с. 52; 1991, с. 69; 1992, с. 55; и др.).

В Верхнем Приобье железные ножи распространяются в конце VI–IV вв. до н.э. Прямые ножи без выделенной рукояти преобладают в памятниках V–IV вв. до н.э. Ножи с невыделенной рукоятью с маленьким круглым или овальным отверстием в небольшом количестве также представлены в памятниках V–III вв. до н.э. (Могильников В.А., 1987, с. 66–67). В Горном Алтае по сравнению с Верхним Приобьем подобные железные ножи получают массовое распространение несколько позднее (Суразаков А.С., 1989). В Центральном Казахстане железные ножи без навершия известны уже в памятниках 1 этапа тасмолинской культуры, но массовое их изготовление приходится на V–III вв. до н.э. (Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, с. 314, 349). Такие ножи известны и на других территориях в VI–V вв. до н.э. (Вишневская О.А., 1973, с. 72, табл. II.-11; XV.-13; XXI.-8).

Точильный камень, найденный в насыпи кургана №42, использовался для заточки металлических вещей. Верхняя часть обломана в древности, размеры оставшейся – 12×1,6×1,4×2,7 см. Оселок расширяется к месту слома. Этот предмет относится к узкотелым изделиям. Поскольку он найден в насыпи, датировка его может быть только предположительной.

Алтарики. Курильницы найдены в курганах №2 и 27. В кургане №2 изделие лежало справа – между кистью правой руки и коленом, а в кургане №27 – справа, у плечевой кости. Оба предмета без ножек. Алтарик из кургана №2, размерами 11×7,8 см, округлой формы, изготовлен из серого гранита, имеет углубление в центре до 1 см (рис. 50.-5). Находка из кургана №27, размерами 9×8 см, овальной формы, изготовлена из песчаника (?), спекшегося в огне, имеет углубление до 1,2 см (рис. 34.-1).

В Горном Алтае других подобных находок нет. Известны три алтарика другого типа – с ножками: из Каракольского кургана, Пазырыка-2, Ак-Алахи-3 (Руденко С.И., 1953; 1960; Киселев С.В., 1951, с. 351; Молодин В.И., 1997). Курильницы без ножек овальной и округлой формы широко распространены на сопредельных территориях: в Алтайском Приобье в памятниках каменной культуры (Кочки-I, Камень-II, Усть-Алейка-Ферма, Рогозиха-I, Усть-Иша-I, Михайловский-VI и др.), а также в Новосибирском Приобье (Ордынское), в Казахстане (Улубай, Уйгарак) и т.д. (Уманский А.П., 1992, рис. 2.-2; 1993, с. 212; Могильников В.А., Куйбышев А.В, 1982, рис. 6.-8; 7.-4; 8.-5; Кунгуров А.Л., Фролов Я.В., 1996, с. 127; Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х., 1991; Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И., 1992, рис. 1.-3; Завитухина М.П., 1968, с. 30; Хабдулина М.Х., 1994, с. 131, табл. 58; Вишневская О.А., 1973, с. 143, 146). Алтарики датируются в широких пределах. Они найдены на раннескифском могильнике МГК-I (Кунгуров А.Л., 1999, с. 94), в памятниках староалейской культуры (2-я половина VI – начало V вв. до н.э.) (Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В., 1994, с. 53), а в целом на территории Алтая известны с

VI до II вв. до н.э. В Северном Казахстане они найдены в курганах VIII–III вв. до н.э., в низовьях Сыр-Дарьи, на могильнике Уйгарак, – в курганах VII–VI вв. до н.э. (Хабдулина М.Х., 1994, с. 60; Вишневская О.А., 1973, с. 86, 120–122). У савроматов ранние экземпляры могут быть отнесены еще к переходному времени, а самые поздние бытуют вплоть до III в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1964, с. 164–165).

Зеркала. Найдено 9 экземпляров. Это намного меньше, чем в курганах Уландрыка, Юстыда и Барбургазы (Кубарев В.Д., 1987, с. 90; 1991, с. 98; 1992, с. 88). Зеркала обнаружены в женских захоронениях. В их местоположении наблюдаются две традиции: 1) справа – напротив тазовых костей (курганы №14, 18), под костями руки (курганы №7, 25), ноги (курган №27); 2) слева – ниже костей таза (курганы №2, 23, 24). Изделие из кургана №25 было сломано пополам.

Зеркала подразделяются на три типа и несколько вариантов по оформлению ручек как наиболее изменчивому признаку.

Тип 1. С центральной ручкой-петелькой, с массивным диском без бортика диаметром 9 см, толщиной 1–3 мм. Такой экземпляр обнаружен в кургане №18 (рис. 16.-2).

Тип 2. Изделия с боковой ручкой. Семь экземпляров происходят из курганов №2, 7, 14, 23–25. Выделяются четыре варианта.

Вариант 1. Изделия (3 экз.) с короткой боковой ручкой, с прямоугольной (курган №23, (рис. 18.-3)) или овальной петлей (курганы №14 (рис. 15.-1)) и №25 (рис. 20.-4)). Диаметры дисков – 5,7 и 7,4 см.

Вариант 2. Предмет с длинной боковой ручкой и подтрапцевидной петлей происходит из кургана №24 (рис. 19.-1). Диаметр диска – 4,6 см.

Вариант 3. Изделие из кургана №2 (рис. 50.-4; см. фото) имеет ручку в виде лежащего двугорбого верблюда. Диаметр диска – 8,8–9 см.

Вариант 4. Одно зеркало из кургана №24 представлено имитацией, изготовленной, вероятнее всего, из какого-то раскованного изделия. Оно имеет удлиненную боковую ручку с поперечной петелькой на обороте, максимальные размеры, включая ручку, – 7,4 см (рис. 19.-3).

Диаметр диска зеркала из кургана №7 всего 3 см (рис. 26.-7). Ручка сохранилась не полностью.

Тип 3. Одно изделие без ручки вообще, с двумя отверстиями по краю диска, диаметром 12,5 см, найдено в кургане №27 (рис. 32.-13).

Зеркал с центральной ручкой-петелькой без бортика в Горном Алтае нам известно пока 6 экз., в том числе из таких памятников раннескифского времени, как Бойтыгем-II и Бийке (Абдулганеев М.Т., 1994, с. 41; Тишкин А.А., 1996, рис. 4.-2, 27.-3). Курган №8 могильника Кер-Кечу, в котором найдено аналогичное зеркало, В.А. Могильниковым датирован VI–V вв. до н.э., как раннекара-кобинское погребение или переходное от памятников «куюмской» группы к кара-кобинским. Не исключает он и более раннюю датировку в рамках VII–VI вв. до н.э. (Могильников В.А., 1988, с. 72). В памятниках конца VI–IV вв. до н.э. подобное изделие в Горном Алтае найдено только на Алагаиле в погребении №23 (Мартьянов А.И., Кулемзин А.М., Мартьянова Г.С., 1985, с. 156, 160). Изделия рассматриваемого типа широко представлены в памятниках VII–V вв. до н.э., в частности, в Верхнем Приобье на МГК-I (2-я половина VI – начало V вв. до н.э.), на могильниках Староалейка-2 (V–III вв. до н.э.), Ордынское-I (конец VI–V вв. до н.э.) (Могильников В.А., 1997, с. 81; Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., 1990, с. 97; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, с. 115–134; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, табл. XIII.-6). На территории северо-западных предгорий Алтая они известны на могильнике Советский Путь-Ia (VII – начало VI вв. до н.э.), где найдено 2 экз. (Ситников С.М., Шульга П.И., 1998, рис. 4.-1, 6, с. 76). В Северном и Центральном Казахстане зеркала без бортика с центральной ручкой-петелькой известны в памятниках VI–IV вв. до н.э. (Сенигова Т.Н., 1956, табл. V.-4; Акишев К.А., 1959, табл. VI;

Агеева Е.И., Максимова А.Г, 1959, табл. I.-56–57; Хабдулина М.Х., 1994, табл. 17.-1; Бернштам А.Н., 1952, рис. 17.-4; Степная полоса..., 1992, с. 131, табл. 53.-4 и др.). Для тагарской культуры зеркала диаметром 8–10 см, толщиной 1–2 мм считаются ранними и датируются в пределах VII–V вв. до н.э., хотя большинство находок относится к VII–VI вв. до н.э. Для VII–VI вв. до н.э. более характерна петелька в форме низкой буквы П, но встречается и дугообразная, которая более характерна для V в. до н.э. Считается, что в V в. до н.э. такие зеркала становятся тоньше, их диаметр обычно не превышает 6–8 см (у многих – 5 см) и только в начале V в. до н.э. встречаются более крупные диски с тупыми краями (Членова Н.Л., 1967, с. 82). Вероятно, датировку изделия из Тыткескень-VI следует ограничить концом VI–V вв. до н.э., так как и на сопредельных территориях они, как правило, датируются не позднее V в. до н.э.

Зеркала с боковой ручкой появляются в Горном Алтае с VII–VI в. до н.э. (Тыткескень-VI, курган №26) и бытуют до III–II вв. до н.э. (Малталу-IV, Уландрык-I, II) (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997а, с. 89; Руденко С.И., 1960, с. 336, табл. XXIII.-4; Кубарев В.Д., 1987, с. 132; 1992, с. 114). Наиболее ранними являются массивные зеркала с длинными боковыми ручками (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б). Предметы с короткой боковой ручкой найдены в памятниках, датирующихся с конца VI–V вв. до н.э.: Кок-Су-I (курганы №18, 25), Кайнду (курган №16) или V–IV вв. до н.э. – Юстыд-XII (курганы №18, 23, 26–27), Ак-Алаха-I и др. (Сорокин С.С., 1974; Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Кубарев В.Д., 1991; Полосьмак Н.В., 1994). Зеркала с короткой боковой ручкой известны и на сопредельных территориях – Минусинской котловине, Туве, Монголии, Забайкалье, Казахстане (Мартынов А.И., 1979, с. 55; Грач А.Д., 1980, с. 174, 204; Новгородова Э.А., 1989, с. 266, 268, 285, 288; Степная полоса..., 1992, с. 131, 191, 216, 403 и др.). Наиболее часто они встречаются в Туве и Монголии. Там также известны экземпляры со сплошной ручкой, на тыльной стороне которой имеется поперечная скоба (Степная полоса..., 1992, с. 190; табл. 76.-29; 78.-27; Новгородова Э.А., 1989, с. 266; Членова Н.Л., 1993, рис. 13.-6; 9.-5, 5а; Грач А.Д., 1980, с. 174).

Зеркал с фигурной или зооморфной ручкой в Горном Алтае известно уже более десятка. Ручки оформлены в виде лежащего двугорбого верблюда (Тыткескень-VI, курган №2; Малталу-IV, курган №16), лошади (Бике-I, курган №5), кабана (Уландрык-III, курган №1; Алагаил, погребение №19), двух до предела стилизованных голов птиц (Малталу-IV, курган №25), двух голов хищника (Яконурский, курган №8). Ушко зеркала из Каракольского кургана, по мнению С.В. Киселева (1951, с. 351, табл. XXXII, рис. 13), схематически передает фигуру животного. Зеркала, рукояти которых оформлены в виде стилизованных голов грифов, найдены на памятниках Юстыд-XII, Юстыд-XXII, а в виде стоящего одногорбого верблюда на могильнике Узунтал-III (Кубарев В.Д., 1991; Савинов Д.Г., 1978). Зеркало с фигурной ручкой было обнаружено на Тянгыс-Тыте (Худяков Ю.С., 2001, рис. II.-1). Кроме того, в сводке Н.Л. Членовой (1967, с. 88) упоминается о находках двух медалевидных зеркал на Алтае с ручками в виде кабана и головок хищных птиц. В целом несколько раз на зеркалах встречаются изображения верблюда и стилизованных голов грифов или птиц, кабана. Остальные изображения пока единичны.

Зеркала, у которых ручки оформлены в виде фигурки животного или иного зооморфного (фигурного) изображения, встречаются и на сопредельных территориях. Ручки оформлены в виде головок горных баранов и сайгаков, сцены борьбы двух кошачьих хищников; бородатого мужчины, лежащего и стоящего животного, сильно стилизованных зооморфных изображений. Ручки иногда бывают в виде фигурок стоящих животных, в частности, козла, кроме того, головки козла; в виде геральдического изображения козлиных голов, головы грифона; двух птичьих голов и др. (Грач А.Д., 1980, с. 35, 174, 198,

251; Мандельштам А.М., 1983, с. 29; Боковенко Н.А., Седых В.Н., Красниенко С.В., 1983, с. 78; Степная полоса..., 1992, с. 82, 136, 191, 428; табл. 29.-44; 53.-13; 87.-23; Киселев С.В., 1951, с. 235; Членова Н.Л., 1967, табл. 23.-28; 24.-29; Новгородова Э.А., 1989, с. 327).

Интересен факт, что ручки трех зеркал из Горного Алтая выполнены в виде фигурки верблюда: в виде лежащего двугорбого верблюда с опущенной и повернутой назад головой (Тыткескень, курган №2, Малталу-IV, курган №16) и стоящего одногорбого верблюда (Узунтал-III, курган №3) (Кубарев В.Д., 1992; Савинов Д.Г., 1994). По поводу последней находки Е.Ф. Королькова (Чежина) (1998, с. 138) предполагает, что схематичная фигурка может считаться изображением двугорбого верблюда. В Горном Алтае изображения верблюда есть и на других предметах, например, на деревянной диадеме из Уландрыка-I (Кубарев В.Д., 1987, табл. IV.-4), среди петроглифов долины р. Елангаш (Окладников А.П., Окладникова Е.А. и др., 1979, с. 135), на Бертекской писанице раннескифского времени (Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др., 1994, с. 57).

В Минусинской котловине изображения верблюда относятся к редким мотивам «алтайского стиля». Например, на рельефной бляхе изображен двугорбый верблюд с всадником (V в. до н.э.) (Членова Н.Л., 1967, с. 164, табл. 36.-4). Изображение верблюда довольно часто встречается в петроглифах раннескифского времени в Средней Азии. В Казахстане в Каргалинском усуньского времени погребении женщины-шаманки найдены два перстня со скульптурными фигурками двугорбого верблюда (Степная полоса..., 1992, с. 82, табл. 29–31). В памятниках тасмолинской культуры V–III вв. до н.э. найдена пряжка со сценой терзания хищником верблюда (Степная полоса..., 1992, с. 136, табл. 54.-1). Изображение борющихся верблюдов-бактрианов есть на уздечных бляхах в Пятимарах-I из Южного Приуралья (Чежина Е.Ф., 1983). На наременной бляхе из кургана №9 могильника Бесоба (конец VI–V вв. до н.э.) изображен верблюд (Кадырбаев М.К., 1984, с. 92). Животное изображалось стоящим, проработаны такие детали, как глаза, зубы и другие. Е.Ф. Корольковой (Чежиной) (1998, С. 138) выделены центры, где чаще всего встречаются изображения верблюдов: Южное Приуралье и Западный Казахстан, пограничные области Южной Сибири и Северного Китая, включая Ордос и Внутреннюю Монголию и др.

Изображения на горноалтайских зеркалах отличаются тем, что на них не проработаны многие детали, другие менее четкие, а некоторые, как, например, зубы, вообще не выделены. Несмотря на это, животные выглядят более реалистично – у них сохранены пропорции тела, изображалась спокойная поза, отсутствовала агрессивность.

Двугорбый верблюд-бактриан являлся важнейшим транспортным средством племен андроновской общности. Известен он и в Анау. На рубеже II–I тыс. до н.э. он появляется в ассирийских анналах. По мнению Е.Е. Кузьминой (1988), верблюд является важным индикатором культуры индоиранцев, а его изображение, появившееся в Индостане в эпоху варварской оккупации, а в Иране – в раннем железном веке, может быть поставлено в связь с расселением отдельных индийских и иранских племен. Это предположение косвенно подтверждает находка в той же могиле бус из жемчуга, происходящего из района южных морей (Кирюшин Ю.Ф., 1989, с. 55).

Д.Г. Савинов (1978, с. 52–53) указывает, что зеркало из Узунтала-III с ручкой в виде фигурки верблюда может быть восточного происхождения. В.Д. Кубарев (1992, с. 91), в связи с тем, что в последние годы было найдено еще несколько зеркал с ручками в виде фигур кабанов и лошади, высказал предположение об их местном производстве. Это представляется вполне вероятным, так как основное количество находок приходится на Горный Алтай, Минусинскую котловину и Туву. Как показал анализ пазырыкских войлоков, найденных в памятниках Укока, древнее население Алтая использовало шерсть не только овец, но и верблюдов (Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000, с. 83).

Представляет интерес зеркало из кургана №27, которое является одним из наиболее крупных для скифского времени Горного Алтая. Его диаметр 12,5 см. По нашим подсчетам, лишь небольшая группа изделий (из 140 учтенных нами) имеет диаметр диска в пределах 8–10,5 см, остальные меньше – 7–8 см. Зеркала диаметром 7–10 см считаются более архаичными по сравнению с миниатюрными, т.е. которые меньше 6–7 см (Кубарев В.Д., 1991, с. 98; 1992, с. 88). Многие зеркала из раннескифских погребений меньшего диаметра, чем из кургана №27 (см., например, находки в курганах №17, 19 памятника Бийке (Тишкин А.А., 1996)). Зеркала из могильников Тыткескень-VI, Бойтыгем-2, Кызыл-Джар-IX имеют диаметр соответственно 12,2, 12, 10,8 см (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, рис. 66.-4; Абдулганеев М.Т., рис. 3.-1, 1994; Могильников В.А., 1986, с. 36, 61, рис. 5.-4). Размеры зеркал из могильника Советский Путь I – 9,5 и 10,5 см (Ситников С.М., Шульга П.И., 1998, с. 70). Не исключено, что зеркало из кургана №27 памятника Тыткескень-VI было длительное время в употреблении, о чем могут свидетельствовать отверстия по краю диска.

4.4. УКРАШЕНИЯ

Из украшений на памятнике найдены заколки, бусы, серьги, фрагмент гривны.

Заколки обнаружены в курганах №2, 14, 27, 31, 33. Количество изделий в одном захоронении колеблется от 1 до 6. Больше всего их было в кургане №27. Заколки, как правило, находились возле черепа (рис. 32). Изделия различаются по материалу, из которого изготовлены, и по оформлению верхней части. Большинство булавок железные, одна – биметаллическая.

Железные булавки с шаровидной головкой относятся к одному типу, но подразделяются на два варианта (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 1999; Степанова Н.Ф., 2000).

Вариант 1 представлен булавками с шаровидной головкой, полый внутри, закрепленной на железном стержне, который имеет небольшую головку. Длина сохранившейся части изделий 10–11,5 см. Сохранность наконечников плохая. Найдено 3 экз. в курганах №31, 33 (рис. 53). На внешней поверхности наконечников из кургана №31 отмечены окислы бронзы. На изделии из кургана №33 сохранились фрагменты золотого листка. Не исключено, что к этому же варианту относится находка из кургана №2, у которой небольшая головка, подобная выше описанной (рис. 50.-6). Длина его 11,5 см. На нем в средней части прослежены отпечатки волос, а в нижней части сохранились фрагменты золотой фольги.

Вариант 2 представлен изделиями с шаровидными цельными наконечниками (6 экз. из кургана №27). На двух сохранились фрагменты золотого листка. В одном случае они представляли собой три круглые выпуклости (рис. 32). На этом же изделии находилась приклеившаяся вследствие окислительных процессов железа бусина, треугольная в сечении, длиной около 3 мм. На наконечнике другого изделия сохранились остатки выпуклостей, которые, по-видимому, первоначально были обтянуты золотой фольгой или листком. На некоторых фрагментах булавок также прослеживаются отпечатки волос, а на одном – ткани.

Биметаллическая булавка из кургана №14 имела полусферическую шляпку из бронзы, диаметром 2 см, и железный стержень. Ножка шляпки длиной около 2 мм. Длина сохранившейся части изделия 9,2 см (рис. 15.-6). На стержне под шляпкой приклеилось несколько мелких белых бусин в виде плоского диска. По-видимому, ближайшая аналогия есть на могильнике Березовка (курган №24), где найдена железная булавка с похожей шляпкой (Абдулганеев М.Т., 2000, рис. 1.-6). Заколки с наконечником в виде шляпки известны на могильнике староалейской культуры Клепиково-I. Однако там они бронзовые с полусферическим наконечником из белой пасты (Фролов Я.В., 1996, с. 141, рис. 2.-11–12, 15–16). На

могильнике Камень-II найдена биметаллическая булавка с железным стержнем и медной головкой (Могильников В.А., 1997, с. 78).

Железные булавки с шаровидными навершиями не характерны для Горного Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 1999). В целом такие изделия встречаются редко. Наиболее близкие аналогии в Горном Алтае есть на могильнике Карасу-I (Могильников В.А., Елин В.Н., 1995, с. 105, рис. 4.-46). Изделия с шаровидной головкой, но, вероятно, деревянные известны на памятнике Юстыд-XIII (Кубарев В.Д., 1991, табл. LXII.-5).

Железные заковки широко известны на сопредельных территориях. Изделия с шаровидным навершием найдены в памятниках каменной, староалейской и других культур, в частности, в Елунинском курганном могильнике I (курганы №7 и №14/2). В последнем случае заковки обтянуты гофрированными золотыми листками, а головка-навершие выполнена из золотой фольги и украшена цилиндрическими выпуклостями (Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998, с. 119, рис. 8.-3; 10.-1). Завковка по оформлению головки более всего напоминает находку из Тыткескень-VI (курган №27). Железные шпильки с шаровидными головками найдены на могильнике Раздумье-IV (Уманский А.П., 1993) и Иня-3 (Горбунов В.В., Тишкин А.А., Фролов Я.В., Дашковский П.К., 2001). Известны подобные предметы и на юге Кулунды на могильнике Михайловский-VI (IV-II вв. до н.э.) (Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И., 1992, с. 63, 66-67, 196). Железные заковки с шаровидной головкой, обернутые золотой фольгой, найдены на севере Кулунды на могильнике V-III вв. до н.э. Кирилловка-III (Могильников В.А., Телегин А.Н., 1992, с. 108, 117, 213, рис. 4.-2-3). Большая коллекция булавок, в том числе с шаровидным навершием, получена на могильнике староалейской культуры V-IV вв. до н.э. Обские Плесь-2 (Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996, с. 111, 114, рис. 11). Другая коллекция шпилек получена на могильнике Староалейка-2 в погребениях конца V - середины IV вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, с. 133-134, рис. 2). Две железные булавки с шаровидными головками, обернутые золотым листком с тисненным узором, найдены в северо-западных предгорьях Алтая в кургане №3 памятника Корболиха-X (IV-III вв. до н.э.) (Могильников В.А., 1991, с. 98-99, 101, рис. 2.-3-4). На могильнике быстрянской культуры Майма-IV (курган №13) также найдены железные шпильки (Киреев С.М., 1992; 1994, с. 41; Бурыкина Е.Л., 1989, с. 69). Подобные шпильки известны у усуней в Прибалхашье на могильнике Жалгызтау (III-I вв. до н.э.); в Туве на могильнике Аймырлыг (Кадырбаев М.К., 1975, с. 129-130; Мандельштам А.М., 1983, рис. 2.-26; Степная полоса..., 1992, табл. 77.-1-3). Железные булавки с шаровидным навершием достаточно часто встречаются на территории Евразийских степей. По данным В.А. Могильникова, наибольшее количество булавок с шаровидными головками, покрытых золотым листком, известно в Верхнем Приобье. По его мнению, железные шпильки с шаровидной головкой, обтянутой золотым листком или фольгой, появляются в Верхнем Приобье в конце V-IV вв. до н.э. (Могильников В.А., 1997, с. 78).

По-видимому, на Средней Катуни железные булавки появились раньше, так как курган №27 памятника Тыткескень-VI не может датироваться концом V в. до н.э. Несомненно, что это более ранний комплекс. Появление железных булавок с шаровидной головкой в Горном Алтае возможно уже в VI-V вв. до н.э. Также датирован курган №1 могильника Карасу-I (VI - начало V вв. до н.э.), где найдены железные шпильки (Могильников В.А., Елин В.Н., 1995, с. 109).

Бусы. Бусы найдены в курганах №2, 14, 18, 27, 33, 54. В курганах №27 и 54 было по 1 и 2 шаровидных сердоликовых бусинки, в остальных - до нескольких десятков штук. В кургане №2 крупные изделия из сердолика находились на месте яремной впадины. Кроме того, скопление бусин было за черепом ниже заковки (рис. 50). В кургане №14, они были сосредоточены возле черепа, где их найдено около 100 экземпляров. В кургане №18 бусы располагались в районе грудной клетки и, вероятно, были нашиты на

одежду. В кургане №54 бусинка находилась на нижней челюсти. Четыре захоронения с подобными находками женские, а в двух случаях пол и возраст не определены. За исключением кургана №33, во всех захоронениях были сердоликовые изделия.

Бусы, найденные в одном захоронении, различаются по форме, размерам и материалу. Например, в кургане №14 были сердоликовые, стеклянные, в том числе одна глазчатая, из известняка или мрамора, створок раковины крупного моллюска. В кургане №2, помимо сердоликовых, были бусины из жемчуга, стекла (Приложение I). В кургане №33 обнаружены 6 подвесок в виде имитации когтей медведя из черного камня, а также изделие прямоугольной формы из зеленого камня (нефрита ?), шаровидные из стекла. В то же время в разных могилах найдены совершенно идентичные экземпляры, в том числе просверленные одними инструментами.

Типовые признаки, характеризующие бусы, выделены на примере античных бус Северного Причерноморья (Алексеева Е.М., 1975, с. 12–22). Бусы из могильников Тыткескень-I, VI разделены, прежде всего, по материалу и форме.

Сердоликовые. По форме выделяются 2 типа.

Тип 1. Округлые или шаровидные бусы темно-красного и светло-коричневого оттенков с более темными прожилками (курганы №2, 14, 18, 27, 54). Их диаметр 4–7 мм (рис. 15.-4; 16.-4; 32.-3–4; 52.-1). Обработка аналогична с ромбовидными, в том числе двухстороннее сверление, каналы отверстий сходятся вершинами, в отдельных случаях под углом.

Тип 2. Ромбовидные красновато-коричневого оттенка (курганы №2, 14, 18). Изделия плоские. Они немного асимметричны. Длина грани 6–7 мм. Грани подработаны с двух сторон каждая, в результате чего выглядят приостренными (рис. 15.-4; 16.-4; 50-7). Сверление бус (из курганов №14 и 18) двухстороннее станковое, по диагонали. Сверло прямое (определения Н.Ю. Кунгуровой).

Стеклянные. По форме выделяется 2 типа.

Тип 1. Округлая или шаровидная глазчатая диаметром 6 мм. В настоящее время белого цвета, имеет шесть серебристых глазков с обводами (?) (курган №14).

Тип 2. Бочковидные поперечносжатые. Диаметр 2–10 мм, толщиной до 5 мм. В настоящее время большинство из них беловатого цвета, реже синие (курганы №2, 14, 18, 33).

Зеленый камень (нефрит ?). Выделяется 1 тип.

Тип 1. Бусина зеленоватого цвета, плоская подпрямоугольная, размерами 2,3×1,75×0,4 см (курган №33, рис. 53.-7).

Магнезит(?) или барит(?) – тонкозернистый, мелкозернистый агрегат, близкий к кальциту. Выделяется 1 тип.

Тип 1. В виде плоского диска диаметром около 3 мм, толщиной около 1 мм (Тыткескень-I, курган №1 и Тыткескень-VI, курган №18) (рис. 7.-1; 16-4).

Раковина моллюска. Выделяется 1 тип.

Тип 1. В виде плоского диска диаметром 2–3 мм, толщиной около 1 мм.

Кальцитовый состав или мрамор. Выделяется 1 тип.

Тип 1. Цилиндрические, длиной 2–3 мм, диаметром 1,5–2,5 мм.

Черный камень. Выделяется 2 типа.

Тип 1. Подвески в виде имитации когтей медведя. 6 штук – Тыткескень-VI, курган №33 (рис. 53.-7).

Тип 2. В виде плоского диска диаметром около 3 мм, толщиной – 1,5 мм. 1 экземпляр – могильник Тыткескень-I.

Ромбовидные бусы из сердолика необычны. Аналогии им в Горном Алтае известны на могильниках Бике-I, курган №5 и Бийке, курган №23 (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, рис. 11.-4; Тишкин А.А., Тишкина Т.В., 1996, с. 30, рис. 1.-3). Возможно, аналогичны и плоские сердоликовые изделия из Каракольского кургана и биконические плоские из Пазырыка, о которых, к сожалению, нет более подробной информации (Киселев С.В., 1951, с. 350; Руденко С.И., 1953, с. 135). На сопредельных территориях бусина ромбовидной формы, с диагональным сверлением, но с неподработанными гранями, была найдена на могильнике Староалейка-2, могила №19 (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 4.-10).

Аналогий округлым (шаровидным) бусам из сердолика в Горном Алтае известно мало: на могильниках Кызыл-Джар-V, курган №1, Белом Бом-2, курган №61, Бике-I, курган №5 (Могильников В.А., 1983, с. 54, рис. 5.-13в-г; Владимиров В.Н., Шульга П.И., 1984, с. 98, рис. 2.-6; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, рис. 11.-4). Бусы из сердолика найдены и в раннескифских памятниках Горного Алтая. Для них также характерно двухстороннее сверление. Однако они отличаются от тыткескенских по форме и размерам (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 90). Наиболее ранние сердоликовые бусы из Северного Причерноморья античной эпохи немногочисленны и представлены простыми формами – округлой и цилиндрической. Они датируются концом VI–V вв. до н.э. Для ранних, округлых бус характерно двустороннее сверление, вероятно, алмазное: каналы их отверстий состоят из двух соединенных вершинами конусов (Алексеева Е.М., 1982, с. 14, табл. 38, 26, 33, 38).

В состав ожерелья из кургана №33 Тыткескень-VI входят 6 подвесок в виде имитации когтей медведя из черного камня. Подвески из когтей встречаются, но аналогий в виде их имитаций из камня ни в Горном Алтае, ни на сопредельных территориях нам неизвестно. Аналогии подпрямоугольным бусам из зеленого камня (нефрита ?) в Горном Алтае известны на могильнике Карасу-I, курган №1, погребение 1, где было 7 плоских подквадратных из полированного зеленоватого камня типа нефрита. Погребение датировано VI – началом V в. до н.э. (Могильников В.А., Елин В.Н., 1995, с. 106, 109, рис. 4.-7). На могильнике Ороктой-Эке в погребении кургана №23 их было 5 (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, с. 112, рис. 19–16.-22). Кроме того, в состав ожерелья (более 600 бусин) из раннескифского погребения могильника Бойтыгем-2, курган №19 из Горного Алтая входили 4 плоские прямоугольные подвески из зеленого камня, 3 более мелкие и 2 удлиненно-округлые бусины из того же камня (Абдулганеев М.Т., 1994, с. 37–38, рис. 3.-2). На сопредельных территориях аналогии известны в лесостепном Алтае на могильниках староалейской культуры Обские Плесы-II, могилы 7, 8 (V – начало IV вв. до н.э.), и Староалейка-2, могила 9 (Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996, с. 104, 105, 114, рис. 12.-2, 6; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, с. 115, рис. 2.-4). В Казахстане на могильнике Жол-Кудук, курган №17 найдены 2 прямоугольные бусины из светло-зеленого камня (Агеева Е.И., Максимова А.Г., 1959, с. 41).

В погребениях скифского времени Горного Алтая чаще других находят стеклянные и пастовые бусы, например, на могильниках Кызыл-Джар-IV, курган №1; Юстыд-XII, курган №23; Карасу-II, курган №2; Пазырык-2; Кызыл-Джар-V, курган №1, Узунтал-V, курган №1, II Туэктинском кургане и др. (Могильников В.А., 1983; 1994; Кубарев В.Д., 1991; Руденко С.И., 1953; 1960; Савинов Д.Г., 1994). Однако глазчатые бусы редки. Известно всего несколько находок глазчатых бус из могильников Кызыл-Джар-IV, курган №1, Юстыд-I, курган №7, Туэкта, курган №6, Уландрык-I, курган №5, Кальджин-6, курган №23 (Могильников В.А., 1983, с. 50; Кубарев В.Д., 1987, табл. XII.-16; 1991, табл. XII.-4,5; Киселев С.В., 1951, с. 295, 350; Молодин В.И., Новиков А.В., 1994, с. 34; Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000, рис. 42). Глазчатые бусы встречаются в памятниках, датируемых 2-й половиной VI – 1-й половиной V вв. до н.э. (Марсадилов Л.С., 1996, с. 56; Молодин В.И., Новиков А.В., 1994, с. 35).

В целом бусы сравнительно редкая находка в захоронениях скифского времени Горного Алтая. Могильники Тыткескень-I, VI выделяются в этом отношении как по числу погребений с бусами, так и по количеству самих бус (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 1999).

Серьги обнаружены в курганах №14, 25, 27, в том числе двух женских захоронениях их было по 2 штуки. Все они относятся к восьмерковидным. По способу изготовления они подразделяются на два типа.

Тип 1 – оба кольца изготовлены из проволоки, один конец которой дополнительно загнут, и образует маленькую петельку, которая расплющена. 1 экземпляр – курган №25 (рис. 20.-1).

Тип 2 – второе колечко изготавливалось отдельно и затем припаивалось. 4 экземпляра – курганы №14, 27 (рис. 15.-2, 3; 32.-11, 12).

Серьги представляли собой кольца диаметром 1,7–1,8 см (курган №14) и 1,3 см (курган №27) из золотой проволоки, свернутой в 1,2–1,3 оборота. В нижней части перпендикулярно (относительно большого кольца) к ним припаяны небольшие колечки диаметром около 5 мм. У одной серьги из кургана №14 маленькое колечко изготовлено из раскованной проволоки, у другой оно утеряно, но о его наличии можно судить по следам, где оно было припаяно. У одного изделия из кургана №27 маленькое колечко было изготовлено из очень тонкой проволоки, свернутой в три раза, а у другого – из более широкой в один оборот.

Основную массу находок в Горном Алтае составляют серьги типа 1. Их найдено несколько десятков (Суразаков А.С., 1989, с. 75–55; Кубарев В.Д., 1987, с. 121–122; 1991, с. 131–132; 1992, с. 110; Молодин В.И., Новиков А.В., 1994, с. 34; Полосьмак Н.В., 1994, с. 36, 64 и др.). Серьги типа 1 широко распространены и на сопредельных территориях. Особенно часто они встречаются в Верхнем Приобье в памятниках каменной культуры (Уманский А.П., Телегин А.Н., 1995, с. 123; Могильников В.А., Телегин А.Н., 1992, с. 217; Уманский А.П., 1992а, с. 58; 1992б, с. 54; Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998, рис. 10-3; Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 1996, с. 138). Они найдены в Новосибирском Приобье (Троицкая Т.Н., Бородавский А.П., 1994, табл. XX.-10, XXVI.-12,13, XXXIV.-7–9, XLIX.-17,18; Троицкая Т.Н., 1979, табл. XII.-25–27). В Барабинской степи они известны в памятниках саргатской культуры (Полосьмак Н.В., 1981, с. 81; 1987, с. 79, 80). В предгорном Алтае обнаружены в погребальных объектах быстринской культуры, а также на могильнике Локоть-4а (Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю., 1982, рис. 2-18; Завитухина М.П., 1966, с. 74; Киреев С.М., 1992, с. 55; Гельмель Ю.И., Ситников С.М., Шульга Н.Ф., Шульга П.И., 1996, с. 104). Известны они у кочевников Казахстана и Тувы и т.д. (Степная полоса..., 1992, табл. 57-39; 77; Самашев З.С., 1987, с. 103, рис. 54-1; Мандельштам А.М., 1983, с. 29, рис. 2-23).

Памятники, в которых найдены рассматриваемые серьги, имеют широкий хронологический диапазон бытования. В Горном Алтае они встречаются на могильниках, датируемых с конца VI в. до н.э. (например, Талдура-I (Могильников В.А., Елин В.Н., 1982, рис. 2.-10)). На сопредельных территориях они известны в памятниках VI–III вв. до н.э. – Майма IV; V–IV вв. до н.э. – Аэродромный; IV–III вв. до н.э. – Рогозиха (Киреев С.М., 1992; Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю., 1982, с. 81; Уманский А.П., 1992в, с. 194), в Новосибирской области – в комплексах III–II вв. до н.э., в Южном Приуралье – в VI–V вв. до н.э. (Степи..., 1989, с. 371, табл. 66.-35).

Изделий типа 2 (с припаянным колечком) в Горном Алтае найдено всего несколько экземпляров, в частности, на могильниках Кызыл-Джар-I, курган №2, Кер-Кечу, курган №4, Арагол, курган №1, Бике-III, курган №1 (Могильников В.А., 1983, с. 6, рис. 3.-1; 1988, рис. 4.-3; Руденко С.И., 1953, табл. XXVII.-3; 1960, с. 15; Кубарев В.Д., 2001, с. 124, рис. 11-б, в). На других территориях серьги с припаянным колечком известны, но встречаются реже, чем изделия первого типа. Они обнаружены в Верхнем Приобье на памятнике раннескифского времени МГК-I, в погребениях каменной культуры – на могильниках Камень-II, ЕКМ-II (Кунгуров А.Л., 1999, с. 93; Могильников В.А., Куйбышев А.В., 1982, с. 116, рис. 2.-3;

Памятники истории и культуры, 1990, с. 52, рис. 7.-6; Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998, с. 136, рис. 11.-1); в Туве – на могильниках Озен-Ала-Белиг, Аймырлыг (Грач А.Д., 1980, вкл. III.-163; Мандельштам А.М., 1983, рис. 2.-21; Степная полоса..., 1992, табл. 77.-8). Особо необходимо отметить золотую серьгу или подвеску, состоящую из кольца с заходящими концами, припаянного к нему перпендикулярного колечка в три оборота, в которое через специальное соединительное звено прикреплен цепочка. Эта находка из могильника Урбюн-III в Туве, который датирован V–IV вв. до н.э., более всего напоминает изделие из могильника Тыткескень-VI (курган №27), где аналогично оформлено маленькое колечко (Савинов Д.Г., 1980, с. 113, 116, рис. 6.-3). Серьги с припаянным колечком находят в Средней Азии и Казахстане в памятниках долины р. Или, в кургане на р. Чилик, на могильнике Джал-Арык-II, в Южном Приуралье (Степная полоса..., 1992, табл. 29.-57–58; 32.-15–16; Агапов П.В., Кадырбаев М.К., 1979, с. 117; Акишев К.А., 1978, с. 124, 125; Степи..., 1989, табл. 71).

В Горном Алтае серьги типа 2 найдены в памятниках, которые датируются с середины VI до III вв. до н.э. (Руденко С.И., 1960, с. 336; Могильников В.А., 1983, с. 25; 1988, с. 72). В Верхнем Приобье могильник Камень-II датирован IV–II вв. до н.э., ЕКМ-II – в пределах VI–V вв. до н.э. (Могильников В.А., Куйбышев А.В., 1982, с. 133; Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998, с. 124). В Казахстане у саков Средней Азии они известны преимущественно с IV по I вв. до н.э. На могильнике Бесоба курганы №8, 9, где найдены такие предметы, датированы концом VI–V вв. до н.э. (Кадырбаев М.К., 1984, с. 91). В Туве их находят в памятниках V–III вв. до н.э. В Южном Приуралье серьги этого типа датируются VI–IV вв. до н.э. (Степи..., 1989, с. 376).

Подводя итог анализу инвентаря могильника Тыткескень-VI, можно отметить следующее.

Обнаружен инвентарь, имеющий аналогии как в археологических комплексах VII–VI вв. до н.э., так и более поздних памятниках. Некоторые предметы не имеют узкой даты. Часть вещей уникальна.

Конское снаряжение найдено только в одном захоронении и имеет ранний характер, а некоторым изделиям практически нет аналогий.

В курганах найдено сравнительно немного оружия. Оно в основном представлено уменьшенными и миниатюрными предметами. Некоторые изделия (кинжал из кургана №4, плоскообушковые чеканы и др.) относятся к редким типам для скифского времени Горного Алтая. Втульчатые наконечники стрел не характерны для района, где располагается могильник Тыткескень-VI.

Ножы преимущественно бронзовые. Преобладают те же типы изделий, что и в целом в рассматриваемый период в Горном Алтае. Коллекция выделяется тем, что в ней преобладают бронзовые предметы, тогда как в Горном Алтае в рассматриваемый период изделия в основном железные. К редким и сравнительно редким относятся ножи с вогнутой спинкой и петельчатые.

Зеркала встречаются реже, чем, например в памятниках пазырыкской культуры Юго-Восточного Алтая. Коллекция представлена разнотипными предметами. К редким или сравнительно редким относятся экземпляры с зооморфной ручкой и центральной ручкой-петелькой.

Алтарики относятся к необычным находкам для скифского времени Горного Алтая. Пока изделия отмеченного типа найдены только на изученном памятнике.

Могильник Тыткескень-VI выделяется среди пазырыкских тем, что там исследовано более всего погребений с булавами и бусами. Булавы преимущественно железные, что также отличает памятник от пазырыкских. Однако этот факт характерен для района Средней Катуни.

Преобладают серьги редкого для скифского времени Горного Алтая типа.

Нет изделий из дерева, возможно, они просто не сохранились.

Глава V

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКА ТЫТКЕСКЕНЬ-VI

Наиболее многочисленную категорию находок составляют керамические сосуды. В 29 погребениях их найдено 36 экз. В 12 могилах (курганы №4, 15, 17, 25 (обе могилы), 28, 31–32, 36–37, 44, 48/1), из которых четыре детских, глиняной посуды не было. Обычно каждому умершему ставили по одному сосуду. Сосуды, позвонки м.р.с., ножи всегда обнаруживались с правой стороны напротив черепа погребенного. Исключение составляют курганы №27 и 34, в которых они располагались с левой стороны и в северной части могилы. В этих курганах захоронения были совершены на левом боку.

5.1. ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

33 сосуда изготовлены из ожелезненных низко- и среднепластичных глин. Отмечено наличие двух традиций в приготовлении формовочных масс.

1. Использовались сильно запесоченные глины, в которых концентрация естественных примесей нередко достигала 1:1 или немного менее. В некоторых изделиях размеры частиц в длину достигали 1,5 см.

2. В предварительно очищенную или специально подобранную без большого количества крупных естественных примесей глину добавляли дробленый камень (дресву). Искусственные минеральные примеси (дресва) введены в формовочные массы лишь двух сосудов из 33 (из курганов №27 и 73).

Вся найденная посуда изготовлена из местных глин. Органики в формовочных массах мало.

Аналогичные традиции в приготовлении формовочных масс отмечены и для глиняной посуды могильника Верх-Еланда-2 (Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994, с. 14). Однако там больше изделий с дресвой. В целом анализ формовочных масс сосудов из могильников Тыткескень-VI и Верх-Еланда-2 показывает, что при изготовлении посуды использовалось разное исходное сырье и несколько рецептов составления формовочных масс. На обоих памятниках преобладала традиция использовать сильно запесоченные глины, в которые не требовалось добавлять минеральные примеси. С достоверностью можно утверждать, что исходное сырье получали из нескольких источников, но требования к сырью были одинаковы: подбирали запесоченные глины и лишь в отдельных случаях их очищали или использовали пластичные.

Из-за того, что применялись сильно запесоченные глины, сосуды крошатся. У некоторых изделий крупные фракции песка выпали еще до того, как сосуды попали в погребение. Об этом свидетельствует нанесение краски поверх таких пустот и некоторые другие признаки. Исключение составляет изделие из кургана №27, более прочное по сравнению с остальными. Однако на его поверхности есть выщербинки, которые сделаны, по-видимому, намеренно, возможно, перед погребением. На кувшиновидном сосуде из объекта №47 появилась трещина до того, как его поместили в могилу. Эту трещинку замазали глиной, но сосуд после «починки» не был в огне. Судя по всему, изделию придали видимость целого.

Большинство сосудов обжигались в окислительной среде при сравнительно высоких температурах. 35 сосудов красноватого и коричневого цвета разных оттенков, а один, из кургана №27, черного цвета. По-видимому, он обжигался при других условиях, что соответствует иным технологическим традициям. Третья часть всех изделий из курганов могильника Тыткескень-VI лощеные, однако некоторые из них залощены недостаточно тщательно.

5.2. ТИПОЛОГИЯ КЕРАМИКИ

Из-за сходства форм русской и пазырыкской глиняной посуды исследователями используется терминология русской керамики (Сорокин С.С., 1974; Могильников В.А., 1983; Суразаков А.С., 1989; Кубарев В.Д., 1987; 1991; 1992 и др.). Как и вся посуда из захоронений скифского времени Горного Алтая, сосуды из могильника Тыткескень-VI подразделяются на кувшины, кринки, горшки и др., т.е. на кухонную и столовую (Степанова Н.Ф., 1998; 2000).

Горшок – это сосуд с невысокой шейкой, прямым или отогнутым венчиком, приземистый, с сильно раздутым туловом. Диаметр тулова больше высоты сосуда, иногда равен ей или немного меньше. Диаметр венчика обычно превышает диаметр дна или равен ему, но меньше диаметра тулова, хотя разница не очень велика. Диаметр венчика больше 1/2 высоты всего сосуда, а иногда и равен ей. Высота от края венчика до максимально раздутой части тулова обычно около 1/3, реже 1/2 от всей высоты (Даль В., 1978, с. 382; Липинская В.А., 1987, с. 311; Зеленин Д.К., 1991, с. 138; Словарь современного русского народного говора, 1969, с. 238; Словарь русского языка XVIII века, 1989, с. 183; Словарь русских народных говоров, 1972, с. 78; Степанова Н.Ф., 1998, с. 137, рис. 1.-1–2, 7–8, 10, 13 и др.).

Кринка (крынка) – кувшин без носка и ручки, высокий узкогорлый горшок для молока. Сосуд с высокой шейкой, прямым, но чаще отогнутым венчиком. Тулово слегка раздуто. Большой разницы между диаметрами венчика, тулова и дна нет, хотя диаметр венчика обычно больше диаметра дна и около 1/2 или немного больше от всей высоты сосуда. Высота от венчика до самой раздутой части тулова обычно больше, чем от нее же до дна (Даль В., 1979, с. 194; Липинская В.А., 1987, с. 311; Лебедева А.А., 1969, с. 148; Зеленин Д.К., 1991, с. 138; Словарь русских народных говоров, 1979, с. 258; Болонев Ф.Ф., 1984; Степанова Н.Ф., 1998, с. 138, рис. 1.-5–6, 9 и др.).

Кувшин – это сосуд с высокой шейкой, сильно раздутым туловом и узким дном. Диаметр тулова значительно превышает диаметр венчика. Диаметр дна также обычно больше диаметра венчика, последний – меньше 1/2 от общей высоты сосуда. Высота от венчика до самой раздутой части тулова меньше, чем от нее же до дна. Кувшины бывают с ручками или же без них, но форма должна быть такой, чтобы было удобно брать рукой и содержимое не проливалось (Даль В., 1979, с. 210; Липинская В.А., 1987, с. 311; Рабинович М.А., 1949; Лебедева А.А., 1969, с. 148; Степанова Н.Ф., 1998, с. 137–138, рис. 1.-4 и др.).

Корчага – это сосуд горшковидной формы больших размеров, по некоторым данным, вместимостью около 9–10 л, высотой 30–35 см (Даль В., 1979, с. 170; Словарь русских говоров Алтая, 1997, с. 79; Словарь русских говоров Среднего Урала, 1971, с. 51; Словарь русских народных говоров, 1979, с. 29; Зеленин Д.К., 1991, с. 138; Словарь говоров Соликамского района Пермской области, 1973, с. 251; Лебедева А.А., 1969, с. 148; Родионов А.М., 1990, с. 187; Степанова Н.Ф., 1998, с. 138, рис. 1.-3, 12).

В тех случаях, когда вышеперечисленных признаков недостаточно, чтобы однозначно отнести тот или иной сосуд к определенной категории, так как по одним признакам он может относиться к кувшинам, по другим – к горшкам и кринкам, по-видимому, уместно будет использовать для промежуточных типов посуды термины «горшкообразные» или «горшковидные», «кувшинообразные» или «кувшиновидные» и т.п., в зависимости от того, какие признаки преобладают.

Итак, в основу классификации положено назначение и применение посуды (функциональный признак), который связан с формой изделия. Возможно, близкие формы скифской и русской глиняной посуды свидетельствуют и о сходном предназначении. Горшки служили для приготовления горячей пищи, кринки – для хранения пищи, обычно молочных продуктов. Кувшины – посуда для питья. Обычно в кувшинах хранилась вода или другие жидкие продукты, которые находились в постоянном употреблении.

Нами выделено два класса – кухонная и столовая посуда. Типы выделены в зависимости от сочетания наиболее изменчивых признаков (высоты и диаметра венчика, диаметра тулова, высоты сосуда). При выделении типов среди кувшинов ширина и высота горла определялись в сравнении с туловом этого же сосуда. К высокогорлым отнесены изделия, у которых высота горла составляет около 1/3 и больше от общей высоты изделия. К узкогорлым кувшинам относятся сосуды, диаметр горла которых (в самом узком месте) менее половины диаметра тулова. Наблюдается зависимость ширины горла от степени раздутости тулова: сосуд с узким горлом, вероятнее всего, будет отнесен к изделиям с раздутым туловом (Степанова Н.Ф., 2000, с. 18).

КУХОННАЯ ПОСУДА

Горшки. Подразделяются на два типа.

Тип 1. Венчик не выделен. Диаметр тулова сосуда практически равен высоте сосуда, но значительно больше диаметра венчика. Орнаментирован черной краской и прочерченными линиями. Один экземпляр происходит из кургана №3 (рис. 37.-3; табл. 6).

Тип 2. Сосуд круглодонный с невыделенным венчиком. Диаметры венчика и тулова практически не различаются. Диаметр венчика больше высоты горшка. Один экземпляр обнаружен в кургане №34 (рис. 53.-6; табл. 6).

Горшкообразные сосуды. По сравнению с горшками более вытянутые.

Тип 1. Сосуды с невысоким отогнутым венчиком, приземистые. Диаметр тулова меньше общей высоты сосуда, из-за чего сосуды и выглядят вытянутыми. Диаметр венчика немного меньше аналогичного показателя тулова. Найдено 3 экз. в курганах №71, 19, 47 (рис. 31.-6; 17; 23.-7; табл. 6).

Все изделия расписаны черной краской, а сосуд из кургана №47, кроме того, орнаментирован ямками по венчику и имеет наклепные ушки.

У сосуда из кургана №9 частично обломан венчик и тип его неопределим (рис. 26.-11; табл. 6).

Кринки.

Тип 1. Высокие сосуды с высокой шейкой и отогнутым венчиком. Диаметр венчика приблизительно равен диаметру дна и меньше диаметра тулова. Два экземпляра происходят из курганов №47 (рис. 23.-10; табл. 6) и №73 (рис. 30.-5; табл. 6). Обе кринки расписаны.

Кринкообразные изделия.

Тип 1. Высокий сосуд с высоким узким горлышком, отогнутым наружу венчиком. Один экземпляр отмечен в кургане №12 (рис. 11.-2; табл. 6). Он расписан черной краской.

Тип 2. Высокий сосуд с широким низким горлом, диаметр венчика значительно уже диаметра тулова. Один экземпляр обнаружен в кургане №6 (рис. 26.-13; табл. 6).

Тип 3. Высокий сосуд с низким отогнутым венчиком, диаметр которого заметно уже диаметра тулова. Один экземпляр происходит из кургана №42 (рис. 24.-3; табл. 6).

Тип 4. Вытянутый плавно профилированный сосуд. Расписан черной краской и имеет наклепные ушки. Один экземпляр находился в кургане №54 (рис. 52.-4; табл. 6).

Тип 5. Приземистые сосуды с широким низким горлышком. Выделяются два варианта.

Вариант 1. Приземистые изделия с широким низким горлышком, диаметр венчика заметно меньше диаметра тулова, профилированные. Отмечено 4 экз. из курганов №2, 13, 72, 27 (рис. 50.-1; 11.-1; 30.-3; 34.-2; табл. 6). Сосуды из курганов №2 и 13 расписаны черной краской. Изделия из курганов №2 и 27 имеют «ушки».

Вариант 2. Приземистые сосуды с очень низким венчиком, переход от самой раздутой части тулова к венчику плавный. Можно указать 5 экз. из курганов №18, 48/2, 8, 23, 43 (рис. 16.-3; 51.-4; 26.-9; 18.-2; 24.-8; табл. 6).

Сосуды из курганов №18, 23, 43, 48/2 расписаны краской, а изделия из курганов №8 и 48/2 имеют ушки.

Корчаги. Изделия выделяются размерами, точнее объемом. Сосуды несколько различаются между собой и могут быть разделены на два типа.

Тип 1. У изделия имеется ребро в месте перехода от тулова к горлышку. Диаметр тулова – 23,5 см, диаметр венчика – 15 см, высота корчаги – 28 см. Один экземпляр происходит из кургана №11 (рис. 11.-3; табл. 6).

Тип 2. Сосуд с низким широким горлом и ушками. Диаметр тулова – 23 см, диаметр венчика – 15 см, высота корчаги – 28 см. Один экземпляр обнаружен в кургане №7 (рис. 26.-12; табл. 6).

Банки. Выделяется всего один тип.

Тип 1. Сосуд закрытого типа. Диаметр венчика – 22 см, высота – 22,5 см. На банке имеются остатки росписи черной краской. Банка найдена в кургане №14 (рис. 15.-7; табл. 6).

СТОЛОВАЯ ПОСУДА

Кувшины. Определены два типа таких изделий.

Тип 1. Высоко- и узкогорлые сосуды. Выделяются два варианта.

Вариант 1. Высота горла сосуда, расширяющегося кверху, составляет около 1/3 всей высоты изделия. Переход от самой узкой части изделия к тулову и венчику плавный. Диаметр дна меньше диаметра венчика. Один экземпляр происходит из кургана №62 (рис. 52.-3; табл. 6).

Вариант 2. Высокие сосуды с прямым или слегка расширяющимся вверху горлом и плавным переходом к тулову, расписаны краской. Найдены 2 экз. в кургане №73 (рис. 30.-6–7; табл. 6).

Тип 2. Широко- и высокогорлый сосуд из кургана №21 (рис. 18.-1; табл. 6).

Кувшиновидные. Относятся к трем типам.

Тип 1. Сосуд с широким горлом, плавно профилированный. Расписан черной краской и орнаментирован острым предметом по венчику. Этот экземпляр происходит из кургана №47 (рис. 23.-11; табл. 6).

Тип 2. Высоко- и широкогорлые профилированные изделия. Два экземпляра обнаружены в курганах №20 и 24. Сосуд из кургана №20 орнаментирован острым предметом (рис. 20.-3), а из кургана №24 расписан краской (рис. 19.-4; табл. 6).

Тип 3. Приземистый сосуд с низким широким горлом, резко профилированный, с сильно раздутым туловом. Один экземпляр находился в кургане №29 (рис. 28.-1; табл. 6).

Итак, на могильнике Тыткескень-VI найдено 36 сосудов, из которых 33 экз. реконструировано. Из них – 13 кринкообразных, 5 кувшинов, по 4 кувшинообразных и горшкообразных, по 2 кринки и корчаги, 2 горшка, в том числе один круглодонный, 1 банка. Преобладают сосуды кринкообразной формы, которые характерны для этого периода на Средней Катуни, но не для Горного Алтая в целом (Степанова Н.Ф., 1998, с. 145, табл. 2; 2000, с. 19).

Кринкообразные сосуды имеют аналогии по форме на других памятниках скифского времени Горного Алтая, например, сосуд из кургана №12 – на могильниках Юстыд-XII, Кок-Су-I (Кубарев В.Д., 1991, табл. XXIII.-2, LVII.-7; Сорокин С.С., 1974, рис. 3); сосуд из кургана №6 – на могильнике Аргут-I (Сорокин С.С., 1969, рис. 12.-7); из кургана №42 – на могильниках Верх-Еланда-2, Кок-Су-I (Степанова Н.Ф.,

Неверов С.В., 1994, рис. 9.-2; Сорокин С.С., 1974, рис. 9.-8; 10.-5); изделия из курганов №2, 13, 27, 72 – на Бике-I, Ороктой-Эке, Верх-Еланда-2, Кок-Эдиган и др. (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, рис. 5.-3; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, рис. 19.-23; Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994, рис. 4–5; Миронов В.С., 1999, рис. 1); из курганов №8, 18, 23, 43, 48/2 – на могильниках Айрыдаш-IV, Чоба-VI (Кочеев В.А., 1996, рис. 1.-6; Ларин О.В., Кочеев В.А., 1999, рис. 1). Памятники, на которых найдены сходные по формам сосуды, датируются с конца VI по IV вв. до н.э. (Кубарев В.Д., 1991, с. 133; Сорокин С.С., 1974; Суразаков А.С., 1989, с. 98, 100–101; Степанова Н.Ф., 2000, с. 20–21).

Кринки – сравнительно редкий тип посуды для Горного Алтая. Кринки и кринкообразные сосуды составляют соответственно 7,46 и 6,97% от общего количества учтенных сосудов (Степанова Н.Ф., 2000, с. 19). Кринкам из курганов №47 и 73 известны аналогии на могильниках Кайнду, Кок-Су-I, Мойнак-2, Бертек-27, Ак-Кем, Тургунды, Уландрык-II. Большинство сосудов орнаментировано или расписано краской (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, рис. 9.-1; Сорокин С.С., 1974, рис. 3; Полосьмак Н.В., 1993, рис. 23; Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др., 1994, рис. 89; Погожева А.П., 1978, рис. 4; Кубарев В.Д., 1987; 1992, рис. 3). Наиболее ранний экземпляр кринки происходит из могильника Кайнду (конец VI–V вв. до н.э.) (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, рис. 5.-2, с. 269; Степанова Н.Ф., 2000, с. 20). Еще несколько изделий датируются V–IV вв. до н.э. и IV–III вв. до н.э. – Кызыл-Джар-I, Юстыд-XII (Могильников В.А., 1983, с. 25; Кубарев В.Д., 1991, с. 133; Суразаков А.С., 1989, с. 94), т.е. кринки встречаются в памятниках с конца VI в. до н.э. и бытуют достаточно долго.

Кувшины, похожие по форме на сосуд из кургана №62, найдены на могильнике Юстыд-XII. Изделие из кургана №73 имеет аналогии среди сосудов из памятников Аргут-I, Тургунда, Уландрык-II, Ташанта-II и др. (Кубарев В.Д., 1987, табл. XLVIII.-1; LXXXVIII.-2; 1991, табл. XXXVIII.-5; XLVII.-4; LI.-9; LV.-7; 1992, рис. 3.-1; Сорокин С.С. 1969, рис. 10). Вышеперечисленные курганы датируются, преимущественно, в пределах V–IV вв. до н.э. (Кубарев В.Д., 1987, с. 132; 1991, с. 133; Суразаков А.С., 1989, с. 98).

Кувшиновидные изделия, как из кургана №47, найдены на могильниках Верх-Еланда-2, Кара-Коба-II, Кастахта, Барбургазы-I (Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994, рис. 12.-4; Могильников В.А., 1983, рис. 4; Степанова Н.Ф., 1987, рис. 9.-4; Кубарев В.Д., 1992, табл. XX). Такие сосуды, как из курганов №20 и 24, есть на памятниках Уландрык-I, Юстыд-XXII, Малталу-IV, Кастахта (Кубарев В.Д., 1987, табл. IV.-I; XII.-I; 1991, LXV, LXI.-2; Степанова Н.Ф., 1987, рис. 9.-3). Изделие из кургана №29 имеет наибольшее сходство с сосудами из Малталу-IV (Кубарев В.Д., 1992, табл. XLIV; LXIII; LXV). Большинство аналогий датируются в пределах V–IV вв. до н.э., реже IV–III вв. до н.э. (Степанова Н.Ф., 2000, с. 21; 1987, с. 182; Могильников В.А., 1983, с. 62; Кубарев В.Д., 1987, с. 132; 1991, с. 133; 1992, с. 114).

Горшочек из кургана №34 имеет необычную форму: он круглодонный, с невыделенным венчиком. Глиняные сосуды с подобным дном редки для погребений скифского времени Горного Алтая (Суразаков А.С., 1989, с. 61; Степанова Н.Ф., 2000, с. 19). В то же время там часто находят деревянные круглодонные или со сферическим дном изделия, как, например, в I Туэктинском кургане, могильнике Уландрык-I и др. (Руденко С.И., 1960, рис. 66; Кубарев В.Д., 1987, с. 49–50, табл. VI.-3, VIII.-2, IX.-1; XIV.-3–4, XXXII.-6 и др.). Поэтому не исключено, что глиняные сосуды с округлым дном не нужно рассматривать как нечто инородное, так как это простое повторение в глине деревянных или кожаных изделий.

Идентичные по форме сосуду из кургана №34 предметы известны в погребениях саргатской культуры Приишимья (Матвеева Н.П., 1994, с. 76). Глиняные круглодонные изделия есть и на более близких территориях: в Верхнем Приобье на памятниках большебереченского этапа (БЕ-I и БЕ-XII); каменной и

староалейской культур – на могильниках Масляха-2 и Масляха-I, Бобровском, Обские Плесы-II, Староалейка-2, а также в Туве, Казахстане, Приаралье, Северо-Западной Туркмении (Грязнов М.П., 1956, табл. XIV; XIX; Уманский А.П., Телегин А.Н., 1990, с. 97; Могильников В.А., Уманский А.П., 1992; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 12, 13; Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М., 1996; Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 7.-4, 8; Кызласов Л.Р., 1979, с. 62; Вишневская О.А., 1973, с. 149; Степная полоса..., 1992, табл. 28.-26–27, 48).

Горшки в захоронениях скифского времени в Горном Алтае встречаются редко и в основном на территории Средней Катуни (Кочеев В.А., 1990, рис. 4.-5; Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, рис. 9.-2, 4; 5.-4; Могильников В.А., Елин В.Н., 1982, рис. 2.-13; Могильников В.А., 1983, рис. 2.-4). Однако среди этих изделий близких по формам тыткескенским находкам нет.

Горшкообразные изделия из курганов №19, 47, 71 имеют аналогии на могильниках Бике-I, Кок-Эдиган (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, рис. 15; Миронов В.С., 1999, рис. 1). Перечисленные памятники относятся к ранним пазырыкским (Антонова О.В., Худяков Ю.С., 1999, с. 17; Степанова Н.Ф., 2000, с. 20–21).

Редки для скифского времени Горного Алтая и банки (Степанова Н.Ф., 1998, с. 139, 145). Они найдены на могильниках Верх-Еланда-2 (сосуд находился под насыпью, у края могилы), Курота-III и Туэкта (Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994, с. 12, рис. 4.-2; Киселев С.В., 1951, с. 296–298, 329). В Каракольском кургане в грабительском ходе были обнаружены обломки двух баночных сосудов (Киселев С.В., 1951, с. 346). Иногда изделия подобной формы находят в насыпях курганов, например, на памятнике Боротал-II, в долине р. Себыстей (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980, с. 181; Лоранс Каммарт, Вим Ван Хюле, Иньянс Буржуа и др., 1998, с. 237, рис. 5). Чаше их находят на поселениях (Степанова Н.Ф., 1994; Шульга П.И., 1995, 1998 и др.). Банки более характерны для памятников Лесостепного и Предгорного Алтая, где их находят в захоронениях каменной, староалейской и быстрянской культур (Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996; Могильников В.А., 1997, с. 30, рис. 31; Киреев С.М., 1992, с. 57). Сосуды баночных форм найдены в Монголии на могильнике Улангом (Новгородова Э.А., 1989, с. 275). Они характерны для памятников тагарской культуры Минусинской котловины (Мартынов А.И., 1979, с. 59).

Итак, по формам глиняные сосуды имеют аналогии как на памятниках Средней Катуни (могильники Верх-Еланда-2, Бике-I и др.), так и Юго-Восточного Алтая (могильники Юстыд-XII, Кок-Су-I, Малталу-IV и др.). На Средней Катуни это преимущественно кринкообразные и горшкообразные сосуды, на Юго-Восточном Алтае – кувшины и кувшиновидные изделия, реже другие типы изделий. Большая часть аналогий приходится на памятники скифского времени Средней Катуни.

Сосуды с «ушками». На девяти керамических изделиях из памятника Тыткескень-VI были налепные ушки. По способу налёпа они делятся на два типа.

Тип 1. «Ушки», полученные в результате налёпливания жгута длинной стороной вокруг отверстия на венчике. Жгут с нижней стороны не замыкается в кольцо. Можно отметить 5 экз., обнаруженных в курганах №7–8, 29, 48/2, 54 (табл. 7.-4, 5, 13; 8.4, 8).

Тип 2. Найдено 4 экз., из которых выделяется два варианта.

Вариант 1. «Ушки», полученные в результате налёпливания жгута основаниями на сосуд. Отверстие образовано жгутом – курган №27 (рис. 34.-2).

Вариант 2. «Ушки», полученные в результате налёпливания на сосуд жгута или комочков глины, которым была придана уплощенная форма. У самой стенки прокалывалось или подправлялось отверстие – курган №2 (рис. 50.-1).

На могильнике Тыткескень-VI получена одна из наиболее многочисленных коллекций сосудов с ушками. Лишь на памятнике Верх-Еланда-2 аналогичных изделий найдено больше, однако там большинство составляют сосуды типа 1 (Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994, с. 14). На могильнике Айрыдаш-III на одном сосуде имеются ушки такого же типа (Кочеев В.А., 1990, рис. 2.-2), как на одном изделии из могильника Бике-I и на двух из Бике-III (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, рис. 15.-1; Кубарев В.Д., 2001, рис. 33.-в, г). Известно еще несколько сосудов с подобными элементами из могильников Талдура-I, Кызыл-Джар-III, Ак-Алаха-I, Уландрык-II и поселения Куротинский Лог-I (Могильников В.А., Елин В.Н., 1982, рис. 2.-13; Могильников В.А., 1983в, рис. 2.-5; Полосьмак Н.В., 1994, рис. 80; Кубарев В.Д., 1987, табл. XLII.-3; Шульга П.И., 1997, рис. III.-20-21). В целом ушки типа 1 редко встречаются на керамике скифского времени из Горного Алтая. Перечисленные памятники, где найдены такие сосуды, датируются с конца VI-V вв. до н.э. по III-II вв. до н.э. (Могильников В.А., Елин В.Н., 1982, с. 108; Могильников В.А., 1983в, с. 49; Кубарев В.Д., 1987, с. 132; Шульга П.И., 1997, с. 76; Суразаков А.С. 1989, с. 82, 97; Степанова Н.Ф., 2000, с. 20-21).

Ушки типа 1 встречаются на глиняной посуде сопредельных территорий: в Предгорном Алтае, в Верхнем Приобье, Монголии, Туве, Казахстане (Завитухина М.П., 1968, с. 96; Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю., 1982, с. 84; Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 2.-1; Уманский А.П., 1991, с. 114; Сорокин С.С., 1966, с. 57; Цэвэндорж Д., 1978, с. 115; Степная полоса..., 1992, табл. 79.-22; Самашев З.С., 1987, с. 97, рис. 49-5). Памятники с такими находками датируются с конца VI в. до н.э.

Сосуды с ушками второго типа редки для Горного Алтая. Они найдены на могильнике Кара-Коба-II (курганы 1, 3) и поселении Партизанская Катущка (Могильников В.А., 1983а, с. 73; Шульга П.И., 1998б, рис. 3-9). На изделиях из могильника Бике-I преобладают ушки типа 2, из шести сосудов они есть на трех (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, рис. 4.-1; 5.-3; 11.-1). Всего по одному сосуду с ушками второго типа найдено на могильниках Кайнду и Верх-Еланда-2 (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, рис. 9.-2; Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994, рис. 4.-5).

На сопредельных территориях аналогий известно больше. В лесостепном Алтае рассматриваемая керамика найдена в курганах каменной и староалейской культур: на памятниках Обские Плесы-II, Староалейка-2, у д. Соколово, Масляха-1, Елунинский курганный могильник I (Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 5.-32; Уманский А.П., Брусник Н.Д., 1982, с. 200; Могильников В.А., 1997, рис. 29.-2; Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998, рис. 6.-1; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 12, 13; Памятники истории и культуры..., 1990, рис. 15). В предгорном Алтае подобные изделия известны в захоронениях быстрянской культуры на могильниках Аэродромный, Сростки-II (Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 7.-1; Завитухина М.П., 1966, рис. 2). Подобные элементы есть на сосудах из Казахстана в памятниках кулажургинской культуры и у саков Приаралья (Самашев З.С., 1987, рис. 49.-5; Вишневская О.А., 1973, с. 154). Однако наибольшее распространение ушки этого типа получили в памятниках Верхнего Приобья.

В целом ушки на глиняной посуде не характерны для керамики погребальных комплексов скифского времени Горного Алтая. Такая посуда в основном найдена в памятниках Средней Катунь. Сосуды с ушками появились уже в памятниках, датируемых с конца VI в. до н.э. (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 269; Степанова Н.Ф., 2000, с. 20-21).

5.3. ОРНАМЕНТИРОВАННАЯ КЕРАМИКА

Несколько сосудов из могильника Тыткескень-VI орнаментировано. На четырех изделиях (курганы №14, 47, 54) по венчику нанесены ямки. На одном сосуде (объект №47) орнамент нанесен острым

предметом и состоит из 10–12 рядов наклонных линий так, что создается впечатление, что это вертикальный зигзаг (рис. 23.-11). На сосуде из кургана №20 орнамент нанесен в виде ломаных (треугольников) и прочерченных линий (рис. 20.-3). Геометрический орнамент не характерен для глиняной посуды скифского времени Горного Алтая, хотя и отмечен на сосудах из Кок-Су-I, Барбургазы-I и бассейна р. Аргут (Сорокин С.С., 1974, рис. 10.-5; Кубарев В.Д., 1992, табл. XV.-2; Суразаков А.С., 1997, рис. IV.-1). Ямки также редко встречаются на глиняных изделиях из погребальных комплексов. Данный прием отмечен на сосудах из таких памятников: Верх-Еланда-2, Кок-Су-I (Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994, рис. 4.-2; Сорокин С.С., 1974, рис. 3.-5–6, 8; 4.-4). Ямки более характерны для посуды поселенческих комплексов раннего железного века Горного Алтая и для керамических изделий этого времени более северных территорий (Шульга П.И., 1998б; Грязнов М.П., 1956; Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997; и др.).

РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА

В 15 захоронениях обнаружено 19 расписанных сосудов. В двух курганах похоронено по три человека, и каждому поставлено по расписному сосуду. Курганы, в которых помещена подобная посуда, расположены на всем могильном поле как подряд, так и попеременно с сооружениями, содержащими обычную керамику или вообще без глиняной посуды, т.е. каких-либо групп в расположении сооружений с расписной керамикой не выделяется. Есть половозрастные определения по 11 могилам с одиночными захоронениями, где находились расписные сосуды: с женщинами найдено 6 таких изделий, с мужчинами – 3, с детьми и подростками – 2. Кроме того, на объекте №47, где находилось три расписных сосуда, были похоронены мужчина, женщина и подросток. По всей видимости, расписную керамику помещали в могилы независимо от возраста и пола умерших.

Изучая поверхность сосудов, мы обратили внимание, что красной краской (охрой) покрыты многие изделия: в некоторых случаях полностью, в других частично, например, придонная часть; иногда просто пятнами на шейке, тулове и т.д. В настоящее время на сосудах сохранились аморфные пятна красной краски, которая при механическом воздействии стирается и легко смывается водой. На сосуде из кургана №23 охра обнаружена и на внутренних стенках сосуда у придонной части. Традиция окрашивать сосуды красной краской характерна не только для населения, оставившего могильник Тыткескень-VI, но, например, и для памятника Кырлык-2 (Мамадаков Ю.Т., 1999, с. 102). Вероятно, это явление характерно для пазырыкской керамики, так как и на сосудах других памятников нами были отмечены следы подобной краски. Однако поскольку она легко смывается и осыпается, на многих изделиях к настоящему времени краска не сохранилась. Возможно, посуда окрашивалась непосредственно перед погребением.

В некоторых случаях изделия покрывали не только красной, но черной и серой краской. В публикациях пятнистость сосудов часто объясняется костровым обжигом. Наши исследования показали, что пятна на глиняной посуде (чаще черные или серые) не только следствие указанной практики. Во-первых, под тончайшим слоем черной или серой краски бывает красная поверхность сосуда, которая является следствием обжига ожелезненной глины в окислительной среде при высокой температуре, т.е. под черными или серыми пятнами сосуд нередко бывает полностью прокален и эти пятна не могут быть связаны с обжигом. Во-вторых, они бывают очень четкой и иногда правильной формы. От кострового обжига такие очертания бывают редко. Правда, последнее обстоятельство – недостаточно надежный признак для различения пятен от кострового обжига и краски. Чтобы с достоверностью утверждать,

что сосуд специально окрашен, особенно пятнами, необходимо учитывать комплекс признаков и проводить специальные исследования.

Помимо пятнистых и окрашенных частично или полностью сосудов, 18 изделий с могильника Тыткескен-*VI* расписаны черной или темно-коричневой, а один (из кургана №71) – красной краской. Рисунок в последнем случае состоит из вертикальных полос (рис. 31.-6). Вероятнее всего, это была охра. Она, в отличие от черной и коричневой краски, осыпается при малейшем механическом воздействии. Не исключено, что рисунки охрой наносились непосредственно перед погребением и только с ритуальными целями. Расписаны как горшки, так кринки и кувшины, как высокие, так и низкие (высотой до 10 см) сосуды хорошего и плохого качества.

Среди изделий, расписанных черной краской, выделяются следующие группы.

1. Сосуды, роспись на которых выполнена в виде символов или знаков, волнистых линий. Всего 18 экземпляров.

Краска в одних случаях видна хорошо, на других – слабо. Если судить по четкости мазка, то на трех сосудах из курганов №12 и 73 роспись, по-видимому, была нанесена дважды. Рисунки различаются по цвету, т.е. более ранний читается слабо, а полосы накладываются одна на другую. Два сосуда из кургана №73, видимо, расписаны одним человеком.

2. Сосуды окрашены черной краской в виде сплошных кругов, закрашенных полностью, при этом на этих же изделиях есть и знаковая символика. Всего 2 экз. происходят из объекта №47 (рис. 23).

Кроме того, на многих сосудах есть черные пятна типа клякс черного цвета, расположенных чаще всего хаотично, и лишь в нескольких случаях прослеживается какая-либо закономерность. Иногда это сплошные длинные широкие полосы. При исследовании с микроскопом видно, что это черная краска более грубого качества, которая в свой состав включает пылевидный песок (размерами менее 0,5 мм). На разных сосудах песок различается по размерности. Это свидетельствует, с одной стороны, о неодновременности приготовления состава, с другой – о некоторой небрежности (?), которая, по-видимому, объясняется тем, что размерность песка не имела значения и не влияла на качество. Вполне возможно, что в некоторых случаях это остатки клея. Возможно, на сосуды было наклеено что-то органического происхождения, не сохранившееся до наших дней. Об этом свидетельствует поверхность некоторых пятен или полос как, например, на сосуде из кургана №12. Не исключено, что это были аппликации, как на кувшине из Пазырыкского кургана №6 (Руденко С.И., 1953, табл. XXII.-3). Однако вряд ли оправдано предположение, что во всех случаях это был клей, так как при исследовании с микроскопом видно, что на поверхности многих «клякс» нет никаких следов, аналогичных на находке из кургана №12.

В росписи на тыткескенских сосудах выделены следующие мотивы:

1. Знаки в виде запятой, S-видные (или спирали), завитки, скобы (курганы №47, 73, 12, 2).

На кринке из объекта №47 нанесено два ряда фигур в виде запятых и перевернутого вопросительного знака и т.п. Фигуры расположены как бы в зеркальном отражении (рис. 23.-10). Одна из самых сложных росписей на изделии из кургана №12. Там два S-видных знака, расположенных горизонтально и почти вертикально, несколько запятых, в том числе завитки, расположенные друг над другом (рис. 11.-2). Очень интересные изображения на кувшинах из кургана №73. К сожалению, сохранность изделий не позволяет восстановить все знаки. Особенно хотелось бы выделить изображения, напоминающее растительный орнамент (рис. 30).

2. Криволинейные фигуры подразделяются на два вида:

а) сложные, включающие в себя спирали, петли, разного рода завитки, плавные изгибы, создающие сложную композицию, покрывающую иногда весь сосуд (курган №43) (табл. 10.-7);

б) более простые фигуры, за которыми утвердилось название змеевидные или змееподобные (волнистые или зигзагообразные), нанесенные сверху вниз. На сосуде из кургана №13 хорошо видно, что одна фигура наносилась двумя последовательными мазками. Роспись, включающая мотивы этого направления, отмечена на изделиях из курганов №3, 13, 19, 23, 24, 48/2, 54 (табл. 10.-6, 8; 11.-2, 6, 7, 8).

К сожалению, сохранность рисунков не позволяет уточнить некоторые детали, например, одинаково ли число змеевидных фигур на разных сосудах или, может быть, есть другие закономерности в их количестве. Отметим лишь, что большинство фигур написано несколькими мазками.

3. Геометрические фигуры, которые подразделяются на три вида:

а) в виде зигзагов, треугольников, т.е. фигур с острыми углами (курган №18) (табл. 11.-5);

б) вертикальные, прямые параллельные линии (курганы №47, 71, 54) (табл. 11.-1, 4, 8, 9);

в) роспись в виде сплошных кругов (объект №47) (табл. 11.-4).

На некоторых сосудах встречаются разные знаки и мотивы, например, отмечено сочетание вертикальных полос и криволинейных фигур, вертикальных полос и кругов на изделиях из курганов №47, 54, 19. Есть сосуды, украшенные только знаками, – курганы №12, 47, 73 (2 экз.) или только змеевидными фигурами – курганы №48/2, 13, 47, 3, зигзагами – курган №18. Обычно орнаментирована вся поверхность изделий – 11 экз. (курганы №43, 18, 23, 48/2 и др.), реже большая часть или только верхняя часть и частично тулово – 7 экз. (курганы №47, 14 и др.). Во многих случаях роспись вряд ли можно назвать хаотичной и случайной. На сосуде из кургана №19 пятна черного и серого цветов оконтурены черной линией, в результате получилось изображение, напоминающее фигурку животного (табл. 11.-6).

В Горном Алтае нам известно более 50 сосудов с расписным орнаментом – на могильниках Кок-Су-I, Кызыл-Джар-I, Ала-Гаил-III, Ташанта-II, Юстыд-XXII, Юстыд-XII, Аргут-I, Сары-Кобы, Кырлык-2, на уландрыкских могильниках (Сорокин С.С., 1969, с. 84, 86; 1974, с. 70; Могильников В.А., 1983, с. 27, рис. 1, 2; Кубарев В.Д., 1987, с. 46; 1990, с. 49; 1991; Суразаков А.С., 1982, с. 129, рис. 5–9; 1986, с. 32–33; Мамадаков Ю.Т., 1999). Имеется сообщение о находке сосуда с росписью из пазырыкского кургана у с. Ело Онгудайского района (Кубарев В.Д., 1990, с. 42). Фрагменты росписи сохранились на двух сосудах из могильника Кастахта (курган 32). На могильниках Тыткескень-VI найдено 19 сосудов, Бике-I – 2, Бике-III – 2, Кок-Эдиган – 2, Верх-Еланда-2 – 1, Усть-Чоба-I и др. (Кубарев В.Д., 1990, табл. III; Миронов В.С., 1999, с. 127; Соловьев А.И., 1999, рис. 7). Самая представительная коллекция расписных сосудов происходит со Средней Катунь – более 30 экз. (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2001, с. 35–40). Находки со Средней Катунь составляют приблизительно 62%, из Восточного Алтая – 12,3%, Онгудайского, Усть-Канского и Усть-Коксинского районов – 15,6%.

Вполне вероятно, что сосудов с росписью в Горном Алтае больше, чем сейчас известно по публикациям. В некоторых случаях роспись читается очень слабо из-за плохой сохранности как, например, на сосудах из могильника Кастахта. В таких случаях ее очень сложно реконструировать и тем более интерпретировать, так как только местами видны остатки черной краски. Можно лишь констатировать, что на двух сосудах из Кастахты (курган №32) это были плавные линии с изгибами, нанесенные очень плотно, перекрывая одна другую. В подобных случаях исследователи или вообще не замечают рисунков или же из-за того, что невозможно их прочесть и как-то интерпретировать, могут просто не упоминать о них. Хотя нам известны случаи, когда материалы опубликованы и роспись видна очень хорошо, но в публикациях об этом нет ни слова.

В.Д. Кубарев, анализируя росписи на сосудах (ему была неизвестна коллекция из могильников Тыткескень-VI, Кырлык-2 и др.), выделил три основных направления в изобразительных мотивах, которые характерны для определенных районов:

1) спирали или валютообразные завитки, горизонтальные зигзаги и зубцы. Орнамент нанесен, как правило, в средней или пригорловой части сосуда. Наиболее типичный сосуд из Юстыда-XXII (курган №2). Локализуются находки этого направления в юго-восточных районах Горного Алтая, пограничных с Тувой и Монголией;

2) змееподобные (волнистые или зигзагообразные) фигуры, нанесенные сверху вниз по тулову сосуда (Сары-Кобы (курган №24), Кызыл-Джар-I, Кок-Су-I (курган №18)). Находки с подобными рисунками чаще встречаются в Центральном Алтае;

3) криволинейные фигуры, включающие в себя плавные изгибы, зигзаги, спирали, петли и т.п., что в целом создает сложную замысловатую композицию, покрывающую иногда весь сосуд (Ташанта-II (курган №4); Юстыд-XII (курган №21), Ала-Гаил-III). Сосуды с росписью этого направления характерны в основном также и для Восточного Алтая (Кубарев В.Д., 1990, с. 34).

В коллекции расписной керамики из могильника Тыткескень-VI есть все выделенные В.Д. Кубаревым мотивы, хотя преобладающим следует признать змеевидные фигуры. Этот мотив наиболее распространен и на Средней Катуни. Змеевидными линиями орнаментированы сосуды из могильников Тыткескень-VI, Бике-I и III, Кок-Эдиган (Кубарев В.Д., 1990, табл. III; Миронов В.С., 1999, с. 127). Сосуды с подобным орнаментом чаще встречаются в Центральном Алтае (Кубарев В.Д., 1990, с. 34). Помимо отмеченных им памятников, также украшены сосуды из Кырлыка-2 (Мамадаков Ю.Т., 1999).

Расписная керамика встречается на сопредельных с Горным Алтаем территориях: в предгорном Алтае на могильнике ЦРК (западная окраина Бийска) найдено два сосуда, разрисованных оранжевой краской (Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., 1996, с. 144, рис. 2.-1, 3). На р. Чарыше на могильнике Чесноково-I найден сосуд, расписанный красной краской орнаментом в виде запятых по 8 в каждом поясе. Роспись на кувшине из Чесноково-I наиболее близка росписи на кринке из Тыткескень-VI (объект №47). Завитки на изделии из Чесноково-I расположены двумя рядами встречных завитков, а из Тыткескень-VI – это зеркальное отражение. Различается и количество знаков. Тем не менее сходство очень велико (табл. 10.-1; 13.5). Черной краской расписан кувшин из Чесноково-2 (Шульга П.И., Гельмель Ю.И., Шульга Н.Ф., 1999, с. 108–109, рис. 2.-9).

В Туве сосуды с расписными орнаментами найдены на могильниках Аймырлыг и Мажалык-Ховузу. Изделия украшены небрежно выполненной росписью геометрического характера, криволинейными фигурами и спиралями (Грач А.Д., 1980, с. 34; Мандельштам А.М., 1983, с. 32). Сосуд с шаровидным туловом из Хову-Аксы расписан красными и коричневыми узорами в виде входящих друг в друга углов (Кызласов Л.Р., 1979, с. 60, 63). В общем часть сосудов из Тувы украшена монохромной росписью, в которой преобладают вертикальные зигзаги и спиралевидные фигуры, часто сочетающиеся друг с другом (Степная полоса..., 1992, с. 192, 196).

Сосуды с росписью черной краской найдены на Улангомском могильнике в Монголии. Орнамент нанесен в виде валютообразных завитков и меандров. На сосуде из могилы 23 знаки на тулове и донышке напоминают буквы незнакомого алфавита (Новгородова Э.А., 1989, с. 268–269, 285, 299). В Китае на могильнике Чавухугоу-I и IV обнаружено 19 расписных сосудов, украшенных своеобразным геометрическим узором черной краской по красному фону или красновато-светлому ангобу (Заднепровский Ю.А., 1992, с. 95).

В Северном Казахстане в кургане №2 могильника Графские развалины на сосудах VI–V вв. до н.э. по шейке и тулову нанесен рисунок черной краской (Хабдулина М.К., 1994, с. 63, табл. 59.-4). Следы орнамента красной краской (охрой?) зафиксированы на керамике кулажургинской культуры позднего этапа (III в. до н.э. – I в. н.э.). В Восточном Казахстане на могильнике Катонский (курган №12) найден

сосуд со следами черной росписи по красному фону – широкая полоса и над ней угловой зигзаг, у венчика – полукруглые фестоны (Степная полоса..., 1992, с. 147; Сорокин С.С., 1966, рис. 15.-1, с. 55, 57). Кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса первых веков нашей эры орнаментировали посуду потеками краски (Степная полоса..., 1992, с. 389, табл. 39). У усуней также найдено несколько сосудов с росписью, но явно привозных (Там же, с. 82, табл. 28, 29).

Три расписанных сосуда обнаружены в гуннской могиле у г. Старый Дархан в Монголии. На их стенках местами видны слабо выраженные следы пересекающихся линий решетчатой косой сетки, прочерченных красной краской (охрой), этот последний орнамент пересекал резной и явно был нанесен позднее его. Судя по всему, отмеченная роспись была выполнена непосредственно перед погребением (Гришин Ю.С., 1978, с. 98; 1979, с. 261).

Как видно, сосуды с росписью довольно широко встречаются на сопредельных территориях, но обычно это единичные находки, иногда привозного характера. Об относительно больших сериях расписной керамики есть сведения только из Тувы и Китая (Семенов Вл.А., 1994, с. 120; Заднепровский Ю.А., 1992). Поскольку в большинстве случаев материалы не опубликованы, трудно сказать, где больше всего найдено расписных сосудов и насколько близки мотивы росписи. Очевидно, что в Горном Алтае получена одна из наиболее многочисленных коллекций расписной керамики.

Многие элементы росписи (знаки, фигуры) имеют достаточно близкие аналогии в искусстве пазырыкской культуры. Парные спирали, роговые и растительные узоры, розетки, пальметки, «бегущие волны», знаки в виде запятой, S-образные орнаменты широко применялись для декора самых разнообразных предметов. Например, это орнамент в виде ряда узорных запятых с треугольниками внизу между ними. Он вырезан из бересты и наклеен в качестве украшения на саркофаг-колоду из I Туэктинского кургана. Детали конского снаряжения и деревянной посуды украшались знаком в виде запятой. S-видные знаки отмечены на древках стрел из Пазырыка-III (Руденко С.И., 1960, с. 114, 117, 135, 141–143, 247–259, рис. 126, 127), на деревянной фигурке оленя из кургана №12 памятника Уландрык-I (Кубарев В.Д., 1987, табл. XXVIII.-12). В описании находок из разных памятников часто упоминаются золотые листки (бляшки) в виде запятой (например, Кызыл-Джар-III (Могильников В.А., 1983, с. 48)). Здесь же уместно упомянуть о сосудах из Белого Борма-II, Юстыда-I, Катанды, Малталу-IV, Барбургазы-I, которые украшены наклепными валиками в виде S-видных знаков, или спиральных завитков, или запятой и других форм, повторяющих мотивы или элементы, выполненные краской (Владимиров В.Н., Шульга П.И., 1984, рис. 2.-13; Кубарев В.Д., 1991, табл. XII.-2; 1992, табл. IV.-3; LVII.-1; LIX.-2; LXI.-2; LXIII.-1; Руденко С.И., 1960, с. 335).

Известны аналогии подобным знакам или символам и на других территориях. Например, S-видные знаки есть на сосуде из Маймы (Суразаков А.С., 1997, рис. IV.-4). S-видные символы и волнистые линии наиболее широко представлены в орнаментации керамической посуды кулайской культуры южно-таежного Приобья, относящейся к раннему железному веку. S-видные знаки нанесены на бронзовые серпы и кнопку бронзового зеркала из Минусинской котловины (Полторацкая В.Н., 1962, с. 84; Членова Н.Л., 1967, с. 84). Такой же знак отмечен на каменном сосуде из могильника «Каратома» IV–III вв. до н.э. из Семиречья. Знаки на этом сосуде считаются надписью (Акишев К.А., 1978, с. 56, 58, рис. 72).

S-видные знаки есть на обкладках нащечных фаларов из Келермесских курганов (2-я половина VII в. до н.э.) (Галанина Л.К., 1997, с. 160, рис. 32.-12–13, с. 192, 234). S-видные символы известны на золотых деталях от обкладки деревянного сосуда из раннесарматского погребения в Новочеркасске (Смирнов К.Ф., 1984, рис. 32). В Молдавии на одном из городищ найден керамический штамп, при оттиске одна сторона которого дает S-видный орнамент, т.е. фигуру, напоминающую латинскую букву S.

В Поднестровье в VIII–VI вв. до н.э. известны и другие штампы с S-видным знаком, а также фрагменты керамики с подобным орнаментом (Романовская М.А., 1980, с. 290–293).

Сосуды с S-видными знаками найдены в курганный группе Шиханы у с. Липовка Оренбургской области в кургане 10 (погребение №2), датированном VI–V вв. до н.э. (Смирнов К.Ф., Попов С.А., 1972, рис. 5ж, с. 12; Степи..., 1989, табл. 70), в захоронении Ново-Кумакского курганного могильника близ г. Орска, датированном VI–IV вв. до н.э. (Мошкова М.Г., 1962, с. 224, рис. 4.-7; Степи..., табл. 70). Там же в кургане №7 (погребение №1) обнаружен сосуд с пятью вертикальными полосами, нанесенными черной краской. Находки сосуда с росписью, по мнению М.Г. Мошковой, очевидно, следует связывать с влиянием хорезмской керамики кангуйского периода. Речь идет о влиянии, так как форма сосуда типично савроматская. В целом известна уже серия савроматских сосудов со знаками (Мошкова М.Г., 1962, с. 224, рис. 12.-10).

Приведенные выше аналогии свидетельствуют об универсальности и широком использовании S-видного элемента, в том числе и в орнаментации керамической посуды раннего железного века на довольно большой территории Евразии.

Повторяются и другие символы. Сосуды, на которых они нанесены, найдены на памятниках из достаточно удаленных друг от друга мест. Знаки в одних случаях наносились черной краской, в других выполнены глиняными жгутами в виде налепов на сосудах (Кубарев В.Д., 1990, табл. I, IV–V). S-видные знаки, спиральные завитки и т.п. – распространенные элементы орнамента у современных народов Сибири (Иванов С.В., 1963, с. 182 и др.).

Итак, как элементы орнамента S-видные фигуры и волнистые линии известны на значительных территориях и в широком хронологическом диапазоне.

К вопросу о семантике знаков-символов исследователи обращались уже неоднократно. То, что эти символы несут смысловую нагрузку, сомнений не вызывает. С.В. Иванов, анализируя орнаментальные мотивы сибирских народов, пришел к выводу, что происхождение большинства или всех мотивов в виде парных завитков и спиралей и спиралей S-видных – производные формы от стилизованной птичьей головы (Иванов С.В., 1963, с. 182). А.С. Суразаков отмечает, что знак в виде запятой характерен для пазырыкского искусства и входит в различные композиционные схемы, в том числе в одни орнаментальные ряды с изображением солнца и луны, чем явно подчеркивалась их связь с основными небесными светилами. Запятые, по его мнению, ведут свое происхождение от одного из воплощений солнца и луны – орла. В целом запятые являются символами солнца и луны (Суразаков А.С., 1986, с. 12–13). В росписи на кувшине из Сары-Кобы (курган №24) А.С. Суразаков видит множество фигур извивающихся змей. В центре композиции изображена фигура главного змея с большой змеиной головой и круглым глазом. Видимо, это образ трехглавого змея, стоящего во главе змеиного царства (Там, с. 16). В.Д. Кубарев (1990, с. 38) также не отрицает, что в росписях на сосудах могли быть изображения змей.

Предположение, что знаки с улангомского сосуда, нанесенные черной краской, напоминают буквы незнакомого алфавита, высказано лингвистами В.А. Лифшицем и М.Н. Боголюбовым (Новгородова Э.А., 1989, с. 269–270). Знаки на каратомском сосуда также считаются надписью (Акишев К.А., 1978, с. 56, 58, рис. 72).

С нашей точки зрения нет никаких сомнений, что S-видные и другие знаки несут смысловую нагрузку. Более сложно ответить на вопрос: «Следует ли их воспринимать как орнамент, схематичное изображение птиц, животных и т.д. или же как зачатки письменности?» Однако провести границу в данном случае очень сложно. По крайней мере, мы не считаем эти знаки личной подписью мастеров, изготовивших эти сосуды.

В целом необходимо отметить, что расписывать керамику красками – характерно для культур скифского круга Южной Сибири и сопредельных территорий. Для каждой археологической культуры отмечаются свои традиции: в одних случаях преобладают геометрические фигуры, в других – криволинейные и т.д. Совмещение традиций наблюдается на пограничных территориях, например, в Восточном Алтае. Знаки на керамике не носят уникального характера. Они встречаются на многих предметах и обширных территориях. Возможно, мы имеем дело с переходным звеном от реалистического изображения к схематичному или к примитивной письменности. Ответ на этот вопрос – дело будущих исследований.

В настоящее время можно отметить следующее:

- 1) для Горного Алтая характерны расписные сосуды; они составляют не менее 17% от всех учтенных сосудов, но есть основания полагать, что таких предметов больше;
- 2) наибольшее количество расписных сосудов найдено на Средней Катуні – 62% на 9 памятниках;
- 3) преобладающий мотив росписей как для Средней Катуні, так и для Горного Алтая в целом – змееподобные фигуры (Тыткескень-VI, Кок-Эдиган, Бике-I, III, Кызыл-Джар-I, Кырлык-2, Сары-Кобы, Кок-Су-I, Ала-Гаил-III и др.);
- 4) в Горном Алтае расписная керамика известна с конца VI–V вв. до н.э.

Подводя итог изучению глиняных изделий могильника Тыткескень-VI, необходимо отметить, что сосуды изготовлены из местного сырья, из низкопластичных и среднепластичных глин. Для коллекции данного памятника характерны кринкообразные сосуды, как и для Средней Катуні в целом, но не для скифского времени Горного Алтая. Половина глиняных изделий могильника Тыткескень-VI расписана краской. Пока это единственный могильник в Горном Алтае с таким количеством расписной керамики. Некоторые сосуды орнаментированы. Более трети сосудов имеют наlepные «ушки». Это выделяет коллекцию глиняной посуды среди всех остальных рассматриваемого времени из Горного Алтая. По формам сосуды имеют аналогии как на Средней Катуні, так и в удаленных районах, в том числе Юго-Восточном Алтае, а также на сопредельных территориях, где проживали носители других культур. Датируются памятники, где найдены сходные по формам с тыткескенскими сосуды, с конца VI–V вв. до н.э. и позднее.

Наиболее необычными для конкретного памятника в целом следует признать сосуды из объектов №14, 27, 34, 47. Банка из кургана №14 найдена в могиле, что не характерно для пазырыкских памятников. Пока это единственный достоверный случай находки подобного сосуда в погребении. Сосуд из кургана №27 выглядит инородным в коллекции из-за цвета, состава формовочных масс, «ушек», которые расположены нестандартно и изготовлены из жгутов, а не комочков глины, и некоторых других признаков (табл. 8, 9). Сосуд из кургана №34 необычен по форме для скифского времени Горного Алтая. Интересен и кувшиновидный сосуд из объекта №47. На этом сосуде есть прочерченный орнамент, роспись черной краской в виде знаков-символов и черных сплошных кругов, у него есть наlepные ушки. Из-за орнамента он напоминает керамику из северных предгорий (Киреев С.М., 1992а; 1992б, рис. 4.-10).

Дальнейшее изучение керамического комплекса пазырыкской и одновременных культур на сопредельных территориях позволит выйти не только на реконструкцию технологического процесса, но и решать проблемы этнокультурного характера. Такая работа представляется нам весьма перспективной.

Глава VI

ДАТИРОВКА И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПАМЯТНИКОВ ТЫТКЕСКЕНЬ-I И VI

6.1. ДАТИРОВКА ИССЛЕДОВАННЫХ КУРГАНОВ

Подводя итог анализу инвентаря могильника Тыткескень-VI, необходимо отметить, что предметы имеют аналогии как в памятниках VII–VI вв. до н.э., так и более поздних. Однако большая часть аналогий укладывается в пределах VI–V вв. до н.э. Можно попытаться определить не только датировку памятника в целом, но и отдельных курганов.

Одним из самых ранних на памятнике является курган №27 (в данном случае не рассматривается группа раннескифских объектов, составляющих отдельно локализованный комплекс (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997а, б)). Он находится в центральной части могильного поля. Это самое «богатое» захоронение с хорошо датируемыми вещами. Наиболее архаично выглядит конское снаряжение – бронзовые подпругные пряжки, распределители ремней, псалии и др. Такие предметы имеют уже указанные аналогии в памятниках VII–VI вв. до н.э. (Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966; Руденко С.И., 1960; Арсланова Ф.Х., 1974; Степанова Н.Ф., 1996; Марсадолов Л.С., 1985; 1998; и др.). К ранним должно быть отнесено и зеркало. Алтарики, аналогичные изделиям из кургана №27, в Верхнем Приобье появляются в памятниках раннескифского времени с VI в. до н.э. (Кунгуров А.Л., 1999, с. 94; Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В., 1994, с. 53). На других территориях они также известны с VI в. до н.э. (Хабдулина М.К., 1994, с. 60; Вишневская О.А., 1973, с. 86, 120–122). Железным заколкам находят сравнительно поздние аналогии, хотя датировка их с конца VI в. до н.э. не исключается (Могильников В.А., Елин В.Н., 1995). Рассматриваемые формы найденных сережек и ножа бытовали в широких пределах, начиная опять же с VI в. до н.э. (Могильников В.А., Елин В.Н., 1982; Киреев С.М., 1992; Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю., 1982; Степи европейской части..., 1989; Могильников В.А., 1983; 1988; Кубарев В.Д., 2001; Кунгуров А.Л., 1999; Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998; и др.). В то же время некоторые вещи из кургана №27 не позволяют ограничить датировку VI в. до н.э. Это уздечная пряжка или чумбурный блок каплевидной формы с двумя овальными отверстиями. В ранних пазырыкских памятниках подобные находки пока не встречались. Тем не менее большая часть вещей из кургана №27 имеет аналогии в памятниках VII–VI и VI–V вв. до н.э. Поскольку ряд предметов в V в. до н.э. уже не встречается, а некоторые в VI в. до н.э. пока неизвестны, видимо, датировку рассматриваемого кургана следует определить серединой VI – началом V вв. до н.э.

Для определения хронологии кургана №18 имеют особое значение находки зеркала и бус. Зеркало имеет ранние аналогии. Как правило, подобные изделия датированы исследователями не позднее V в. до н.э. (Могильников В.А., 1997, с. 81; Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., 1990, с. 97; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, с. 115–134; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, табл. XIII.-6; Ситников С.М., Шульга П.И., 1998, рис. 4.-1, 6, с. 76; Членова Н.Л., 1967, с. 82; и др.). Это позволяет определить время сооружения кургана не позднее V в. до н.э.

Бусы найдены в курганах №2, 14, 18, 27, 33, 54. В разных погребениях отмечены одинаковые экземпляры и по материалу, и по обработке. В курганах №14 и 18 обнаружено несколько сердоликовых бусин, обработанных одними инструментами (определения Н.Ю. Кунгуровой) и, вероятно, одним мастером. Это свидетельствует не только об одном источнике снабжения, но и об одновременности их

изготовления и, по-видимому, поступления к населению, оставившему могильник в устье р. Тыткескень, а следовательно, и сооружении курганов в короткий хронологический промежуток. Близки по технике обработке к ним и бусины из курганов №27 и 54, хотя они обработаны другими инструментами. Для тыткескеньских изделий отмечено двустороннее сверление, что характерно для ранних экземпляров, в том числе раннескифских Горного Алтая и для изделий из Северного Причерноморья VI–V вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 19976, с. 90; Алексеева Е.М., 1982, с. 14; и др.). Ромбовидным бусинам из сердолика (курганы №2, 14, 18) аналогии известны на отдельных объектах памятников Бике-I (курган №5) и Бийке (курган №23), датированных серединой VI–V вв. до н.э. (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, рис. 11.-4; Тишкин А.А., Тишкина Т.В., 1996, рис. 1; Степанова Н.Ф., 2000, с. 20–21). В Верхнем Приобье на могильнике староалейской культуры найдена бусинка ромбовидной формы с диагональным сверлением (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 4.-10). Шаровидные сердоликовые бусы в Горном Алтае найдены на могильниках, которые датированы V–IV вв. до н.э. (Могильников В.А., 1983, с. 57–58; Владимиров В.Н., Шульга П.И., 1984, с. 102; Суразаков А.С., 1989, с. 94–96). Подобные бусы в савроматских памятниках Приуралья появляются со 2-й половины VI в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1964, с. 147).

Аналогичны стеклянные бусы из курганов №2, 14, 18, 33. Очень похожи изделия в виде плоского диска из магнезита (?) или барита (?) из могильников Тыткескень-VI (курганы №18 и 33) и Тыткескень-I (курган №1). Существует большая вероятность поступления их с одной партией и из одного источника. Можно предположить, что эти погребения совершены в относительно небольшой промежуток времени, а могильники Тыткескень-I и VI синхронны. В целом по бусам можно утверждать, что курганы №2, 14, 18 могильника Тыткескень-VI сооружены в короткий хронологический промежуток. Вероятно, близки к ним по времени курганы №27, 33, 54, а также курганы №1, 2, 15, 18 могильника Тыткескень-I. Не исключено, что курганы №2, 14, 18, 27, 33, 54 могильника Тыткескень-VI были сооружены в течение жизни одного поколения, если, конечно, исключить возможность передачи бус по наследству. Поскольку и другой инвентарь из этих захоронений имеет аналогии, то существует большая вероятность сооружения этих курганов в относительно небольшой промежуток времени с середины или конца VI до начала V вв. до н.э.

Плоским подпрямоугольным бусам из нефрита (?) из кургана №33 известны аналогии на раннескифском могильнике Бойтыгем-II, а также на могильниках Карасу-I (VI – начало V вв. до н.э.) и на Орокто-Эке (курган №23, середина VI–V вв. до н.э.) (Абдулганеев М.Т., 1994, с. 37–38, рис. 3.-2; Могильников В.А., Елин В.Н., 1995, с. 106, 109, рис. 4.-7; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, с. 112, рис. 19; Степанова Н.Ф., 2000, с. 20). Такие же изделия известны в памятниках староалейской культуры: Обские Плесы-II, Староалейка-2 (Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996, с. 104–105, 114, рис. 12.-2, 6; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, с. 115, рис. 2.-4). В связи с тем, что плоские подпрямоугольные бусы из зеленого камня на Средней Катуні были и в памятниках раннескифского и пазырыкского времени, возникает несколько предположений: эти изделия были длительное время в употреблении (примерно 100–150 лет) или длительное время изготавливали совершенно идентичные бусы. Не исключено, что хронологический разрыв между могильниками Бойтыгем-2, Тыткескень-VI, Карасу-I, Ороктой-Эке, Обские Плесы-2, Староалейка-2 меньше, чем это считается в настоящее время (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 1999). Последнее предположение заслуживает особого внимания, так как между памятниками раннескифского и последующего времени на Средней Катуні (Бойтыгем-2, Электанар-2, Тыткескень-VI и др.), а также Тыткескень-VI и могильниками староалейской известны и другие близкие аналогии в инвентаре. Это, возможно, свидетельствует о сооружении ряда курганов на этих памятниках примерно в одно время.

Для датировки кургана №4 определяющее значение имеет находка кинжала, которому известны относительные аналогии уже в VI в. до н.э. (Членова Н.Л., 1967; 1981; Кулемзин А.М., 1974; Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990; Погожева А.П., 1981; Киселев С.В., 1951). В этом захоронении не было керамики, что, по мнению исследователей, также является признаком, характерным для ранних пазырыкских памятников (Могильников В.А., 1983, с. 21; Шульга П.И., 1998, с. 707). Курган №4 может быть датирован VI–V вв. до н.э.

Большинство курганов, в которых найдено оружие (№3, 6, 9, 11, 13, 28–29, 47, 71–72), не может быть определено временем ранее V в. до н.э. Чеканы и кинжалы представлены в основном миниатюрными копиями и имитациями. Уменьшенные и миниатюрные изделия находят в захоронениях, датированных с конца VI–V вв. до н.э. (Сорокин С.С., 1974, табл.). Считается, что традиция изготовления моделей оружия для погребальных целей возникла на Алтае в V–IV вв. до н.э. (Кубарев В.Д., Кочеев В.А., 1983, с. 95). Подобные находки не дают узкой даты, хотя и в какой-то мере ограничивают ее. Черешковые наконечники стрел имеют широкие аналогии в Горном Алтае и за его пределами, начиная с эпохи поздней бронзы (Савинов Д.Г., 1975, рис. 3-5; Грач А.Д., 1980; Кочеев В.А., 1987; 1990; 1993; 1994; и др.). Ранние экземпляры отличаются крупными размерами. Длина тыткескенских изделий 4,8–5,7 см, что свидетельствует о том, что они ближе к уменьшенным. Это же касается и втульчатых экземпляров (Кочеев В.А., 1993, с. 175).

Для датировки кургана №11 имеет значение находка крюка, которому известны аналогии в памятниках, датируемых с конца VI–V вв. до н.э., как на территории Горного Алтая (Талдура-I, Кастахта, Семисарт и др.), так и в предгорном Алтае, Новосибирском Приобье, Туве и т.д. (Могильников В.А., Елин В.Н., 1982; Степанова Н.Ф., 1987; Владимиров В.Н., Шульга П.И., 1984; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992; Полосьмак Н.В., 1987; Маннай-Оол М.Х., 1970; Троицкая Т.Н., Бороодовский А.П., 1994). В кургане №11 найдены небольшой кинжал и миниатюрный чекан. Эти находки делают вероятной дату сооружения в пределах V в. до н.э.

Для датировки курганов №48/2 и 16 имеют значение находки крюков из кованой проволоки, которым можно обнаружить аналогии на могильниках середины VI–V вв. до н.э., например, Кайнду и Салдам (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 269; Степанова Н.Ф., 2000, с. 20). В этих курганах других узко датирующихся предметов нет.

Датировку еще нескольких курганов позволяют скорректировать ряд вещей. Среди зеркал есть и настоящие изделия, и имитации. Наиболее поздние экземпляры с диаметрами дисков 3–5,3 см происходят из курганов №7, 23–24. Как уже отмечалось, замена настоящих вещей копиями практиковалась уже в V в. до н.э. Поэтому, вероятно, курганы, в которых они найдены, не могут быть датированы ранее этого времени. Однако в отношении кургана №23 данное заключение вступает в определенное противоречие с радиоуглеродной датой. Для объектов №21 и 23 получены соответственно такие радиоуглеродные даты: 575 ± 25 г. до н.э. и 550 ± 25 г. до н.э. (Орлова Л.А., 1995, с. 215–216). К сожалению, в захоронениях из указанных курганов нет какого-либо яркого инвентаря, позволяющего их датировать посредством сравнительно-типологического метода. Лишь в кургане №23 было вышеупомянутое зеркало и сосуд, типологически близкий сосуду из кургана №18, также расписанный темной краской. На основе такого подхода датировку кургана №23 можно определить в пределах V в. до н.э., но вряд ли ранее этого времени, тем более, что использованная для радиоуглеродного метода древесина отражает момент того, когда было срублено дерево, а не время произведенного захоронения.

Представляют интерес и следующие наблюдения (рис. 56). Наибольшее сходство инвентаря наблюдается в курганах №2 и 27 (бусы, курильницы, заколки, сосуды), где похоронены женщины. Сосуды

из этих захоронений близки типологически и имеют однотипные «ушки», но они различаются по цвету. Изделие из кургана №2 красноватого цвета, а из кургана №27 – черного. Для их изготовления использованы местные низкопластичные глины. В то же время по погребальному обряду между курганами существуют различия в конструкциях погребальных камер, положении, ориентации погребенных и др. Можно отметить сходство инвентаря из курганов №27 и 14 (бусы, серьги); №2, 14 и 18 (бусы нескольких типов, а в двух (№14 и 18) просверленные одними сверлами). Одинаковые шаровидные сердоликовые бусы найдены в курганах №2, 14, 18, 27, 54. В курганах №27 и 14 были однотипные, довольно редкие для Горного Алтая серьги. В курганах №2, 14, 18, 27 были наиболее крупные зеркала, что считается ранним признаком. В курганах №13 и 14 найдены две одинаковые бронзовые бляшки, в том числе имеющие аналогичные повреждения, возможно, полученные при литье: в первом случае – навершие заколки, во втором, видимо, пуговица. Объекты расположены рядом. В них похоронены мужчина и женщина. В курганах №2, 27, 31, 33 найдены похожие шпильки, а типологически близкие сосуды – в курганах №8, 18, 23, 43, 48/2. В курганах №27, 43, 71 найдены однотипные, бронзовые петельчатые ножи. В курганах №14, 27, 43, 54 захоронения совершены в обкладках из камней и валунов.

Итак, курганы №4, 18, 27, 33 могут быть датированы по инвентарю серединой VI – началом V вв. до н.э. Курганы №2, 14, 54, судя по вещам, имеющим аналогии в вышеперечисленных курганах, были сооружены примерно в это же время. К ранним можно отнести объект №43 и, вероятно, курган №13.

Суммируя все вышеперечисленные данные, очевидно, что на могильнике выделяются три хронологические группы курганов. Наиболее ранняя группа представлена, как уже сказано, курганами №27, 18, 33, 14, 13, 4, 2, 43, 21, 23. Они могут быть датированы серединой VI – началом V вв. до н.э. По-видимому, к этой же группе относится курган №54. Вторая группа может быть датирована V в. до н.э. Она включает курганы №11–12, 16, 19, 24–25, 31, 48, 44, 42, инвентарь из которых имеет аналогии в памятниках с конца VI–V вв. до н.э., но некоторые вещи не могут быть определены ранее V в. до н.э. Третья группа – курганы №6–7, 9, 28–29, 47, 71–72 датирована V–IV вв. до н.э. Инвентарь из них имеет наиболее поздние аналогии. Датировка курганов №3, 8, 17, 20, 34, 41, 62, 73 не может быть определена столь узко. В целом могильник пазырыцкого времени Тыткескень-VI функционировал с середины VI до IV вв. до н.э. Несколько захоронений явно синхронны ранним курганам могильника Кайнду. Прежде всего это касается курганов №27, 4, 2 и, по-видимому, №18.

На памятнике Тыткескень-I получен немногочисленный материал. Бусы и бисер находят близкие аналогии на могильнике Тыткескень-VI. Существует большая вероятность поступления их из одного источника на оба памятника. Это позволяет синхронизировать могильники. Костяной черешковый наколечник длиной 7,2 см также относится к ранним типам. Таким образом, данный памятник может быть определен, как и ряд курганов могильника Тыткескень-VI, серединой VI–V вв. до н.э.

6.2. КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ИССЛЕДОВАННЫХ ОБЪЕКТОВ

Для могильника Тыткескень-VI выделены характерные и нехарактерные особенности погребального обряда. Признаки, которые отмечены как типичные для памятника, в целом соответствуют показателям, характеризующим пазырыцкие могильники (ср.: Суразаков А.С., 1989, с. 118–137). Однако некоторые отличия памятника Тыткескень-VI от пазырыцких погребальных комплексов все же имеются. Наиболее важные из них заключаются в конструировании срубов и рам; многовариантности внутримогильных конструкций, среди которых нет преобладающих типов; разнообразии ориентации погребенных, хотя выделяется основное направление, соответствующее пазырыцкому обряду; в отсутствии краски в

могилах под черепами женщин. Для Тыткескень-*VI* редки сопроводительные захоронения лошадей, в то время как этот признак является одним из наиболее ярких, характеризующих пазырыкские памятники (Руденко С.И., 1952; 1960; Суразаков А.С., 1989; Кубарев В.Д., 1987; 1991; 1992; и др.). Необычно также большое количество захоронений с бусами (курганы №2, 14, 18, 27, 33, 54) и железными заколками (курганы №2, 14, 27, 31, 33).

К числу необычных признаков для могильника Тыткескень-*VI* следует отнести плоские или уплощенные насыпи (курганы №19, 44). Эти курганы имеют еще и пристройки. Редки для Тыткескень-*VI* насыпи из валунов (курганы №8, 15, 17, 44), две могилы под одной насыпью (курганы №25, 48), захоронение в деревянном ящике (объект №47), отсутствие каких-либо конструкций в могиле (курганы №25, 48/1), наличие настила на дне ямы (курган №29) и заплечиков в могилах (курганы №12, 17–19, 37, 71–72); захоронения, совершенные на левом боку; ориентация головой на запад, северо-запад-запад, север, северо-северо-запад, юго-восток, северо-восток, захоронения по 2–3 человека. К необычным относится сооружение в виде дуг (объект №41, курганы №44, 45), отсутствие насыпи над могилой (объект №47).

Поскольку на могильнике отмечено большое разнообразие в конструкциях погребальных камер, то представляют интерес следующие наблюдения. Преобладают сооружения из дерева. К сожалению, в большинстве случаев определить тип конструкций не удалось. Каменные ящики, обкладки из валунов, срубы, рамы представлены приблизительно одинаково в количественном отношении (табл. 1, 3). Несмотря на то, что анализ признаков погребального обряда показал, что для разных типов конструкций погребальных камер нет каких-либо других особых черт, характеризующих ту или иную группу объектов, все же можно отметить, что в срубах наиболее неустойчива ориентация погребенных: северо-восток – 1, восток – 2, юго-восток-восток – 1, юго-восток – 2; там было 2 кувшина и 2 кувшиновидных сосуда. В рамках же были найдены кринкообразные и горшковидные сосуды. Кринкообразные изделия преобладают в обкладках из валунов. В каменных ящиках трижды похоронены дети и только в двух были глиняные сосуды. В могилах без конструкций нет керамики, в каменных ящиках и срубах не было украшений, в срубах – оружия, в каменных ящиках – зеркал. Возможно, это не случайно. Однако малочисленность погребений не позволяет определить, насколько устойчивы отмеченные тенденции.

Так называемые нетипичные признаки погребального обряда представляют особый интерес. Некоторые из них не характерны только для данного памятника, другие – для района, где расположен памятник, третьи – для пазырыкской эпохи в целом. Большинство этих признаков не характерно не только для могильника Тыткескень-*VI*, но и для пазырыкских памятников в целом. К числу таких признаков относятся: две могилы под одной насыпью, конструкция объекта 41, могила без насыпи, положение погребенных на левом боку с согнутыми в коленях ногами, ориентация умерших головой на север, запад, юго-запад, заплечики в могиле, обкладки из валунов и камней, деревянный ящик (Суразаков А.С., 1989, с. 118–131; Степанова Н.Ф., 2000, с. 10, 22–23). В то же время некоторые признаки, в частности, срубы типа 2, обычные для могильника Тыткескень-*VI*, характерны для Средней Катунь или северной окраины пазырыкской культуры (Степанова Н.Ф., 1999, с. 509–513; 2000, с. 9).

Из инвентаря к числу нетипичных для Горного Алтая находок относятся каменные курильницы без ножек (курганы №2, 27), золотые серьги с припаянными маленькими колечками (курганы №14, 27), зеркала с зооморфной и центральной ручкой-петелькой, кинжал с «грифоньим» навершием, глиняные сосуды некоторых форм (горшки, банка), сосуд черного цвета и орнаментированные изделия. Выделяет памятник то, что половина керамики была расписана темной краской. Необычно преобладание бронзовых ножей и небольшое число железных ножей, наличие ножа с вогнутой спинкой. Втульчатые наконец-

ники стрел редки для Средней Катуни и Центрального Алтая, но характерны для Юго-Восточного Алтая (Кочеев В.А., 1983, с. 173–175; Суразаков А.С., 1989, с. 56; Степанова Н.Ф., 2000, с. 14). Редки и некоторые другие категории инвентаря – предметы конского снаряжения, ножи с петлевидной ручкой, железные заколки и т.д.

Проведенный нами анализ необычных признаков погребального обряда и инвентаря показал следующее:

1) по погребальному обряду от 1 до 4 таких признаков в одном кургане зафиксировано в 26 захоронениях; в том числе по три – в курганах №12 и 47, по четыре – в курганах №25 и 27;

2) необычный инвентарь был в 23 курганах, а больше трех необычных предметов в одной могиле – в 5 (курганы №2, 4, 14, 27, 71);

3) сочетание таких признаков – погребальный обряд + инвентарь – в 18 захоронениях; по четыре и больше – в курганах №2, 4, 12, 14, 18, 24–25, 27, 34, 47, 71.

Самые необычные на памятнике курганы №25, 27, 47. По значимости признаков к этой группе можно добавить курганы №14 и 34. Из них курган №14 выделяется больше по инвентарю (баночный сосуд, биметаллическая заколка, бусы) и антропологическому типу, чем по погребальному обряду. Курган №4 хотя и выделяется, но культурная принадлежность его сомнений не вызывает. Особенности, по видимому, объясняются хронологическими причинами (отсутствие глиняной посуды, наличие кинжала с навершием в виде голов грифонов). Курганы №25, 27, 31, 34, 47 необычны не только для могильника Тыткескень-VI, но и для пазырыкских захоронений в целом.

Особый интерес на могильнике Тыткескень-VI представляют два погребения с положением умерших на левом боку с согнутыми в коленях ногами (курганы №27, 34). Эти захоронения между собой различаются конструкцией погребальных камер (обкладка из камней и каменный ящик). Кроме того, в первом случае было захоронение лошади. Курган №34 отличает небольшая глубина могильной ямы (0,9 м в материке) и круглодонный сосуд.

Положение погребенных на левом боку с согнутыми в коленях ногами не характерно для каменных ящиков пазырыкского времени Горного Алтая, хотя и встречается на могильниках Карасу-I, Уландрык-I, Бертек 12, Юстыд-I, Кызыл-Джар-IV (Могильников В.А., Елин В.Н., 1995, с. 104–106; Кубарев В.Д., 1987, с. 158–159; 1991, табл. XV; Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др., 1994, с. 76, 82–84; Могильников В.А., 1983, с. 50–51). За исключением кургана №1 могильника Карасу-I, где умерший был ориентирован на восток-северо-восток, общего в погребальном обряде для этих объектов, помимо ориентации, не отмечается.

Положение погребенных на левом боку с согнутыми в коленях ногами отмечено на памятниках Юго-Восточного Алтая. Как правило, этот признак совпадает с другой нетипичной чертой – ориентацией на запад, реже на северо-запад. Большинство (2/3) таких погребений были совершены в срубках, 1/3 – в каменных ящиках. Захоронения с конем были в 12% курганов. Д.Г. Савинов (1993, с. 11–12) погребения из узунтаьских курганов, совершенные на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на запад, с камнями-подушками под головой, в срубках без сопровождения лошади, выделенные им во II тип, связывает с культурной традицией, формирование которой происходило на территории соседней Тувы (саглынская культура) или Северной Монголии. Инокультурные традиции, по его мнению, не буквально повторяют исходные формы, что могло бы свидетельствовать о прямой миграции, а отражают определенные процессы аккультурации, которые претерпели их носители в новой этнической среде. Подобное отмечает и В.Д. Кубарев (1991, с. 32): «Отличаясь некоторым своеобразием, юстыдские захоронения этого вида ближе всего по основным данным синхронным погребениям Тувы и Монголии».

Подобное объяснение выглядит вполне логично для южных окраин пазырыкской культуры. Другое дело наличие подобных захоронений на Средней Катуні. Тем более, что захоронение из кургана №27 с другими объединяет только положение погребенной и ее ориентация. Отмеченное последнее обстоятельство свидетельствует, скорее всего, о другом направлении контактов.

Кроме Юго-Восточного Алтая захоронения на левом боку известны в Быстряном могильнике (курганы №2, 4), в том числе в двух могилах умершие были похоронены в каменных ящиках, головой ориентированы на запад (Завитухина М.П., 1966, с. 64). А.С. Суразаковым (1989, с. 88) курган №4 указанного памятника датирован второй половиной VI в. до н.э. Подобное положение погребенных, в том числе в каменных ящиках, характерно для раннескифских памятников Горного Алтая и Тувы (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 19976; Грач А.Д., 1980). К сожалению, невыразительный инвентарь не позволяет датировать курган №34 могильника Тыткескень-VI в узких пределах. Можно высказать только предположение, что в данном случае мы наблюдаем пережитки традиции раннескифского времени. В эту пользу свидетельствует и месторасположение данного объекта: почти в непосредственной близости к группе таких курганов.

Нельзя не отметить параллели в захоронениях из могильников Карбан-I (курган №5) и Тыткескень-VI (курган №27), которые несколько различаются хронологически. В обоих случаях погребенные уложены на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на запад, в одной могиле с лошадьми. Разница в том, что в Карбане-I было похоронено две лошади, и они уложены с южной стороны (Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992), а на Тыткескене-VI – одна и с северной стороны. Различается глубина могил. Наличие черной краски под головой позволяет увидеть связь между карбанским захоронением и пазырыкскими. На сходство в погребальном обряде захоронения из могильника Карбан-I с пазырыкскими указывают авторы раскопок. К числу черт, типичных для пазырыкского этапа, они относят присутствие костей животных в южной части каменной наброски, забутовку могилы каменными плитами, захоронение человека и лошади в одной яме; погребение сразу двух лошадей на материковой приступке, наличие черного пятна под черепом погребенной (Демин М.А., Гельмелъ Ю.И., 1992, с. 33). Эта дало основание В.А. Могильникову и В.Н. Елину (1985, с. 110) утверждать, что появление черт пазырыкской культуры в майэмирских памятниках отмечено на втором, майэмирском этапе развития названной культуры, в частности, в Карбане-I (курган №5) в VII в. до н.э. на Средней Катуні.

Другими словами, на сегодняшний день наибольшее сходство погребение из кургана №27 имеет с отмеченными карбанскими материалами, в которых ярко отразились специфические черты памятников майэмирской культуры, локализованных в западных и северо-западных предгорьях Алтая. Инвентарь из него также имеет параллели и в других раннескифских объектах. В данном случае предоставляется возможность определить курган №27 памятника Тыткескень-VI как позднемайэмирский (?), что достаточно хорошо соотносится с современной трактовкой культурно-хронологического характера (Шульга П.И., 2000; Марсаолов Л.С., 2000; Тишкин А.А., 2002).

Курган №25 могильника Тыткескень-VI выделяется тем, что в нем было две могилы. В основной похоронено два человека, не прослежено остатков конструкции в погребальной камере, умершие ориентированы головой на юго-восток, не было керамики. Из инвентаря найдена только бронзовая серьга. По ряду признаков (две могилы, ориентация умерших на юго-восток) он имеет аналогии на могильниках Кайнду, Верх-Еланда-2, Юстыд-XXII (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 257; Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994, с. 11; Кубарев В.Д., 1991, с. 24). По отдельным признакам он имеет аналогии и на других памятниках. Например, юго-восточная ориентация погребенных отмечена на могильниках Усть-Эдиган, Дялян, Верх-Тельтехмень-I и др. (Худяков Ю.С., 1995; Тетерин Ю.В., 1992;

Степанова Н.Ф., 1997). Захоронения без керамики исследованы на могильниках Кайнду (курганы №3, 6, 40–42), Бике-I (курганы №1а, 3, 7, 36–37), Бике-III (курганы №2, 6) (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 266; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 45, 48, 52; Кубарев В.Д., 2001, с. 123–126). Однако наибольшее сходство имеется с захоронениями из могильников Кайнду и Верх-Еланда-2.

Курган №31 выделяется тем, что женщина была без ног, головой ориентирована на северо-северо-запад. Из инвентаря найдена железная заколка. Ориентацией погребенного головой на север отличается и курган №32. Ориентация на север вообще не характерна для «пазырыцев» (Суразаков А.С., 1989, табл. I–II; см. главу I в настоящей монографии). Она зафиксирована лишь на могильниках Кызык-Телань-I (курган №6), Кер-Кечу (курган №8) (Суразаков А.С., 1983, с. 44; Могильников В.А., 1988, с. 67). Кроме того, на памятнике Яконур (курган №5) отмечена ориентация на север, но умершая находилась в положении вытянуто на спине (Киселев С.В., 1951, с. 356). Ориентация на север отмечена на могильнике Верх-Тельтехмень-IV (курган №3). Однако датировка погребения не определена (Степанова Н.Ф., 1997). На Улангомском могильнике в Монголии известна ориентация умерших на север (Волков В.В., 1978, с. 106). Большинство погребений с подобной ориентацией погребенных отмечается на памятниках Средней Катун. А.С. Суразаков (1983, с. 45) объясняет северную ориентировку погребенного на могильнике Кызык-Телань-I (курган №6) другой этнической принадлежностью по сравнению с остальными исследованными на этом памятнике захоронениями. В раннескифских захоронениях Горного Алтая ориентация на север составляет 13,2%, на северо-северо-запад – 9,7% (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 51). Ориентация погребенных на север в скифское время известна на территории Казахстана, где она совпадает с положением умерших вытянуто на спине (Степная полоса..., 1992, с. 131, 143). По-видимому, захоронение из Яконура объясняется соседством с населением Казахстана, в то время как северную ориентацию остальных погребенных объяснить сложнее. Не исключено, что это также как-то связано с населением предшествующего периода Горного Алтая. Однако и там подобная ориентация составляла небольшой процент и нет других признаков, подтверждающих данное предположение.

Объект №47 отличается отсутствием насыпи над могилой, конструкцией погребальной камеры, тем, что там похоронено три человека, наличием сосудов необычной формы, втульчатых наконечников стрел. Аналогии в погребальном обряде этому объекту отмечались выше. Отсутствие насыпей необычно для «пазырыкцев» и населения сопредельных территорий – Тувы, Казахстана, Верхнего Приобья и др. Лишь на памятниках староалейской культуры в раннем железном веке отмечены грунтовые могилы (Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996).

Таким образом, большинство необычных признаков имеют аналогии на пазырыкских могильниках, но, как правило, в небольших количествах и в большинстве случаев это связано с населением, отличающимся от пазырыкского по погребальному обряду, которое, вероятнее всего, растворилось в пазырыкском. Определить происхождение компонентов этого населения в настоящее время затруднительно.

Анализируя погребальный обряд и инвентарь могильника Тыткескень-VI, нельзя не отметить некоторые детали. Например, большое сходство в инвентаре между погребениями из могильников Тыткескень-VI (курган №2) и Бике-I (курган №5). В то же время погребальный обряд в этих курганах различается. В первом случае женщина уложена на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на восток-юго-восток; во втором – вытянуто на спине, головой на восток. Сходство в инвентаре (сосуды, железные заколки, бусы, зеркала с зооморфными ручками) не оставляет сомнений, что захоронения совершены в короткий хронологический промежуток времени, а также в культурной бли-

зости этих захоронений. Возможно, этот пример как раз иллюстрирует трансформацию погребального обряда от более раннего (положение погребенных вытянуто на спине – Тыткескень-VI (курган №26), Кайнду (курган №2) и др.) к более позднему, собственно пазырыкскому (на правом боку с согнутыми в коленях ногами).

Необходимо отметить близкие формы сосудов из могильников Тыткескень-VI (курган №54) и Бике-III (курган №7) (Кубарев В.Д., 2001, рис. 33.-2). Сходство форм, однотипные налпные «ушки» позволяют предполагать близкое по времени их изготовление и, возможно, одним человеком. Кроме того, на этих двух памятниках найдены однотипные золотые серьги (Тыткескень-VI (курган №27) и Бике-III (курган №1) (Кубарев В.Д., 2001, рис. 11б, в)). Как уже отмечалось выше, серьги этого типа редки для скифского времени Горного Алтая. Возможно, находка их на двух близко расположенных памятниках не случайна и свидетельствует о близкой временной и культурной связи между населением, оставившим эти погребальные комплексы или об общем источнике поступления.

В целом наибольшее сходство по инвентарю могильнику Тыткескень-VI имеется на могильниках Бике-I, Кок-Су-I и Кайнду (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990; Сорокин С.С., 1974; Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990). Кроме того, еще можно отметить могильники Кызыл-Джар-I, Ак-Алаха-I, Барбургазы-I, Талдура-I, Кара-Коба-II, Юстыд-XII, I Туэктинский курган, на которых также имеется много аналогий (Могильников В.А., 1983а,б; Полосьмак Н.В., 1994; Кубарев В.Д., 1991; 1992; Могильников В.А., Елин В.Н., 1982; Киселев С.В., 1951). Особое сходство с могильником Бике-I и в погребальном обряде, и в инвентаре не оставляет сомнений как в хронологической близости двух памятников, так и в культурной.

Разнообразие в устройстве погребальных камер на могильнике Тыткескень-VI свидетельствует о нескольких традициях погребального обряда и, следовательно, о неоднородном составе населения, оставившем этот памятник. Это подтверждается и антропологическими данными (Тур С.С., 1999; см. Приложение II в настоящей монографии). Наличие нескольких компонентов в составе населения, оставившего могильник Тыткескень-VI, не вызывает сомнений. Происхождение этих компонентов, по-видимому, различно и в настоящее время гипотетично. Возможно, разные группы населения внесли различный вклад в формирование пазырыкской культуры. К тому же влияние инокультурных групп могло быть в разное время. Например, захоронения в обкладках из валунов есть и в других районах Горного Алтая, но они крайне редки. Возможно, их оставила не только немногочисленная группа населения, но и одна из наиболее ранних, которая позднее была ассимилирована. К ранним памятникам относится и могильник Кырлык-I, где есть подобные конструкции (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985).

Наличие курганов с целой серией необычных признаков свидетельствует, с одной стороны, о неоднородности состава населения, об инфильтрации инокультурного населения, а ряд общих признаков, с другой – о процессах ассимиляции, так как все же речь идет о количестве необычных признаков для того или иного захоронения, а не о полной его инокультурной принадлежности. Например, на объекте №47 необычны втульчатые наконечники стрел, но таковы они только для данного района и памятника, но не для Юго-Восточного Алтая. Не вполне стандартны формы сосудов, но на общем фоне для района Средней Катунь они не выглядят инокультурными, к тому же они расписаны черной краской, что также характерно для этого района (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2000). Обычны для пазырыкских захоронений положение и ориентация погребенных из объекта №47.

Аналогии в инвентаре на наиболее ранних пазырыкских памятниках Туэкта, Кок-Су-I, Талдура-I (бронзовые обоймы, псаии, удила, подпружные пряжки, баночные сосуды, кувшины, знаки на сосудах, кинжалы с «грифоньим» навершием и бабочковидным перекрестием, правда, в Туэкте – железный, а на

Тыткескене-VI – бронзовый) позволяют видеть не только единый хронологический пласт, но, возможно, это связано и с общим происхождением населения.

Вопрос о происхождении пазырыкской культуры до сих пор остается нерешенным. Высказываются разные точки зрения. Ясно, что население, оставившее памятники скифского времени в Горном Алтае, не было однородным. Это подтверждается как данными погребального обряда, так и антропологическими (Руденко С.И., 1960; Тур С.С., 1999; Чижишева Т.А., 2000; и др.). В целом логично предположение, что в сложении культуры приняло разное в культурном и этническом отношении население, в том числе как местное, так и пришлое. Судя по всему, как то, так и другое население не было однородным. Ситуация, в которой шло складывание пазырыкской культуры (VI–II вв. до н.э.), во многом обязана предшествующей эпохе.

Действительно трудно представить, что население раннескифского времени совсем не оказало влияния на пазырыкское. К сожалению, по погребальному обряду сейчас можно говорить о преемственности только по отдельным признакам: крепиды в основании насыпей, пристройки-поминальнички (?) (могильники Элекманар-2, Тыткескень-I, VI; и др); некоторые ящики раннескифского времени были впущены в относительно глубокие грунтовые ямы; положение погребенных на левом боку с согнутыми в коленях ногами, ориентация головой на запад и северо-запад; захоронения лошадей, а не шкур, но обычно в отдельной могиле и с южной стороны. Последний факт нельзя не учитывать, так как для памятников раннескифской эпохи других территорий не характерны захоронения лошадей (за редким исключением и, как правило, в царских курганах), обычно укладывали шкуры или только снаряжение верхового коня (Грязнов М.П., 1980; Галанина Л.К., 1997; Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966; Грач А.Д., 1980; и др.).

Пожалуй, аналогий с памятниками раннескифского времени больше в инвентаре. В конском снаряжении – это бронзовые обоймы, подпружные пряжки, псалии, пронизи; в женских украшениях – прямоугольные бусы из зеленого камня; ножи (с глухой рукоятью и с изогнутым лезвием), зеркала с центральной ручкой-петелькой. Эти аналогии, возможно, свидетельствуют о наличии в составе населения, оставившего могильник Тыткескень-VI, местного компонента, проживавшего на Северном Алтае с раннескифского времени. Наличие общих признаков в погребальном обряде и инвентаре с памятниками предыдущего периода, позволяет предположить их связь – культурную или хронологическую.

Такой признак, как две могильные ямы под одной насыпью, имеет аналогии в памятниках быстринской культуры. Правда, их там также немного, но больше, чем в пазырыкских могильниках. Возможно, это свидетельство одной традиции, которая связана с родственным населением, принявшим участие в формировании обеих культур. Например, на могильнике Бийск-I почти во всех курганах были остатки деревянного крепления стенок могильных ям – бревно или доски, которые не срублены в углах, а сложены впритык (Завитухина М.П., 1968, с. 94). Имеют сходство и конструкции из могильника Аэродромный и других памятников (Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю., 1982, с. 83). Несмотря на некоторые отличия, в целом между быстринскими и тыткескенскими сооружениями сходства больше, чем с собственно пазырыкскими.

С быстринскими памятниками есть общее в устройстве погребальных камер – срубов, рам. Сходство между памятниками быстринской культуры и Средней Катуні может быть объяснено как контактами населения этих территорий, так и тем, что в формировании культур приняло участие родственное население. Возможно, этим объясняется и наличие на памятниках обеих культур погребений, совершенных на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой в западном направлении. Вполне вероятно, что последнее обстоятельство сыграло более важную роль. В то же время контакты между населени-

ем предгорного и Горного Алтая были. Такие могильники, как Точилинский Елбан, может быть, Рубцовский и Солоновка, свидетельствуют о проникновении в VI в. до н.э. и позднее в северные предгорья Алтая представителей пазырыкской культуры. Этот же процесс происходит и на правобережье Катунь (Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А., 1999, с. 109).

С памятниками из Верхнего Приобья имеется сходство в инвентаре. Например, сосуды с «ушками» часто находят в быстринских погребениях, изделия черного цвета и с «ушками» – в каменных, с «ушками» – в староалейских. С каменной культурой сближают и некоторые элементы погребального обряда – рамы трапециевидной формы (Уманский А.П., 1992; и др.). Наличие в кургане №27 могильника Тыткескень-VI сосуда с ушками вызывает особый интерес. Данный сосуд необычен по нескольким показателям. Во-первых, наличием ушек, которые редки для памятников Горного Алтая, но встречаются в захоронениях Верхнего Приобья. Сосуд чернолощеный, что также редко встречается в памятниках Горного Алтая, хотя подобные находки и известны (Суразаков А.С., 1989, с. 61). По своему внешнему облику он опять же более характерен для Верхнего Приобья. В одном погребении с этим сосудом были каменный алтарик и железные булавки, которые находят аналогии опять же в Верхнем Приобье. Курган №27, с одной стороны, – один из наиболее ранних на пазырыкском памятнике и в Горном Алтае, а с другой, он имеет аналогии в инвентаре в памятниках раннескифского времени Горного Алтая и Верхнего Приобья.

Особый интерес представляют находки алтариков в курганах №2 и 27. Наиболее древние алтарики без ножек казахстанского типа в Верхнем Приобье появляются в середине – 2-й половине VI в. до н.э. – МГК-I, Ордынское-I (Кунгуров А.Л., 1999; Завитухина М.П., 1968). Исследователи отмечают ранние аналогии этим изделиям на Уйгараке (Вишневская О.А., 1973). Однако остальной инвентарь не дает столь близких аналогий с западными регионами. Так что попадание алтариков на Среднюю Катунь возможно и из Верхнего Приобья. Хотя не исключено, что это отражение притока одного и того же населения в одно время из одних и тех же районов в Горный Алтай и Верхнее Приобье.

Аналогии женским украшениям и керамике имеются в памятниках более северных территорий – Верхнее Приобье (в быстринской, староалейской и каменной культурах). Они могут являться как следствием брачных контактов населения этих территорий, так и общим компонентом в составе населения этих культур.

Определяя место могильника Тыткескень-VI среди памятников скифского времени Горного Алтая, отметим, что все признаки характерны для комплексов скифского времени Средней Катунь (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Степанова Н.Ф., 1997). Он является одним из классических памятников для северного варианта пазырыкской культуры (Киреев С.М., 1992; Степанова Н.Ф., 2000; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2001; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998б; 2002). Оставлен неоднородным в этнокультурном отношении населением. Функционировал с середины VI в. до н.э. по IV в. до н.э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение изучения могильника Тыткескень-VI заключается в том, что в настоящее время ему нет равных по количеству раскопанных объектов. Большинство погребений не ограблено, из них получен интересный, а иногда и уникальный материал. Полностью обработан антропологический материал. Памятник относится не только к числу наиболее исследованных, но и к крупным из известных в настоящее время. Например, В.Д.Кубарев (1991, с. 21) отметил, что самый большой могильник в долине р. Юстыд насчитывает 29 курганов. Часто такие памятники включают по 1–2 кургана (Кубарев В.Д., 1991, с. 2; Полосьмак Н.В., 2001). Возможно, данная ситуация характерна для Юго-Восточного Алтая, так как на Средней Катуні в результате сплошного обследования в ложе предполагаемого строительства Катунской ГЭС были выявлены памятники, насчитывающие десятки курганных насыпей скифской эпохи (Абдулганеев М.Т., 1985; 1986).

На могильниках Тыткескень-I и VI построение велось так же, как и на других погребальных комплексах пазырыкского времени Горного Алтая, цепочками и микроцепочками, с поминальными выкладками к западу. Особенность исследованных объектов в том, что построение курганов велось цепочкой, расположенной вдоль долины Катуні, а не поперек, как это обычно бывает, хотя и с севера на юг (Кубарев В.Д., 1979, с. 72; 1987, с. 10; 1991, с. 21; 1992, с. 9). Формирование памятника, вероятнее всего, происходило от нескольких курганов, расположенных в разных частях могильного поля. Видимо, оставлялось место для членов одной семьи (?). Достоверно установлено, что нет отдельных групп захоронений по половому или возрастному признаку. Определена датировка поминальных выкладок. Установлено, что они синхронны не только курганам, но и поселениям, исследованным в данном районе. На памятнике впервые для северных окраин пазырыкской культуры отмечен случай мумифицирования погребенного. Исследовано необычное сооружение – объект №41 и один из наиболее ранних курганов пазырыкского времени.

Определяя место могильников Тыткескень-I и VI, отметим, что по ряду основных признаков они относятся к памятникам скифского времени (пазырыкская культура), хотя имеют некоторые отличия. В то же время подобные комплексы обычны для этого времени района Средней Катуні. Отличительные признаки имеются лишь в нескольких захоронениях, однако они не выделяют рассматриваемый погребально-поминальный комплекс существенно среди остальных. Могильник Тыткескень-VI можно считать типичным памятником северного варианта пазырыкской культуры (Кирушин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2001).

Разнообразие признаков в погребальном обряде свидетельствует о сложном составе населения, оставившего изученные памятники. Это подтверждается антропологическими данными (Приложение II). Факты, что захоронения с разными типами погребальных камер и рядом других признаков находились в одних микроцепочках и, более того, в одних группах курганов и их объединяет общий инвентарь, свидетельствуют об одновременности, а также о мирном существовании населения. Особенности в инвентаре могут быть объяснены как контактами (торговыми и брачными), так и общими компонентами, вошедшими в состав нескольких культур.

Накопленные археологические материалы по скифской эпохе Горного Алтая довольно значительны по своему объему. Однако они неравноценны по разным категориям археологических объектов. Например, не проводились специальные широкомасштабные исследования поминальных и околокурганных сооружений пазырыкской культуры. Недостаточно изучены поселенческие комплексы. В настоящее время наиболее многочисленными оказались данные о захоронениях скифской эпохи. Это дало возможность приступить к рассмотрению целой серии проблем, связанных, например, с социальной структурой общества и мировоззрением (Дашковский П.К., 2002). Кроме этого, проведены культурологические (Марсадолов Л.С., 2000; Полосьмак Н.В., 2001) и междисциплинарные (Феномен..., 2000) исследования, которые значительным образом раскрыли содержание яркой и самобытной пазырыкской культуры. Наша монография – лишь скромный вклад в дальнейшие серьезные изыскания разного уровня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абдулганеев М.Т. Работы в Горном и Лесостепном Алтае // АО 1983 года. М., 1985. С. 189.
- Абдулганеев М.Т. Разведки на Алтае // АО 1984 года. М., 1986. С. 165.
- Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 37–43.
- Абдулганеев М.Т. Археологические памятники у села Березовка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 172–175.
- Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая VI–II вв. до н.э. Барнаул, 1997. 148 с.
- Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х. К археологической карте Красногорского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: Тез. докл. и сообщ. к конф. Барнаул, 1991. С. 64–67.
- Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Могила раннескифского времени около Барнаула // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 97–104.
- Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрианской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 143–155.
- Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В. Староалейская культура // Проблемы изучения культурно-исторического наследия. Горно-Алтайск, 1994. С. 52–55.
- Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А. Погребальные комплексы скифского времени левобережья низовьев Катунь // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. № 4. С. 99–111.
- Агапов П.В., Кадырбаев М.К. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата, 1979. 252 с.
- Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года // Труды института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР. Т. 7: Археология. Алма-Ата, 1959. С. 32–58.
- Акишев К.А. Памятники старины Северного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР. Т. 7: Археология. Алма-Ата, 1959. С. 3–31.
- Акишев К.А. Курган Иссык. М., 1978. 131 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1978. Вып. Г1-12. 105 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1982. Вып. Г1-12. 115 с.
- Алтайский край: Атлас. 1978. Т. 1.
- Алтарева Н.С. Раскопки курганов эпохи раннего железа в Горном Алтае // Археологические исследования в Сибири: Тез. материалов к конф. Барнаул, 1989. С. 67–68.
- Антология мировой философии. М., 1969. Ч. I. С. 69–175.
- Антонова О.В., Худяков Ю.С. Погребения воинов в памятниках пазырыкской культуры на Средней Катунь (по материалам могильников Южно-Сибирского отряда САКЭ ИАЭ СО РАН) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 17–20.
- Арсланова Ф.Х. Новые материалы VII–VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 77–83.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952. 346 с. (МИА, №26).
- Боковенко Н.А. Один из вариантов конской узды скифской эпохи в Центральной Азии // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 50–55.

- Боковенко Н.А., Седых В.Н., Красниенко С.В. Некоторые итоги изучения памятников тагарской культуры на юге Хакасии // Древние культуры Евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л., 1975. С. 75–81.
- Болонев Ф.Ф. О гончарстве русского населения Забайкалья // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 30–39.
- Большая Советская Энциклопедия. М., 1953. Т. 12. С. 241.
- Большая Советская Энциклопедия. М., 1973. Т. 21. С. 301.
- Бородаев В.Б. Вакулихинский клад (комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-I) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 25–49.
- Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985. С. 51–88.
- Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983. С. 7–30.
- Бородовский А.П. Аварийные исследования могильника эпохи раннего железа в верховьях р. Ануй // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. Ч. 1. С. 118–121.
- Бородовский А.П. Вторичные погребения эпохи раннего железа на Нижней Катунь (по материалам барангольского некрополя) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 197–200.
- Бурыкина Е.Л. Женские украшения из могильника Майма-4 в Горном Алтае // Археологические исследования в Сибири: Тез. материалов к конф. Барнаул, 1989. С. 68–69.
- Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плосы-II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 88–114.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв до н.э. М., 1973. 160 с.
- Владимиров В.Н. Традиционные формы хозяйства в Горном Алтае // Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1990. С. 73–75.
- Владимиров В.Н. Хозяйство южных алтайцев в конце XVIII – первой половине XIX в. // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 150–160.
- Владимиров В.Н., Ким А.Р., Мамадаков Ю.Т. Раскопки аварийных памятников в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая: Тез. докл. и материалов к конф. Барнаул, 1990. С. 87–90.
- Владимиров В.Н., Шульга П.И. Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 97–104.
- Волков В.В. Улангомский могильник (по материалам раскопок 1972 г.) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 101–107.
- Галанина Л.К. Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. М., 1997. Т. I. 269 с. и 44 табл.
- Гельмелъ Ю.И., Демин М.А., Ситников С.М., Шульга П.И. Работы в долине р. Сентелек // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая: Тез. науч. практ. конф. Барнаул, 1995. С. 13–16.
- Гельмелъ Ю.И., Ситников С.М., Шульга Н.Ф., Шульга П.И. Аварийные раскопки в Локтевском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы науч. практ. конф. Барнаул, 1996. С. 100–106.

- Генинг В.В., Генинг В.Ф. Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // *Археология и методы исторических реконструкций*. Киев, 1985. С. 136–152.
- Горбунов А.П., Самашев З.С., Северский Э.В. Вечная мерзлота – хранительница древностей. Алматы, 2000. 64 с.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Фролов Я.В., Дашковский П.К. Аварийные раскопки на курганном могильнике Иня-3 // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы Всерос. науч. практ. конф.* Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 101–104.
- Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.) М., 1993. 349 с.: ил.
- Граков Б.Н. Ранний железный век: Культуры западной и юго-восточной Европы. М., 1977. 232 с.
- Грач А.Д. Историко-культурная общность раннескифского времени в Центральной Азии // *АСГЭ*. Л., 1983. Вып. 29. С. 30–35.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.
- Гришин Ю.С. Раскопки гуннских погребений у горы Дархан // *Археология и этнография Монголии*. Новосибирск, 1978. С. 95–100.
- Гришин Ю.С. О находках расписных сосудов в гуннских могилах Монголии // *СА*. 1979. №3. С. 260–262.
- Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // *Сообщение Государственного Эрмитажа*. Л., 1940. Вып. I. С. 17–21.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 160 с. (МИА, №48).
- Грязнов М.П. Аржан. Л., 1980. 62 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. 700 с.; 1979. Т. 2. 779 с.
- Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 24 с.
- Демин М.А., Гельмелъ Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // *Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла*. Барнаул, 1992. С. 28–34, 170–175.
- Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Дергачева М.И., Дупал Т.А., Малаева Е.М., Маркин С.В., Молодин В.И., Николаев С.В., Орлова Л.А., Петрин В.Т., Постнов А.В., Ульянов В.А., Феденева И.К., Форонова И.В., Шуньков М.В. Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. Новосибирск, 1998. 176 с.
- Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск, 1994. Ч. I. 262 с.
- Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. Новосибирск, 1994. 223 с.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 году // *Труды ГИМа*. М., 1941. Вып. 16. С. 75–117.
- Ермолаева А.С. Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железному веку из Восточно-Казахстанского Прииртышья // *Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск, 1986. С. 154–163.
- Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку // *Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС*. Алма-Ата, 1987. С. 64–94.
- Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // *АСГЭ*. Л., 1961. Вып. 3. С. 89–108.

- Завитухина М.П. Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М.Сергеева в 1930) // АСГЭ. Л., 1966. Вып. 8. С. 61–76.
- Завитухина М.П. Ордынские курганы V–IV вв. до н.э. (о культуре скифского времени в Новосибирской области) // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 28–34.
- Заднепровский Ю.А. Новая археологическая культура ранних кочевников Восточного Тянь-Шаня (Могильник Чавухугоу, Кунбак и др.) // Северная Азия от древности до средневековья: Археологические изыскания: Тез. конф. к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб., 1992. Вып. 2. С. 95–97.
- Захаров А.А., Худяков Ю.С. Археологические изыскания на левобережье Катунь в 1984 году // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 30–43.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., 1952. 326 с. (МИА, №30).
- Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. 511 с.
- Иванов Г.Е. Вооружение племен Лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 6–27.
- Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул, 2000. 160 с., ил.
- Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л., 1963. 500 с.
- Итина М.А., Яблонский Т. Саки нижней Сыр-Дарьи. М., 1997. 187 с.
- Кадырбаев М.К. Курганы Контанэмеля // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 27–132.
- Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 84–93.
- Каммарт Лоранс, Хюм Вим Ван, Буржуа Иньянс, Хинш Миккелсен Яри. Два сезона комплексных Бельгийско-российских исследований в долине Себыстея (Кош-Агачский район, Горный Алтай). Предварительные результаты // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы междунар. симп. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 229–239.
- Киреев С.М. Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы конф. Горно-Алтайск. 1992а. С. 55–56.
- Киреев С.М. Погребения быстрянской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992б. С. 54–58.
- Киреев С.М. Спасательные работы на могильнике Майма-IV // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 39–43.
- Киреев С.М. Спасательные работы на могильнике Майма-IV // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Ч. 1. С. 110–114.
- Киреев С.М., Алехин А.В., Фуршатов А.В. Археологические исследования на Средней Катунь в 1989 году // Вопросы археологии и истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 11–12.
- Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В. Археологические исследования в Уймонской долине // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы конф. Горно-Алтайск, 1992. С. 59–61.
- Кириллов Е.Л. Раскопки тагарского кургана в г. Шарыпово // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 47–56.
- Кирюшин Ю.Ф. Скифские памятники Средней Катунь // Скифо-сибирский мир: Проблемы археологии скифо-сибирского мира. Кемерово, 1989. С. 53–56.
- Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В. Аварийные раскопки на Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы конф. Горно-Алтайск, 1992. С. 26–27.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень VI // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. № 3. С. 165–175.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень-6 на Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 111–123.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 115–134.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район: Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 7–47.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-I. Барнаул, 1995. 150 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Бусы из скифских погребений Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 66–70.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Заколки из захоронений скифского времени Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999. С. 386–390.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Расписная керамика скифского времени могильника Тыткескень-VI со Средней Катунь // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. 6–7 октября 1999 г. Барнаул, 2000. С. 35–40.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. О культурной принадлежности погребальных комплексов скифского времени Средней Катунь // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск, 2001. С. 291–293.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Признаки погребального обряда скифских памятников Средней Катунь // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: Материалы Всерос. науч. конф. Барнаул, 1997. С. 102–106.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Изучение курганов раннескифского времени, раскопанных на могильнике Тыткескень-VI в Горном Алтае // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997а. С. 162–171.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997б. 232 с., ил.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескень-VI на Средней Катунь // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 125–130, 222–226.

Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 110–136.

Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Демин М.А., Тишкин А.А. Исследование и музеефикация «царского» кургана в долине Сентелека // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы Всерос. науч. практ. конф. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 29–36.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1951. 642 с.

Комарова М.Н. Карасукские могильники близ улуса Орак // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 85–94.

Королькова (Чежина) Е.Ф. Образы верблюдов и их развитие в искусстве ранних кочевников Евразии // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998. С. 137–149.

- Кочеев В.А. О костяных наконечниках стрел эпохи раннего железа из курганов Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 55–60.
- Кочеев В.А. Чеканы Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 144–162.
- Кочеев В.А. Работы Горно-Алтайского областного краеведческого музея в зоне затопления Катунской ГЭС // Охрана и использование археологических памятников Алтая: Тез. докл. и материалов к конф. Барнаул, 1990. С. 93–95.
- Кочеев В.А. Курганы могильника Айрыдаш-III // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 210–224.
- Кочеев В.А. Охранные раскопки Горно-Алтайского музея в 1989 году // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: Тез. докл. и сообщ. к конф. Барнаул, 1991. С. 91–93.
- Кочеев В.А. Костяные втульчатые наконечники стрел из курганов скифского времени Горного Алтая // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тез. науч. практ. конф. Барнаул, 1993. Ч. 1. С. 173–175.
- Кочеев В.А. Курганный могильник Айрыдаш-IV на Средней Катуни // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Материалы науч. практ. конф. Барнаул, 1996. С. 134–137.
- Кочеев В.А. Погребение в с. Эликманар и оружейный комплекс в курганах кара-кобинского типа (по материалам горно-алтайских курганов скифского времени) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 82–84.
- Кочеев В.А. Раннескифские курганы могильника Айрыдаш-IV в Горном Алтае // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. №5. С. 21–30.
- Кочеев В.А., Ларин О.В., Худяков Ю.С. Охранные раскопки могильника Межелик // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 150–153.
- Кочеев В.А., Суразаков А.С. Курганы могильников Ябоган-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 70–81.
- Кубарев В.Д. Работы в Горном Алтае // АО 1975 года. М., 1976. С. 251–255.
- Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая: Оленные камни. Новосибирск, 1979. 120 с.
- Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск, 1980. С. 69–91.
- Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 29–54.
- Кубарев В.Д. Археологические исследования у борма Коркечу (Центральный Алтай) // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985а. С. 130–137.
- Кубарев В.Д. Исследования на Алтае // АО 1983 года. М., 1985б. С. 215–216.
- Кубарев В.Д. Открытия в долине р. Урсул // АО 1985. М., 1987а. С. 250–251.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987б. 302 с.
- Кубарев В.Д. История изучения археологических памятников Средней Катуни // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990а. С. 7–22.
- Кубарев В.Д. Расписные сосуды из курганов Алтая // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990б. С. 31–35.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 189 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992а. 220 с.

- Кубарев В.Д. Курган скифского времени в устье реки Тургунды // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992б. С. 79–91.
- Кубарев В.Д. Погребение раннескифского времени на р. Каракол // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 74–77.
- Кубарев В.Д. Бике-I, III: погребальные памятники скифской эпохи Средней Катунь // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. №7. С. 120–145.
- Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В. Курганы Чуйской степи (по материалам работ Восточноалтайского отряда в полевой сезон 1975 г.) // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979. С. 61–75.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
- Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Курганы урочища Бураты // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 90–108.
- Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Охранные работы на Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы конф. Горно-Алтайск, 1992. С. 40–41.
- Кулемзин А.М. Об эволюции тагарских кинжалов // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1974. Вып. 5. С. 27–36.
- Кулемзин А.М. Тагарские костяные наконечники стрел // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1976. Вып. 7. С. 30–41.
- Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-1 в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 92–98.
- Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Раскопки могильника Аэродромный в Бийске // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 77–89.
- Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Результаты исследования памятника Усть-Иштовка-I на Алтае // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 124–144.
- Кунгуров А.Л., Фролов Я.В. Погребения раннего железного века в районе с. Усть-Алейка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. Вып. VII. С. 123–127.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М., 1979. 207 с.
- Ларин О.В. Исследования на могильнике Айрыдаш-II // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 192–197.
- Ларин О.В., Кочеев В.А. Могильник Чоба-VI на Средней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 161–163.
- Ларин О.В., Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки могильника Мухор-Тархата-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 61–70, 226–240.
- Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX — начало XX вв.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 104–188.
- Липинская В.А. Пища и утварь // Этнография восточных славян. М., 1987. С. 292–312.
- Макимова А.Г. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана (г. Алма-Ата) // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т.1: Археология. Алма-Ата, 1956. С. 253–261.
- Мамадаков Ю.Т. Исследования в Горном Алтае // АО 1985 года. М., 1987. С. 259.
- Мамадаков Ю.Т. Курганы скифского могильника Кырлык-2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Ч. I. С. 81–87.

- Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда-3 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая: Тез. науч. практ. конф. Барнаул, 1995. Вып. VI. С. 125–131.
- Мамадаков Ю.Т. Сосуды с росписью с могильника Кырлык-II // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 101–104.
- Мамадаков Ю.Т., Марсадолов Л.С., Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Демин М.А. Исследования в урочище Чичке на Юго-Востоке Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 111–123.
- Мамадаков Ю.Т., Неверов С.В. Аварийные исследования курганов у с. Кастахта // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 90–97.
- Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. Аварийные археологические раскопки у с. Шибе // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. II. С. 202–205.
- Мандельштам А.М. Исследования на могильном поле Аймырлыг (Некоторые итоги и перспективы) // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 25–33.
- Маннай-оол М.Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970. 117 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 436 с.
- Марсадолов Л.С. Керамические сосуды в памятниках Горного Алтая VIII–VII вв. до н.э. // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. II. С. 62–66.
- Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.
- Марсадолов Л.С. Социальные ранги курганов кочевников Алтая VI–IV вв. до н.э. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997а. С. 96–99.
- Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). СПб., 1997б. 56 с.
- Марсадолов Л.С. Проблемы уточнения абсолютной хронологии больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Радиоуглерод и археология. 1997в. Вып. 2. С. 45–51.
- Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VII–V вв. до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 5–24.
- Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III веков до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... докт. культурологии. СПб., 2000. 56 с.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. 208 с.
- Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 147–172.
- Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994. 152 с.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. М., 1964. Вып. Д1-4. 88 с.
- Миронов В.С. Коллекция керамических сосудов скифского времени из могильника Кок-Эдиган // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 126–129.
- Миронов В.С. Особенности погребальных комплексов пазырыкской культуры в долине реки Эдиган и на сопредельных территориях // Евразия. Культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999. С. 35–41.
- Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983а. С. 52–89.

- Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар I, VIII – памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983б. С. 3–39.
- Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар II-V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983в. С. 40–71.
- Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 35–67.
- Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу (к вопросу об этническом составе населения Горного Алтая второй половины I тыс. до н.э.) // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 60–107.
- Могильников В.А. Курганы раннего железного века Корболиха-X // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: Тез. докл. и сообщ. к конф. Барнаул, 1991а. С. 95–102.
- Могильников В.А. Курган №2 могильника Карасу-II и некоторые аспекты внешних контактов населения Алтая второй половины I тыс. до н.э. // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 35–39.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М., 1997. 196 с.
- Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура-I // КСИА. М., 1982. Вып. 170. С. 103–109.
- Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 90–108.
- Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Карасу-I // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. №1. С. 102–118.
- Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. 1982. №2. С. 113–134.
- Могильников В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // СА. 1980. №2. С. 180–191.
- Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 38–48, 210–225.
- Могильников В.А., Телегин А.Н. Кирилловка-III – могильник эпохи раннего железа на севере Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 107–120, 209–218.
- Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 69–93, 198–208.
- Молодин В.И. Исследование кургана с мерзлотой могильника Верх-Кальджин-II // АО 1994 года. М., 1995а. С. 292–293.
- Молодин В.И. Укок-1995 – новые находки и открытия // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995 г. Новосибирск, 1995б. С. 87–89.
- Молодин В.И. Некоторые итоги археологических исследований на юге Горного Алтая // РА. 1997. №1. С. 37–49.
- Молодин В.И. Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия. Новосибирск, 2000. 192 с.: ил.
- Молодин В.И., Каен-Делайте А., Массар К., Мыльников В.П., Хохлова О.Н. Исследование памятника Майнак-2 на плоскогорье Укок // ALTAICA. Новосибирск, 1993. №2. С. 21–49.
- Молодин В.И., Мыльников В.П. Могильник Бертек-10 // Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. Новосибирск, 1994. С. 70–76.

- Молодин В.И., Мыльников В.П. Могильник Бертек-12 // Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. Новосибирск, 1994. С. 76–88.
- Молодин В.И., Новиков А.В. Исследование могильника пазырыкской культуры на плоскогорье Укок (памятник Кальджин-6) // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 33–35.
- Молодин В.И., Соловьев А.И. Могильник Бертек-1 // Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. Новосибирск, 1994. С. 60–70.
- Молодин В.И., Соловьев А.И. Могильник Бертек-27 // Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. Новосибирск, 1994. С. 88–94.
- Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // Памятники скифо-сарматской культуры. М., 1962. С. 206–241 (МИА, 145).
- Мыльников В.П. Погребальные сооружения и погребальные ложа из дерева // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы междунар. симп. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 437–444.
- Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск, 1999. 232 с.
- Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 242–270.
- Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989. 384 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М., 1997. 944 с.
- Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш. Новосибирск, 1979. 137 с.
- Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991. 256 с.
- Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Новосибирск, 1995. Ч. II. С. 207–232.
- Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. Барнаул, 1990. 131 с.
- Погожева А.П. Погребения ранних кочевников на западе Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 68–73.
- Погожева А.П. Раскопки могильников ранней бронзы и ранних кочевников на Алтае // АО 1980 года. М., 1981. С. 205–206.
- Полосьмак Н.В. Саргатские курганы у г. Куйбышева // Проблемы Западно-Сибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 69–83.
- Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987. 144 с.
- Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // ALTAICA. 1993. №3. С. 21–31.
- Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. Новосибирск, 1994. С. 134–144.
- Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы». Новосибирск, 1994. 124 с.
- Полосьмак Н.В. Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3 // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. С. 57–85.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 336 с.: ил.
- Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Могильники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000. №4. С. 66–87.

- Полторацкая В.Н. Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в Горном Алтае // АСГЭ. Л., 1962. Вып. 5. С. 76–90.
- Рабинович М.Г. Московская керамика. М.; Л., 1949. Т. II. С. 57–105 (МИА, №12).
- Радлов В.В. Сибирские древности // Материалы по археологии России. СПб., 1884. № 15. С. 81–132.
- Радлов В.В. Сибирские древности // ЗРАО. СПб., 1895. Т. 7.
- Радлов В.В. Сибирские древности. Из путевых заметок по Сибири // Записки археологического общества. СПб., 1896. Т. 7. Вып. 3/4. С. 147–216.
- Радлов В.В. Из Сибири (страницы дневника). М., 1989. 718 с.
- Родионов А.М. Красная книга ремесел. Барнаул, 1990. 319 с.
- Романовская М.А. Керамический штамп из окрестностей с. Рудь // СА. 1980. № 1. С. 290–293.
- Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952. 266 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 267 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 351 с.
- Савинов Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 94–100.
- Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. М., 1978. Вып. 154. С. 48–55.
- Савинов Д.Г. Могильник Урбюн-III и некоторые вопросы археологии Тувы скифского времени // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1980. С. 107–119.
- Савинов Д.Г. Скифские курганы Узунтала // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 10–13.
- Савинов Д.Г. Погребения скифского времени в долине Узунтал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 4–18.
- Самашев З.С. Памятники кулажургинского типа // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 95–114.
- Самашев З., Жумабекова Г., Сунгатай С. Новые исследования на могильнике Берель в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 159–164.
- Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. Berel-Берел: Альбом. Алматы, 2000. 56 с.
- Самашев З.С., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А. Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. Алматы, 2001. 108 с., ил.
- Семенов Вл.А. Расписная керамика в скифских погребениях Тувы // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 120–121.
- Сенигова Т.Н. Отчет о работе Западно-Казахской археологической экспедиции 1953 года // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. 1.: Археология. Алма-Ата, 1956. С. 140–188.
- Ситников С.М., Шульга П.И. Погребение раннескифского времени на поселении Советский Путь-1 // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 69–77.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. 162 с. (МИА, №101).
- Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. 379 с.
- Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. 184 с.
- Смирнов К.Ф., Попов С.А. Савромато-сарматские курганы у р. Липовка Оренбургской области // Памятники Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972. С. 3–26.

- Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973. 706 с.
- Словарь русских говоров Алтая. Барнаул, 1997. Т. II. Ч. II. 136 с.
- Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1971. 214 с.
- Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 7. 355 с.
- Словарь русских народных говоров. Л., 1979. Вып. 15. 399 с.
- Словарь современного русского народного говора. М., 1969. 611 с.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Раскопки курганов скифского времени на могильнике Кызыл-Таш // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 88–97.
- Соловьев А.И. Исследования на могильнике Усть-Чоба-I на Средней Катуні // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 123–125.
- Сорокин С.С. Археологические работы на Южном Алтае в 1961–1964 гг. // СГЭ. Л.; М., 1966. Вып. XXVII. С. 94–95.
- Сорокин С.С. Материалы к археологии Горного Алтая // Ученые записки. Барнаул, 1969. Вып. VIII. С. 71–88.
- Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (Южный Алтай) // АСГЭ. Л., 1974. Вып. 16. С. 62–91.
- Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // АСГЭ. Л., 1981. Вып. 22. С. 23–39.
- Степанова Н.Ф. Раскопки могильника Кастахта // АО 1983. М., 1985. С. 244–245.
- Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987а. С. 168–183.
- Степанова Н.Ф. Работы в Шебалинском районе // АО 1985 года. М., 1987б. С. 283–284.
- Степанова Н.Ф. Поселение Узнезя-1 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 19–26, 198–201.
- Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 54–69.
- Степанова Н.Ф. Раскопки в устье р. Эдиган // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2. С. 61–73.
- Степанова Н.Ф. К вопросу о терминологии и типологии керамики раннего железного века Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 137–145.
- Степанова Н.Ф. О своеобразии памятников скифского времени Средней Катуні // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1999 г. Новосибирск, 1999. Т. V. С. 509–513.
- Степанова Н.Ф. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуні: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 25 с.
- Степанова Н.Ф., Кирюшин К.Ю. Могильник скифского времени Тыткескень-6 // Археологические исследования в Сибири: Тез. материалов к конф. Барнаул, 1989. С. 64–66.
- Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх-Еланда-II // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 11–24.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. 464 с.
- Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. 494 с.
- Субботин А.В. Типология и классификация тагарского оружия // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 167–175.

- Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 121–136.
- Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань-I (к вопросу о выделении кара-кобинской культуры) // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 42–52.
- Суразаков А.С. К вопросу о семантике некоторых образов пазырыкского искусства // Материалы по археологии Горного Алтая, 1986. Горно-Алтайск, 1986. С. 3–34.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 214 с.
- Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 197–200.
- Суразаков А.С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 25–45.
- Суразаков А.С. Некоторые материалы эпохи раннего железного века из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2. С. 85–93.
- Тетерин Ю.В. Курганы раннего железного века у р. Ороктой в долине Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы конф. Горно-Алтайск, 1992. С. 65–66.
- Тишкин А.А. Ориентации погребенных людей в курганах раннескифского времени Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 50–54.
- Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 20–54.
- Тишкин А.А. О соотношении майэмирской и бийкенской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2002. Кн. II. С. 164–165.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Захоронения человека с конем как отражение некоторых сторон социально-экономической структуры населения Горного Алтая скифской эпохи // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997а. С. 114–117.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Классификация погребальных сооружений скифской эпохи Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997б. №2. С. 19–24.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Ориентация и положение погребенных людей в курганах скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998а. №3. С. 77–83.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Погребения человека с конем в курганах пазырыкской культуры Горного Алтая // История и культура народов Саяно-Алтая: В прошлом, настоящем и будущем: Тез. Междунар. науч. конф. Горно-Алтайск, 1998б. С. 16–19.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Изучение планиграфии могильников пазырыкской культуры Алтая // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Тез. докл. V междунар. науч. конф. (20–24 сентября 2001 г., г. Ховд, Монголия). Томск, 2001. С. 163–164.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 2002. Кн. II. С. 166–169.

- Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Результаты археологического исследования курганного могильника Бийке в Горном Алтае: Тез. докл. на конф., посвященной 240-летию добровольного вхождения Алтая в состав России. Горно-Алтайск, 1996. С. 34–38.
- Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 124 с.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.
- Тур С.С. Об уралоидном компоненте в антропологическом составе населения Горного Алтая скифского времени // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 203–205.
- Уманский А.П. Раскопки курганов группы Новотроицкое-II в 1987 году // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: Тез. докл. и сообщ. к конф. Барнаул, 1991. С. 107–114.
- Уманский А.П. О раскопках близ Новотроицкого в 1989 году // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы конф. Горно-Алтайск, 1992. С. 53–55.
- Уманский А.П. Аварийные раскопки новотроицких курганов в 1990 году // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы конф. Горно-Алтайск, 1992. С. 57–58.
- Уманский А.П. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 51–59, 186–194.
- Уманский А.П. Курганы железного века в Родинском районе // Культура народов евразийских степей. Барнаул, 1993. С. 202–219.
- Уманский А.П. Раскопки курганов в урочище Раздумье в 1961 году // Алтайский сборник. Барнаул, 1993. Вып. XVII. С. 83–99.
- Уманский А.П., Брусник Н.Д. Соколовские курганы // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1992. С. 187–202.
- Уманский А.П., Телегин А.Н. Аварийные исследования курганного могильника Масляха-2 // Охрана и исследование археологических памятников Алтая: Тез. докл. конф. Барнаул, 1990. С. 96–99.
- Уманский А.П., Телегин А.Н. Два кургана раннежелезного века близ села Дресвянка // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Ч. II. С. 119–123.
- Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск, 2000. 320 с.
- Фролов Я.В. Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково-I // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 135–143.
- Фролов Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников, датированных VI–V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 211–219.
- Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Курганный могильник Михайловский-VI на юге Кулунды и некоторые вопросы, связанные с интерпретацией курганов скифского времени с шатровыми деревянными конструкциями под насыпью // Михайловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул, 1999. С. 42–50.
- Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994. 170 с.
- Худяков Ю.С. Погребение позднескифского времени на могильнике Усть-Эдиган // АЛТАИСА. 1993. Вып. 2. С. 56–62.
- Худяков Ю.С. Археологические исследования в зоне затопления Катунской ГЭС в 1993 году // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Ч. I. С. 115–117.

- Худяков Ю.С. Коллекция оружия скифского времени из могильников Салдам и Усть-Эдиган // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. №1. С. 87–101.
- Худяков Ю.С. Проблемы генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 97–112.
- Худяков Ю.С., Миронов В.С. Археологические исследования на могильнике Кок-Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. С. 310–313.
- Худяков Ю.С., Миронов В.С. Раскопки курганов пазырыкской культуры в долине р. Эдиган в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. Т. IV. С. 374–378.
- Худяков Ю.С., Миронов В.С. Раскопки курганов пазырыкской культуры на памятниках Кок-Эдиган и Тянгыс-Тыт в 1999 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО АН РАН. Декабрь, 1999. Новосибирск, 1999. Т. V. С. 537–541.
- Худяков Ю.С., Мороз М.В. Коллекция оружия из могильника Усть-Эдиган // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 177–185.
- Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 95–150.
- Цэвэндорж Д. Чандаманьская культура // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 108–117.
- Чежина Е.Ф. Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. Л., 1983. Вып. 23. С. 16–29.
- Чекрыжова О.И., Шамшин А.Б. Железный кинжал из Рогозики и вопросы культурных взаимодействий населения Верхнего Приобья в раннем железном веке // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск, 2001. С. 209–211.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 298 с.
- Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 4–42.
- Членова Н.Л. О поздней дате карасукских бронз в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордо-се // Петербургский археологический вестник. № 4. 1993. С. 31–72.
- Чикишева Т.А. К вопросу об антропологическом сходстве населения пазырыкской культуры и сакской этнокультурной общности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. Т. III. С. 314–320.
- Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский-VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1982. С. 60–68, 195–197.
- Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 69–88.
- Шепелев А.М. Сельский дом. Как его построить и благоустроить. М., 1968. 366 с.
- Шилов Ю.А. Прародина ариев. История, обряды и мифы. Киев, 1995. 742 с.

Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): Тез. всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1989. Ч. II. С. 41–44.

Шульга П.И. Раскопки «скифского» поселения Аскат-II на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 64–65.

Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 48–60.

Шульга П.И. Поселение Элекмонар-IV на средней Катуни // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. №1. С. 59–75.

Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на средней Катуни // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 228–234.

Шульга П.И. Поселение Куротинский Лог-I // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2. С. 73–85.

Шульга П.И. Курган каракобинского типа на р. Урсул // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 1998а. С. 272–279.

Шульга П.И. Поселение Партизанская Катушка на Катуни // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998б. С. 146–164.

Шульга П.И. Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково-I // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998в. №3. С. 58–69.

Шульга П.И., Гельмелъ Ю.И., Шульга Н.Ф. Курганы скифского времени у с. Куйбышева // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 105–109.

Шульга П.И. О содержании понятия «майэмирская культура» и этнокультурной ситуации в северо-западных предгорьях Алтая в раннескифское время // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Материалы всерос. науч. конф. (Омск, 19–20 октября 2000 г.). Омск, 2000. С. 148–150.

Borovka G. Scythian art. London, 1928.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГКМ (бывш. АККМ)** – Алтайский государственный краеведческий музей (г. Барнаул).
АГУ (ныне АлтГУ) – Алтайский государственный университет.
АИМК – Академия истории материальной культуры.
АН СССР – Академия наук Советского Союза.
АО – Археологические открытия.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БГПУ (бывш. БГПИ) – Барнаульский государственный педагогический университет.
БКМ – Бийский краеведческий музей.
ВДИ – Вестник древней истории.
ГАИГИ – Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.
ГАНИИИЯЛ (ныне – ГАИГИ) – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГАРКМ (ГАКМ) – Горно-Алтайский республиканский краеведческий музей.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГРМ – Государственный Русский музей.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ГЭС – гидроэлектростанция.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
ИАиЭт – Институт археологии и этнографии СО РАН.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИИФиФ – Институт истории, философии и филологии.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
ЛАЭИА АГУ – Лаборатория археологии, этнографии и истории Алтая Алтайского госуниверситета.
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАЭА – Музей археологии и этнографии Алтая АГУ.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МТС – машинно-тракторная станция.
НПЦ – Научно-производственный центр.
РА – Российская археология.
РАСК – Региональная археологическая студенческая конференция.
РЭМ – Российский этнографический музей (бывший Государственный музей этнографии народов СССР).
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.
СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.
СЭ – Советская этнография.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.
ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

ПРИЛОЖЕНИЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭЛЕКТРОННО-МИКРОСКОПИЧЕСКОГО АНАЛИЗА УКРАШЕНИЙ ИЗ КУРГАНОВ ПАМЯТНИКА ТЫТКЕСКЕНЬ-VI, ПРОВЕДЕННЫХ В ХИМИЧЕСКИХ ЛАБОРАТОРИЯХ ПГО «ЗАПСИБГЕОЛОГИЯ»

Образцы просмотрены на растровом электронном микроскопе РЭМ-100У.

1. Сердолик – состоит из мелких округлых и пластинчатых частиц, вероятно, глинистого состава. Под рентгеновскими лучами в нем установлен кварц и немного примесей. Сердолик – это разновидность халцедона. Свое название он получил по окраске, напоминающей цвет ягод кизила. Наиболее красивые сорта сердолика поступают из Индии. В древности сердолик считался амулетом, останавливающим кровотечение.

2. Синие стеклянные бусинки. Поверхность скола сглаженная, стекловидная. Покрыта сеткой микротрещин. По всему объему равномерно распределены сферические включения, диаметр которых 0,01–0,1 мм. Вероятно, сферические включения образованы пузырьками газов. Под рентгеновскими лучами установлено много рентгеноаморфного вещества, немного кварца и примесей.

3. Жемчуг – образуется тонкими чешуйчатыми частицами. В этих частицах много мелких (0,005 мм) включений изометричной формы. Под рентгеновскими лучами установлено много рентгеноаморфного вещества, немного кварца. Продолжительность жизни жемчуга 100–150 лет. Жемчуг легко разрушается слабыми кислотами, щелочами, мыльной водой, от нагревания, охлаждения и рассыпается. Подобное отмечалось и с образцами из захоронения. Возможные пути миграции украшений можно связать с Индией, либо через Монголию из Китая.

Результат спектрального анализа украшений

Содержание элементов примесей вес %			
g	сердолик	стекло	жемчуг
Fe	0,2	0,5	0,7
Cu	0,003	1	1
Be	0,0001	0,0001	0,0001
Ni	–	0,0002	0,0003
Pb	0,0005	0,002	0,003
Sb	–	0,005	–
Ca	0,07	1	3
Mg	0,07	1	1
Mn	0,003	0,01	0,015
P	–	0,2	0,5
K	0,3	1	1,5
Zn	0,005	0,005	0,006
Ag	0,00001	0,0001	0,15
Sr	–	0,01	0,01
Co	–	–	0,0001
Sn	0,003	0,01	0,01
Al	0,2	1	2
Si	10	10	10
Ti	0,03	0,07	0,07
V	0,001	0,001	0,001
Ba	0,01	0,01	0,01
Y	0,001	0,001	0,001

Результаты полуколичественного спектрального анализа (в весовых процентах)

начало

№	Вещь	Элемент	Cu	Sn	As	Ca	Bi	Pb	Zn	Co	Mn
1.	Удила	ПО	0,0003	0,0003	0,01	0,001	0,0003	0,0003	0,003	0,001	0,0005
2.	Пряжка со шпеньком	30 мг	>5	0,006	0,3	—	0,008	0,003	0,003	0,001	0,0004
3.	Пряжка без шпенька	25 мг	>5	>2	0,04	0,01	0,02	0,06	—	0,001	0,001
4.	Псалий	12 мг	>5	>2	>1	0,02	0,02	0,002	0,01	—	0,0005
		12 мг	>5	0,006	—	0,01	0,002	0,002	0,01	0,001	—

№	Элемент	Fe	Ti	Cr	Ni	Ag	Mg	Ge	Al	In	Sb	Si
1.	ПО	0,0005	0,0005	0,001	0,0005	0,0003	0,0003	0,0003	0,0003	0,0002	0,003	0,0003
2.	30 мг	0,0005	0,0007	0,001	0,002	0,0003	0,0003	—	0,0003	0,0002	0,0003	—
3.	25 мг	—	0,0005	—	0,0005	0,0004	0,001	0,0003	—	—	—	—
4.	12 мг	0,01	0,0005	0,001	0,0005	0,0002	0,0004	0,0003	0,0003	0,0002	—	0,0005
4.	12 мг	0,01	0,0005	—	0,001	0,0001	—	0,0003	—	—	—	—

продолжение

Лаборатория минералогии и геохимии ТГУ

Исполнители: Е.Д. Агапова, Е.М. Цымбалова

Зав. лабораторией: Г.Б. Князев

Примечание: ПО – предел обнаружения элемента – минимальная концентрация, которую можно обнаружить данным методом.

Не обнаружено при следующем ПО:

La – 0,003, Tl – 0,0005, Be – 0,0002, Mo – 0,001, W – 0,03, Ce – 0,01, Pt – 0,003, Y – 0,0005, Yb – 0,0001.
– элемент не обнаружен.

С.С. Тур

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ КАТУНИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ (внутригрупповой анализ)*

Краниологические материалы скифского времени, составляющие основу данного исследования, были собраны в ходе раскопок могильников Тыткескень-I и VI, Верхняя Еланда-II и Кайнду, расположенных на Средней Катуні в окрестностях с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. Раскопки проводились археологической экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством Ю.Ф. Кирюшина и Н.Ф. Степановой в 1986–1990 гг. Сохранность полученных краниологических материалов в целом удовлетворительная, однако некоторые из них оказались пригодными для измерений только после длительной реставрации. Серия включает 27 мужских и 19 женских черепов: 15 мужских (в числе которых 1 череп 15–16-летнего подростка) и 11 женских черепов из могильников Тыткескень-I и VI, 8 мужских и 4 женских – из Верхней Еланды-II, 4 мужских и 4 женских – из Кайнду. Индивидуальные измерения этих черепов, а также двух детских (9–10 и 12–13 лет) из Верхней Еланды-II приводятся в таблицах 1 и 2. Поскольку из могильника Тыткескень-I оказалось всего два черепа – мужской и женский, при статистической обработке они объединяются с черепами из могильника Тыткескень-VI, а соответствующая нумерация могильников далее опускается.

Мужские черепа из могильника Тыткескень (табл. 3) суммарно (без учета черепа 15–16-летнего подростка) характеризуются орто-, тапейно- и мезобрахикранной мозговой коробкой средних размеров. Лобно-сагиттальный индекс у них имеет типично монголоидную величину, затылочно-теменной попадает на границу монголоидных и европеоидных значений. Лоб среднеширокий, в том числе и относительно поперечного диаметра черепа, выпуклый в сагиттальном сечении, плоский – в поперечном, средненаклонный. Лицо широкое, средневысокое, мезопрозопное, сильно уплощенное на уровне орбит, на уровне скуловых дуг – умеренно. Вертикальный профиль по общему углу выраженно ортогнатный, по указателю выступления мезогнатный, с мезогнатной альвеолярной частью. Орбиты средневысокие, ширина их близка к большой, пропорции хамеконхные. Лептомезоринный нос средних размеров с высоким переносом, средневыступающий над линией лицевого профиля. Глубина клыковой ямки незначительно ниже средней, скуловые дуги среднеизогнутые.

В целом морфологический тип мужских черепов имеет промежуточный монголоидно-европеоидный характер. Величина индекса общей уплощенности лицевого скелета (УЛС) достигает 58,4, преаурикулярного фациоцеребрального индекса (ПФЦ) – 93,5. По этим показателям тыткескенская серия занимает почти срединное положение между «чистыми» европеоидами (УЛС ≤ 20,0, ПФЦ ≤ 90,6) и «чистыми» монголоидами (УЛС ≤ 80,0, ПФЦ ≤ 96,8). Условная доля монголоидного элемента (УДМЭ), вычисляемая на основе УЛС и ПФЦ (Дебец Г.Ф., 1968), составляет 58,4%. Естественно возникает вопрос, насколько эта явно метисная по происхождению группа морфологически однородна. Если обратиться к статистическим показателям изменчивости, то они свидетельствуют, что вариабельность многих признаков в серии повышена. Так, среднее отношение квадратов эмпирических дисперсий к стандартным

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №01-01-00062а).

равно 1,39, а по F-критерию 15 дисперсий превышают стандартные значения достоверно. Следовательно, можно предположить, что за суммарной характеристикой серии скрываются существенные внутригрупповые различия. Для проверки этого предположения был проведен анализ коэффициентов корреляции 15 линейных размеров, 6 угловых и 10 указателей (табл. 4). Поскольку серия малочисленная, а достоверность коэффициентов корреляции сильно зависит от числа наблюдений, основное внимание обращалось на направление связей между признаками, т.е. соответствие коэффициентов корреляции по знаку. На достоверность проверялись лишь наиболее высокие значения. В качестве стандартных для линейных признаков и углов использовались усредненные коэффициенты корреляции, рассчитанные С.Г. Ефимовой на основе представительных по численности и однородных по составу 7 краниологических серий (Ефимова С.Г., 1991). Для указателей оценивалась достоверность отличия коэффициентов корреляции от нулевого значения.

Судя по знакам коэффициентов корреляции, морфо-функциональная соразмерность многих признаков в серии нарушена. Изменилось, в частности, направление связей следующих признаков (№ по Мартину или условные обозначения): 1–8 (достоверно), 1–9, 1–54, 1–77, 1– $\angle Zm'$, 1–DC; 8–5, 8–52, 8–72, 8– $\angle Zm'$, 17–45, 17– $\angle Zm'$, 5–54, 9–45 (достоверно), 45–54, 48–77, 48– $\angle Zm'$, 55–77, 55– $\angle Zm'$, 54–52 (достоверно), 54– $\angle Zm'$, 52–SC, $\angle Zm'$ –SS, $\angle Zm'$ –DS, $\angle Zm'$ –32, а связи между признаками 8–45, 5–9, 45–51 отсутствуют. Вместе с тем в серии можно выявить относительно устойчивые комплексы признаков, не имеющих функциональной основы.

Как показывают коэффициенты корреляции, черепа различаются между собой в первую очередь по форме мозговой коробки, размерам и вертикальному профилю лицевой части, фациоцеребральным соотношениям, высоте орбит, ширине носа и профилировке переноса.

Большой продольный диаметр существенно чаще сочетается с поперечным диаметром небольшого размера, в результате чего преобладают контрастные по черепному указателю варианты – долихо- или брахикранные. Более брахикранные черепа имеют более широкий нос (54, 54:55), более низкие орбиты (52, 52:51) и более прогнатный вертикальный профиль (40:5, 72, 74). Прямая зависимость между черепным индексом и указателем выступания лица статистически значима.

Более широкий нос (54, 54:55) также сочетается преимущественно с более низкими орбитами (52, 52:51) и прогнатностью (40:5, 72, 74), а более высокие орбиты – с ортогнатностью. Три из четырех корреляций между размерами носа и высотными размерами орбит подтверждаются статистически.

Более широкий по указателю нос достоверно чаще встречается на черепах с лицом относительно небольших размеров, а широколицые и высоколицые черепа более узконосы. Ширина и высота лица, а также высота орбит связаны между собой корреляциями «размера». Лицевая часть небольших размеров более прогнатна (40:5, 72, 74).

Таким образом, в серии достаточно отчетливо выделяются два морфологических комплекса. Это брахикранные черепа с прогнатным лицом небольших размеров, низкими орбитами и широким носом и долихокранные черепа с высоким, широким, ортогнатным лицом, высокими орбитами и узким носом. Естественно, что характеристика каждого из них дается относительно другого, в масштабе значений анализируемой серии.

В системе корреляций признаков, образующих данные комплексы, недостает, пожалуй, лишь одного звена – согласованности в изменении черепного указателя и размеров лицевого скелета. Такое несоответствие может быть обусловлено наличием в серии единичных черепов, отличающихся по сочетанию этих признаков как от одного, так и от другого типологического варианта.

По признакам, дифференцирующим монголоидов и европеоидов, выделенные типологические варианты отчетливых различий не обнаруживают. Можно, конечно, заметить, что более долихокранные,

ортогнатные (40:5, 72), высоко- и широколицые или узконосые (54:55) черепа имеют существенно более высокое переносье (DS, DS:DC). Однако долихокрания, высоколицесть, узкий нос (54:55) и высокие орбиты (52) чаще сочетаются с более плоским на зигомаксиллярном уровне лицевым скелетом, а высота переносья (DS, DS:DC) положительно коррелирует с углами горизонтальной профилировки (связь размеров DS и $\angle Zm'$ подтверждается статистически) и независима от угла выступления носа. Более резко выступающий нос несколько чаще встречается на черепах с более наклонным лбом и существенно чаще – на черепах с более высокими орбитами. Прослеживается также обратная связь между углом выступления носа и его шириной. Судя по всему, оба типологических варианта, характеризующиеся разными размерами и пропорциями лицевого и мозгового скелета, имеют метисный монголоидно-европеоидный облик.

Помимо коэффициентов корреляции для анализа внутригрупповой изменчивости можно воспользоваться другим методом – $U(p)^2$ -группировкой, позволяющей разделить неоднородную по одному из признаков совокупность на однородные подсовокупности (Дерябин В.Е., 1984, с. 104–115).

Сначала посредством $U(p)^2$ -группировки серия была разбита по черепному указателю, имеющему достоверно повышенную вариабельность, на две подгруппы – со значениями этого признака от 69,9 до 79,8, и от 81,8 до 92,6. Для каждой из них подсчитаны средние размеры основных расоразграничительных признаков (табл. 5). В результате получилось, что долихокранные черепа сравнительно с брахикранными имеют более высокую мозговую коробку и более наклонный лоб. Лицевая часть у них более крупная, сильнее уплощена, с более прямым вертикальным профилем, более узким носом и высокими орбитами. Переносье выше, но угол выступления носа меньше. Далее аналогичная группировка проводится также на основе других признаков, различающих данные комплексы – по скуловому диаметру, верхней высоте лица и дакриальной высоте. Но и в этих случаях отмеченная ранее тенденция к сочетанию более резко выраженной долихокрании с более высоким сводом, наклонным лбом, большими размерами и ортогнатностью лицевой части сохраняется. Что касается высоты переносья, углов горизонтальной профилировки и угла выступления носа, то направление различий по этим признакам между выделяемыми группами непостоянно.

Таким образом, анализ коэффициентов корреляции признаков и $U(p)^2$ -группировка дают практически одни и те же результаты. Однако, выявляя направление различий между двумя морфологическими комплексами в составе серии, оба использованных метода не позволяют оценить величину этих различий ни по каждому из признаков в отдельности, ни, тем более, по их сумме. В связи с этим дополнительно был проведен анализ внутригрупповой изменчивости методом выделения главных компонент. В нем учитываются 11 черепов наиболее полной сохранности, в число которых включен и череп 15–16-летнего подростка. В индивидуальные измерения последнего предварительно внесены поправки, позволяющие восстановить его «взрослые» размеры (Алексеев В.П., 1978, с. 230–231). Выделены первые три компоненты, с которыми связано 66,4% общей дисперсии 18 переменных (табл. 6). Первая компонента (33,8% дисперсии) дифференцирует черепа, с одной стороны, на более долихокранные, высокошироколицие, ортогнатные, узконосые, высокоорбитные, с другой – более брахикранные, низко- и узколицие, прогнатные, широконосые, низкоорбитные, т.е. фактически и разграничивает те морфологические комплексы, особенности которых выявились при анализе внутригрупповых коэффициентов корреляций и по результатам $U(p)^2$ -группировки. Две следующие компоненты отражают индивидуальную вариабельность черепов в пределах выделенных типов, в том числе по некоторым признакам монголоидно-европеоидного ряда. В соответствии со значениями первой компоненты – положительными или отрицательными – выделены две группировки (кластера) черепов (рис. 1, табл. 7).

Череп I кластера в среднем короткие, широкие, низкие, брахи- и тапейнокранные. Лоб у них среднеширокий, узкий относительно ширины черепа, слабонаклонный. Лобный отрезок сагиттальной дуги превышает по длине теменной, затылочно-теменной индекс – высокий. Лицо средневысокое, ширина его – на границе средних и больших величин, пропорции – эурипрозопные. Вертикальный профиль по общему углу ортомезогнатный, по указателю выступления – мезогнатный, в альвеолярной части – прогнатный. Горизонтальный профиль на уровне орбит уплощен сильно, на уровне скуловых дуг – средне. Орбиты низкие, среднеширокие, хамеконхные. Нос средних размеров, хамеринный, угол выступления его незначительно меньше среднего. Переносье невысокое. Скуловые кости выпуклые, клыковая ямка мелкая. В масштабе различий монголоидных и европеоидных значений признаков черепа I кластера занимают промежуточное положение, причем по общей уплощенности лицевого скелета и углу выступления носа (УЛС = 68,4) они сближаются больше с монголоидами, а по фациоцеребральным соотношениям (ПФЦ = 93,3) обнаруживают существенный сдвиг в сторону европеоидов. Так, условная доля монголоидного элемента (УДМЭ), вычисленная только на основе УЛС, составляет 80,8%, а на основе ПФЦ – 43,6%. В случаях резкого несоответствия величин УЛС и ПФЦ использовать ПФЦ (так же как и вычисляемую с его учетом УДМЭ) в качестве меры монголоидности не рекомендуется (Дрёмов В.А., 1997, с. 22–24). По общей же уплощенности лицевого скелета эта группа не уступает прибайкальским монголоидам эпохи энеолита-бронзы (Дрёмов В.А., 1997, с. 23). Близкие значения УЛС характерны также для ряда современных популяций южно-сибирской и особенно уральской расы (Рыкун М.П., 1998, с. 289–290). У представителей последней нередко встречается и отмеченная выше диспропорция величин УЛС и ПФЦ.

Череп II кластера имеют мозговую коробку средних размеров и пропорций. Лоб у них среднеширокий, как в абсолютном измерении, так и относительно ширины черепа, средненаклонный. Лобный отрезок сагиттальной дуги превышает теменной, затылочно-теменной индекс – средний, попадает на нижнюю границу монголоидных величин. Лицо высокое, широкое, мезопрозопное, среднеуплощенное. Вертикальный профиль ортогнатный по всем показателям, даже в альвеолярной части, но особенно резко по общему углу. Орбиты широкие, средневысокие, мезоконхные. Нос высокий, узкий, лепторинный, средневыступающий, со средневысоким переносьем. Скуловые кости уплощенные, клыковая ямка средней глубины. УЛС = 53,8, ПФЦ = 93,6, УДМЭ = 53,8%. Промежуточное положение этой группы между европеоидами и монголоидами не менее очевидно.

Хотя выделенные группы несколько различаются по количественному соотношению монголоидных и европеоидных элементов, их морфологическая специфика определяется иными факторами. Прежде всего они различаются по степени морфологической однородности и характеру монголоидного компонента.

Череп I кластера довольно однородны. В пространстве всех трех первых компонент они располагаются компактно, в то время как черепа II кластера значительно рассеиваются в пространстве II–III компонент (рис. 1). По-видимому, европеоидная примесь в морфологическом типе черепов I кластера имеет очень древнее происхождение. Отличительными же особенностями их монголоидного компонента является брахикrania и низколицевость. Сходное сочетание низкой мезобрахикранный черепной коробки с умеренно уплощенным лицевым скелетом при небольшой его высоте характерно для антропологического типа современных представителей обь-иртышского варианта уральской (или западно-сибирской – по другой терминологии) расы – селькупов, чулымцев, томских, барабинских и тобо-иртышских татар (Дрёмов В.А., 1991; Багашев А.Н., 1993, 1998). Исходя из этого общего сходства морфологический тип черепов I кластера можно определить как уралоидный (западно-сибирский). В других районах пазырыкской культуры наиболее полной аналогией уралоидному (западно-сибирскому)

компоненту является антропологический тип черепов из «кара-кобинских» погребений (Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., 2000, с. 124–125). Специфическое сочетание брахикрании, низкого лица и умеренно выраженных монголоидных особенностей, присущее черепам I группы из Тыткескена и черепам «кара-кобинцев», встречается на территории Горного Алтая еще в эпоху неолита-энеолита, в частности, у погребенных в пещерах Нижнетыткескенская-I и Каминная (Чикишева Т.А., Ким А.Р., 1996, с. 95–117; Чикишева Т.А., 2000в, с. 140).

Черепы II кластера заметно различаются между собой по степени выраженности монголоидных и европеоидных особенностей. По индивидуальным значениям признаков в этой группе наряду с черепами смягченного европеоидного облика (из курганов №28, 36, 62) можно выделить черепа, которые ничем существенным не отличаются от монголоидных (из кургана №34), а также с контрастным сочетанием признаков монголоидно-европеоидного ряда (из курганов №3, 20). Так, два очень сходных между собой черепа из курганов №3 и 20 характеризуются сильно уплощенным лицом (зигомаксиллярный угол – 143,9 и 140,8), близким к малому углом выступания носа (24 и 23), очень широким лбом (наименьшая ширина – 104,1 и 103,4; лобно-поперечный индекс – 77,1 и 70,8) и высоким сводом (высотный диаметр – 140 и 142; высотно-продольный индекс – 72,5 и 77,6; высотно-поперечный – 103,7 и 97,3). Не будет большим преувеличением сказать, что монголоидное лицо сочетается у них с европеоидной формой мозговой коробки.

Черепы с наиболее европеоидными значениями УЛС (29,7–39,7) в среднем мезобрахикранные (резкая брахикрания одного из них вызвана затылочным уплощением искусственного происхождения), с монголоидными (60,3–91,9) – долихомезокранные, но по размерам лица они не различаются. Долихомезокранный монголоидный вариант с высоким и широким лицом нетрудно отождествить с палеосибирским типом, характерным, в частности, для населения Прибайкалья эпохи энеолита–бронзы (Мамонova Н.Н., 1980) или хунну Монголии (Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д., 1987). Мезобрахикранный европеоидный, также имеющий высокое и широкое лицо, отчасти сближается с антропологическим типом населения карасукской культуры Хакасии (Рыкушина Г.В., 1980; Громов А.В., 1995), происхождение которого пока недостаточно ясно.

Оба выделенных морфологических варианта с лицевым скелетом крупных размеров отмечаются также в антропологическом составе пазырыкцев Южного и Юго-Восточного Алтая. Предполагается, что европеоидный тип с высоким и широким лицом и исходно долихокранный формой мозговой коробки появился на территории Алтая в эпоху бронзы в результате миграции племен из Средней или Передней Азии и был унаследован пазырыкцами от населения каракольской культуры. Включение же в антропологический состав пазырыкцев палеосибирского монголоидного компонента объясняется их политическими взаимоотношениями с населением Восточной Сибири и Монголии (Чикишева Т.А., 1996, с. 250–252; 1997, с. 316; 2000а, с. 43–45; 2000б, с. 112–113; 2000в, с. 147).

Завершая анализ мужской краниологической серии из Тыткескена, приведем индивидуально-типологическую характеристику четырех черепов неполной сохранности. Два из них (курган №47, ск. 2; курган №72) имеют сходство с уралоидами, один (курган №21) – долихокранный монголоид с высоким лицом, и, наконец, еще один – брахикранный европеоид с широким и высоким лицом.

Таким образом, в составе мужской группы из Тыткескена выделяются три расовых компонента: уралоидный (западно-сибирский) с нерезко выраженными монголоидными особенностями и низким лицом, палеосибирский монголоидный с высоким лицом и мезобрахикранный европеоидный с широким и высоким лицом, представляющий, очевидно, трансформацию того морфологического комплекса, который обычно именуют гиперморфным вариантом средиземноморского типа. Из них наибольший удельный вес имеет уралоидный компонент.

Мужские черепа из могильника Верхняя Еланда-II (табл. 8) – в среднем короткие, широкие, средневысокие, по указателям – брахи-, орто- и тапейнокранные. Лоб среднеширокий, относительно поперечного диаметра узкий, выпуклый в продольном сечении, плоский в поперечном, средненаклонный. Лобный отрезок сагиттальной дуги превышает по длине теменной, соотношение затылочного и теменного отрезков среднее, выходящее далеко за пределы монголоидных значений. Лицо широкое, средневысокое, эурипрозопное, плоское на уровне орбит, среднепрофилированное на уровне скуловых дуг. Вертикальный профиль по общему углу ортогнатный, по указателю выступания – мезоортогнатный, в альвеолярной части – мезогнатный. Орбиты средних размеров, хамеконхные. Нос низкий, узкий, лепторинный, угол выступания его близок к малому, переносье низкое. Скуловые дуги среднеизогнутые, клыковая ямка глубокая. В целом черепа характеризуются промежуточным монголоидно-европеоидным обликом (УЛС = 69,9; ПФЦ = 92,9). Как и для черепов первой группы из Тыткескена, для них характерно резкое несоответствие показателей УЛС и ПФЦ. Условная доля монголоидного элемента, рассчитанная на основе УЛС составляет 83,3%, а на основе ПФЦ – 37,1%. Преимущественной концентрации монголоидных или европеоидных признаков на отдельных черепах не наблюдается. Серия однородна также по черепному указателю, а вариабельность верхней высоты лица в ней достоверно понижена. Среднее отношение эмпирических дисперсий к стандартным составляет 1,05. Несомненное сходство мужские черепа из Верхней Еланды-II обнаруживают с уралоидными (западно-сибирскими) черепами Тыткескена, отличаясь от них лишь более узким носом и менее прогнатной альвеолярной частью.

Мужские черепа из могильника Кайнду (табл. 8) – средней длины и высоты, широкие, по указателям мезо-, орто- и тапейнокранные. Лобный отрезок сагиттальной дуги превышает теменной, а соотношение затылочного и теменного отрезков среднее, в пределах европеоидных значений признака. Лоб узкий, в том числе относительно поперечного диаметра черепа, средненаклонный. Лицо широкое и высокое, мезопротропное, сильно уплощенное на уровне орбит, на уровне скуловых дуг – умеренно. Вертикальный профиль по указателю выступания и углам ортогнатный. Орбиты средних размеров, мезоконхные. Нос высокий, узкий, лепторинный, с высоким переносьем, средневыступающий. Клыковая ямка очень мелкая. По общей совокупности признаков в масштабе монголоидно-европеоидных различий черепа занимают промежуточное положение (УЛС = 54,0; ПФЦ = 94,8) и, по-видимому, неоднородны. Морфологический тип одного из двух наиболее целых черепов (из кургана №4) можно определить как гипермофный европеоидный с небольшой монголоидной примесью, второй (из кургана №1) скорее напоминает уралоидные черепа Верхней Еланды-II и первой группы Тыткескена.

У женских черепов из могильника Тыткескен (табл. 3) мозговая коробка средней длины, широкая и высокая, по указателям брахи-, орто-, метриокранный, с типично европеоидным соотношением компонентов сагиттальной дуги. Лоб среднеширокий (также относительно поперечного диаметра черепа), выпуклый в продольном и поперечном сечениях, слабонаклонный. Размеры лицевой части на границе средних и больших величин, пропорции мезопротропные, горизонтальный профиль среднеуплощенный, вертикальный – по общему углу и указателю выступания ортогнатный, в альвеолярной части мезогнатный. Орбиты и нос средних размеров и пропорций. Переносье высокое, угол выступания носа средний. Скуловые кости среднеизогнутые. Клыковая ямка мелкая. По сравнению с мужской серией из Тыткескена женская более европеоидная, хотя монголоидная примесь в ней несомненно имеется: УЛС = 40,2; ПФЦ = 90,9; УДМЭ = 21,3%.

По статистическим показателям изменчивости женские черепа также неоднородны. Дисперсии 12 признаков, в числе которых поперечный диаметр, черепной указатель, высотно-продольный индекс, длина основания и ширина черепа, достоверно повышены по сравнению со стандартными. Среднее

отношение квадратов эмпирических дисперсий к стандартным равно 1,31. Однако характер неоднородности мужских и женских черепов из Тыткескена не совпадает. Из общей массы брахикранных и широколицых женских черепов резко выделяется гипердолохокранный череп из погребения №14. Помимо черепного указателя, он отличается от всех других строением лицевой части – очень узкой при средней высоте, вытянутых пропорций, сильно профилированной в горизонтальной плоскости, особенно на уровне орбит. Отмеченное сочетание признаков соответствует грацильному варианту восточносредиземноморской расы и лишь нерезко выступающий нос и несколько более высокие орбиты не позволяют исключить незначительное и, возможно, опосредованное влияние монголоидной примеси. В мужской серии из Тыткескена подобный морфотип не отмечался. Один из брахикранных женских черепов (Тыткескен-І, курган № 1) выделяется также среди прочих особо крупными размерами мозговой коробки и лицевого скелета, наклонным лбом и отсутствием каких-либо следов монголоидной примеси, сближаясь больше с гиперморфными мезобрахикранными европеоидами мужской группы. Все остальные черепа довольно сходны – брахикранные европеоидные, с лицом средних размеров и отчетливой монголоидной примесью. Какие-либо специфические особенности монголоидного компонента, влияние которого прослеживается в их морфологическом облике, определению не поддаются.

Женские черепа из могильников Кайнду и Верхняя Еланда-II, которые при статистической обработке были объединены ввиду значительной фрагментарности последних, в целом короткие, средней ширины и высоты, брахи-, орто- и метриокранные, с европеоидным соотношением отрезков сагиттальной дуги. Лоб у них среднеширокий на уровне фронтотемпоральных точек и относительно поперечного диаметра черепа, выпуклый в продольном и поперечном сечении, средненаклонный. Лицевая часть средних размеров, мезопрозопная, среднеуплощенная, ортогнатная. Орбиты среднеширокие, низкие, мезоконхные. Нос широкий, средневысокий, хамеринный, угол выступления его близок к большому, переносье высокое. Клыковые ямки среднеглубокие, скуловые дуги слабоизогнутые. По совокупности признаков черепа европеоидные с небольшой монголоидной примесью: УЛС = 44,3; ПФЦ = 91,8; УДМЭ = 33,7.

Изменчивость целого ряда признаков существенно повышена. По черепному указателю серия однородна, однако очень грацильный череп брахикранный формы из кургана №15 могильника Кайнду резко выделяется среди других своим лицевым скелетом – узким, высоким, крайне лептопрозопным – восточносредиземноморского типа. Горизонтальная профилировка его незначительно ослаблена только на уровне орбит, нос выступает сильно. Вместе с тем пониженное переносье, гипсиконхные орбиты и соотношение компонентов сагиттальной дуги свода черепа позволяют допустить небольшую монголоидную примесь, с наличием которой в данном случае может быть связано и повышение черепного указателя. К восточносредиземноморскому типу можно отнести и детский череп, предположительно женского пола, из кургана №2 Верхней Еланды-II (табл. 2) – мезокранный, с высоким сводом, широким, высоким, лептопрозопным, резко профилированным по горизонтали лицом, сильно выступающим носом. По средним значениям признаков и по характеру внутригрупповой изменчивости женские черепа из Верхней Еланды-II и Кайнду сходны с женскими черепами из Тыткескена, отличаясь несколько более выраженной монголоидной примесью.

Суммарная характеристика мужских и женских черепов из трех могильников Средней Катуни скифского времени приводится в таблице 9.

Обобщая результаты внутригруппового анализа краниологических материалов скифского времени из могильников Средней Катуни, можно заключить, что население северной периферии пазырыкской культуры было антропологически неоднородным. В составе его выделяются несколько морфологичес-

ких типов, количественное соотношение которых неодинаково в разных локальных группах, а также среди мужской и женской части популяции.

В составе мужского населения преобладает компонент, характеризующийся умеренно выраженными монголоидными особенностями, брахикранной формой мозговой коробки и низким лицом. Сходное сочетание признаков присуще современным представителям обь-иртышского антропологического типа уральской (западно-сибирской) расы – селькупам, чулымцам, томским, барабинским и тоболо-иртышским татарам (Багашев А.Н., 1993, 1998). Сходство это базируется на общей генетической основе, морфологическая специфика которой определяется низколицим монголоидным типом. Судя по всему, уралоидный (западно-сибирский) компонент, выделенный в составе мужской части пазырыкцев, представляет собой реликтовую форму того краниологического комплекса, который встречается на территории Горного Алтая еще в эпоху неолита-энеолита, в частности, у погребенных в пещерах Нижнетыткескенская-I и Каминная. В наиболее «чистом» виде этот краниологический вариант сохраняется в популяции, оставившей могильник Верхняя Еланда-II.

В краниологической серии из могильника Тыткескен помимо низколицевого уралоидного (западно-сибирского) компонента, имеющего наиболее высокий удельный вес, выявляется небольшая примесь двух высоколицих типов – палеосибирского монголоидного и мезобрахикранного европеоидного. Генетические истоки высоколицевого монголоидного типа связаны с территорией Восточной Сибири и Монголии, однако в эпоху неолита-энеолита он выявляется и в более западных районах, в том числе в северных предгорьях Алтая (Усть-Иша, Иткуль). Вопрос относительно времени и конкретных путей включения его в пазырыкскую среду остается пока открытым. По мнению Т.А.Чикишевой, присутствие данного расового компонента в составе пазырыкцев определяется скорее всего их политическими взаимоотношениями с монголоидами Восточной Сибири (Чикишева Т.А., 2000б, с.113). Мезобрахикранный европеоидный компонент с широким и высоким лицом можно рассматривать в качестве модификации гиперморфного восточносредиземноморского типа. Предполагается, что он появился на территории Алтая в эпоху бронзы в результате миграции племен из Средней или Передней Азии и был унаследован пазырыками от населения каракольской культуры (Чикишева Т.А., 1996, 2000б, в).

Антропологический состав женской половины пазырыкского населения Средней Катунь значительно более однородный, чем мужской. Монголоидная примесь в женском краниологическом типе выражена слабее, наиболее вероятным источником ее является низколицих уралоидный (западно-сибирский) компонент, при этом усиление европеоидных особенностей не связано с увеличением размеров лицевого скелета. По-видимому, процессы формирования антропологического состава мужской и женской части популяции в какой-то мере не совпадали.

Памятники скифского времени Средней Катунь, характеризующиеся определенным своеобразием, выделяются в северный вариант пазырыкской культуры (Степанова Н.Ф., 2000, с. 23). Аналогичным образом в антропологическом составе мужского населения северной и южной части пазырыкского ареала на фоне несомненного сходства имеются существенные различия. Характер этих различий выявляется при сопоставлении средних значений краниологических признаков суммарной мужской группы черепов из могильников Средней Катунь (табл. 9) и суммарной серии, объединяющей черепа из могильников Центрального, Южного и Юго-Восточного Алтая (Чикишева Т.А., 2000б). У пазырыкцев Средней Катунь более брахикранная форма мозговой коробки с более низким сводом, лицо также более низкое, а монголоидные особенности выражены сильнее, иначе говоря, более резко проступают черты низколицевого уралоидного (западно-сибирского) компонента. Таким образом, спецификой антропологического состава населения северной периферии пазырыкской культуры является высокий удельный вес низколи-

цего уралоидного (западно-сибирского) компонента, в то время как в южной половине ее ареала, в краниологическом комплексе носителей классических пазырыкских традиций, доминирует влияние высокололицых и широколицых типов, особенно европеоидного. Низкололицый уралоидный (западно-сибирский) компонент имеет также высокий удельный вес в антропологическом составе другой группы пазырыкцев, погребальные традиции которой отступают от пазырыкских стандартов – в составе кара-кобинцев.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 208–241.

Багашев А.Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. Новосибирск, 1993. 152 с.

Багашев А.Н. Антропологические общности, их систематика и особенности расообразовательных процессов // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск, 1998. С. 303–327.

Громов А.В. Население юга Хакасии в эпоху поздней бронзы и проблема происхождения карасукской культуры // Антропология сегодня. СПб., 1995. Вып. 1. С. 130–150.

Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 13–22.

Дерябин В.Е. О разделении неоднородных совокупностей антропологических данных с использованием метода $U(\rho)^2$ -группировки // ВА. 1984. Вып. 73. С. 104–115.

Дремов В.А. Краниометрия // Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос. Томск, 1991. С. 166–199.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: Антропологический очерк. Томск, 1997. 260 с.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991. 95 с.

Мамонова Н.Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // СМАЭ. 1980. Т. 36. С. 60–74.

Рыкун М.П. Роль смешения европеоидных и монголоидных компонентов в генезисе коренного населения // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск, 1998. С. 286–291.

Рыкушина Г.В. Население Среднего Енисея в карасукскую эпоху: краниологический очерк // Палеоантропология Сибири. М., 1980. С. 47–63.

Степанова Н.Ф. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь: Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Барнаул, 2000. 26 с.

Чижишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения пазырыкской культуры Горного Алтая // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1996 г. Новосибирск, 1996. С. 249–252.

Чижишева Т.А. К вопросу об антропологическом составе населения пазырыкской культуры и сакской этно-культурной общности // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, посвященной

40-летию Сибирского отделения РАН и 30-летию Института истории, филологии и философии СО РАН. Декабрь 1997 г. Новосибирск, 1997. С. 314–320.

Чикишева Т.А. Антропология носителей пазырыкской культуры // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000а. С. 35–49.

Чикишева Т.А. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000б. №4. С. 107–121.

Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита–бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000в. №1. С. 139–148.

Чикишева Т.А., Ким А.Р. Погребение из Нижнетыткескенской пещеры-I – первая доафанасьевская могила на территории Горного Алтая // Археология Нижнетыткескенской пещеры-I. Барнаул, 1996. С. 95–117.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000. №3. С. 116–131.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР.

ВА – Вопросы антропологии.

СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии.

Таблица 1
Индивидуальные измерения черепов скифского времени из могильников Тыткескень-I и VI

Номер могильника, кургана		L,15	VL,3	VL,13	VL,16	VL,20	VL,21	VL,28	VL,32	VL,34	VL,36	VL,47 (1)	VL,47 (2)	VL,48	VL,62
1	Пол Возраст	M., sen.	M., mat.	M., ad.	M., ad.	M., ad.	M., mat.	M., mat.	M., sen.	M., sen.	M., ad.	M., juv.	M., mat.	M., mat.	M., ad.
		3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1.	Продольный диаметр	186	193	171	169	183	193 ?	174	180	177	170	166	181	183	186
8.	Поперечный диаметр	148	135	142	151 ?	146 ?	137 ?	143	139	137	150	158 ?	148	160 ?	140
17.	Высотный диаметр от <i>ba</i>	133	140	132	128	142	—	128	127	128	132	126	135	133 ?	137
20.	Высотный диаметр от <i>po</i>	118	117	115	112	119	—	110	106	114	116	112	118	119	115
5.	Длина основания черепа	99	110	95	93	110	—	104	103	99	96	96	102	109 ?	114
11.	Ширина основания черепа	138	125	126	137	136	—	135	132	130	133	132	129	138	128
12.	Ширина затылка	117 ?	105	112	118	116 ?	—	108	111	114	120	115	109	—	110
9.	Наименьшая ширина лба	96,0	104,1	94,7	97,7	103,4	88,2	98,8	90,9	91,0	97,6	98,2	95,6	—	85,7
10.	Наибольшая ширина лба	127 ?	118	126	124 ?	132 ?	113 ?	114	122	—	—	132	131	—	117
29.	Лобная хорда	114,7	118,0	111,3	107,6	113,7	119,0	102,1	103,8	107,9	116,2	103,0	111,0	114,5	116,7
30.	Теменная хорда	110,0	113,7	105,8	97,5	110,8	121,0	105,8	105,1	105,4	109,5	104,1	115,2	110,2	102,5
31.	Затылочная хорда	94,3	97,9	93,0	95,0	91,8	93,2	83,0	86,7	93,4	93,5	98,8	92,2	94,0	96,1
Sub.Nр.	Высота изгиба лба	24,6	29,9	30,6	25,7	30,7	25,6	21,1	26,2	25,4	28,5	24,9	26,6	28,2	26,7
23a.	Горизонтальная окружность через <i>oph.</i>	526	538	500	506	—	—	496	568	560	569	569	576	—	520
24.	Поперечная дуга	326	320	323	320	—	—	313	307	312	324	328	328	—	320
25.	Сагитальная дуга	368	380	354	348	366	384	335	355	356	369	356	377	378	362
26.	Лобная дуга	130	136	131	122	134	134	115	124	124	133	118	129	135	135
27.	Теменная дуга	124	124	117	107	121	133	119	120	116	125	116	127	125	112
28.	Затылочная дуга	114	120	106	119	111	117	101	111	116	111	122	121	118	115
7.	Длина затылочного отверстия	39,5	37,1	33,3	34,2	36,0	—	31,2	34,9	38,5	37,6	32,6	32,4	—	35,0
16.	Ширина затылочного отверстия	29,3	30,0	24,0	27,9	27,8	—	26,8	28,2	26,5	—	27,4	27,2	—	26,6
40.	Длина основания лица	100	101	92	92	101	—	98	100	96	97 ?	95	—	105 ?	105
45.	Скуловой диаметр	140	138	131	138 ?	141	—	148	136	146	138	128	136	144	141 ?
48.	Верхняя высота лица	75	73	65	67	78	—	74	71	71	75	63	—	80	72
47.	Полная высота лица	122 ?	—	112	—	125	—	124 ?	117	—	123	104	—	129	120 ?
43.	Верхняя ширина лица	111	111	107	109	108 ?	105	114	106	102	107 ?	103	105 ?	—	99

Номер метилыника, кургана		VI,72	I,1	VI,9	VI,14	VI,18	VI,19	VI,24	VI,25	VI,27	VI,31	VI,47 (3)	VI,72
1	Пол Возраст	М., mat.	Ж., ad.	Ж., ad.	Ж., mat.	Ж., ad.	Ж., sen.	Ж., ad.-m.	Ж., sen.	Ж., ad.	Ж., mat.	Ж., ad.	Ж., ad.
	2	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
1.	Пролонный диаметр	176	184 ?	167 ?	182	174 ?	167	—	172	175	166	—	169 ?
8.	Поперечный диаметр	144	154	143 ?	126 ?	140 ?	141 ?	—	144	144	144	133	139 ?
17.	Высотный диаметр от <i>ba</i>	—	134 ?	132 ?	125 ?	133 ?	—	—	127	129	140 ?	133	—
20.	Высотный диаметр от <i>po</i>	114	123	116 ?	112	118	113	—	115	109	117 ?	111	111
5.	Длина основания черепа	—	103 ?	94 ?	106 ?	89 ?	—	—	97	98	104 ?	—	—
11.	Ширина основания черепа	124	137	122	112 ?	120	125	—	127	124	—	118	121 ?
12.	Ширина затылка	104	—	102 ?	99	114 ?	115	—	108	107	104	106	106
9.	Наименьшая ширина лба	103,4	97,4	97,0	90,4 ?	98,0	—	—	99,4	95,1	88,3 ?	93,4	—
10.	Наибольшая ширина лба	—	—	—	—	—	—	—	128	120 ?	121	—	119 ?
29.	Лобная хорда	105,6 ?	120,0	108,3	106,7	111 ?	102,2	103,5	106,0	108,7	103,4 ?	—	104 ?
30.	Теменная хорда	108 ?	—	106 ?	112,3	110 ?	111,7	—	113,6	111,1	111,8 ?	109,0	105,7 ?
31.	Затылочная хорда	—	—	86,6	91,2	98 ?	93,5 ?	—	90,0	89,0	91,8 ?	91,0	86 ?
Sub.N.9	Высота изгиба лба	24,5 ?	25,5	26,3	23,1	30,3 ?	21,0	25,3	27,0	25,9	22,7 ?	—	26,8 ?
23a.	Горизонтальная окружность через <i>oph.</i>	572 ?	—	—	550	—	—	—	505	506	545	—	—
24.	Поперечная дуга	317	—	—	301	327 ?	310	—	329	308	—	—	—
25.	Сагитальная дуга	357	—	349	353	374	352 ?	—	360	353	347	—	342
26.	Лобная дуга	121	134	125	120	130 ?	114	—	122	124	116 ?	—	121 ?
27.	Теменная дуга	123	—	119	125	125 ?	129	—	127	123	125 ?	123	121 ?
28.	Затылочная дуга	113 ?	—	105	108	119 ?	109 ?	—	111	106	106	112	100 ?
7.	Длина затылочного отверстия	—	—	33,1	—	36,1	—	—	29,0	34,6	35,5	35,8	—
16.	Ширина затылочного отверстия	—	—	27,0 ?	—	26,4	—	—	26,0	27,3	29,8	28,5	—
40.	Длина основания лица	—	102 ?	—	104 ?	82 ?	—	—	—	95	94 ?	—	—
45.	Скуловой диаметр	129 ?	135	124 ?	116 ?	125	127	—	130	132 ?	—	127	124 ?
48.	Верхняя высота лица	68 ?	73	66	65	66	72 ?	65	—	69	67	—	67
47.	Полная высота лица	113 ?	119	—	106 ?	108	—	—	—	110	106	—	110 ?
43.	Верхняя ширина лица	—	106	—	101	104	—	—	106	108	100	104 ?	—

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
43 (1).	Биоритальная ширина	101,0	101,2	99,7	99,0	101,7	98,8	105,3	98,4	92,4	99,0	92,7	94,5	—	92,2
46.	Средняя ширина лица	102	105	92	98 ?	106 ?	98 ?	96	94	91	—	98	—	—	97
60.	Длина альвеолярной дуги	—	53	50,4	51,0 ?	55	—	52,8	52,8	—	54,0 ?	52,8	—	—	54
61.	Ширина альвеолярной дуги	—	64	60,0	63	67	—	65	63,7	—	61,8	67,2	—	—	63
62.	Длина неба	50,7	43,0	41,4	39,1 ?	46,9	—	48,2	47,2	43,6	—	45,7	—	—	44,4
63.	Ширина неба	—	44,2	37,3	—	43,9	—	43,6	39,4	—	43,0	44,0	—	—	41,8
55.	Высота носа	53,2	55,0	48,6	51,0	54,8	—	54,0	55,6	51,5	55,0	47,0	51,1	59,4	50,6
54.	Ширина носа	26,5	23,1	26,1	25,7	26,5	—	23,5	26,9	22,7	23,7	24,4	—	26,0	22,9
51.	Ширина орбиты от <i>mf</i>	43,0	44,4	41,8	41,1	46,5п.	43,0	44,5	42,0	38,1	43,8	38,6	39,9	46,5	41,0
51a.	Ширина орбиты от <i>d</i>	40,3	40,8	38,4	39,9	42,1п.	39,6	42,1	40,9	—	41,6	37,4	—	44,0	38,1
52.	Высота орбиты	32,2	35,1	31,9	32,3	34,7	37,0 ?	34,1	32,3	33,4	35,8	30,5	30,6	34,0	33,9
SC	Симметрическая ширина	6,9	7,5	5,8	7,3	10,0	8,7	10,4	5,5	5,8	7,4	9,2	—	8,1	5,7
SS	Симметрическая высота	3,5	4,0	3,5	3,1	5,4	3,4	4,5	3,0	1,8	3,4	3,2	—	5,1	3,9
MC	Максиллофронтальная ширина	17,8	19,1	20,3	21,6	20,0	18,1	20,3	17,7	18,0	20,0	17,1	—	21,3	17,5
MS	Максиллофронтальная высота	7,7	7,4	6,3	7,0	7,9	6,3	8,3	6,6	5,5	7,5	6,1	—	8,8	6,1
DC	Дакриальная ширина	21,0	23,2	22,3	23,0	25,4	20,0	23,3	17,7	—	21,0	18,5	—	23,0	18,9
DS	Дакриальная высота	11,3	12,9	9,0	9,4	12,5	11,2	11,8	9,9	—	10,7	10,9	—	12,6	10,2
FC	Глубина клыковой ямки	7,0 !	5,7	4,2	2,6	1,4п.	—	4,4	3,0	6,5	6,0	0,9	2,1	2,8	6,4
	Высота изгиба скуловой кости	12,2	12,6	12,1	—	11,8п.	—	12,5	12,7п.	12,2	—	13,7	11,0	12,4	8,6
	Ширина скуловой кости	56,5	60,9	56,6	—	57,6п.	—	58,3	56,7п.	57,0	—	54,4	58,0	59,0	54,7
Указатели:															
8:1	Черепной	79,6	69,9	83,0	89,3 ?	79,8 ?	71,0 ?	82,2	77,2	77,4	88,2	95,2	81,8	87,4 ?	75,3
17:1	Высотн-продольный (<i>ba</i>)	71,5	72,5	77,2	75,7	77,6	—	73,6	70,6	72,3	77,6	75,9	74,6	72,7 ?	73,7
17:8	Высотн-поперечный (<i>ba</i>)	89,9	103,7	93,0	84,8	97,3	—	89,5	91,4	93,4	88,0	79,7	91,2	83,1 ?	97,9
20:1	Высотн-продольный (<i>po</i>)	63,4	60,6	67,3	66,3	65,0	—	63,2	58,9	64,4	68,2	67,5	65,2	65,0	61,8
20:8	Высотн-поперечный (<i>po</i>)	79,7	86,7	81,0	74,2	81,5	—	76,9	90,6	83,2	77,3	70,9	79,7	74,4	82,1
9:8	Лобно-поперечный	64,9	77,1	66,7	64,7	70,8	64,4 ?	69,1	65,4	66,4	65,1	62,2	64,6	—	61,2
9:10	Лобный	75,6	88,2	75,2	78,8	78,3	78,1 ?	86,7	74,5	—	—	74,4	73,0	—	73,2
Sub.Nº.29	Выпуклости лба	21,4	25,3	27,5	23,9	27,0	21,5	20,7	25,2	23,5	24,5	24,2	24,0	24,6	22,9

Продолжение таблицы 1

1	2	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
43 (1).	Бюобитальная ширина	—	98,3	—	93,4	97,1	—	—	99,2	98,7	91,3	96,6	—
46.	Средняя ширина лица	—	96	94	93 ?	94	—	—	97	103	93	—	—
60.	Длина альвеолярной дуги	—	—	48	—	49,0	—	—	—	53,4	—	—	50,9
61.	Ширина альвеолярной дуги	—	—	62	—	62,0	—	—	—	66,0	—	—	60,8
62.	Длина нёба	46,8	—	40,2	—	40,7	—	—	—	45,6	43,2	—	—
63.	Ширина нёба	—	—	39,5	—	40,8	—	—	—	41,1	36,7	—	37,0
55.	Высота носа	51,2	50,0	49,0	51,0	50,0	55,0	51,0	—	49,4	48,0	—	47,6
54.	Ширина носа	23,9	24,8	24,3	23,6	23,6	26,6	24,5	—	24,6	26,0 ?	—	26,6
51.	Ширина орбиты от m'	44,5п.	42,9	41,0	39,5	41,8	—	—	42,6	41,1	38,4	—	—
51a.	Ширина орбиты от d'	40,9п.	39,2	—	—	—	—	—	41,5	38,0	36,8	—	—
52.	Высота орбиты	33,4п.	35,9	35,7	34,1	32,7	32,9 ?	—	29,6	32,7	34,2	—	—
SC	Симметрическая ширина	10,8	10,4	—	10,0	9,6	6,2	8,2	7,7	5,0	5,5	6,9	10,1
SS	Симметрическая высота	4,7	5,2	—	4,4	4,1	2,9	2,5 ?	2,7	2,5	3,0	2,5	4,0
MC	Максимальнофронтальная ширина	21,0	20,4	—	19,2 ?	18,0	15,6	—	19,4	18,2	19,0	—	21,7
MS	Максимальнофронтальная высота	6,1	8,2	—	9,0 ?	7,7	6,5	—	7,4	6,2	6,6	—	5,8
DC	Дакриальная ширина	23,3	—	—	—	—	17,0	—	20,0	23,4	20,2	—	24,6
DS	Дакриальная высота	9,8	—	—	—	—	8,9	—	10,6	10,2	13,4	—	10,1
FC	Глубина ктыковой ямки	4,4п.	5,8	1,6	6,2 !	0 !	—	1,3	—	2,4	—	—	2,5п.
	Высота изгиба скуловой кости	—	—	—	10,0	11,0	—	—	12,8	—	10,1	—	—
	Ширина скуловой кости	—	—	—	47,4	49,3	—	—	55,8	—	49,3	—	—
Указатели:													
8:1	Черешной	81,8	83,7 ?	85,6 ?	69,2 ?	80,5 ?	84,4 ?	—	83,7	82,3	86,7	—	82,2 ?
17:1	Высотно-продольный (ba)	—	72,8 ?	79,0 ?	68,7 ?	76,4 ?	—	—	73,8	73,7	84,3 ?	—	—
17:8	Высотно-поперечный (ba)	—	87,0 ?	92,3 ?	99,2 ?	95,0 ?	—	—	88,2	89,6	97,2 ?	100,0	—
20:1	Высотно-продольный (po)	64,8	66,8 ?	69,5 ?	61,5	67,8 ?	67,7	—	66,9	62,3	70,5	—	65,7 ?
20:8	Высотно-поперечный (po)	79,2	79,9	81,1 ?	88,9 ?	84,3 ?	80,1 ?	—	79,9	75,7	81,3	83,5	79,9 ?
9:8	Лобно-поперечный	71,8	63,2	67,8 ?	71,7 ?	70,0 ?	—	—	69,0	66,0	61,3	70,2	—
9:10	Лобный	—	—	—	—	—	—	—	77,7	79,3	73,0	—	—
Sub.NB:29	Выпуклости лба	23,2 ?	21,3	24,3	21,6	27,3 ?	20,5	24,4	25,5	29,1	22,0 ?	—	25,8 ?

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
29:26	Изгиб лба	88,2	86,8	85,0	88,2	84,9	88,8	88,8	83,7	87,0	87,4	87,3	86,0	84,8	86,4
26:25	Лобно-сагиттальный	35,3	35,8	37,0	35,1	36,6	34,9	34,3	34,9	34,8	36,0	33,1	34,2	35,7	37,3
27:25	Теменно-сагиттальный	33,7	32,6	33,1	30,7	33,1	34,6	35,5	33,8	32,6	33,9	32,6	33,7	33,1	30,9
28:25	Затыльно-сагиттальный	31,0	31,6	29,9	34,2	30,3	30,5	30,1	31,3	32,6	30,1	34,3	32,1	31,2	31,8
28:27	Затыльно-теменной	91,9	96,8	90,6	111,2	91,7	88,0	84,9	92,5	100,0	88,8	105,2	95,3	94,4	102,7
40:5	Выступания лица	101,0	91,8	96,8	98,9	91,8	—	94,2	97,1	97,0	101,0 ?	99,0	—	96,3 ?	92,1
48:45	Верхний лицевой	53,6	52,9	49,6	48,6 ?	55,3	—	50,0	52,2	48,6	54,3	49,5	—	55,6	51,1 ?
47:45	Полный лицевой	87,1 ?	—	85,5	—	88,7	—	83,8 ?	86,0	—	89,1	81,3	—	89,6	85,1 ?
45:8	Полеречный фациоцеребральный	94,6	102,2	92,3	91,4 ?	96,6 ?	—	103,5	97,8	106,6	92,0	80,5	91,9	90,0 ?	100,7 ?
48:17	Вертикальный фациоцеребральный	56,4	52,1	49,2	52,3	54,9	—	57,8	55,9	55,5	56,8	50,3	—	60,2 ?	52,6
9:45	Лобно-скуловой	68,6	75,4	72,3	70,8 ?	73,3	—	66,8	66,8	62,3	70,7	76,7	70,3	—	60,8 ?
61:60	Челюстно-альвеолярный	—	120,8	119,0	123,5	121,8	—	123,1	120,6	—	114,4	127,3	—	—	116,7
63:62	Небный	—	102,8	90,1	—	93,6	—	90,5	83,5	—	—	96,3	—	—	94,1
54:55	Носовой	49,8	42,0	53,7	50,4	48,4	—	43,5	48,4	44,1	43,1	51,9	—	43,8	45,3
52:51	Орбитный от <i>mf</i>	74,9	79,1	76,3	78,6	74,6	86,0 ?	76,6	76,9	87,7	81,7	79,0	76,7	73,1	82,7
52:51a	Орбитный от <i>d</i>	79,9	86,0	83,1	81,0	82,4	93,4	81,0	79,0	—	86,1	81,6	—	77,3	89,0
SS:SC	Смютический	50,7	53,3	60,3	42,5	54,0	39,1	43,3	54,5	31,0	45,9	34,8	—	63,0	68,4
MS:MC	Максиллофронтальный	43,3	38,7	31,0	32,4	39,5	34,8	40,9	37,3	30,6	37,5	35,7	—	41,3	34,9
DS:DC	Дакриальный	53,8	55,6	40,4	40,9	49,2	56,0	50,6	55,9	—	51,0	58,9	—	54,8	54,0
	Изгиб скуловой кости	21,6	20,7	21,4	—	20,5	—	21,4	22,4	21,4	—	25,2	19,0	21,0	15,7
Узлы:															
77	Насомаларный	151,1	146,2	142,0	145,1	145,8	145,1	140,6	149,1	152,1	146,8	150,6	148,3	—	143,5
∠ Zm'	Зигмаксиллярный	134,0	143,9	133,1	131,6	140,8	—	134,2	132,1	134,4	132,7	129,7	—	—	126,3
	Поперечного изгиба лба	148,9	141,0	141,0	139,2	136,8	142,4	137,4	146,4	144,5	141,8	146,6	138,8	—	137,4
32	Профиля лба от <i>n</i>	77	85	88	83	84	—	75	82	82	81	88	87	82	78
GM:FN	Профиля лба от <i>gl</i>	68	77	80	78	77	—	67	71	76	77	84	79	74	69
33 (1)	Верхней части затылка	74 ?	84	95	83	82	—	84	81	82	97	—	84	84	80
33 (2)	Нижней части затылка	40 ?	34	32	34	42	—	32	33	35	33	—	32	37	42
33 (4)	Перегрета затылка	114 ?	118	127	117	124	—	116	114	117	130	—	116	121	122
34	Затылочного отверстия	-13	-7	-7	-10	-5	—	-1	-8	-3	-25	-17	-13	—	-13

Продолжение таблицы 1

1	2	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
29:26	Изгиба лба	87,3	89,6	86,6	88,9	85,4 ?	89,6	—	86,9	87,7	89,1 ?	—	86,0 ?
26:25	Лобно-сагиттальный	33,9	—	35,8	34,0	34,8	32,4	—	33,9	35,1	33,4 ?	—	35,4
27:25	Теменно-сагиттальный	34,5	—	34,1	35,4	33,4	36,6	—	35,3	34,8	36,0 ?	—	35,4
28:25	Затыльно-сагиттальный	31,7	—	30,1	30,6	31,8	31,0	—	30,8	30,0	30,5	—	29,2
28:27	Затыльно-теменной	91,9	—	88,2	86,4	95,2	84,5	—	87,4	86,2	84,8	91,1	82,6
40:5	Выступания лица	—	99,0 ?	—	98,1 ?	92,1 ?	—	—	—	96,9	90,4 ?	—	—
48:45	Верхний лицевой	52,7 ?	54,1	53,2 ?	56,0 ?	52,8	56,7 ?	—	—	52,3 ?	—	—	54,0 ?
47:45	Полный лицевой	87,6 ?	88,1	—	91,4	86,4	—	—	—	83,3	—	—	88,7
45:8	Поперечный фациоцеребральный.	89,6 ?	87,7	86,7	92,1	89,3	90,1	—	90,3	91,7	—	95,5	89,2
48:17	Вертикальный фациоцеребральный	—	54,5	50,0	52,0	49,6	—	—	—	53,5	47,9	—	—
9:45	Лобно-скуловой	80,2 ?	72,1	78,2	77,9	78,4	—	—	76,5	72,0	—	—	—
61:60	Челюстно-альвеолярный	—	—	129,2	—	126,5	—	—	—	123,6	—	—	119,4
63:62	Носный	—	—	98,3	—	100,2	—	—	—	90,1	85,0	—	—
54:55	Носовой	46,7	49,6	49,6	46,3	47,2	48,4	48,0	—	49,8	54,2	—	55,9
52:51	Орбитный от <i>mf</i>	75,1п.	83,7	87,1	86,3	78,2	—	—	69,5	79,6	89,1	—	—
52:51a	Орбитный от <i>d</i>	81,7п.	91,6	—	—	—	—	—	71,3	86,1	92,9	—	—
55:5C	Симметрический	43,5	50,0	—	44,0	42,7	46,8	30,5 ?	35,1	50,0	54,5	36,2	39,6
MS:MC	Максиллофронтальный	29,0	40,2	—	46,9	42,8	41,7	—	38,1	34,1	34,7	—	26,7
DS:DC	Дакриальный	42,1	—	—	—	—	52,4	—	53,0	43,6	66,3	—	41,1
	Изгиба скуловой кости	—	—	—	21,1	22,3	—	—	22,9	—	20,5	—	—
Углы:													
77	Назомаярный	—	139,8	—	131,7	142,4	—	—	136,0	147,7	143,9	142,9	—
∠ Zm'	Зигмаксиллярный	—	127,2	132,3	127,6 ?	139,2	—	—	—	138,6	129,8	—	—
	Поперечного изгиба лба	141,6	136,4	—	132,9	138,6	—	—	129,8	137,0	145,3 ?	128,9	—
32	Профиля лба от <i>n</i>	81 ?	80	87 ?	80	93 ?	80 ?	—	90	83	90	—	91 ?
GM/ГН	Профиля лба от <i>gl</i>	74 ?	76	82 ?	73	88 ?	77 ?	—	82	76	88	—	84 ?
33 (1)	Верхней части затылка	88	—	92	89	—	94	—	88	91	91	—	84 ?
33 (2)	Нижней части затылка	—	—	27	37	—	33 ?	—	29	40	38	—	38
33 (4)	Перетиба затылка	—	—	119	126	—	127 ?	—	117	131	129	—	122
34	Затылочного отверстия	—	—	+1	-18 ?	-17	—	—	-15	-11	-3	—	—

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
72	Общий лицевой	83	88	85	84 ?	88	—	87	84	90	83 ?	86	—	88	88
73	Средний лицевой	86	93	89	91	95	—	90	89	94	86	92	88	93	92
74	Альвеолярной части лица	72	75	69	67 ?	70	—	82	62	79	74	68	—	75	77
75	Наклона носовых костей	57	64	59	62	65 ?	—	60	65	67	48	65	—	63	55
75 (1)	Выступания носа	26	24	26	22 ?	23 ?	—	27	19	23	35 ?	21	—	25	33
Описательные признаки															
	Форма черепа сверху	элл.	элл.	сфер.	сфер.	эури- пен.	ов.	сфер.	ов.	ов.	сфен.	сфер.	сфер.	эури- пен.	ов.
	Надпереносье (1–6)	4	4	3	3	4	4	3	5	2	2	2	3	3	5
	Надбровные дуги (1–3)	2	2	2	2	2	3	3	3	2	3	2	2	2	3
	Наружный затылочный бугор (0–5)	3	2	2	3	4	4	2	3	1	1	1	4	4	4
	Сосцевидный отросток (1–3)	3	2	2	1	2	3	2	3	1	2	1	3	2	3
	Нижний край грушевидного отверстия	f.pr.	f.pr.	anth.	f.pr.	anth.	f.pr.	f.pr.	an./f.pr.	f.pr.	anth.	inf.	anth.	f.pr.	f.pr.
	Передненисовая ось (1–5)	3	4	3	2	3	—	3	3	3	—	3	3	2	5
	Искусственная деформация	+	—	—	—	—	—	+	—	*	*	×	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
72	Общий лицевой	88	87	87	85 ?	87	89	86 ?	—	—	—	85	88	—	84
73	Средний лицевой	92	93	92 ?	92 ?	92	97	89	—	—	—	90	91	—	89
74	Альвеолярной части лица	65	74	69 ?	64	68	—	—	—	—	—	76	75	—	67
75	Наклона носовых костей	62	60	—	—	66	69	65	—	68	60 ?	67	—	—	62
75 (1)	Выступания носа	26	27	—	—	21	20	21 ?	—	—	25 ?	21	—	—	22
Описательные признаки															
	Форма черепа сверху	сфер.	сфер.	сфер.	сфер.	элл.	сфер.	сфер.	—	сфен.	сфер.	сфер.	сфер.	—	сфен.
	Надпереносье (1–6)	3	3	2	2	2	2	2	1	2	2	3	1	2	2
	Надбровные дуги (1–3)	3	2	2	2	2	1	2	2	2	2	1	1	1	—
	Наружный затылочный бугор (0–5)	2	2	1	1	1	1	1	—	3	2	2	1	1	2
	Сосцевидный отросток (1–3)	2	3	1	1	2	1	1	1	1	2	2	1	1	1
	Нижний край грушевидного отверстия	f.pr.	anth.	f.pr.	f.pr.	anth.	f.pr.	anth.	—	—	—	f.pr.	anth.	anth.	anth.
	Передне-носовая ось (1–5)	3	3	—	—	3	—	—	—	—	—	1	2	2	2
	Искусственная деформация	—	+	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—

Примечания: Характер искусственной деформации:

+ — овальная вдавленность вдоль задней половины сагиттального шва;

* — асимметричное уплощение затылка;

× — поперечная вдавленность позади венечного шва.

Индивидуальные измерения черепов скифского времени

Могильник		Верхняя Еланда-II								
Курган		1 (1)	3	4	5	7	8	9	12	2 (1)
Пол Возраст		М., mat.	М., mat.	М., ad.	М., sen.	М., mat.	М., mat.	М., mat.	М., ad.	Ж., ad.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Продольный диаметр	170	178	179	178	170	176	186	—	—
8	Поперечный диаметр	—	148	144	147 ?	148	—	151	—	138 ?
17	Высотный диаметр от <i>ba</i>	—	127 ?	126	138	—	—	138	—	—
20	Высотный диаметр от <i>po</i>	—	111	—	118 ?	123	—	118	—	115 ?
5	Длина основания черепа	—	96 ?	100	102	—	—	105	—	—
11	Ширина основания черепа	—	126	—	—	127	—	131	—	—
12	Ширина затылка	—	118 ?	—	—	110 ?	—	112	—	—
9	Наименьшая ширина лба	98,1 ?	88,5	97,5	96,9	95,3	—	93,1	93,4	88,0
10	Наибольшая ширина лба	—	—	128	128	131 ?	—	127	—	—
29	Лобная хорда	105,6	111,7	113,5	113,9	113,8	110,8	114,1	112,7	103,0
30	Теменная хорда	102,8	105,6	111,5	107,2	118,1	—	121,6	—	—
31	Затылочная хорда	—	—	87,9	99,2	90,4	—	89,3	—	—
<i>Sub.Nβ</i>	Высота изгиба лба	24,7	27,7 ?	29,4	26,2	27,0	25,1	25,4	23,0	22,3
23a	Горизонтальная окружность через <i>oph.</i>	—	564	572	—	562	—	527	—	—
24	Поперечная дуга	—	321	—	—	332	—	335	—	—
25	Сагиттальная дуга	—	356	366	370	381	—	375	—	—
26	Лобная дуга	122	133	133	131	133	129	130	—	115
27	Теменная дуга	115	118	125	121	143	123	135	—	—
28	Затылочная дуга	—	105 ?	108	118	105	—	110	—	—
7	Длина затылочного отверстия	—	—	—	39,2	—	—	39,1	—	—
16	Ширина затылочного отверстия	—	—	—	31,2	—	—	36,3	—	—
40	Длина основания лица	—	93 ?	94 ?	—	—	—	100	—	—
45	Скуловой диаметр	—	133 ?	—	—	138	—	146 ?	—	—
48	Верхняя высота лица	—	69	71 ?	68 ?	—	68	72	71	—
47	Полная высота лица	—	—	119 ?	—	—	—	—	—	—
43	Верхняя ширина лица	104	99	105	108	106	—	106	105	95 ?
43 (1)	Биорбитальная ширина	96,0 ?	90,8	95,5 ?	102,3	99,4	—	100,1	97,6	—
46	Средняя ширина лица	—	96	—	100	92 ?	—	100	—	—
60	Длина альвеолярной дуги	—	—	—	—	—	—	53	—	—

Приложение II

Таблица 2

из могильников Верхняя Еланда-II и Кайнду

Верхняя Еланда-II					Кайнду							
2 (2)	11 (1)	11 (2)	2 (3)	5	1	4	5	43	5	15	16	18
Ж., sen.	Ж., ad.	Ж., ad.	9-10 лет	12-13 лет	М., mat.	М., ad.	М., mat.	М., mat.	Ж., ad.	Ж., ad.	Ж., ad.	Ж., mat.
12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
169	162 ?	–	173	169	181	186	181 ?	–	175	164	173	169
136	–	–	138	136	142	139	154	–	138	139	140	137
122	–	–	–	135 ?	134 ?	137	128	–	128	122	135 ?	–
109	–	–	113	–	116	114	–	–	115	107	119	113
100	–	–	–	93	97 ?	108	–	–	98	95	97	–
120	–	–	113	116	130	131	133	–	122	120	125	128
103	–	–	113	–	114	110	114	–	116 ?	106	110	103
92,6	94,0	–	93,5	–	89,5	94,4	95,4	93,3	92,0	91,1	96,2	94,0
–	–	–	109	–	122 ?	117	126	–	119 ?	123	–	118 ?
102,5	103,0	–	107,3	–	110,2	111,5	–	–	108,2	107,5	108,3	110,5
103,7	101,2	–	111,3	–	110,2	114,3	113,5	–	107,7	95,8	113,4	102,8
91,7	–	–	99,0	89,6	98,8	89,3	–	–	–	84,0	93,4	90,2
25,6	24,4	–	25,3	–	26,4	24,7	–	–	27,0	29,5	28,8	22,9
491	–	–	543	–	518	521	–	–	557	487	502	541
301	–	–	303	–	318	307	–	–	318	302	314	306
338	–	–	366	–	362	362	–	–	–	328	373	347
117	119	–	122	–	126	127	–	–	124	125	128	123
115	116	–	126	–	120	126	–	–	124	103	130	117
106	–	–	118	105	116 ?	109	–	–	–	100	115	107
37,4	–	–	–	41,9	–	34,6	–	–	–	34,1	32,3	–
26,0	–	–	–	32,2	–	30,1	–	–	–	28,0	29,8	–
–	–	–	–	86	93 ?	99	–	–	91 ?	89	94	–
125 ?	–	–	114 ?	128	141	142	–	–	135	118	132 ?	–
–	72	–	60	61	71 ?	77	–	–	70	69	58	66
–	–	–	102	–	–	124	–	–	112	111	–	–
101	103	–	97	–	109 ?	106	–	108 ?	102	98	100	106 ?
95,0	94,2	–	91,3	–	103,8	98,1	–	100,8?	91,4	88,5	92,7	98,3
–	–	–	82	–	107	102	–	103 ?	96	86	96	–
–	–	–	–	43,7	–	54,0	–	53,0	–	48,4	50,5	51,0

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
61	Ширина альвеолярной дуги	–	–	–	–	–	–	66	–	–
62	Длина нёба	–	–	–	–	–	–	49,6	–	–
63	Ширина нёба	–	–	–	–	–	–	43,5	–	–
55	Высота носа	–	51,0	49,0?	51,0	–	50,0	53,5	–	–
54	Ширина носа	–	23,9	–	24,2	–	–	24,1	–	–
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	–	41,9	41,3?	44,8	40,9	–	43,0	–	37,8п.
51a	Ширина орбиты от <i>d</i>	–	37,8	–	41,4	37,4	–	38,6	–	34,7п.
52	Высота орбиты	–	33,2	34,1?	33,6	35,5	34,6	28,5	–	28,6п.
SC	Симотическая ширина	–	6,4	–	6,6	6,7	–	7,0	–	–
SS	Симотическая высота	–	2,9	–	2,3	2,3	–	2,1	–	–
MC	Максиллофронтальная ширина	–	17,6	–	18,7	19,2	–	20,3	–	–
MS	Максиллофронтальная высота	–	5,3	–	5,2	5,7	–	4,7	–	–
DC	Дакриальная ширина	–	21,3	–	22,9	21,5 ?	–	22,6	–	–
DS	Дакриальная высота	–	10,5	–	10,0	11,1 ?	–	7,8	–	–
FC	Глубина клыковой ямки	–	5,0	–	5,6	9,1!п.	–	5,3	–	–
	Высота изгиба скуловой кости	–	12,8	–	–	11,0п.	–	11,1	–	–
	Ширина скуловой кости	–	53,8	–	–	47,4п.	–	56,4	–	–
Указатели:										
8:1	Черепной	–	83,1	80,4	82,6?	87,1	–	81,2	–	–
17:1	Высотно-продольный (<i>ba</i>)	–	71,3?	70,4	77,5	–	–	74,2	–	–
17:8	Высотно-поперечный (<i>ba</i>)	–	85,8?	87,5	93,9	–	–	91,4	–	–
20:1	Высотно-продольный (<i>po</i>)	–	62,4	–	66,3?	72,4	–	63,4	–	–
20:8	Высотно-поперечный (<i>po</i>)	–	75,0	–	80,3?	83,1	–	78,1	–	83,3
9:8	Лобно-поперечный	–	59,8	67,7	65,9?	64,4	–	61,7	–	63,8
9:10	Лобный	–	–	76,2	75,7	72,7 ?	–	73,3	–	–
Sub.Nβ29	Выпуклости лба	23,4	24,8	25,9	23,0	23,7	22,7	22,3	20,4	21,7
29:26	Изгиба лба	86,6	84,0	85,3	86,9	85,6	85,9	87,8	–	89,6
26:25	Лобно-сагиттальный	–	37,4	36,3	35,4	34,9	–	34,7	–	–
27:25	Теменно-сагиттальный	–	33,1	34,2	32,7	37,5	–	36,0	–	–

Приложение II

Продолжение таблицы 2

12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
–	–	–	58,0	61,7	–	66	–	67,6	–	58	59	–
–	–	–	–	–	–	46,9	–	45,8	–	42,4	–	–
–	–	–	–	40,3	–	43,4	–	47,3	–	40,0	–	–
–	51,0	–	41,0	45,7	54,0	54,1	–	–	51,1	49,6	41,7	49,6
–	–	–	19,7	21,4	28,5?	21,6	–	23,2	29,4	22,0	24,4	29,2
40,7	39,3п.	41,7п.	39,5	41,7	44,5	41,0	–	–	–	38,3	40,1	42,1?п.
36,3	–	38,8п.	38,7	39,7	41,2?	37,6	–	–	–	35,9	37,7	–
36,0	31,2п.	34,1п.	32,5	34,0	33,2	34,6	–	–	32,8	33,5	32,7	33,8?п.
8,4	–	3,8	6,0	–	11,4	7,6	–	–	–	9,3	3,8	12,4
3,0	–	1,9	2,4	–	5,8	–	–	–	–	3,3	2,5	4,5
–	–	–	20,0	–	20,0	20,7	–	–	–	20,6	22,0	–
–	–	–	6,4	–	8,8	–	–	–	–	7,5	7,1	–
–	–	–	19,7	–	24,2	23,8	–	–	–	21,8	22,4	–
–	–	–	9,4	–	11,7	–	–	–	–	10,4	12,2	–
–	4,4п.	4,7п.	1,7	–	–	2,1 ?	–	3,0п.	3,4	4,3	5,0	8,7!п.
–	9,7п.	–	11,6	10,0	13,2	9,5п.	–	–	–	10,2	–	9,1п.
–	52,7п.	–	50,7	55,2	55,1	55,5п.	–	–	–	53,2	–	46,7п.
Указатели:												
80,5	–	–	79,8	80,5	78,4	74,7	85,1?	–	78,9	84,8	80,9	81,1
72,2	–	–	–	79,9?	74,0?	73,7	70,7?	–	73,1	74,4	78,0?	–
89,7	–	–	–	99,3?	94,4?	98,6	83,1	–	92,8	87,8	96,4	–
64,5	–	–	65,3	–	64,1	61,3	–	–	65,7	65,2	68,8	66,9
80,1	–	–	81,9	–	81,7	82,0	–	–	83,3	77,0	85,0	82,5
68,1	–	–	67,8	–	63,0	67,9	61,9	–	66,7	65,5	68,7	68,6
–	–	–	85,8	–	73,4	80,7	75,7	–	77,3?	74,1	–	79,7
25,0	23,7	–	23,6	–	24,0	22,2	–	–	25,0	27,4	26,6	20,7
87,6	86,6	–	88,0	–	87,5	87,8	–	–	87,3	86,0	84,6	89,8
34,6	–	–	33,3	–	34,8	35,1	–	–	–	38,1	34,3	35,4
34,0	–	–	34,4	–	33,1	34,8	–	–	–	31,4	34,9	33,7

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
28:25	Затылочно-сагиттальный	–	29,5	29,5	31,9	27,6	–	29,3	–	–
28:27	Затылочно-теменной	–	89,0?	86,4	97,5	73,4	–	81,5	–	–
40:5	Выступания лица	–	96,9?	94,0	–	–	–	95,2	–	–
48:45	Верхний лицевой	–	51,9	–	–	–	–	49,3	–	–
47:45	Полный лицевой	–	–	–	–	–	–	–	–	–
45:8	Поперечный фациоцеребральный	–	89,9	–	–	93,2	–	96,7	–	–
48:17	Вертикальный фациоцеребральный	–	54,3	56,3	49,3	–	–	52,2	–	–
9:45	Лобно-скуловой	–	66,5	–	–	69,1	–	63,8	–	–
61:60	Челюстно-альвеолярный	–	–	–	–	–	–	124,5	–	–
63:62	Небный	–	–	–	–	–	–	87,7	–	–
54:55	Носовой	–	46,9	–	47,5	–	–	45,0	–	–
52:51	Орбитный от <i>mf</i>	–	79,2	82,6?	75,0	86,8	–	66,3	–	75,7
52:51a	Орбитный от <i>d</i>	–	87,8	–	81,2	94,9	–	73,8	–	82,4
SS:SC	Симотический	–	45,3	–	34,8	34,3	–	30,0	–	–
MS:MC	Максиллофронтальный	–	30,1	–	27,8	29,7	–	23,2	–	–
DS:DC	Дакриальный	–	49,3	–	43,7	51,6	–	34,5	–	–
	Изгиба скуловой кости	–	23,8	–	–	23,2	–	19,7	–	–
Углы:										
77	Назомаллярный	143,1?	153,4	144,5?	145,6	147,2	–	153,4	134,0	–
$\angle Zm'$	Зигомаксиллярный	–	125,6?	–	134,8	–	–	136,6	135,8	–
	Поперечного изгиба лба	144,5?	144,9	139,8	144,3	139,0	–	145,3	135,2	–
32	Профиля лба от <i>n</i>	–	81?	–	81	87	–	83	–	87?
<i>GM/FH</i>	Профиля лба от <i>gl</i>	–	71?	–	77	78	–	75	–	84?
33 (1)	Верхней части затылка	–	–	–	89	97	–	92	–	–
33 (2)	Нижней части затылка	–	–	–	38	36	–	32	–	–
33 (4)	Перегиба затылка	–	–	–	127	133	–	124	–	–
34	Затылочного отверстия	–	–	–	–	–	–	-3	–	–
72	Общий лицевой	–	86	–	85?	–	–	86	–	–
73	Средний лицевой	–	88	–	90	–	–	92	–	–
74	Альвеолярной части лица	–	76	–	–	–	–	72	–	–
75	Наклона носовых костей	–	54?	–	64	–	–	69	–	60
75 (1)	Выступания носа	–	32?	–	21?	–	–	17	–	–

Приложение II

Продолжение таблицы 2

12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
31,4	–	–	32,2	–	32,0	30,1	–	–	–	30,5	30,8	30,8
92,2	–	–	93,7	–	96,7	86,5	–	–	–	97,1	88,5	91,5
–	–	–	–	92,5	95,9?	91,7	–	–	92,9	93,7	96,9	–
–	–	–	52,6	47,7	50,4?	54,2	–	–	51,9	58,5	43,9	–
–	–	–	89,5	–	–	87,3	–	–	83,0	94,1	–	–
–	–	–	82,6	94,1	99,3	102,2	–	–	97,8	84,9	94,3	–
–	–	–	–	45,2	53,0	56,2	–	–	54,7	56,6	43,0	–
–	–	–	82,0	–	63,5	66,5	–	–	68,1	77,2	72,9	–
–	–	–	–	141,2	–	122,2	–	127,5	–	119,8	116,8	–
–	–	–	–	–	–	92,5	–	103,3	–	94,3	–	–
–	–	–	48,0	46,8	52,8	39,9	–	–	57,5	44,4	58,5	58,9
88,5	79,4	81,8	82,3	81,5	74,6	84,4	–	–	–	87,5	81,5	80,3
99,2	–	87,9	84,0	85,6	80,6	92,0	–	–	–	93,3	86,7	–
35,7	–	50,0	40,0	–	50,9	–	–	–	–	35,5	65,8	36,3
–	–	–	32,0	–	44,0	–	–	–	–	36,4	32,3	–
–	–	–	47,7	–	48,3	–	–	–	–	47,7	54,5	–
–	18,4	–	22,9	18,1	24,0	17,1	–	–	–	19,2	–	19,5
<i>Узлы</i>												
142,2	146,2	–	137,2	–	145,1	143,3	–	157,6?	148,3	140,4	141,0	141,8
–	–	–	124,9	–	135,4	137,6	–	135,4?	136,2	127,8	138,2	–
135,0	136,0	–	126,5	–	142,9	137,2	134,4	138,8	142,4	136,8	129,3	137,6
82	–	–	91	89	85	77	–	–	–	85	92	77?
77	–	–	88	86	78	67	–	–	–	83	83	75?
90	–	–	–	–	89	85	91	–	–	84	90	85?
41	–	–	–	–	38	33	37	–	–	36	28	41?
131	–	–	–	–	127	118	128	–	–	120	118	126?
–19	–	–	–	–	–	–8	–10	–	–	–9	–13	–
–	–	–	82	86	85	90	–	–	–	90	85	80?
–	–	–	88	88	92	94	–	–	–	94	94	83?
–	–	–	68	81?	69	76	83	–	–	79	69	66?
–	–	–	60	–	59	–	–	–	–	65?	63	55?
–	–	–	22	–	26	–	–	–	–	25?	22	25?

Продолжение таблицы 2

1-2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
<i>Описательные признаки</i>									
Форма черепа сверху	сфер.	сфер.	сфер.	сфер.	сфен.	–	сфер.	сфен.	–
Надпереносье (1–6)	3	4	3	3	5	–	3	3	2
Надбровные дуги (1–3)	3	3	3	2	2	–	2	3	2
Наружный затылочный бугор (0–5)	3	2	3	1	2	–	2	–	1
Сосцевидный отросток (1–3)	2	2	1	2	2	–	1	–	1
Нижний край грушевидного отверстия	–	anth.	anth.	anth.	–	–	f.pr.	f.pr.	anth.
Передненоксовая ость (1–5)	–	4	–	2	–	–	1	2	2
Искусственная деформация	+	–	–	–	*	–	—	–	–

Продолжение таблицы 2

12.	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
<i>Описательные признаки</i>												
сфер.	сфер.	–	ромб.	сфер.	сфер.	элл.	–	–	сфер.	сфер.	сфен.	сфер.
2	3	–	1	1	3	5	3	4	2	1	3	2
2	2	2	2	2	2	3	–	3	2	1	2	2
1	–	1	1	0	1	4	3	3	–	1	1	–
1	2	2	1	1	2	3	3	2	1	2	1	1
anth.	f.pr	–	inf.	anth.	f.pr	anth.		anth.	f.pr.	anth.	f.pr.	f.pr.
2	2	–	3	3	2	5	–	–	–	3	–	–
–	+	–	+	–	–	–	–	–	–	?	–	–

Примечания: Характер искусственной деформации:

– овальная вдавленность вдоль задней половины сагиттального шва;

* – асимметричное уплощение затылка.

Таблица 3

Средние размеры и указатели черепов из могильников Тыткескень-I и VI

Пол		Мужской				Женский			
Признак		<i>M</i>	<i>n</i>	<i>S</i>	<i>F</i>	<i>M</i>	<i>n</i>	<i>S</i>	<i>F</i>
1		2	3	4	5	6	7	8	9
1.	Продольный диаметр	180,1	14	7,80	1,64	172,9	9	6,57	1,28
8.	Поперечный диаметр	144,3	14	6,80	1,85 ^x	140,8	10	7,41	2,38 ^x
17.	Высотный диаметр от <i>ba</i>	132,9	12	4,89	1,00	131,6	8	4,66	1,02
20.	Высотный диаметр от <i>po</i>	114,8	13	3,78	1,12	114,5	10	4,17	1,20
5.	Длина основания черепа	102,8	12	6,75	2,71 ^{xx}	98,7	7	6,05	2,40 ^x
11.	Ширина основания черепа	131,6	13	4,99	1,08	122,9	9	6,86	2,23 ^x
12.	Ширина затылка	112,0	12	5,12	1,29	106,8	9	5,17	1,45
9.	Наименьшая ширина лба	95,9	13	5,83	1,76 ^x	94,9	8	3,90	1,21
10.	Наибольшая ширина лба	122,4	10	6,75	1,98 ^x	122,0	4	4,08	1,27
29.	Лобная хорда	111,6	14	5,42	1,39	107,4	10	5,23	1,41
30.	Теменная хорда	108,6	14	5,77	1,12	110,1	9	2,76	4,57 ^x
31.	Затылочная хорда	92,6	13	3,88	1,73	90,8	9	3,62	1,83
Sub.Nß.	Высота изгиба лба	26,7	14	2,66	1,60	25,4	10	2,62	1,55
23a.	Горизонтальная окружность через <i>oph.</i>	539,2	11	31,03	4,84 ^{xx}	526,5	4	24,34	3,20 ^x
24.	Поперечная дуга	319,1	11	6,38	2,61 ^x	315,0	5	12,35	1,56
25.	Сагиттальная дуга	363,5	14	13,7	1,12	353,8	8	9,71	1,66
26.	Лобная дуга	128,8	14	6,51	1,14	121,5	8	5,07	1,35
27.	Теменная дуга	120,9	14	6,54	1,46	124,1	9	3,02	6,34 ^{xx}
28.	Затылочная дуга	113,8	14	5,55	1,75	108,4	9	5,32	1,76
7.	Длина затылочного отверстия	35,4	11	2,60	1,08	34,0	6	2,69	1,25
16.	Ширина затылочного отверстия	27,4	10	1,66	1,60	27,5	6	1,42	1,99
40.	Длина основания лица	98,8	11	4,40	1,24	95,4	5	8,65	3,39 ^{xx}
45.	Скуловой диаметр	138,9	13	5,39	1,12	126,7	9	5,48	1,30
48.	Верхняя высота лица	72,4	12	4,40	1,15	67,8	9	2,95	1,66
47.	Полная высота лица	120,6	9	5,64	1,54	109,8	6	4,83	1,81
43.	Верхняя ширина лица	107,0	12	4,09	1,13	104,1	7	2,85	1,64
43 (1).	Биорбитальная ширина	98,6	12	3,87	1,04	96,4	7	2,95	1,49
46.	Средняя ширина лица	97,9	10	5,11	1,18	95,7	7	3,55	1,58
60.	Длина альвеолярной дуги	52,9	8	1,55	3,28 ^x	50,3	4	2,38	1,29
61.	Ширина альвеолярной дуги	63,4	8	2,08	2,36	62,7	4	2,27	1,74
62.	Длина нёба	45,1	10	3,47	1,54	42,4	4	2,49	1,13
63.	Ширина нёба	41,9	7	2,61	1,03	39,0	5	2,07	1,51
55.	Высота носа	53,2	13	2,86	1,03	50,1	9	2,18	1,53
54.	Ширина носа	24,8	12	1,62	1,24	25,0	9	1,17	2,11
51.	Ширина орбиты от <i>mf</i>	42,9	14	2,40	1,78 ^x	41,0	7	1,62	1,10
51a.	Ширина орбиты от <i>d</i>	40,7	12	1,64	1,07	38,9	4	2,01	1,57
52.	Высота орбиты	33,6	14	1,70	1,25	33,5	8	2,01	1,12
SC	Симотическая ширина	7,68	13	1,83	1,04	7,96	10	2,02	1,25
SS	Симотическая высота	3,79	13	0,97	1,16	3,38	10	0,97	1,91 ^x
MC	Максиллофронтальная ширина	19,4	13	1,48	–	18,9	8	1,80	–
MS	Максиллофронтальная высота	7,04	13	0,98	–	7,18	8	1,09	–
DC	Дакриальная ширина	21,8	12	2,18	1,00	21,0	5	3,01	2,06

Продолжение таблицы 3

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
DS	Дакриальная высота	10,9	12	1,32	<u>1,30</u>	10,6	5	1,67	1,65
FC	Глубина клыковой ямки	4,35	13	1,86	2,86 ^{xx}	2,83	7	2,32	5,39 ^{xx}
	Высота изгиба скуловой кости	11,8	10	1,23	–	11,0	4	1,30	–
	Ширина скуловой кости	57,5	10	1,67	–	50,5	4	3,68	–
Указатели:									
8:1	Черепной	80,3	14	5,87	3,36 ^{xx}	82,0	9	5,16	2,60 ^{xx}
17:1	Высотно-продольный (<i>ba</i>)	74,1	12	2,41	<u>1,65</u>	75,5	7	5,00	2,60 ^x
17:8	Высотно-поперечный (<i>ba</i>)	91,9	12	5,73	1,70	93,6	8	5,04	1,31
20:1	Высотно-продольный (<i>po</i>)	64,2	13	2,60	1,08	66,5	9	2,99	1,43
20:8	Высотно-поперечный (<i>po</i>)	80,5	13	4,61	1,95 ^x	81,5	10	3,50	1,12
9:8	Лобно-поперечный	67,1	13	4,15	1,58	67,4	8	3,64	1,22
9:10	Лобный	78,2	10	5,31	2,18 ^x	76,7	3	3,27	1,21
Sub.Nß:29	Выпуклости лба	23,9	14	1,98	1,36	24,2	10	2,82	2,75 ^{xx}
29:26	Изгиба лба	86,7	14	1,61	<u>1,47</u>	87,8	9	1,61	1,48
26:25	Лобно-сагиттальный	35,4	14	1,04	–	34,4	8	1,13	–
27:25	Теменно-сагиттальный	33,3	14	1,32	–	35,1	8	1,02	–
28:25	Затылочно-сагиттальный	31,3	14	1,17	–	30,5	8	0,77	–
28:27	Затылочно-теменной	94,3	14	6,73	2,72 ^x	87,4	9	3,80	8,51 ^{xx}
40:5	Выступания лица	96,2	11	3,39	<u>1,39</u>	95,3	5	3,82	<u>1,10</u>
48:45	Верхний лицевой	52,0	12	2,46	1,64	54,2	7	1,64	3,70 ^x
47:45	Полный лицевой	86,9	9	1,98	7,13 ^{xx}	87,6	5	2,99	3,14
45:8	Поперечный фациоцеребральный	96,1	13	5,62	2,19 ^{xx}	90,3	9	2,60	<u>2,13</u>
48:17	Вертикальный фациоцеребральный	54,9	11	3,10	<u>1,13</u>	51,3	6	2,52	<u>1,72</u>
9:45	Лобно-скуловой	69,9	12	5,37	2,35 ^{xx}	75,9	6	3,02	<u>1,35</u>
61:60	Челюстно-альвеолярный	120,0	8	3,15	5,09 ^x	124,7	4	4,19	<u>2,86</u>
63:62	Небный	92,4	6	6,33	1,22	93,4	4	7,11	1,03
54:55	Носовой	46,6	12	3,57	<u>1,32</u>	49,9	9	3,18	<u>1,66</u>
52:51	Орбитный от <i>mf</i>	78,6	14	4,40	<u>1,29</u>	81,9	7	6,76	1,83
52:51a	Орбитный от <i>d</i>	83,3	12	4,57	<u>1,32</u>	85,5	4	9,90	3,56 ^x
SS:SC	Симотический	50,0	13	10,41	<u>1,26</u>	42,9	10	7,62	<u>2,36</u>
MS:MC	Максиллофронтальный	36,2	13	4,54	–	38,2	8	6,26	–
DS:DC	Дакриальный	50,4	12	5,98	<u>2,00</u>	51,3	5	9,90	1,37
	Изгиба скуловой кости	20,5	10	1,91	–	21,7	4	1,10	–
Углы:									
77.	Назомаллярный	146,3	12	3,45	<u>1,63</u>	140,6	7	5,34	1,47
∠ Zm'	Зигомаксиллярный	134,3	10	4,88	<u>1,22</u>	132,5	6	5,32	<u>1,03</u>
	Поперечного изгиба лба	141,3	13	3,64	–	135,4	6	6,18	–
32.	Профиля лба от <i>n</i>	81,9	13	3,73	1,02	86,0	9	5,29	2,05 ^x
GM/FH	Профиля лба от <i>gl</i>	74,4	13	4,33	1,17	80,7	9	5,45	1,86
33 (1)	Верхней части затылка	84,5	13	6,04	3,16 ^{xx}	89,9	7	3,24	<u>1,10</u>
33 (2)	Нижний части затылка	35,5	12	3,83	–	34,6	7	5,00	–
33 (4)	Перегиба затылка	119,7	12	5,18	1,07	124,4	7	5,22	1,09
34.	Затылочного отверстия	–9,5	11	6,53	1,89 ^x	–10,5	6	7,84	2,73 ^x
72.	Общий лицевой	86,3	12	2,39	<u>1,48</u>	86,4	8	1,69	<u>2,96</u>
73.	Средний лицевой	90,6	13	2,90	1,07	91,6	8	2,62	<u>1,32</u>
74.	Альвеолярной части лица	72,3	12	5,89	1,07	70,4	7	4,58	1,78
75.	Наклона носовых костей	60,6	12	5,28	–	64,6	8	3,54	–
75 (1)	Выступания носа	25,8	12	4,45	1,07	22,4	7	2,57	3,20

Примечания: Подчеркнуты значения F для пониженной изменчивости;

x – достоверно на уровне P = 0,05; xx – на уровне P = 0,01.

Таблица 4
Внутригрупповые коэффициенты корреляции краниометрических признаков мужских черепов из могильников Тыткескень-I и

	8	17	5	9	45	48	55	54	51	52	SC	SS	DC	DS	77
1	-.352'	+659	+778	-.160	+173	+480	+345	-.057	+196	+374	+019	+186	-.187	+593	+187
8		-.056	-.161	+317	+087	+437	+401	+444	+369	-.217	+204	+419	+336	+105	+005
17			+644	+411	-.136	+420	+105	-.050	+434	+339	+276	+614'	+400	+568	-.107
5				+001	+349	+571	+408	-.212	+420	+395	+249	+608	+029	+630	-.169
9					-.213'	+203	+338	+071	+655	+024	+631	+594'	+851'	+415	-.103
45						+614	+426	-.252	+038	+344	+041	-.024	+107	+645	+046
48							+836	+094	+619	+587	+289	+498	+179	+848''	+223
55								+222	+662	+501	+234	+408	+069	+742''	+220
54									+284	-.529'	-.068	+194	-.011	-.119	+116
51										+472	+704''	+907''	+655'	+780''	-.399
52											+401	+218	+056	+534	-.229
SC												+705	+677	+408	-.415
SS													+694'	+602	-.568
DC														+410	-.328
DS															+121

Примечания:

1. достоверно отличается от нулевого значения на уровне $x - P = 0,05$; $xx - P = 0,0$;
2. достоверно отличается от корреляций в однородных группах на уровне ' - $P = 0,05$; '' - $P = 0,01$;
3. $N (\min - \max) = 9 - 14$.

	$\angle Zm'$	32	72	74	75 (1)	8:1	17:1	40:5	48:45	45:8	48:17	54:55	52:51	SS:SC	DS:DC
1	+427	-043	+363	+174	-115	-	-	-532	+459	+319	+068	-329	+141	+218	+745 ^{ss}
8	-241	-034	-292	-068	+149	-	-	+431	+453	-	+521	+078	-568 ^s	+242	-195
17	+524	+278	+335	+092	+207	-412	-	-611 ^s	+575 ^s	-036	-	-140	-211	+504	+239
5	+233	-180	+626	+305	+078	-568	-268	-	+458	+350	+181	-479	-126	+563 ^s	+666 ^s
9	+851 ^{ss}	+185	+070	-143	-176	+265	+347	-157	+443	-276	+051	-120	-617 ^s	-113	-363
45	+035	-531	+331	+787 ^{ss}	+035	-048	-332	-214	-	-	+677 ^s	-523 ^s	+288	-170	+557 ^s
48	+392	-334	+167	+409	+150	+006	-130	-165	-	+074	-	-530 ^s	-239	+219	+706 ^{ss}
55	+496	-209	+030	+116	-128	+069	-300	-044	+728 ^{ss}	-019	+791 ^{ss}	-	-325	+170	+697 ^{ss}
54	+033	+271	-518	-643 ^s	-498	+321	+048	+297	+312	-541 ^s	+063	-	-698 ^{ss}	+317	-097
51	+572	-164	+030	-049	+063	+121	+178	-268	+799 ^{ss}	-290	+422	-208	-	325	+198
52	+405	-303	+319	+483	+500 ^s	-336	+199	-354	+496	+281	+306	-796 ^{ss}	-	-203	+470
SC	+490	-245	+264	+060	+016	+119	+303	-308	+341	-199	+420	-232	-356	-	-175
SS	+381	-073	+235	.000	+118	+148	+266	-507	+648 ^s	-350	+269	-119	-697 ^s	-	-006
DC	+675	+259	+439	+184	-167	+315	+491	-284	+158	-161	+011	-045	-514 ^s	-180	-
DS	+775 ^{ss}	-152	+470	+553	-052	-287	-212	-437	+651 ^s	+381	+528	-637 ^s	-163	+057	-
77	+118	+057	-049	-186	-312	-127	-482	+436	+198	+066	+353	-077	+189	-365	+437
$\angle Zm'$		+393	+303	+043	-385	-377	+046	-362	+423	+196	-004	-239	-280	-189	+152
32			+054	-440	-353	+008	+383	-112	-017	-323	-570 ^s	+362	-077	+143	-380
72				+439	-111	-422	-154	-737 ^{ss}	-054	+478	+059	-470	+247	-059	+104
74					+449	-146	-075	-277	-123	+603 ^s	+302	-634 ^s	+419	-106	+379
75 (1)						+178	+388	+094	+163	-102	+040	-328	+266	+221	+070
8:1							-	+600 ^s	+034	-	+294	+238	-428	+015	-558 ^s
17:1								+001	+044	-424	-	+268	-052	+033	-698 ^s
40:5									-056	-505	+226	+286	+024	-375	-217
48:45										-	-	-257	-523 ^s	+403	+529 ^s
45:8											-038	-436	+605 ^s	-251	+527 ^s
48:17												-515	-217	-167	+566 ^s
54:55													-357	+169	-601 ^s
52:51														-483 ^s	+281
SS:SC															+202

Приложение II

Таблица 5

Результаты $U(\rho)^2$ – группировки мужских черепов из могильников Тыткескень-I и VI

Признак	Группировка по							
	черепному указателю		скуловому диаметру		верхней высоте лица		дакриальной высоте	
	69,9–79,8	81,8–92,6	129–138	140–148	65–72	73–80	9,0–10,7	11,2–12,9
1.	185,4	174,4	176,4	181,5	175,7	181,5	175,3	185,3
8.	140,3	149,6	146,0	144,0	144,6	147,0	144,3	144,8
8:1.	75,7	85,8	83,3	80,3	82,4	81,2	82,5	78,3
17.	134,5	130,7	131,6	133,5	129,8	134,7	131,2	135,2
9.	94,2	98,0	97,8	95,0	94,5	100,0	95,0	98,1
45.	140,3	137,5	135,3	143,3	136,7	141,5	135,5	142,2
48.	73,3	71,0	69,6	75,0	68,9	75,8	69,7	76,0
54.	24,8	25,0	25,1	24,7	24,9	24,9	24,9	25,1
54:55.	46,3	47,9	48,3	45,8	48,6	45,1	47,9	45,5
52.	34,1	32,9	32,8	33,7	32,6	34,3	33,3	34,5
52:51.	80,3	77,3	78,1	78,3	79,7	76,6	78,6	77,4
77.	147,6	145,6	147,2	146,6	147,5	146,1	145,3	145,8
∠Zm'.	135,3	132,3	133,9	133,9	131,2	137,1	131,2	138,2
SS.	3,57	3,93	3,56	4,03	3,31	4,32	3,60	4,32
SS:SC.	50,1	47,6	47,8	52,5	47,8	51,7	52,5	50,6
DS.	11,3	10,6	10,4	11,7	9,9	12,0	9,83	12,05
DS:DC.	54,1	48,4	49,3	52,5	48,7	52,5	47,4	53,3
32.	81,3	83,1	84,4	79,7	83,1	80,7	82,2	80,6
72.	86,8	85,7	85,3	87,3	86,3	86,2	85,3	86,5
74.	72,5	71,4	68,6	75,8	69,6	74,7	69,0	74,8
75 (1).	24,7	26,1	24,9	26,2	24,4	26,7	26,8	25,0

Таблица 6

Анализ ГК изменчивости мужских
черепов из Тыткескена.

Нагрузки по I–III компонентам

	f_1	f_2	f_3
1	0,726	0,299	0,373
8	-0,675	0,170	-0,608
8:1	-0,782	-0,055	-0,563
17	0,692	0,531	0,084
9	0,134	0,607	-0,299
45	0,523	-0,524	-0,277
48	0,729	0,247	-0,486
48:45	0,489	0,667	-0,375
54	-0,634	0,675	0,040
54:55	-0,845	0,364	0,197
52	0,837	-0,006	-0,373
52:51	0,092	-0,821	0,098
77	-0,284	-0,054	0,037
$\angle Zm'$	0,538	0,526	0,120
SS:SC	0,343	0,397	0,282
32	-0,449	0,346	0,410
72	0,577	-0,354	0,427
75 (1)	0,329	-0,260	-0,534
λ	6,09	3,56	2,30
P%	33,8	19,8	12,8

Таблица 7

Средние размеры и указатели черепов
I и II кластеров

	I	II
1	176,5	180,5
8	145,0	141,8
8:1	82,3	78,8
17	130,0	134,5
17:1	73,8	74,6
17:8	87,9	95,0
9	95,5	96,8
9:8	65,4	68,3
9:10	75,4	81,6
5	97,8	105,5
40	96,2	99,7
40:5	98,5	94,7
45	136,2	141,7
45:8	94,0	100,3
48	69,2	74,0
48:45	50,8	52,0
54	26,3	23,7
54:55	51,2	44,4
51	41,3	44,4
52	32,0	34,5
52:51	77,5	80,4
77	148,0	145,8
$\angle Zm'$	132,1	135,4
SS	3,2	3,8
SS:SC	48,5	49,3
DS	10,1	11,6
DS:DC	50,0	52,1
32	83,6	80,8
72	84,2	87,3
74	67,6	76,2
75 (1)	23,2	27,5

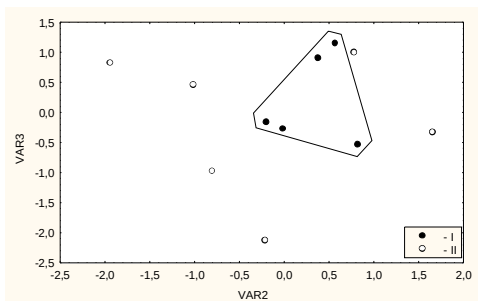
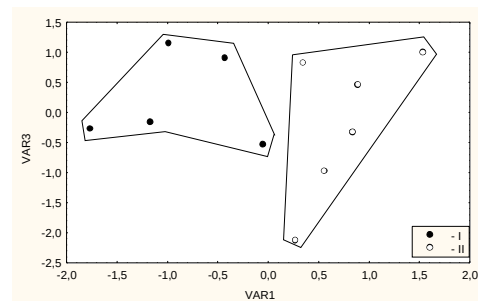
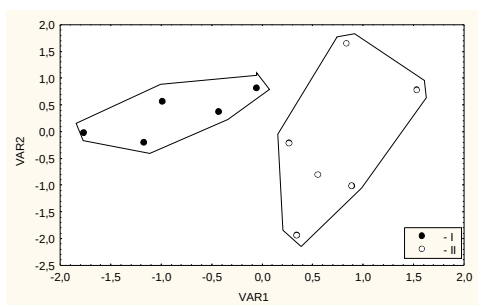

Рис. 1. Расположение мужских черепов из Тыткескена в пространстве I, II и III компонент

Таблица 8

Средние размеры и указатели черепов из могильников Верхняя Еланда-II и Кайнду

Пол		Мужской						Женский		
Могильник		В. Еланда-II			Кайнду			В.Еланда-II-Кайнду		
Признак		<i>M</i>	<i>n</i>	<i>S</i>	<i>M</i>	<i>n</i>	<i>S</i>	<i>M</i>	<i>n</i>	<i>S</i>
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10
1.	Продольный диаметр	176,7	7	5,56	182,7	3	2,89	168,7	6	5,00
8.	Поперечный диаметр	147,6	5	2,51	145,0	3	7,94	138,0	6	1,41
17.	Высотный диаметр от <i>ba</i>	132,3	4	6,65	133,0	3	4,58	126,8	4	6,18
20.	Высотный диаметр от <i>po</i>	117,5	4	4,93	115,0	2	1,41	113,0	6	4,38
5.	Длина основания черепа	100,8	4	3,78	102,5	2	7,78	97,5	4	2,08
11.	Ширина основания черепа	128,0	3	2,65	131,3	3	1,53	123,0	5	3,46
12.	Ширина затылка	113,0	3	4,36	112,7	3	2,31	107,6	5	5,50
9.	Наименьшая ширина лба	94,7	7	3,35	93,2	4	2,58	92,6	7	2,60
10.	Наибольшая ширина лба	128,5	4	1,73	121,7	3	4,51	120,0	3	2,65
29.	Лобная хорда	112,0	8	2,84	110,9	2	0,92	106,1	7	3,23
30.	Теменная хорда	111,1	6	7,40	112,7	3	2,17	104,1	6	5,98
31.	Затылочная хорда	91,7	4	5,10	94,1	2	6,72	89,8	4	4,10
Sub.Nß.	Высота изгиба лба	26,1	8	1,98	25,6	2	1,20	25,8	7	2,79
23a.	Горизонтальная окружность через <i>oph.</i>	556,3	4	20,00	519,5	2	2,12	515,6	5	31,49
24.	Поперечная дуга	329,3	3	7,37	312,5	2	7,78	308,2	5	7,50
25.	Сагиттальная дуга	369,6	5	9,45	362,0	2	0	346,5	4	19,30
26.	Лобная дуга	130,1	7	3,93	126,5	2	0,71	121,6	7	4,69
27.	Теменная дуга	125,7	7	9,91	123,0	2	4,24	117,5	6	9,14
28.	Затылочная дуга	109,2	5	5,36	112,5	2	4,95	107,0	4	6,16
7.	Длина затылочного отверстия	39,2	2	0,71	34,6	1	–	34,6	3	2,59
16.	Ширина затылочного отверстия	33,8	2	3,61	30,1	1	–	27,9	3	1,90
40.	Длина основания лица	95,7	3	3,79	96,0	2	4,24	91,3	3	2,52
45.	Скуловой диаметр	139,0	3	6,56	141,5	2	0,71	127,5	4	7,59
48.	Верхняя высота лица	69,8	6	1,72	74,0	2	4,24	67,0	5	5,48
47.	Полная высота лица	119	1	–	124	1	–	111,5	2	0,71
43.	Верхняя ширина лица	104,7	7	2,81	107,7	3	1,53	100,7	7	3,55
43 (1).	Биорбитальная ширина	97,4	7	3,75	100,9	3	2,85	93,4	6	3,34
46.	Средняя ширина лица	97,0	4	3,83	104,0	3	2,65	92,7	3	5,77
60.	Длина альвеолярной дуги	53	1	–	53,5	2	0,71	50,0	3	1,38
61.	Ширина альвеолярной дуги	66	1	–	66,8	2	1,13	58,5	2	0,71
62.	Длина нёба	49,6	1	–	46,4	2	0,78	43,2	2	1,13
63.	Ширина нёба	43,5	1	–	45,4	2	2,76	40,0	1	–
55.	Высота носа	50,9	5	1,67	54,1	2	0,07	48,6	5	3,92
54.	Ширина носа	24,1	3	0,15	24,4	3	3,61	26,3	4	3,66
51.	Ширина орбиты от <i>mf</i>	42,4	5	1,57	42,8	2	2,47	40,0	7	1,63
51a.	Ширина орбиты от <i>d</i>	38,8	4	1,80	39,4	2	2,55	36,7	5	1,60
52.	Высота орбиты	33,3	6	2,46	33,9	2	0,99	32,8	8	2,19
SC.	Симотическая ширина	6,68	4	0,25	9,5	2	2,69	7,54	5	3,72
SS.	Симотическая высота	2,4	4	0,35	5,8	1	–	3,04	5	0,97
MC.	Максиллофронтальная ширина	19,0	4	1,12	20,4	2	0,49	21,3	2	0,99
MS.	Максиллофронтальная высота	5,23	4	0,41	8,8	1	–	7,3	2	0,28
DC.	Дакриальная ширина	22,1	4	0,79	24,0	2	0,28	22,1	2	0,42

1		2	3	4	5	6	7	8	9	10
DS.	Дакриальная высота	9,85	4	1,44	11,7	1	–	11,3	2	1,27
FC.	Глубина клыковой ямки	6,3	4	1,92	2,6	2	0,63	5,1	6	1,85
	Высота изгиба скуловой кости	11,6	3	1,01	11,4	2	2,62	9,7	3	0,55
	Ширина скуловой кости	52,5	3	4,63	55,3	2	0,28	50,9	3	3,62
Указатели:										
8:1.	Черепной	82,9	5	2,60	79,4	3	5,27	81,2	5	2,17
17:1.	Высотно-продольный (<i>ba</i>)	73,4	4	3,21	72,8	3	1,82	74,4	4	2,55
17:8.	Высотно-поперечный (<i>ba</i>)	89,7	4	3,68	92,0	3	8,02	91,7	4	3,76
20:1.	Высотно-продольный (<i>po</i>)	66,1	4	4,50	62,7	2	1,98	66,2	5	1,69
20:8.	Высотно-поперечный (<i>po</i>)	79,1	4	3,43	81,9	2	0,21	81,9	6	2,87
9:8.	Лобно-поперечный	63,9	5	3,18	64,3	3	3,19	66,9	6	1,96
9:10.	Лобный	74,5	4	1,73	76,6	3	3,73	77,0	3	2,81
Sub.N329	Выпуклости лба	23,3	8	1,65	23,1	2	1,27	24,3	7	2,45
29:26.	Изгиба лба	86,0	7	1,23	87,7	2	0,21	87,4	7	1,87
26:25.	Лобно-сагиттальный	35,7	5	1,11	35,0	2	0,21	35,6	4	1,73
27:25.	Теменно-сагиттальный	34,7	5	2,02	34,0	2	1,20	33,5	4	1,49
28:25.	Затылочно-сагиттальный	29,6	5	1,53	31,1	2	1,34	30,9	4	0,38
28:27.	Затылочно-теменной	85,6	5	8,94	91,6	2	7,21	92,3	4	3,57
40:5.	Выступания лица	95,4	3	1,46	93,8	2	2,97	94,5	3	2,12
48:45.	Верхний лицевой	50,6	2	1,84	52,3	2	2,69	51,4	3	7,31
47:45.	Полный лицевой	–	–	–	87,3	1	–	88,6	2	7,85
45:8.	Поперечный фациоцеребральный.	93,3	3	3,40	100,8	2	2,05	92,2	4	5,45
48:17.	Вертикальный фациоцеребральный	53,0	4	2,99	54,6	2	2,26	51,4	3	7,37
9:45.	Лобно-скуловой	66,5	3	2,65	65,0	2	2,12	73,1	4	3,78
61:60.	Челюстно-альвеолярный	124,5	1	–	124,9	2	3,75	118,3	2	2,12
63:62.	Небный	87,7	1	–	97,9	2	7,64	94,3	1	–
54:55.	Посовой	46,5	3	1,31	46,4	2	9,12	54,8	4	6,97
52:51.	Орбитный от <i>mf</i>	78,0	5	7,84	79,5	2	6,93	82,1	7	4,51
52:51a.	Орбитный от <i>d</i>	84,3	4	8,87	86,3	2	8,06	89,9	5	6,49
SS:SC.	Симотический	36,1	4	6,50	50,9	1	–	44,7	5	13,32
MS:MC.	Максиллофронтальный	27,7	4	3,16	44,0	1	–	34,4	2	2,90
DS:DC.	Дакриальный	44,8	4	7,61	48,3	1	–	51,1	2	4,81
	Изгиба скуловой кости	22,2	3	2,21	20,6	2	4,88	19,0	3	0,57
Углы:										
77.	Назомаллярный	145,9	7	6,65	148,7	3	7,79	143,3	6	3,18
∠ Zm'.	Зигомаксиллярный	133,2	4	5,12	136,1	3	1,27	134,1	3	5,52
	Поперечного изгиба лба	141,9	7	3,89	138,3	4	3,55	136,2	6	4,24
32.	Профиля лба от <i>n</i>	83,0	4	2,83	81,0	2	5,66	84,6	5	5,59
GM/FH.	Профиля лба от <i>gl</i>	75,2	4	3,10	72,5	2	7,78	80,4	5	4,10
33 (1).	Верхней части затылка	92,7	3	4,04	88,3	3	3,06	87,3	4	3,20
33 (2).	Нижний части затылка	35,3	3	3,06	36,0	3	2,65	36,5	4	6,14
33 (4).	Перегиба затылка	128,0	3	4,58	124,3	3	5,51	123,8	4	5,91
34.	Затылочного отверстия	–3	1	–	–9,0	2	1,41	–13,7	3	5,03
72.	Общий лицевой	85,7	3	0,58	87,5	2	3,54	85,0	3	5,00
73.	Средний лицевой	90,0	3	2,00	93,0	2	1,41	90,3	3	6,35
74.	Альвеолярной части лица	74,0	2	2,83	76,0	3	7,00	71,3	3	6,81
75.	Наклона носовых костей	62,3	3	7,64	59	1	–	60,8	4	4,35
75 (1).	Выступания носа	23,3	3	7,77	26	1	–	24,0	3	1,73

Таблица 9

Средние размеры и указатели черепов из могильников
Средней Катуні скифского времени

Пол	Мужской			Женский		
	n	M	S	n	M	S
1	24	179,5	6,87	15	171,2	6,18
8	22	145,1	6,14	16	139,8	5,96
8:1	22	80,8	5,17	14	81,8	4,24
17	19	132,8	4,94	12	130,0	5,48
17:1	19	73,8	2,43	11	75,1	4,16
17:8	19	91,5	5,51	12	92,9	4,57
5	18	102,3	6,03	11	98,3	4,86
9	24	95,1	4,76	15	93,8	3,46
9:8	18	66,5	3,88	14	67,2	2,94
32	19	82,1	3,57	14	85,5	5,23
УПИЛ*	24	141,0	3,73	13	135,8	4,85
28:27	21	92,0	7,89	13	88,9	4,30
40	16	97,9	4,26	8	93,9	7,00
40:5	16	95,7	3,03	8	95,0	3,13
45	18	139,2	5,13	13	126,9	5,88
48	20	71,8	3,86	14	67,5	3,84
48:45	16	51,9	2,33	10	53,3	3,92
48:17	17	54,4	2,94	9	51,3	4,19
55	20	52,7	2,63	14	49,6	2,87
54	18	24,6	1,82	13	25,4	2,15
54:55	17	46,5	3,77	13	51,4	4,95
51	21	42,7	2,14	14	40,5	1,66
52	22	33,5	1,82	16	33,2	2,06
52:51	21	78,5	5,24	14	82,0	5,52
SS	18	3,59	1,15	15	3,27	0,95
SC	19	7,66	1,80	15	7,82	2,57
DS	17	10,73	1,37	7	10,83	1,49
DC	18	22,13	1,91	7	21,34	2,52
SS:SC	18	46,9	10,93	15	43,5	9,42
DS:DC	17	48,9	6,43	7	51,3	8,32
77	22	146,5	5,04	13	141,9	4,52
∠Zm`	17	134,4	4,41	9	133,0	5,09
72	17	86,4	2,23	11	86,0	2,72
74	17	73,1	5,72	10	70,7	4,95
75 (1)	16	25,3	4,85	10	22,9	2,38

Рис. 1. Курганная группа Бугры в Рубцовском районе Алтайского края

Рис. 2. «Царский» курган в урочище Пазырык (Улаганский район Республики Алтай)

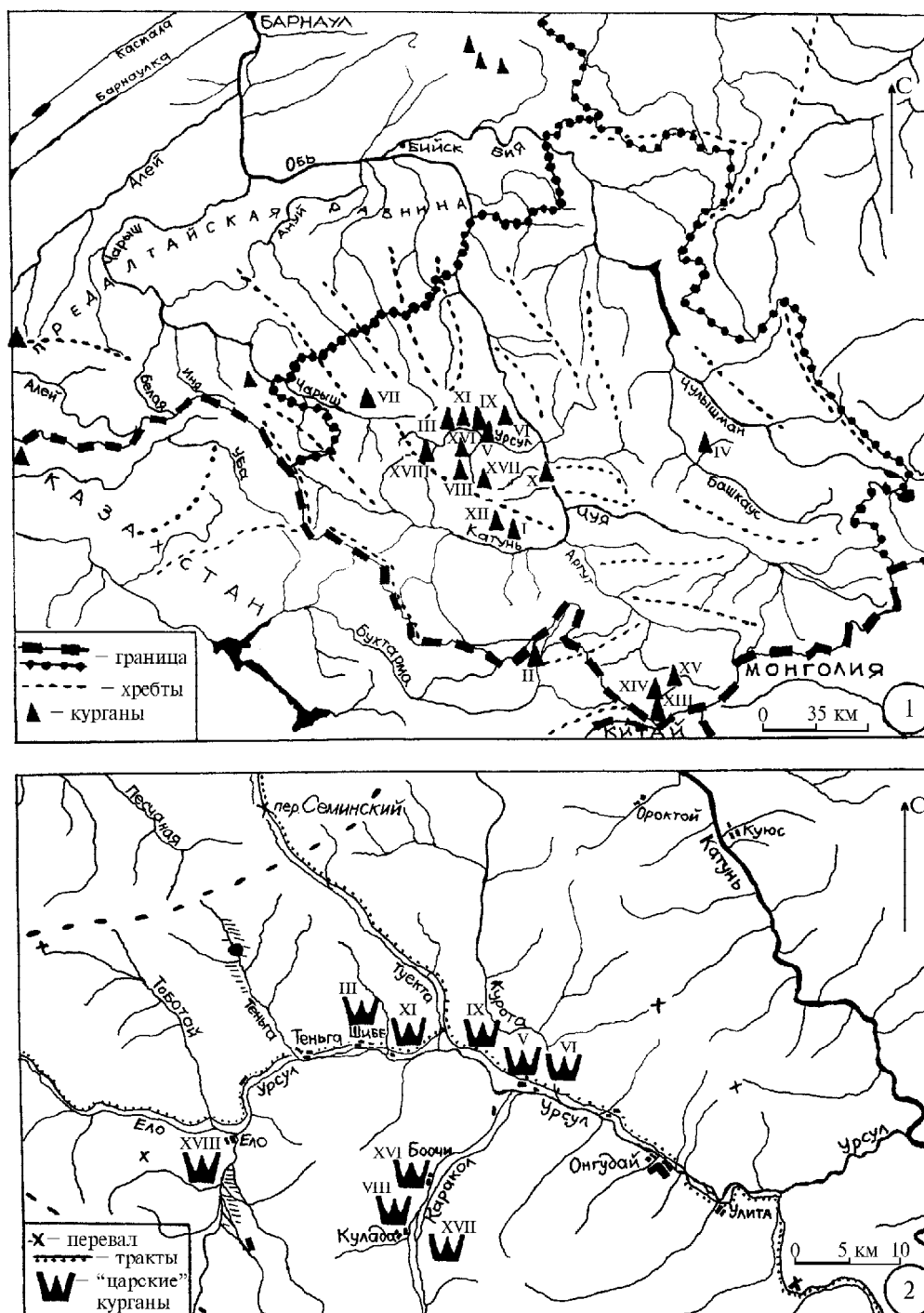

Рис. 3. «Царские» и «элитные» курганы:
1 — на территории Горного Алтая; 2 — в долине Урсула и его притоков

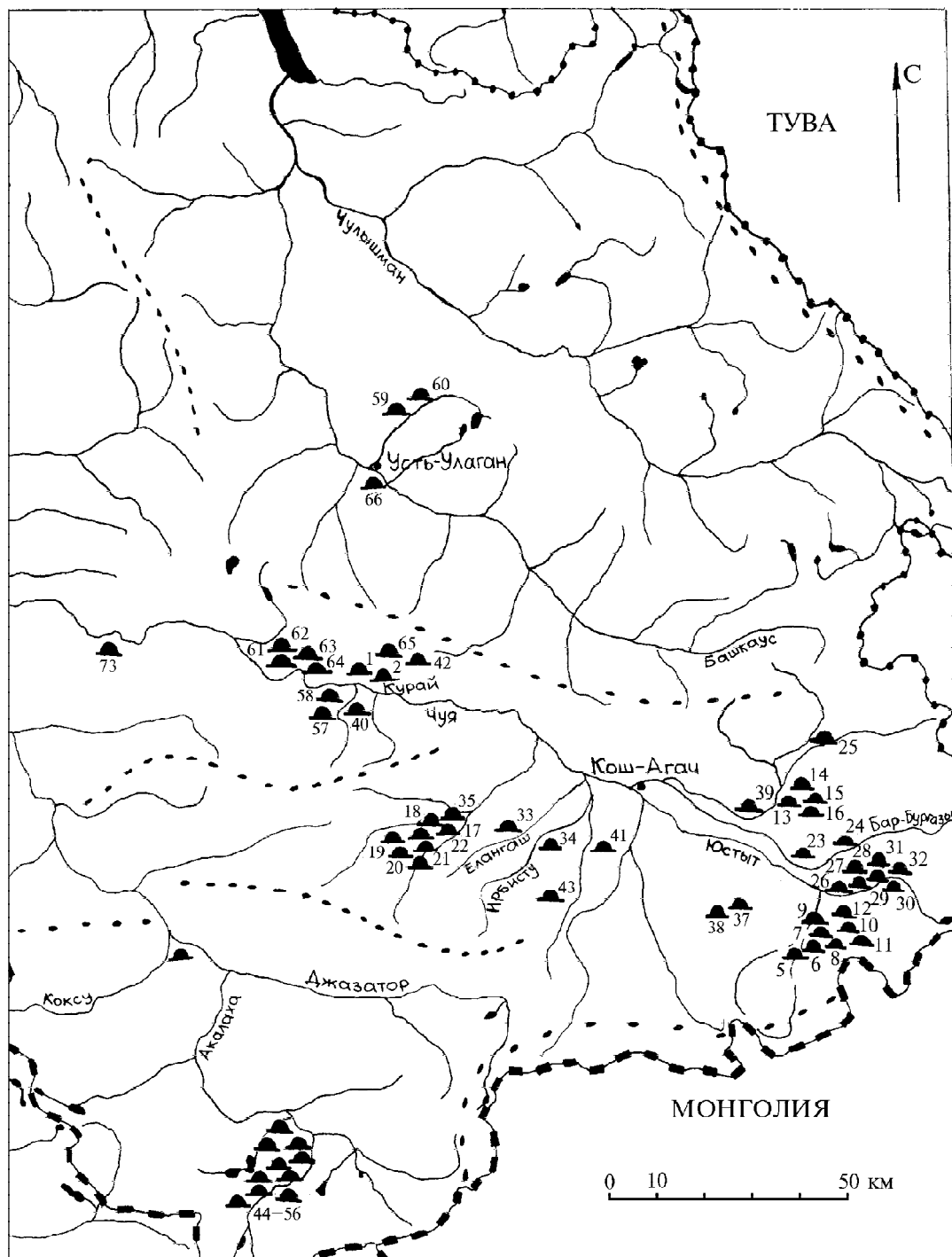

Рис. 4. Погребально-поминальные памятники скифской эпохи Юго-Восточного Алтая

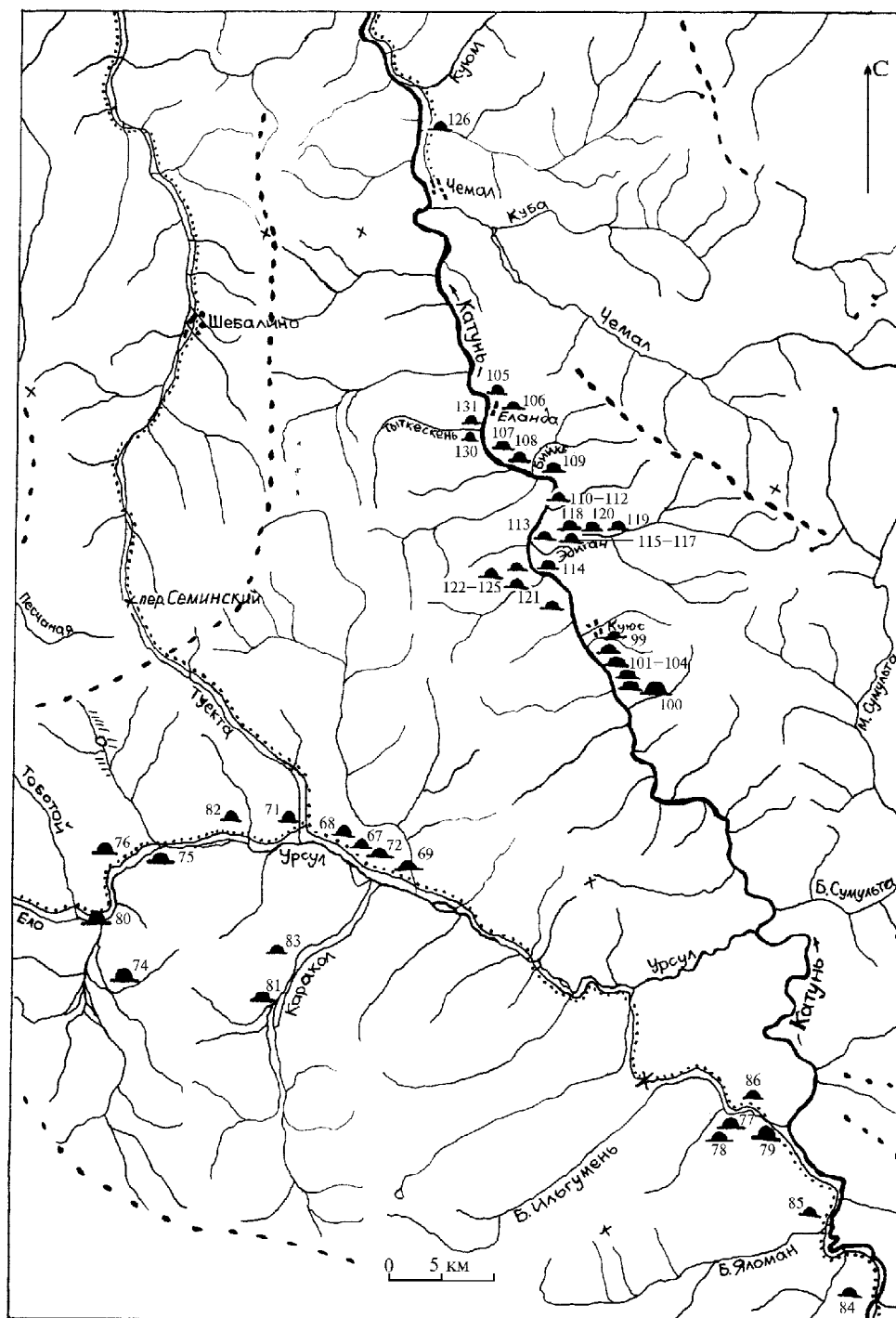

Рис. 5. Курганные группы пазырыкской культуры Центрального Алтая и других территорий

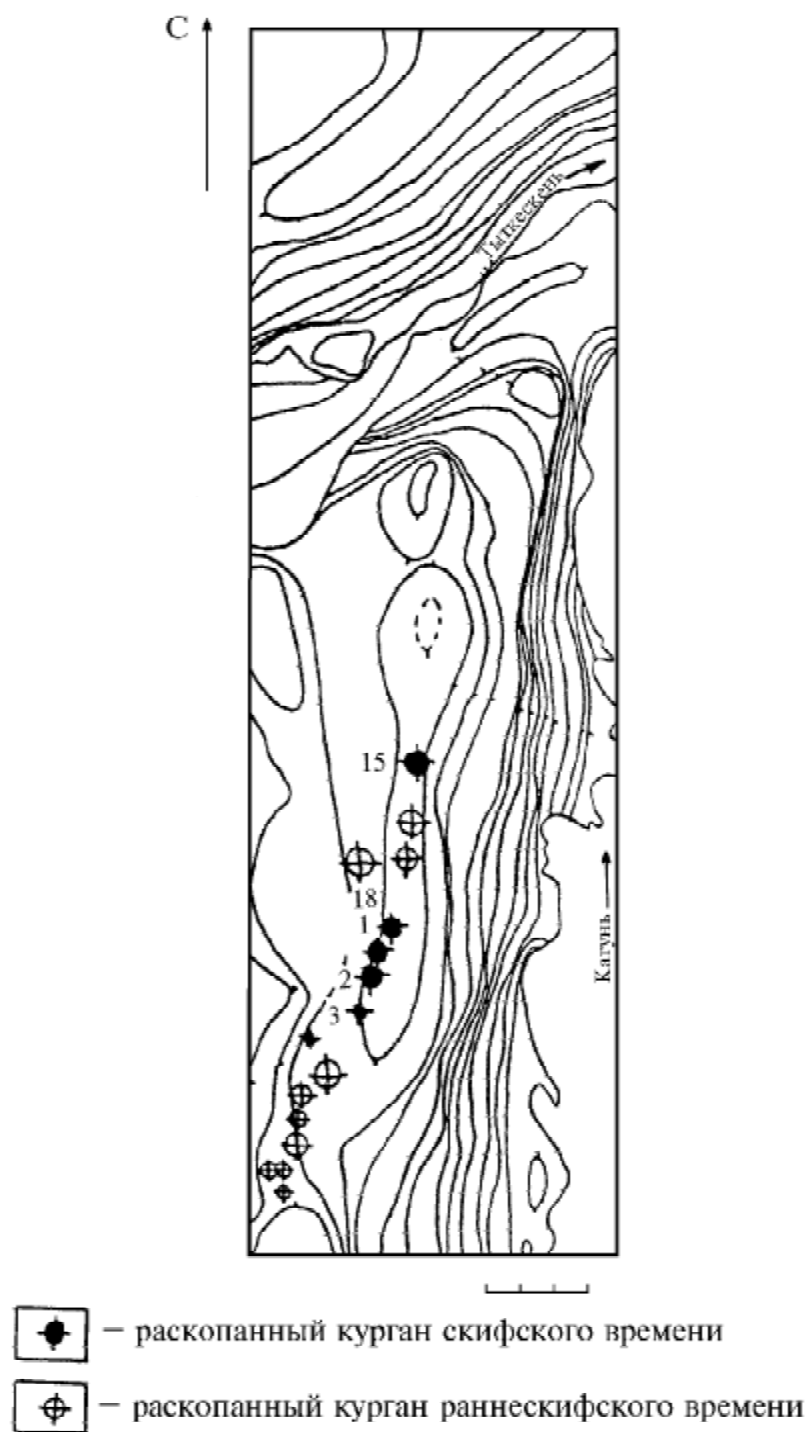

Рис. 6. План курганного могильника Тыткескен-I

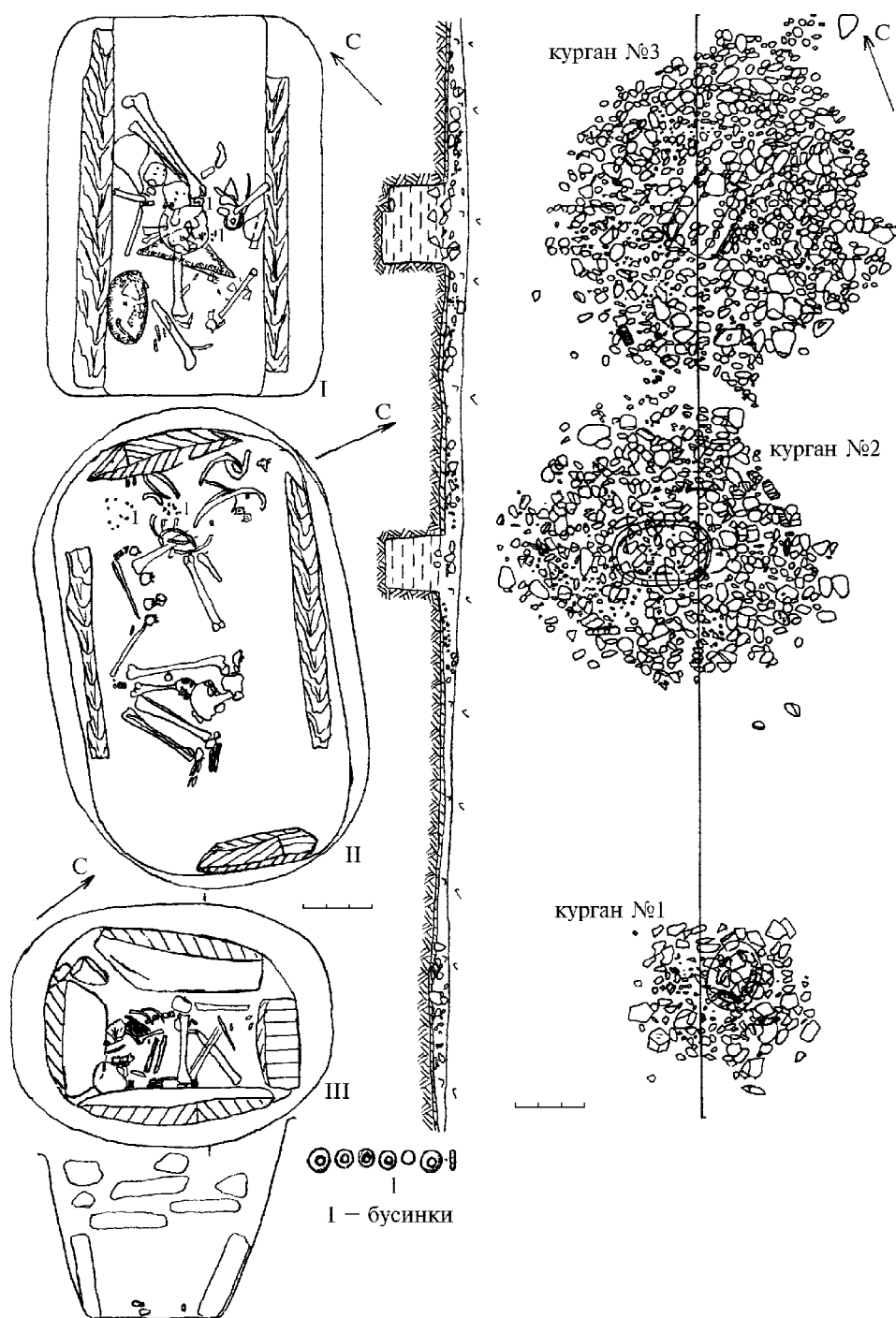

Рис. 7. Тыткескень-I. Курганы №3 (I), №2 (II), №1 (III)

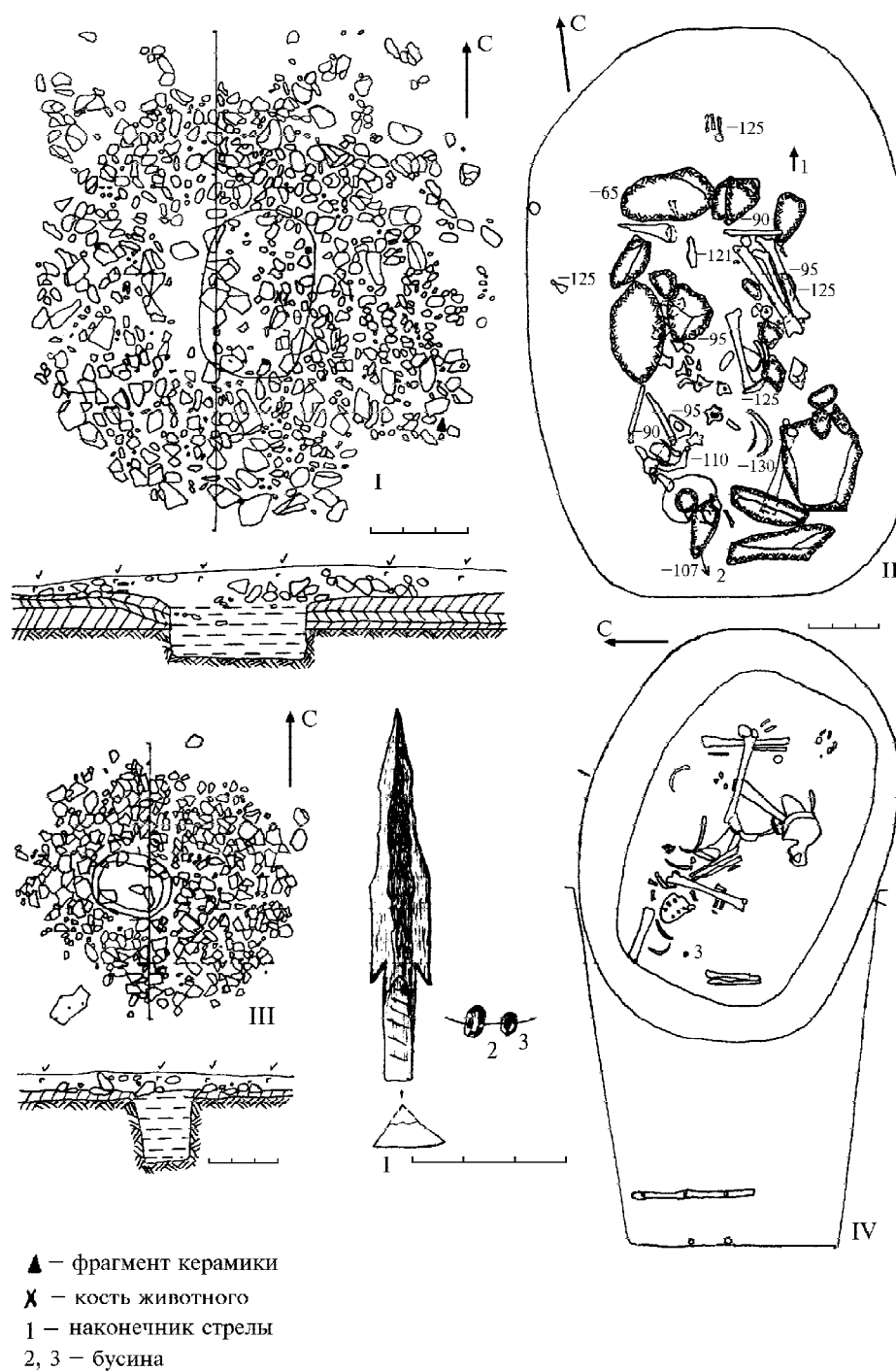

Рис. 8. Тыткескень-I. Курганы №15 (I-II), №18 (III-IV). Инвентарь из курганов №15 (1-2) и № 18 (3)

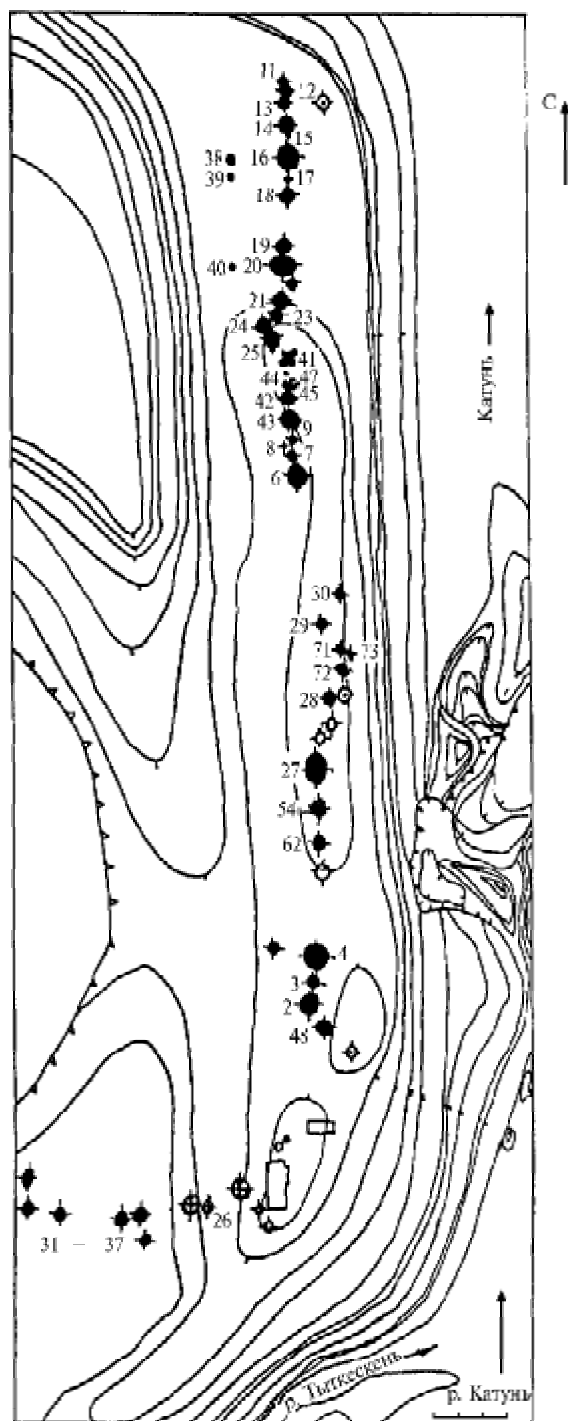

Рис. 9. Планы археологического памятника Тыткескен-VI

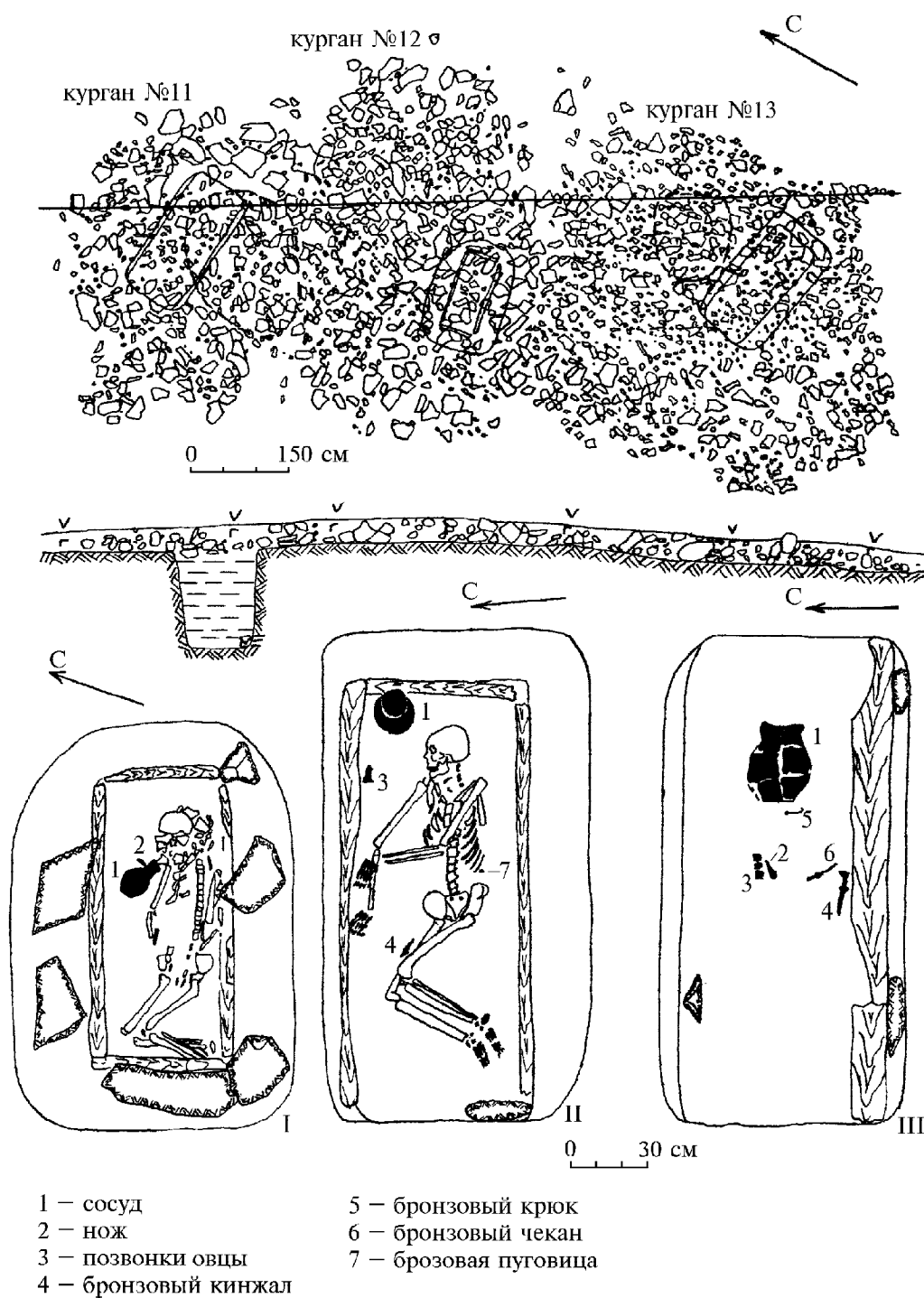

Рис. 10. Тыткескень-VI. Курганы №12 (I), №13 (II), №11 (III)

Рис. 11. Тыткескень-VI. Инвентарь из курганов №13 (1), №12 (2, 4), №11 (3): 1-3 – глина, 4 – железо

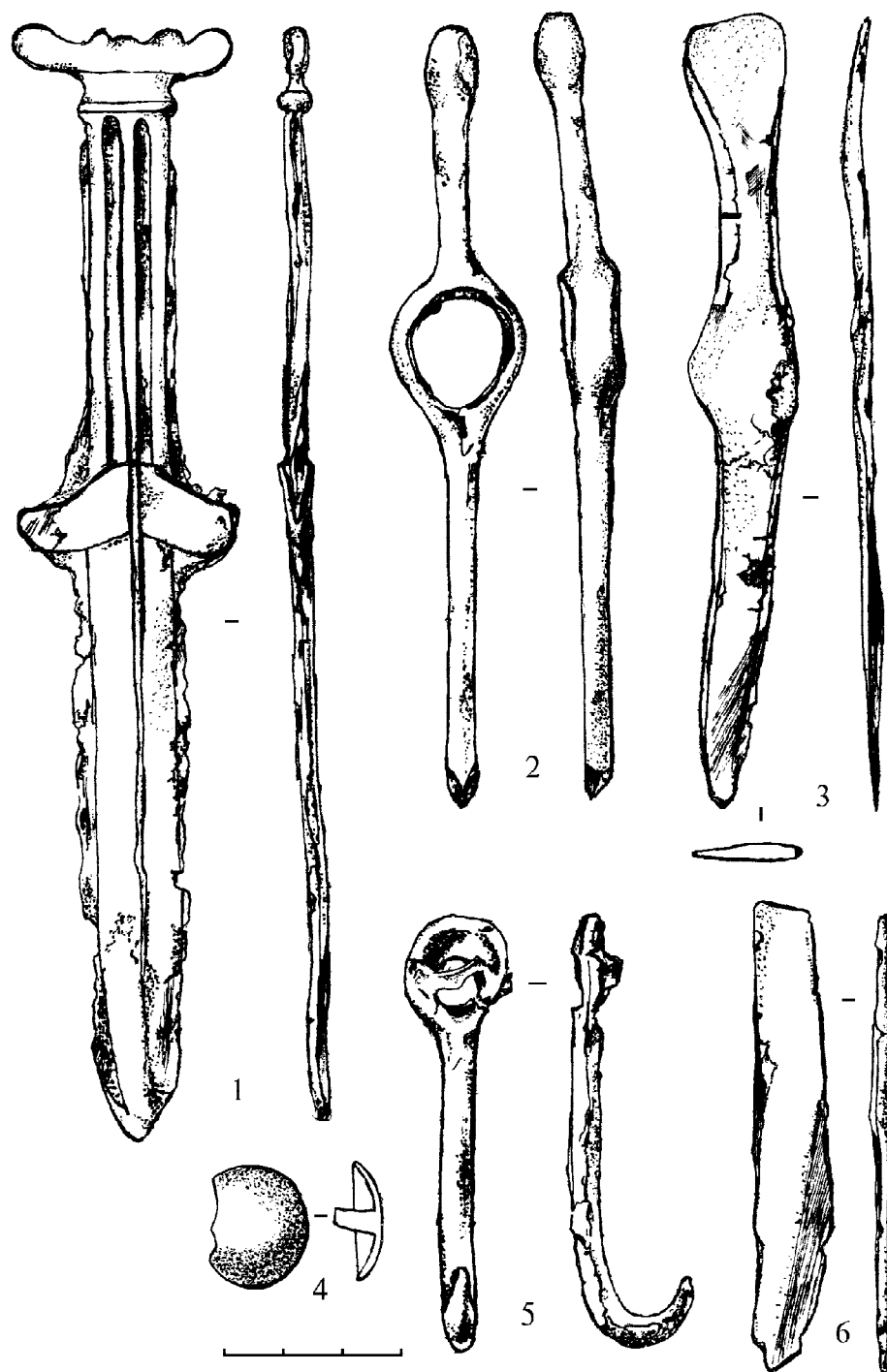

Рис. 12. Тыткескень-VI. Бронзовый инвентарь из курганов №11 (1-2, 5-6), №13 (3-4)

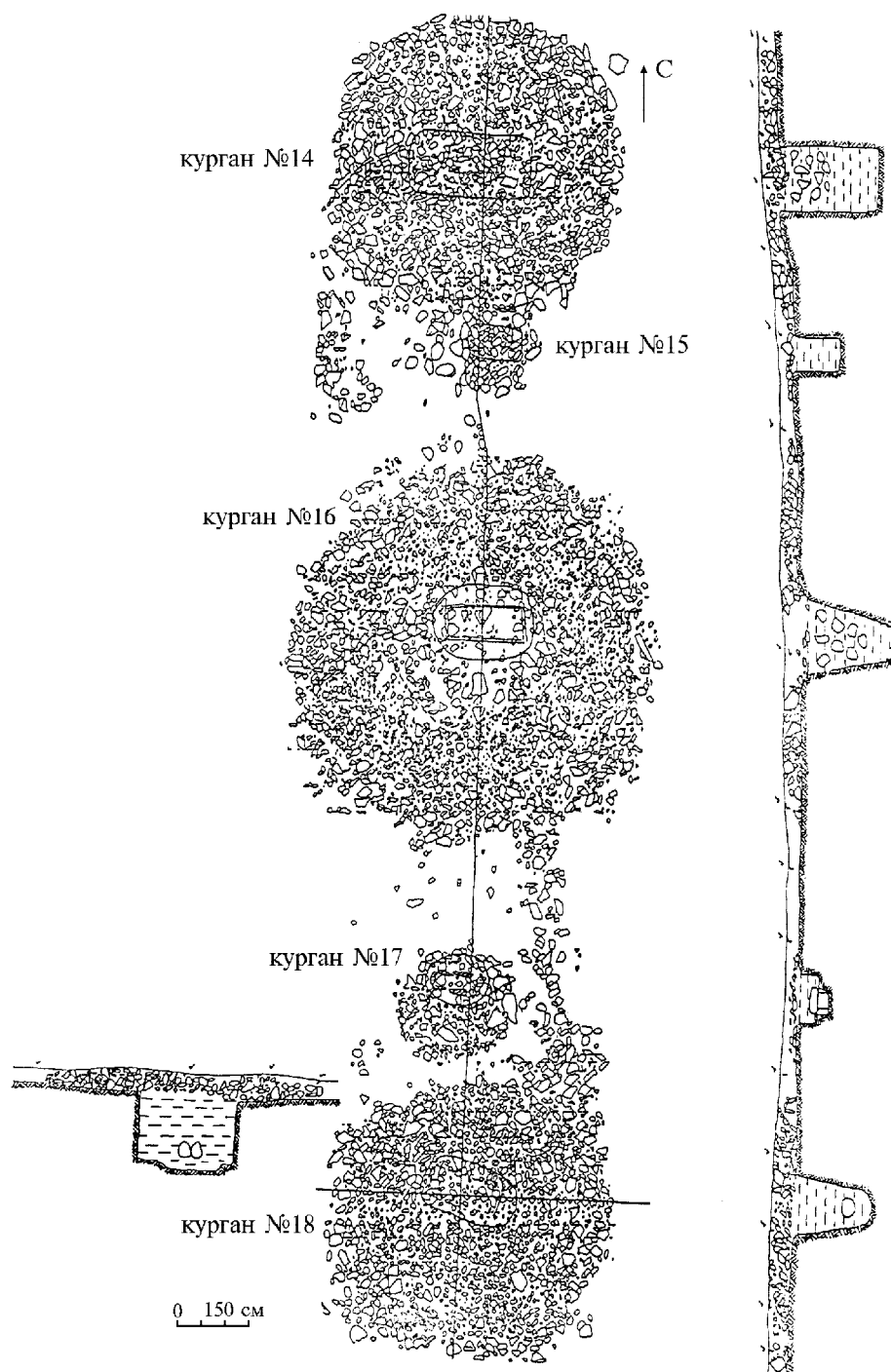

Рис. 13. Тыткескен-VI. Курганы №14–18

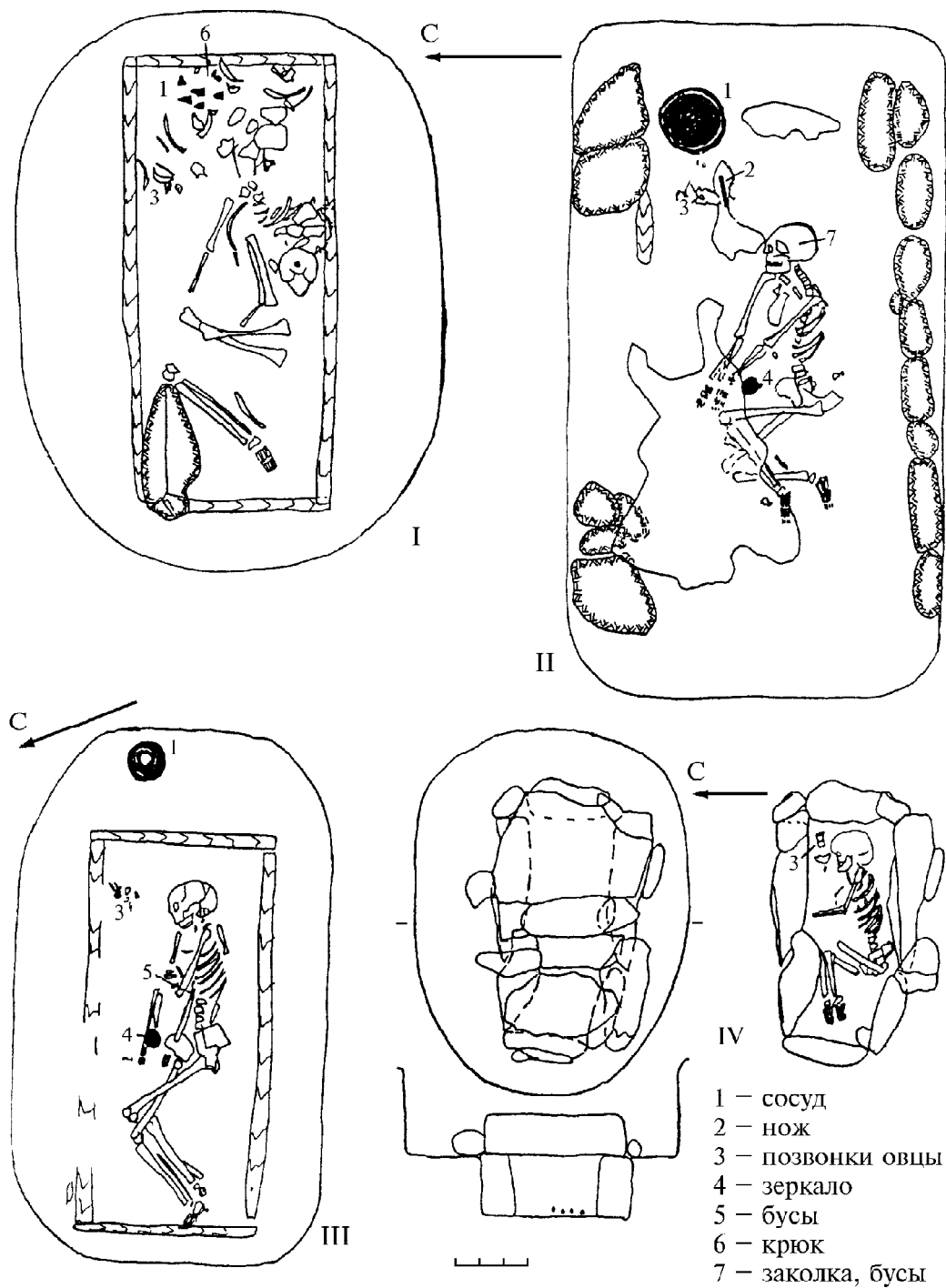

Рис. 14. Тыткескенъ-VI. I — курган №16; II — курган №14; III — курган №18; IV — курган №17

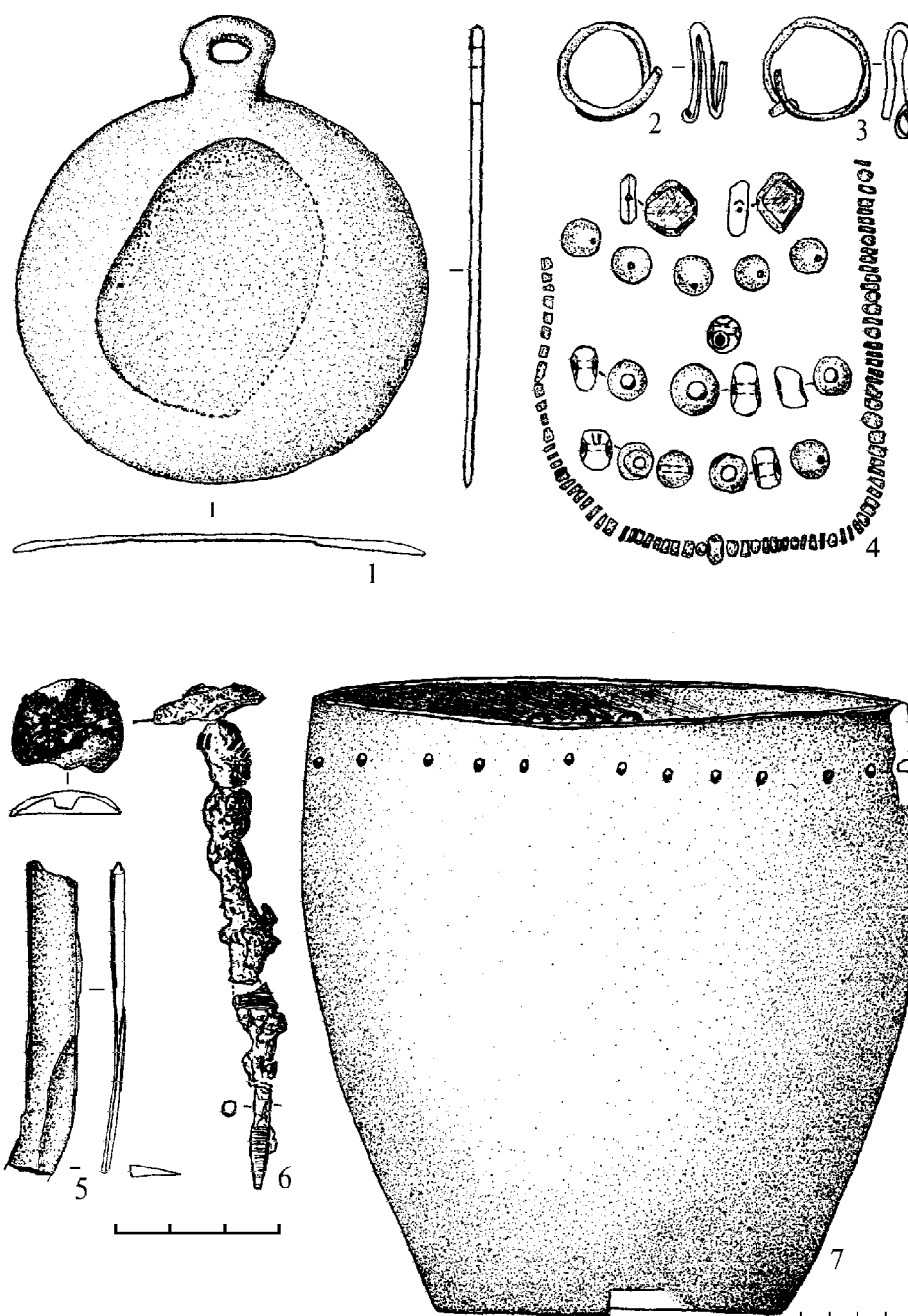

Рис. 15. Тыткескень-VI. Инвентарь из кургана №14.
1, 5 – бронза; 2, 3 – золото; 4 – сердолик, стекло, кость, створки раковин и др.;
6 – бронза, железо; 7 – глина

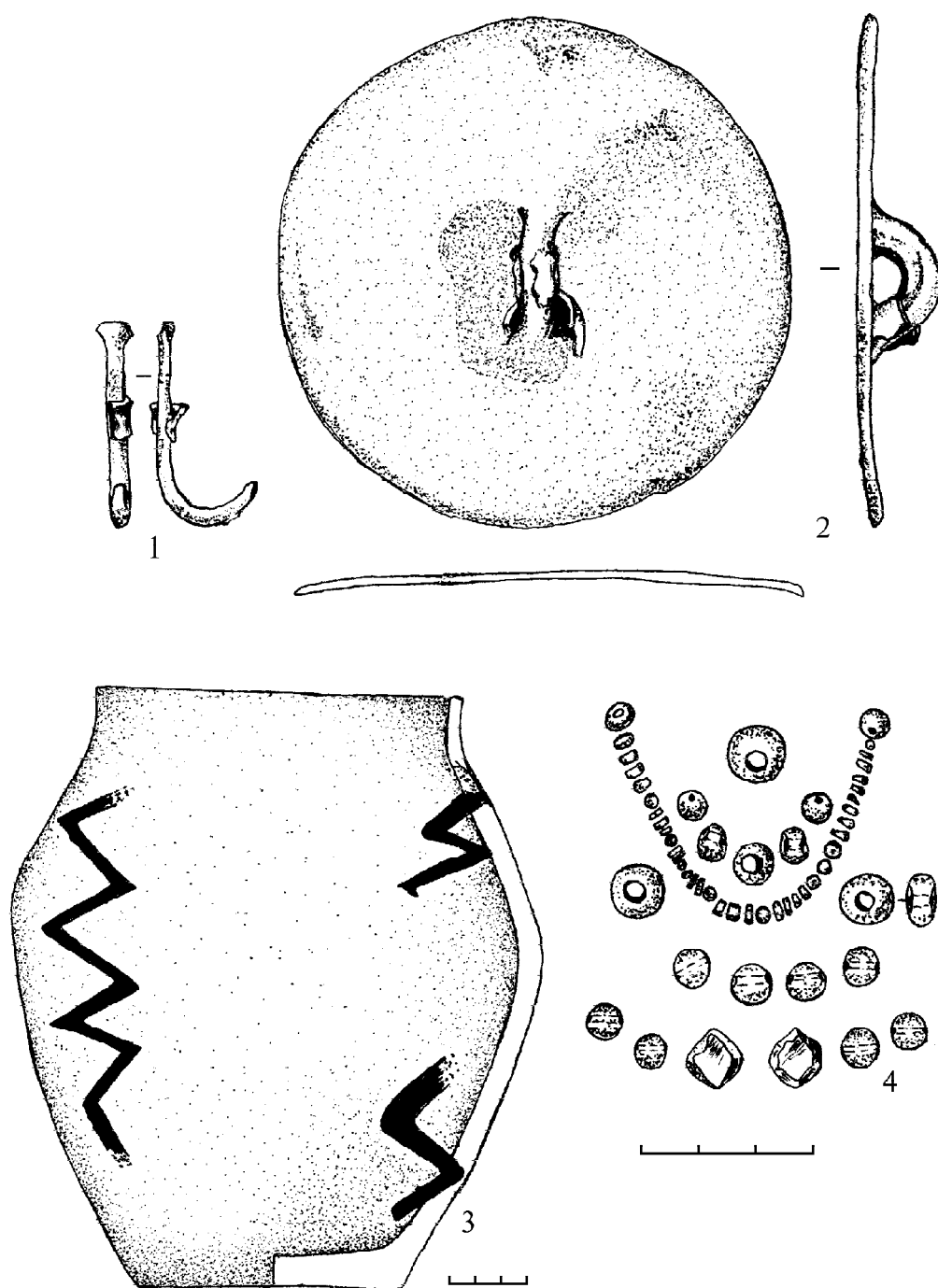

Рис. 16. Тыткескень-VI. Инвентарь из курганов №16 (1) и №18 (2-4).
1, 2 – бронза; 4 – сердолик, стекло, и др.; 3 – глина

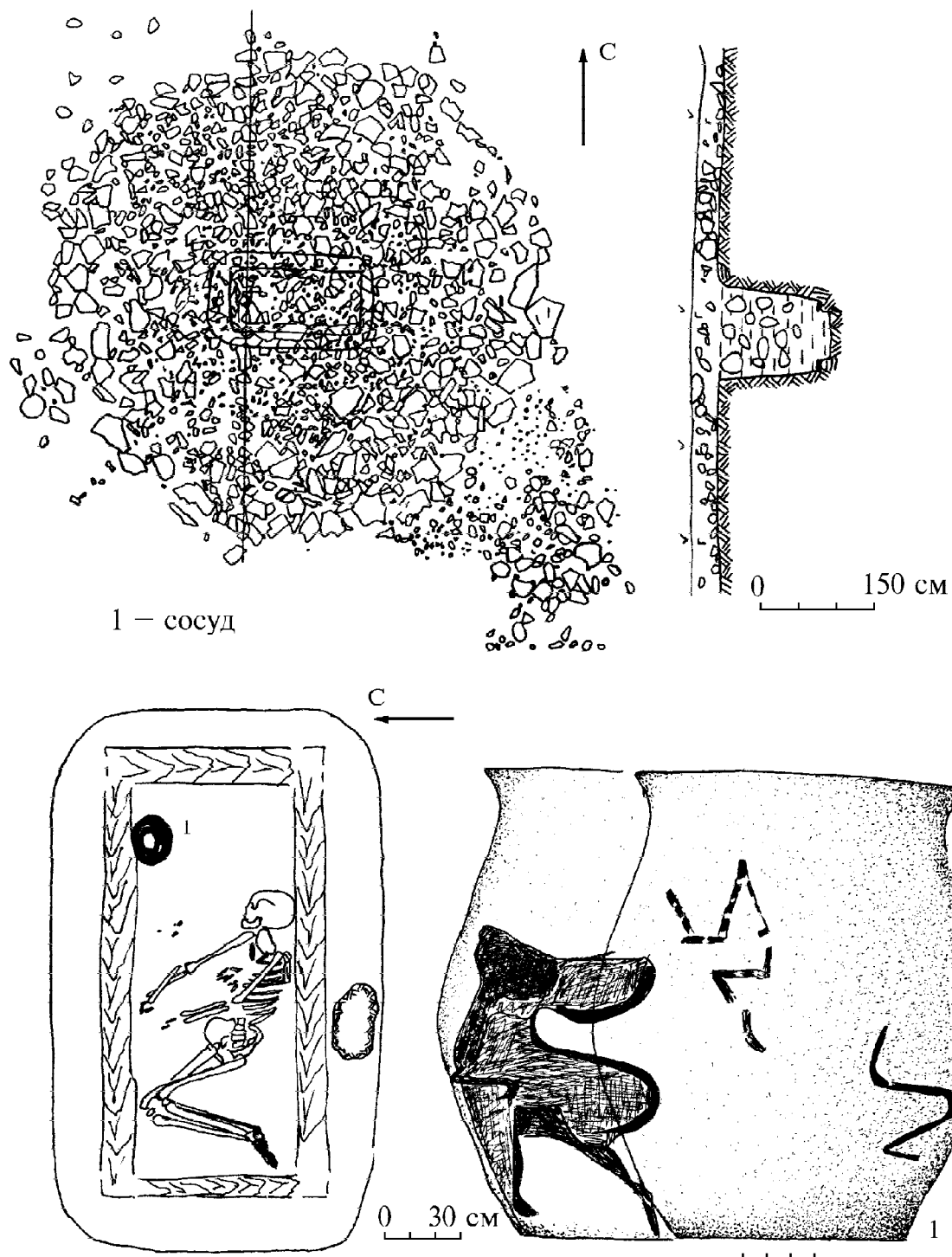

Рис. 17. Тыткескень-VI. Курган №19

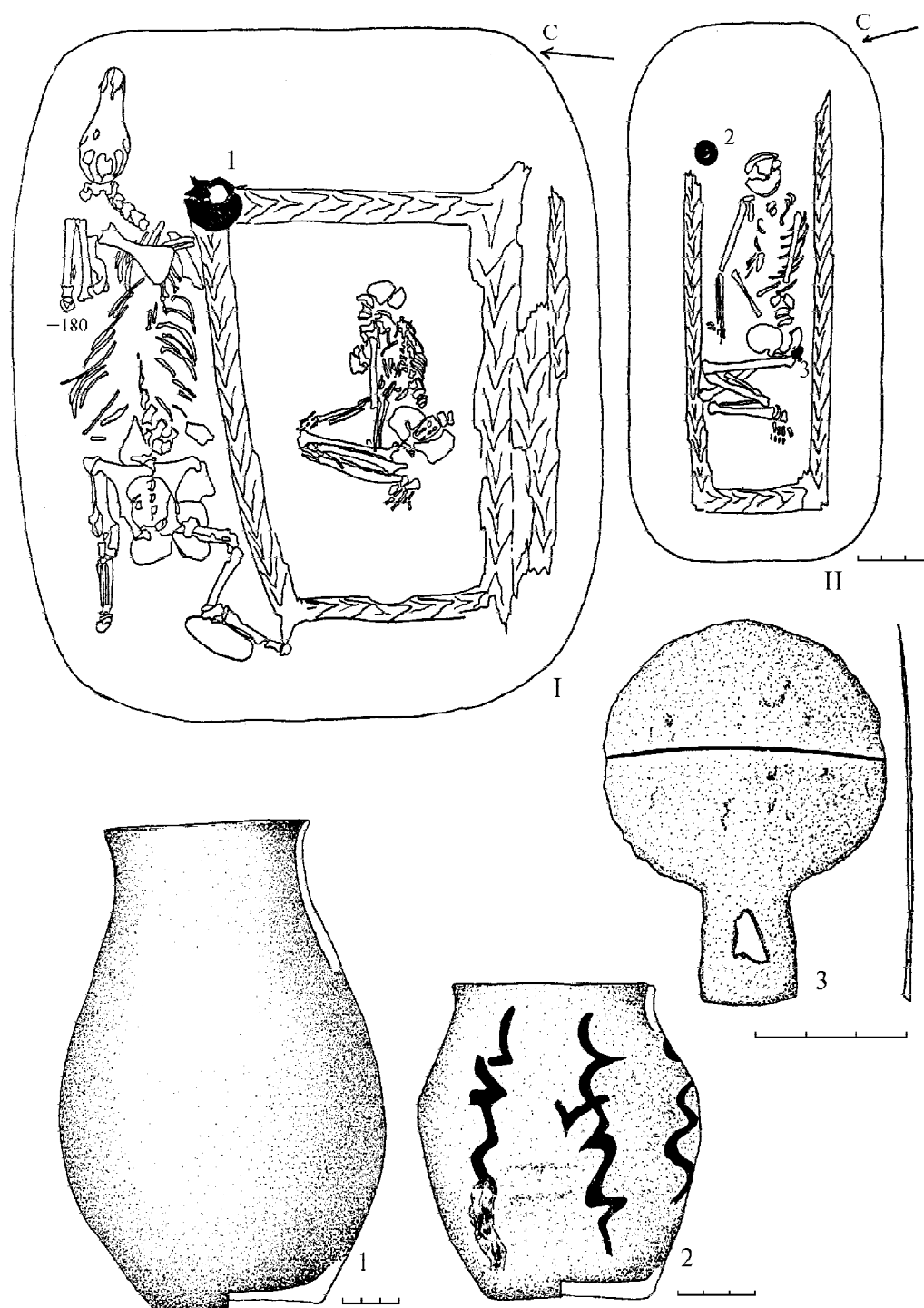

Рис. 18. Тыткескень-VI. Курганы №21 (I; 1), 23 (II; 2-3). 1-2 – глина; 3 – бронза

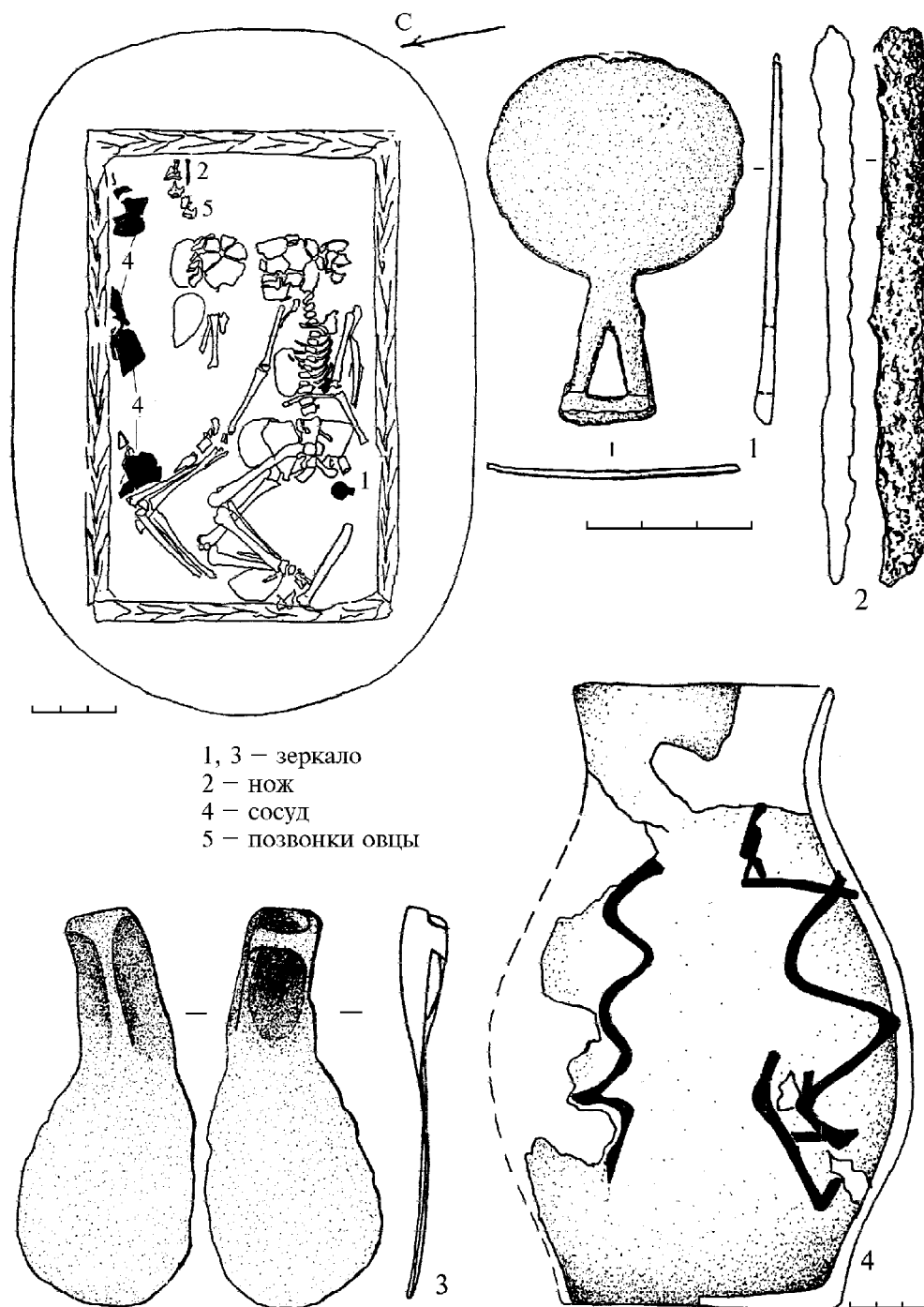

Рис. 19. Тыткескень-VI. Курган №24. 1, 3 – бронза; 2 – железо; 4 – глина

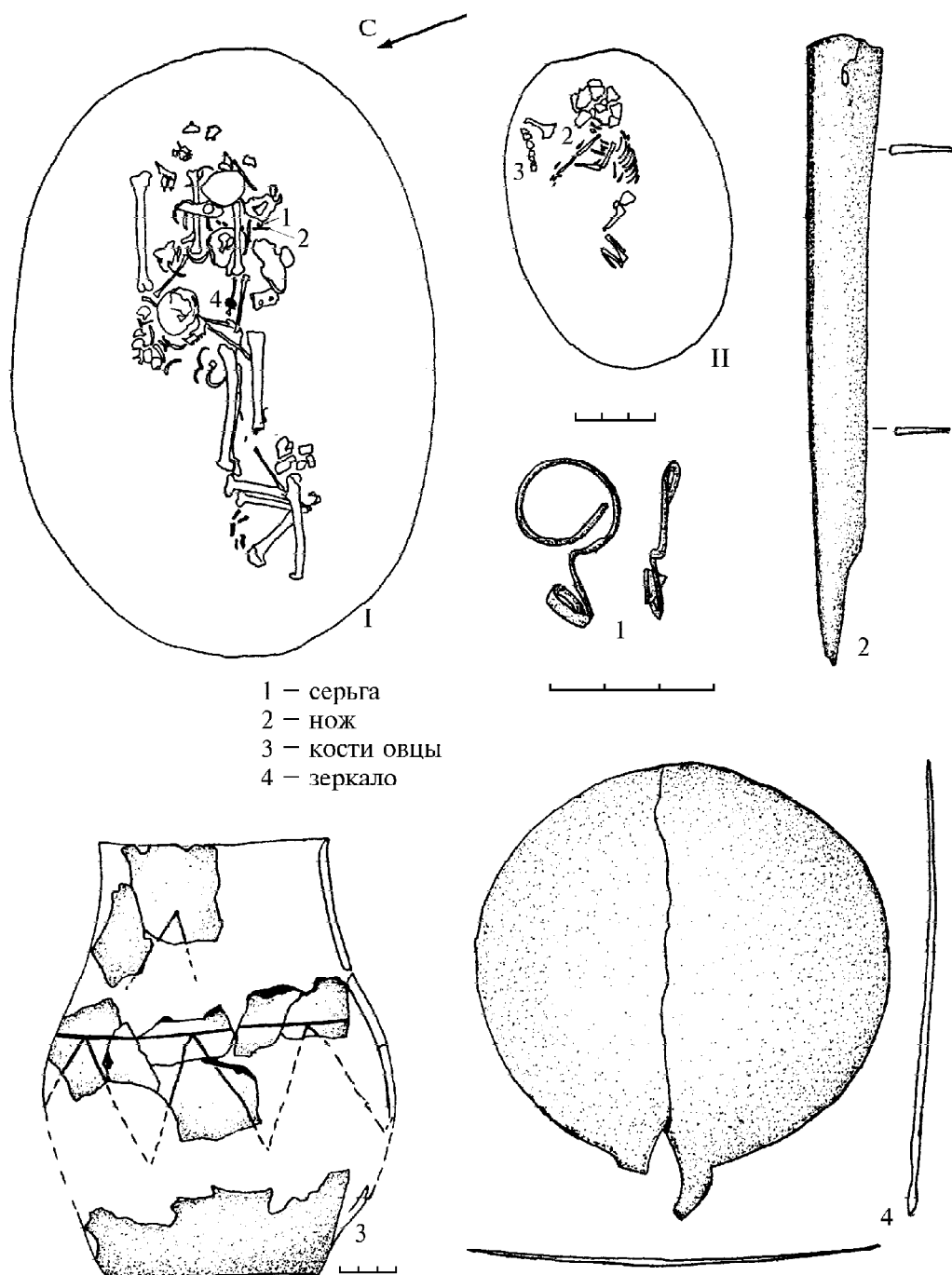

Рис. 20. Тюткескень-VI. Курган №25: I – погребение №1, II – погребение №2.
1, 2, 4 – вещи из погребения №1; 3 – сосуд из кургана №20
(1-2, 4 – бронза; 3 – глина)

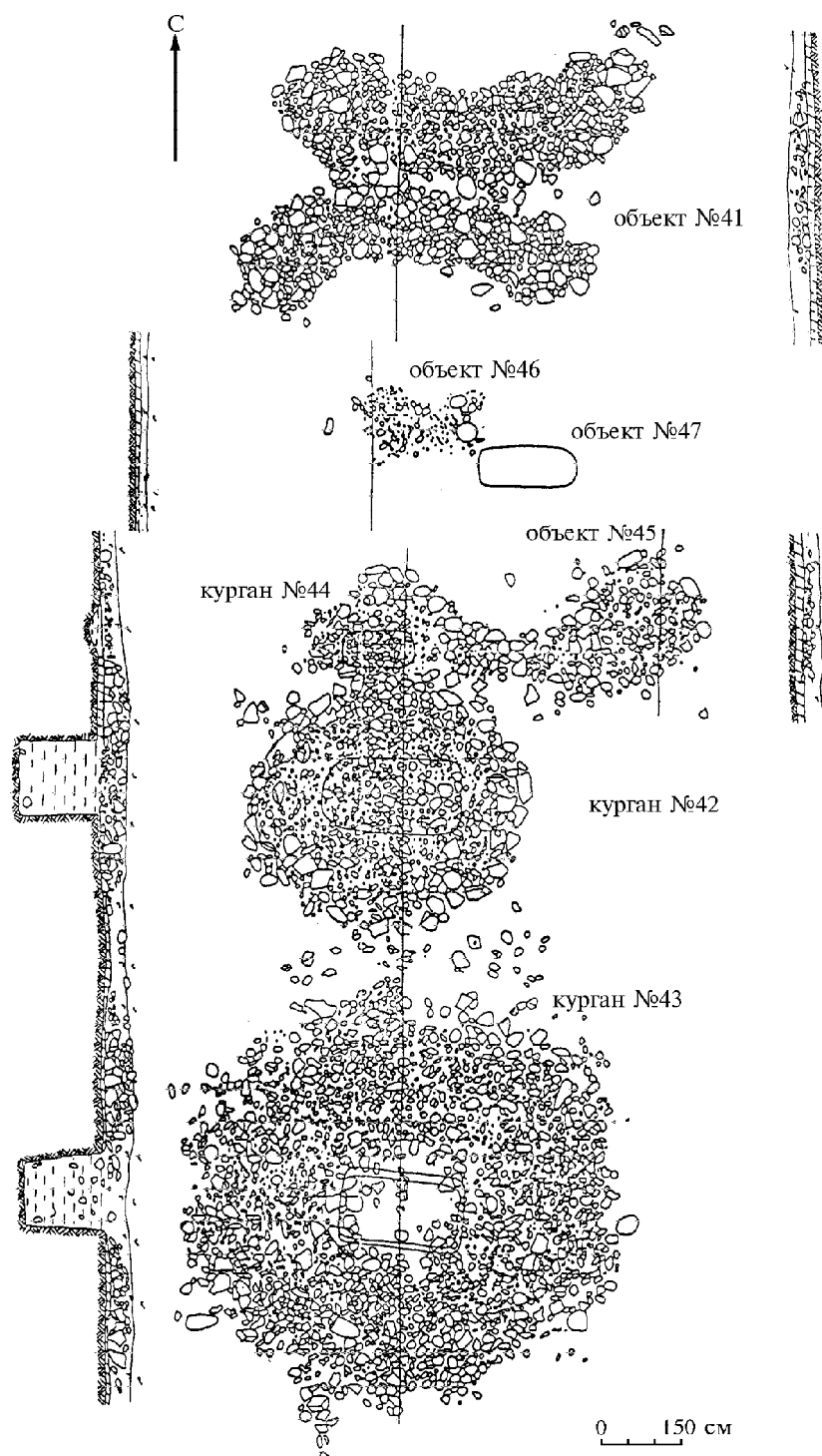

Рис. 21. Тыткескень-VI. Курганы и объекты №41–47

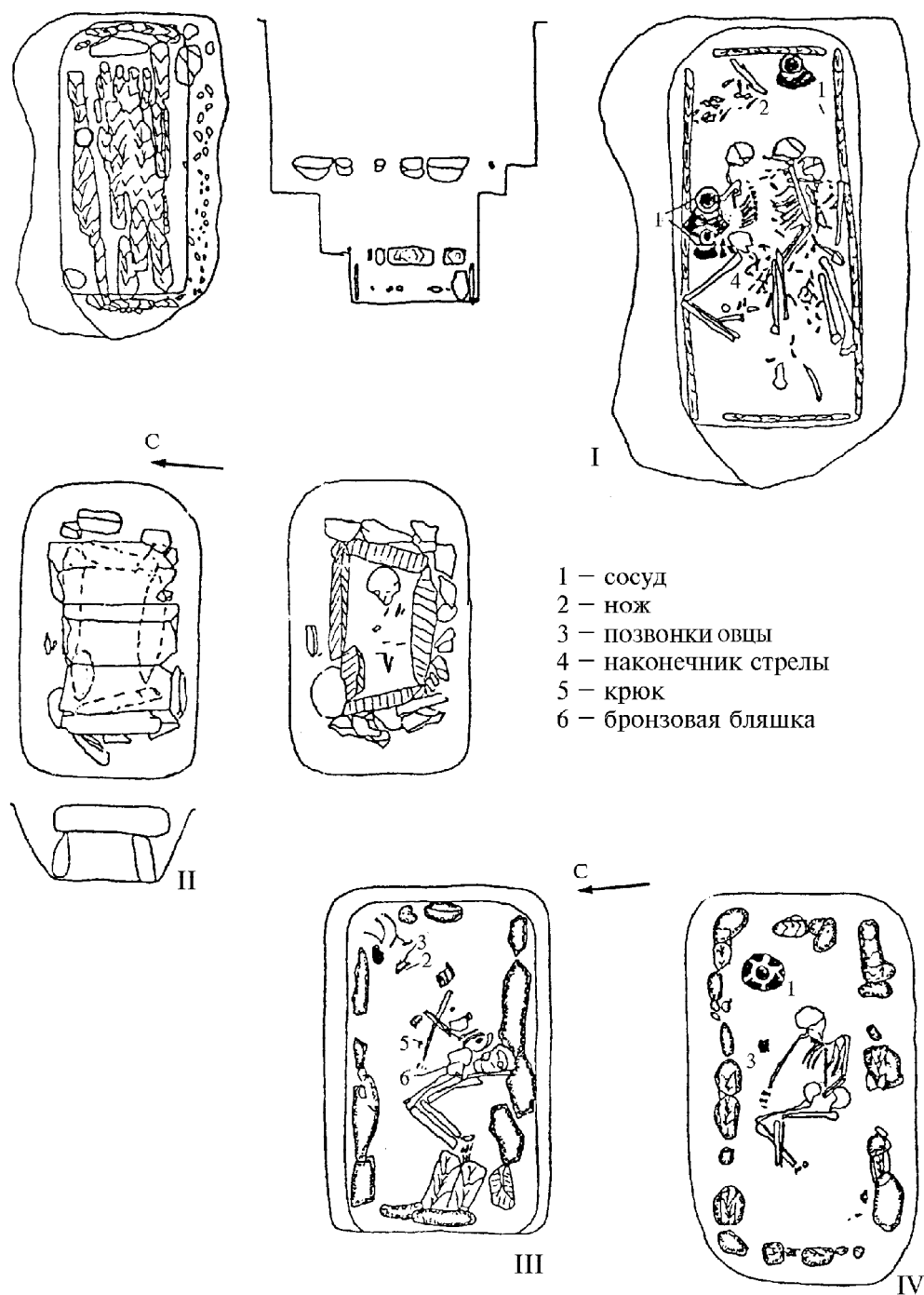

Рис. 22. Тыткескень-VI. I — объект №47; II — курган №44; III — курган №43; IV — курган №42

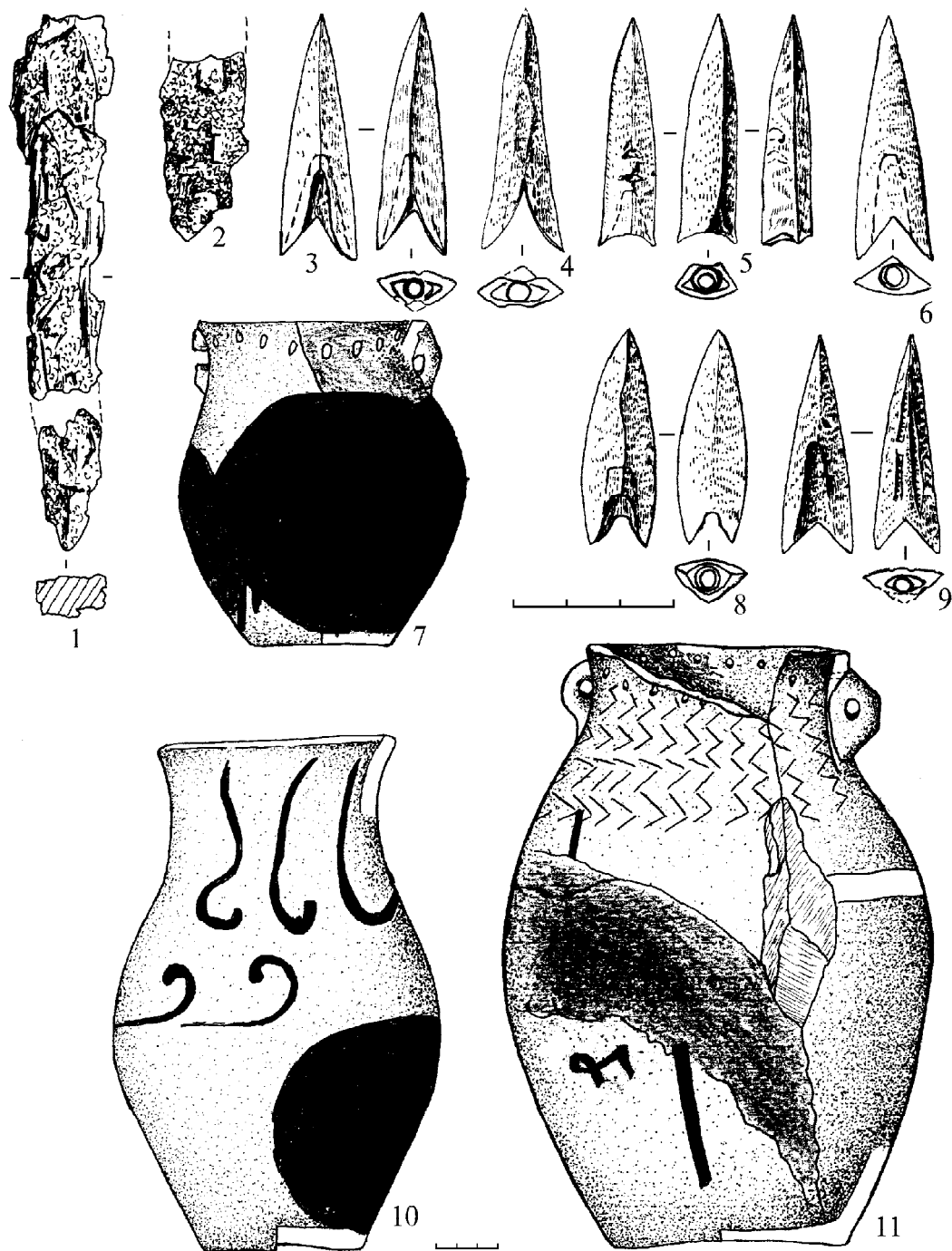

Рис. 23. Тыткескен-VI. Инвентарь из могилы объекта №47:
1-2 – железо; 3-6, 8-9 – кость; 7, 10-11 – глина

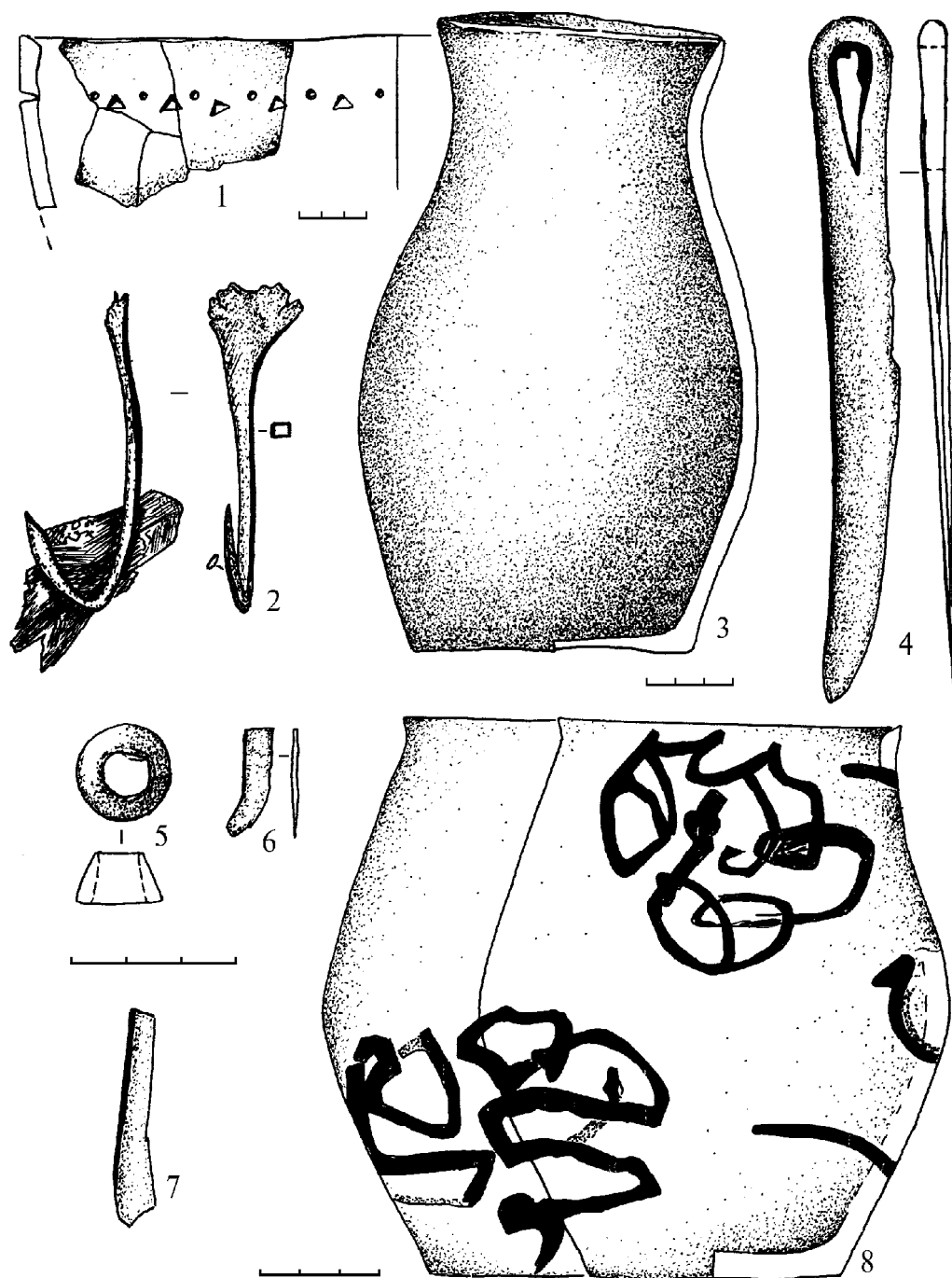

Рис. 24. Тыткескень-VI. Инвентарь из объекта №46 (1), курганов №43 (2, 4-5, 8), №42 (3), №44 (6):
1, 3, 8 – глина; 2, 4-7 – бронза

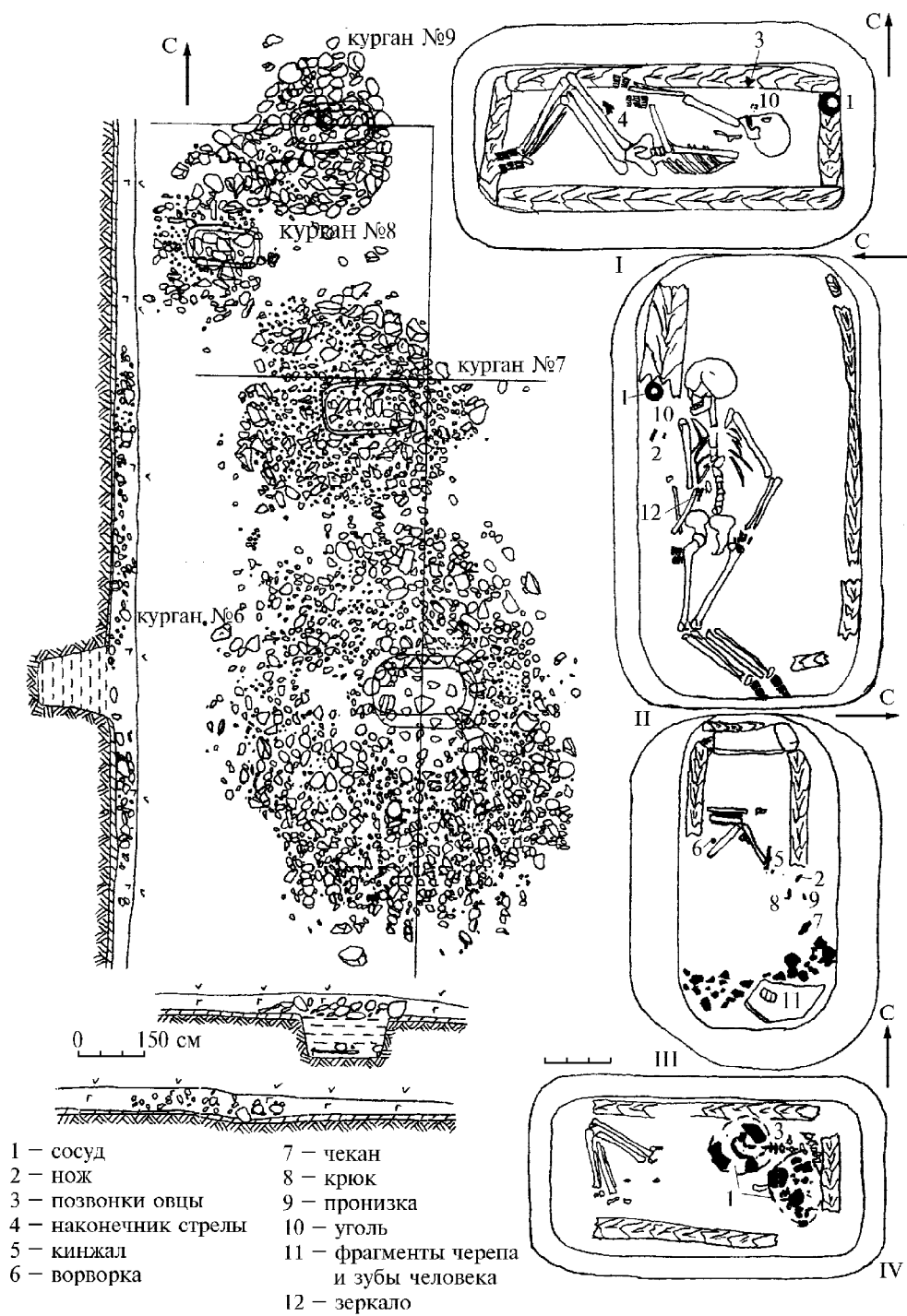

Рис. 25. Тыткескень-VI. Курганы №9 (I), №7 (II), №6 (III), №8 (IV)

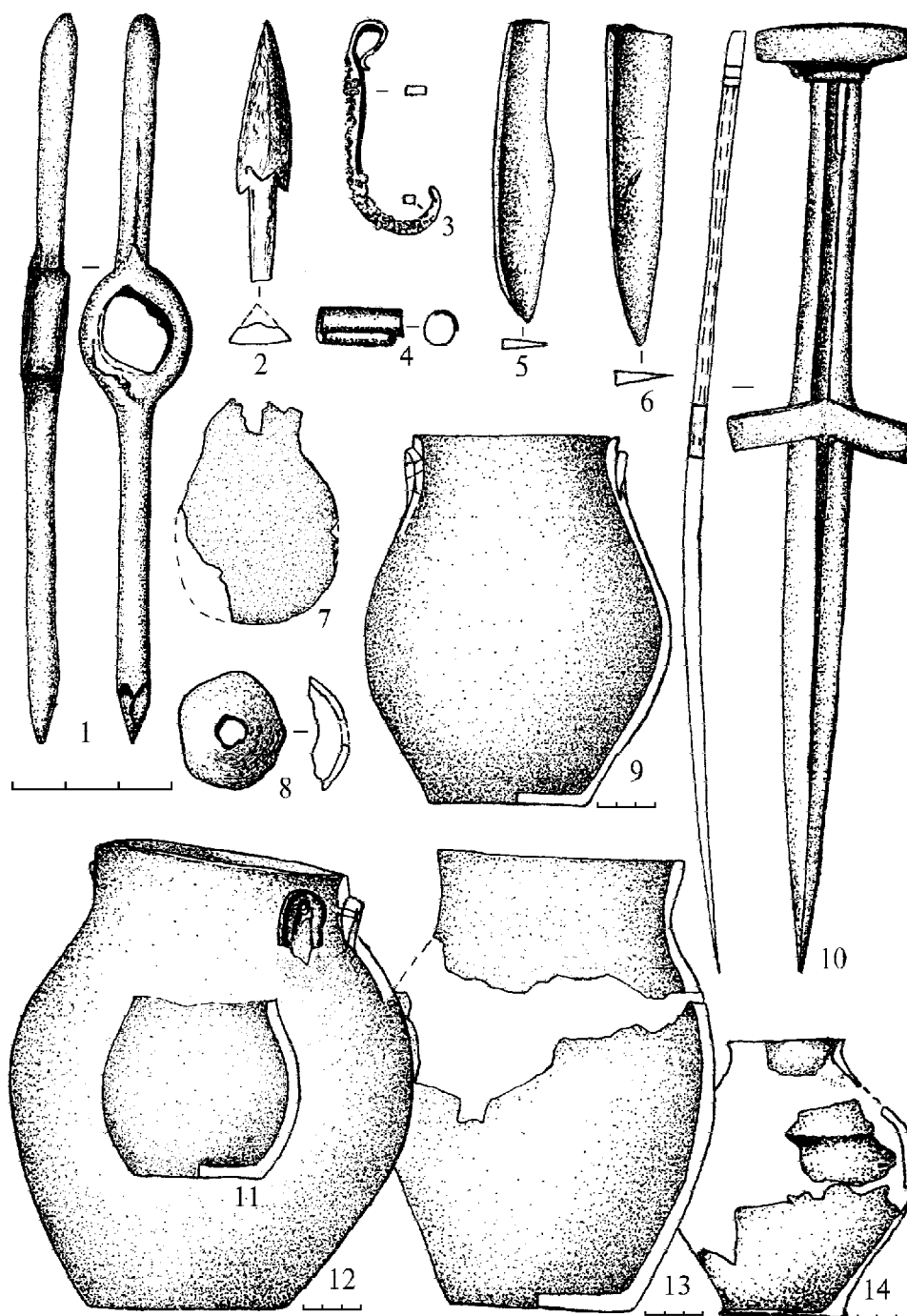

Рис. 26. Тыткескень-VI. Инвентарь из курганов №6 (1, 3-5, 10, 13), №7 (6, 8, 12), №8 (7, 9, 14), №9 (2, 11): 1, 3-8, 10 – бронза; 2 – кость; 9, 12-14 – глина

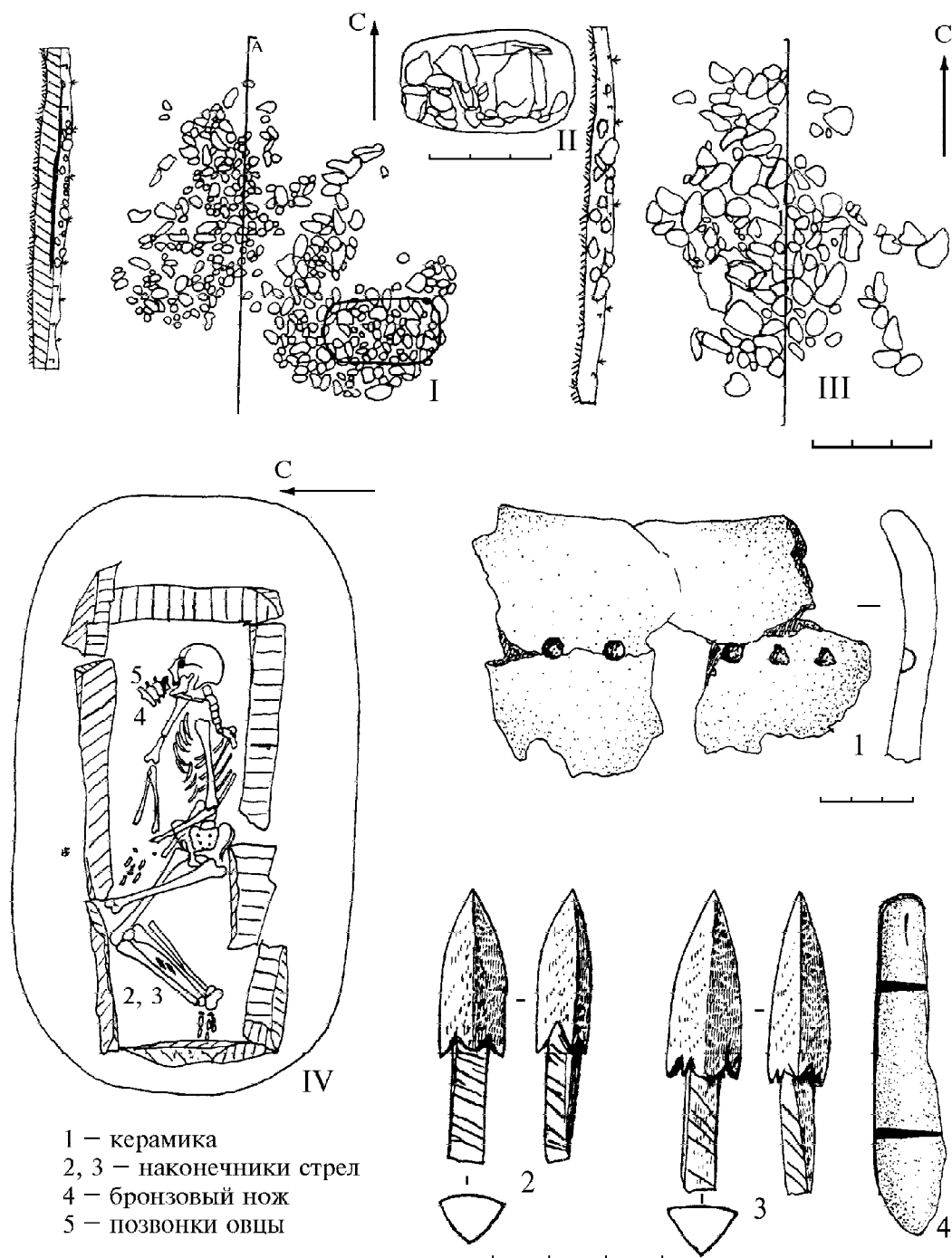

Рис. 27. Тяткескень-VI. Курган №28 (I, II, IV). Объект №30 (III). Инвентарь из кургана №28 (2–4), объекта №30 (1): 1 — глина; 2, 3 — кость; 4 — бронза

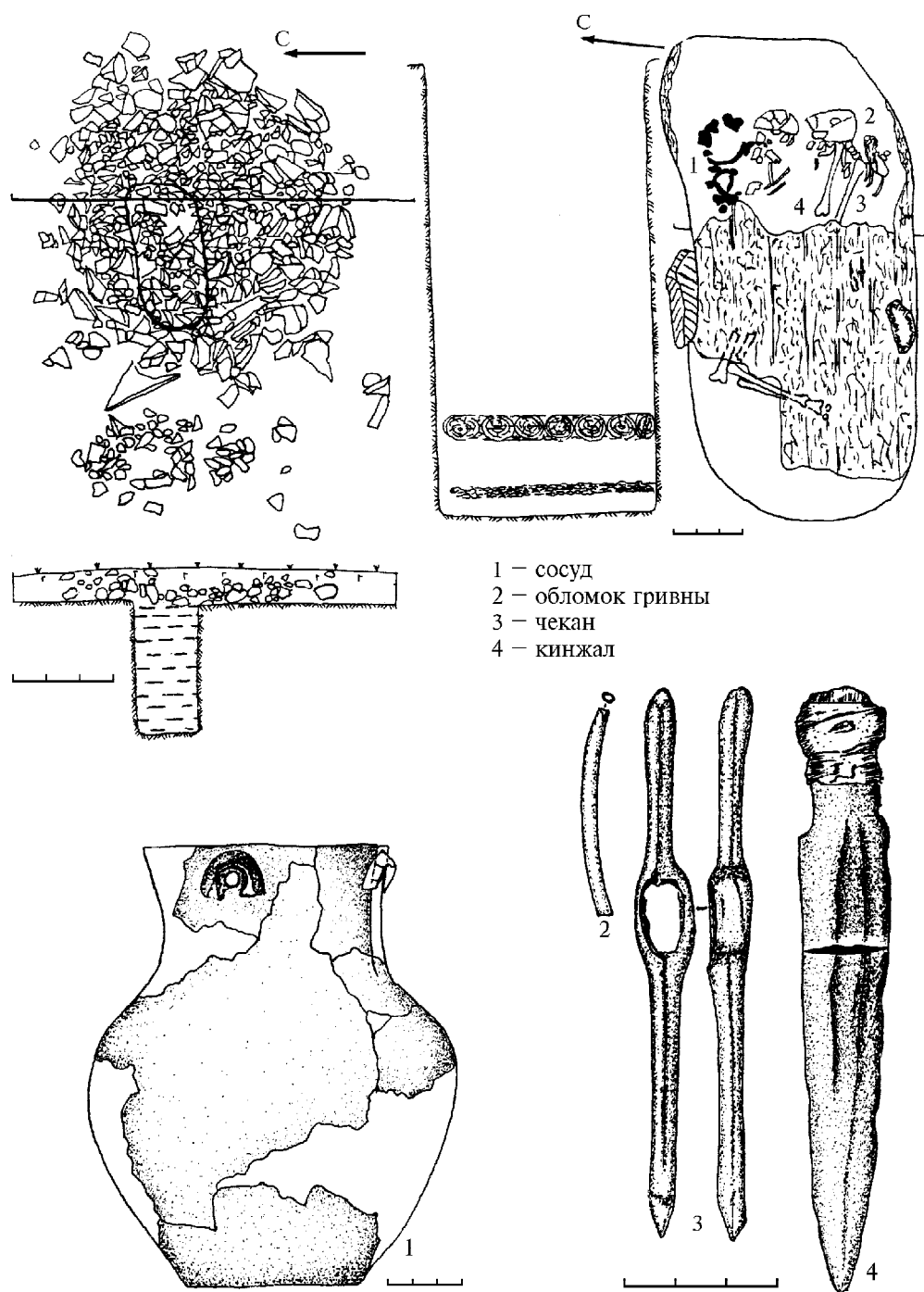

Рис. 28. Тыткескень-VI. Курган №29. 1 — глина; 2-4 — бронза

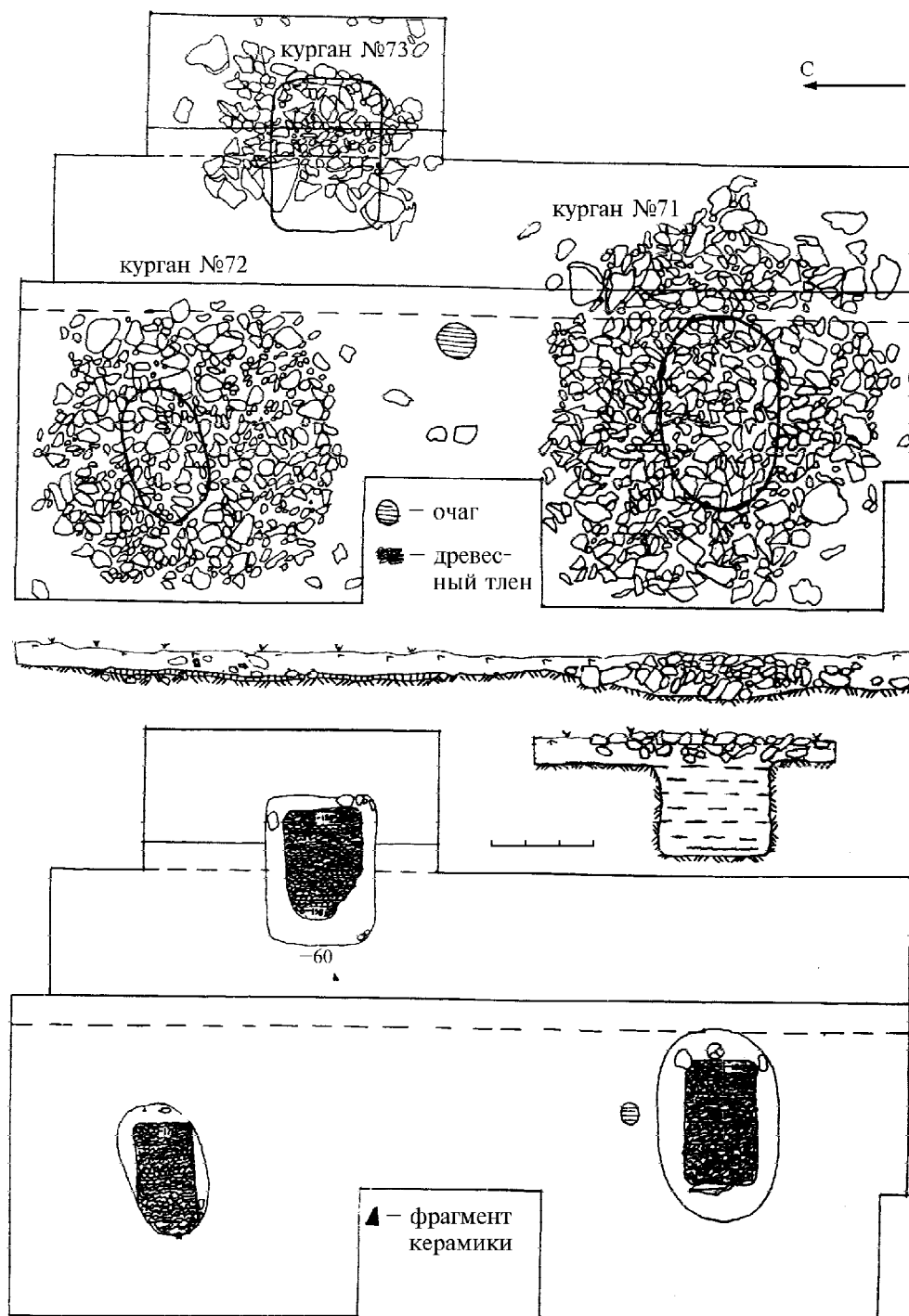

Рис. 29. Тыткескень-VI. Курганы №71-73

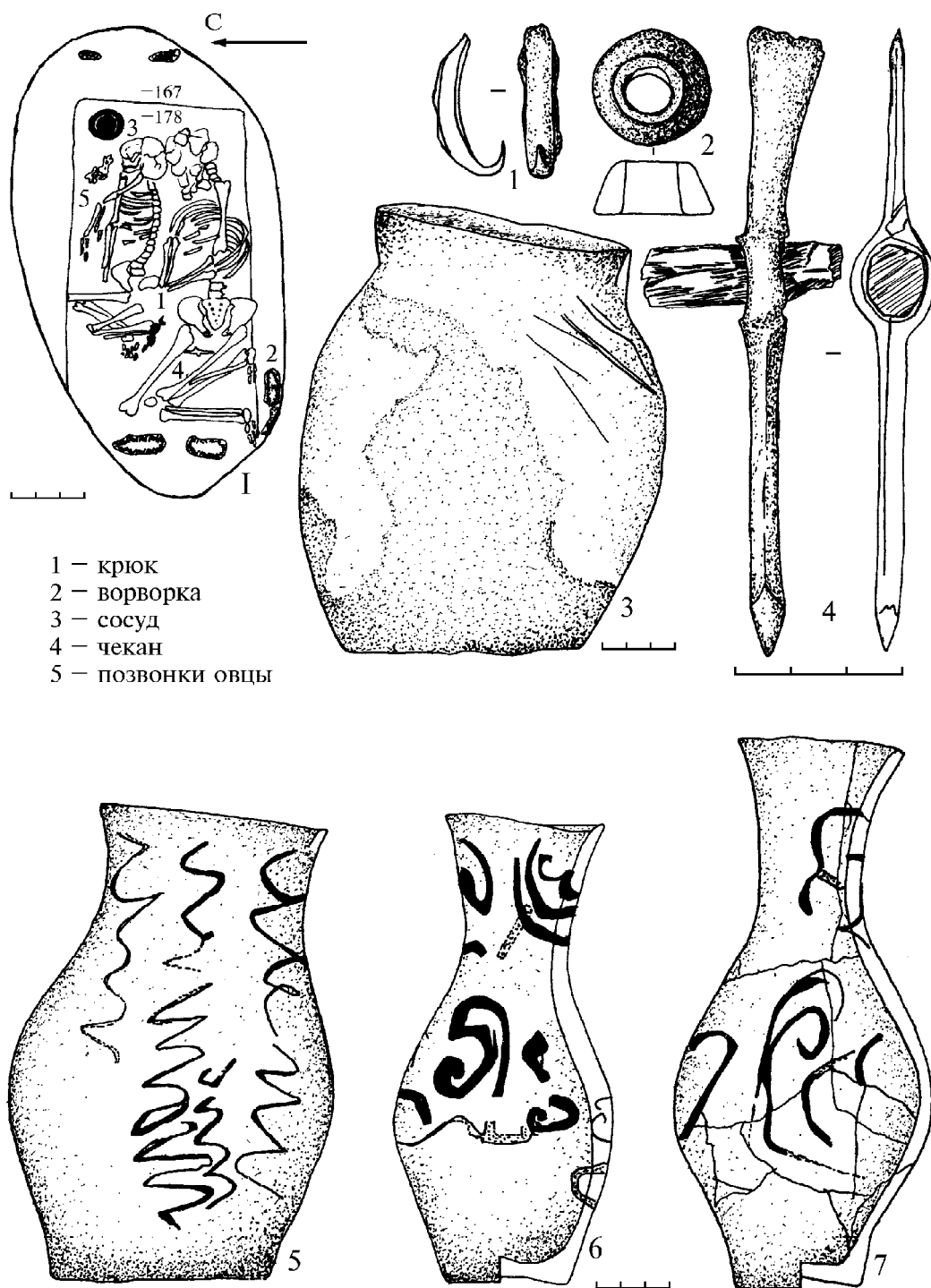

Рис. 30. Тыткескень-VI. Курган №72 (I). Инвентарь из курганов №72 (1-4), №73 (5-7):
1-2, 4 – бронза; 3, 5-7 – глина

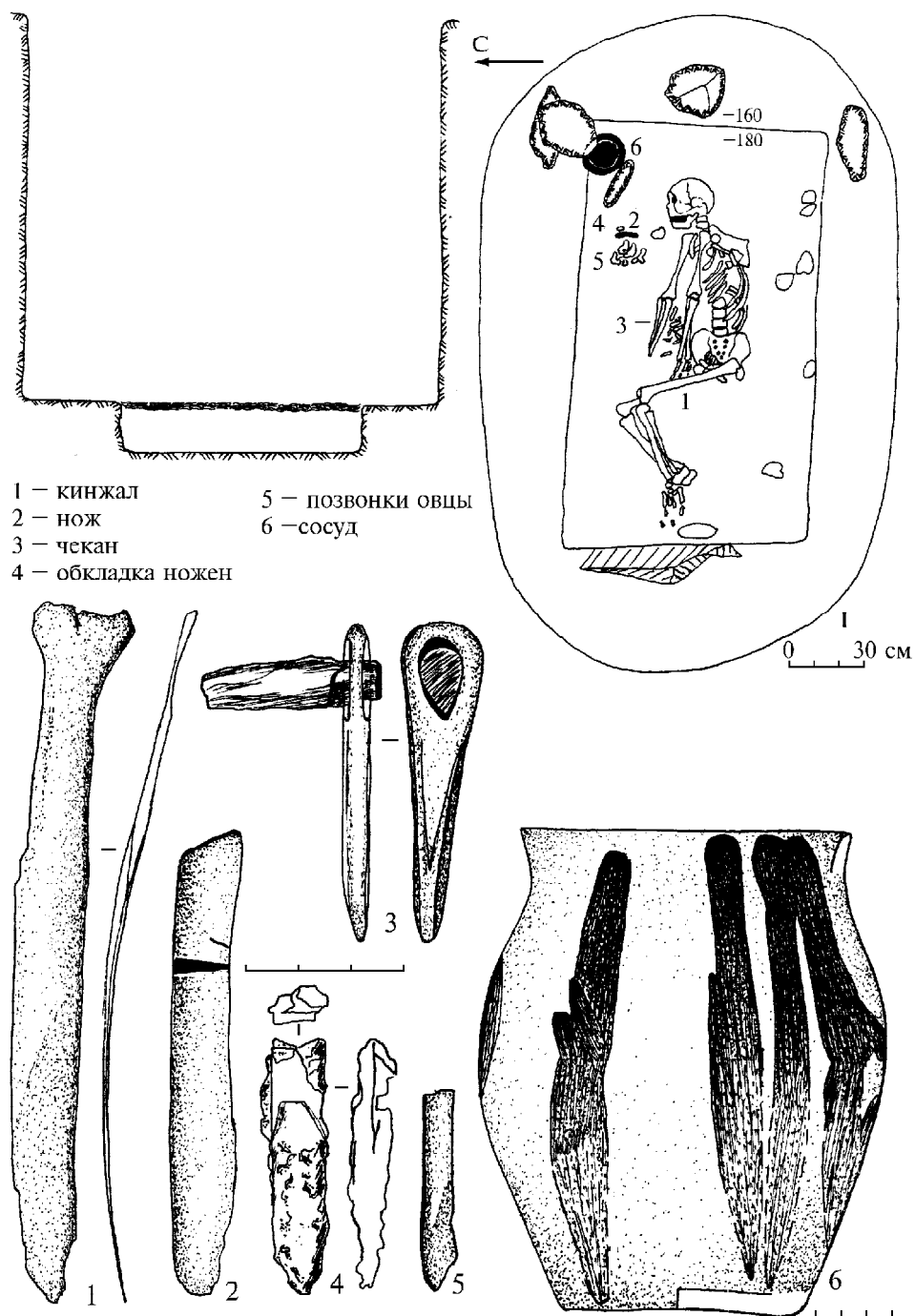

Рис. 31. Тяткескень-VI. Курган №71 (I). Инвентарь из курганов №71 (1-3, 6), №73 (4-5):
1-3, 5 — бронза; 4 — железо; 6 — глина

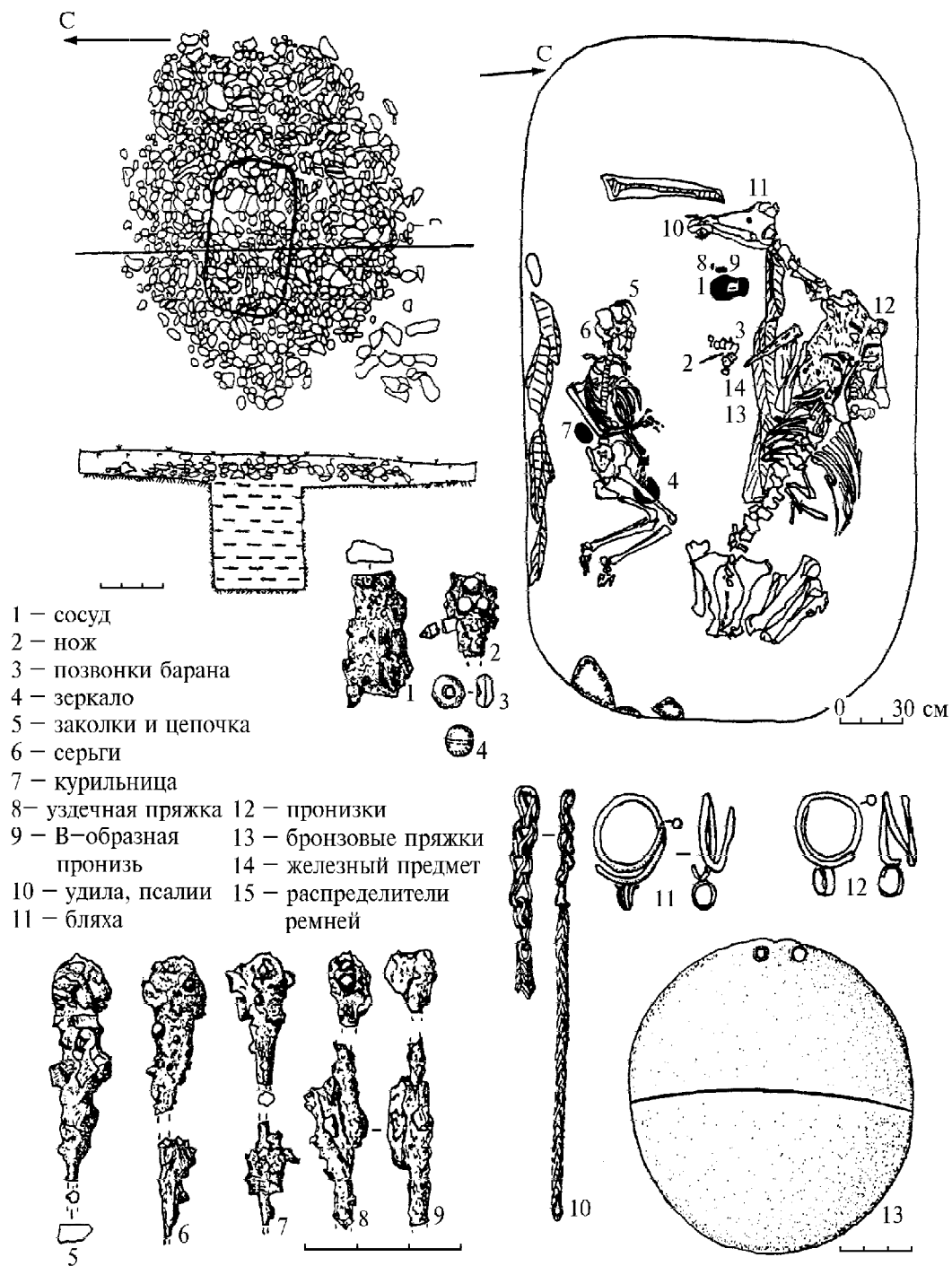

Рис. 32. Тыткескень-VI. Курган №27 и инвентарь из него:
 1–2, 5–9 – железо; 10–12 – золото; 13 – бронза; 4 – сердолик

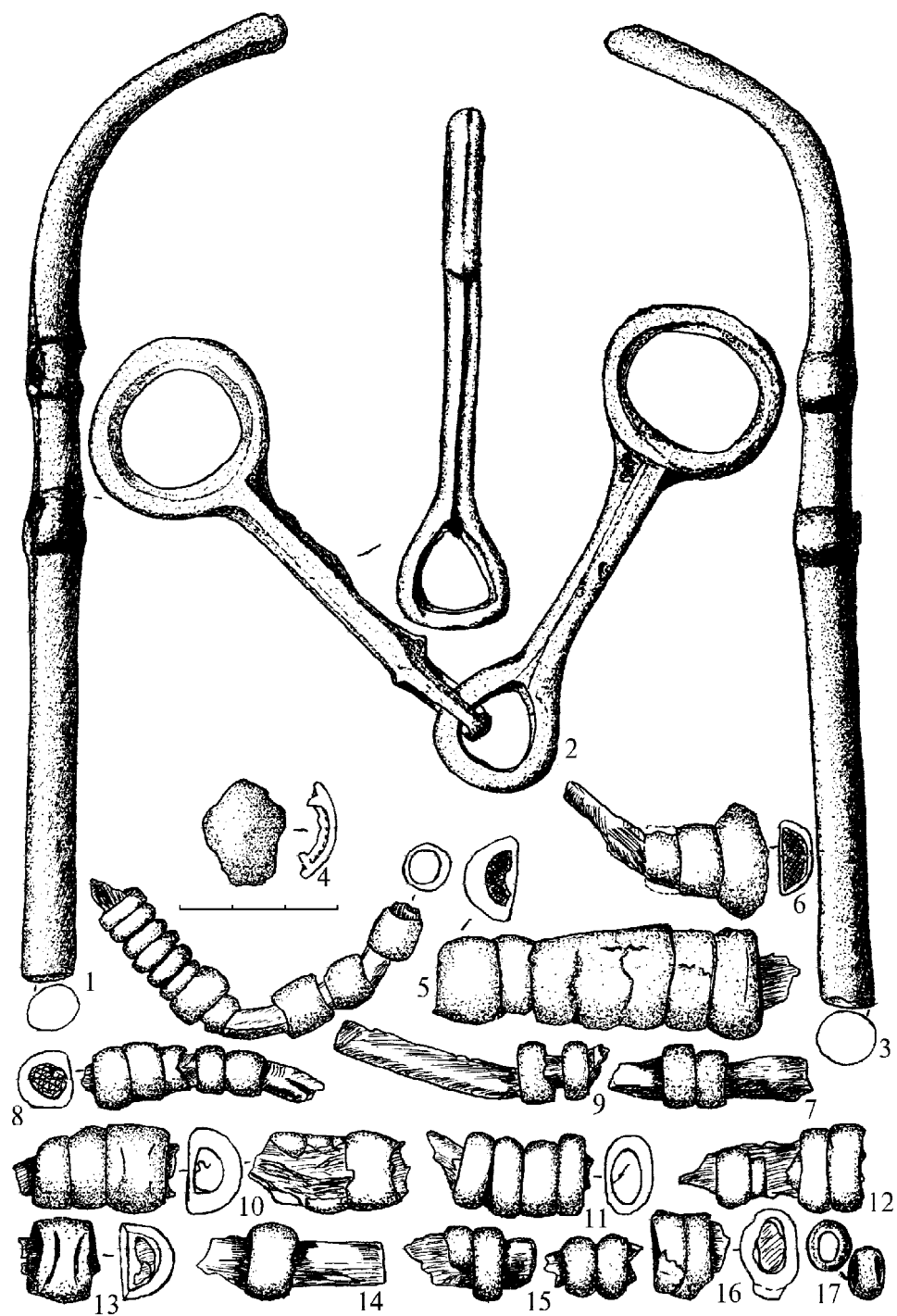

Рис. 33. Тяткескень-VI. Инвентарь из кургана №27 (бронза и кожа)

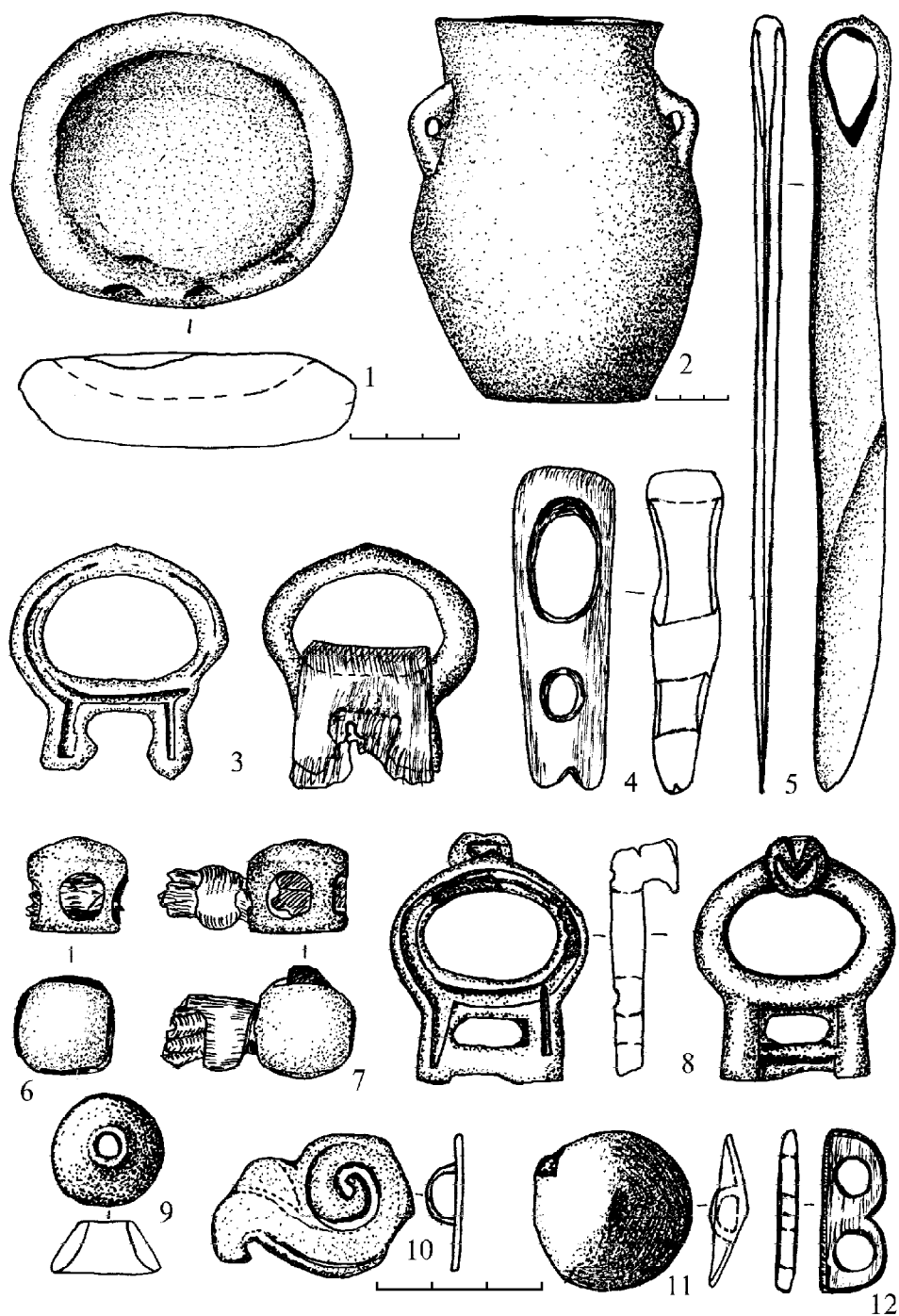

Рис. 34. Тыткескень-VI. Инвентарь из кургана №27:
1 – камень; 2 – глина; 3, 5–8, 10–11 – бронза и кожа; 4, 12 – кость (рог ?)

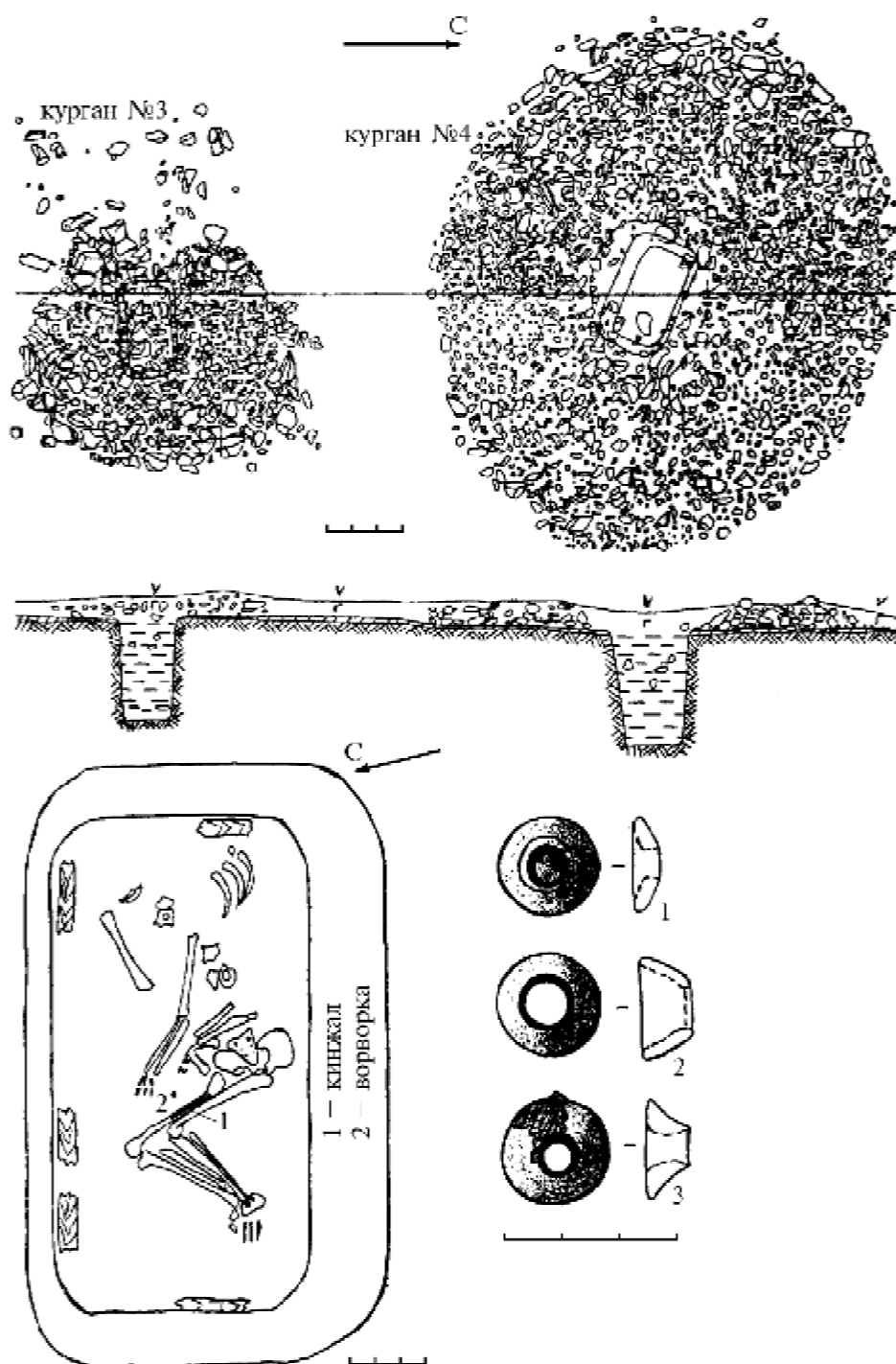

Рис. 35. Тыткескень-VI. Курганы №3 и 4. Погребение в кургане №4 и инвентарь из него

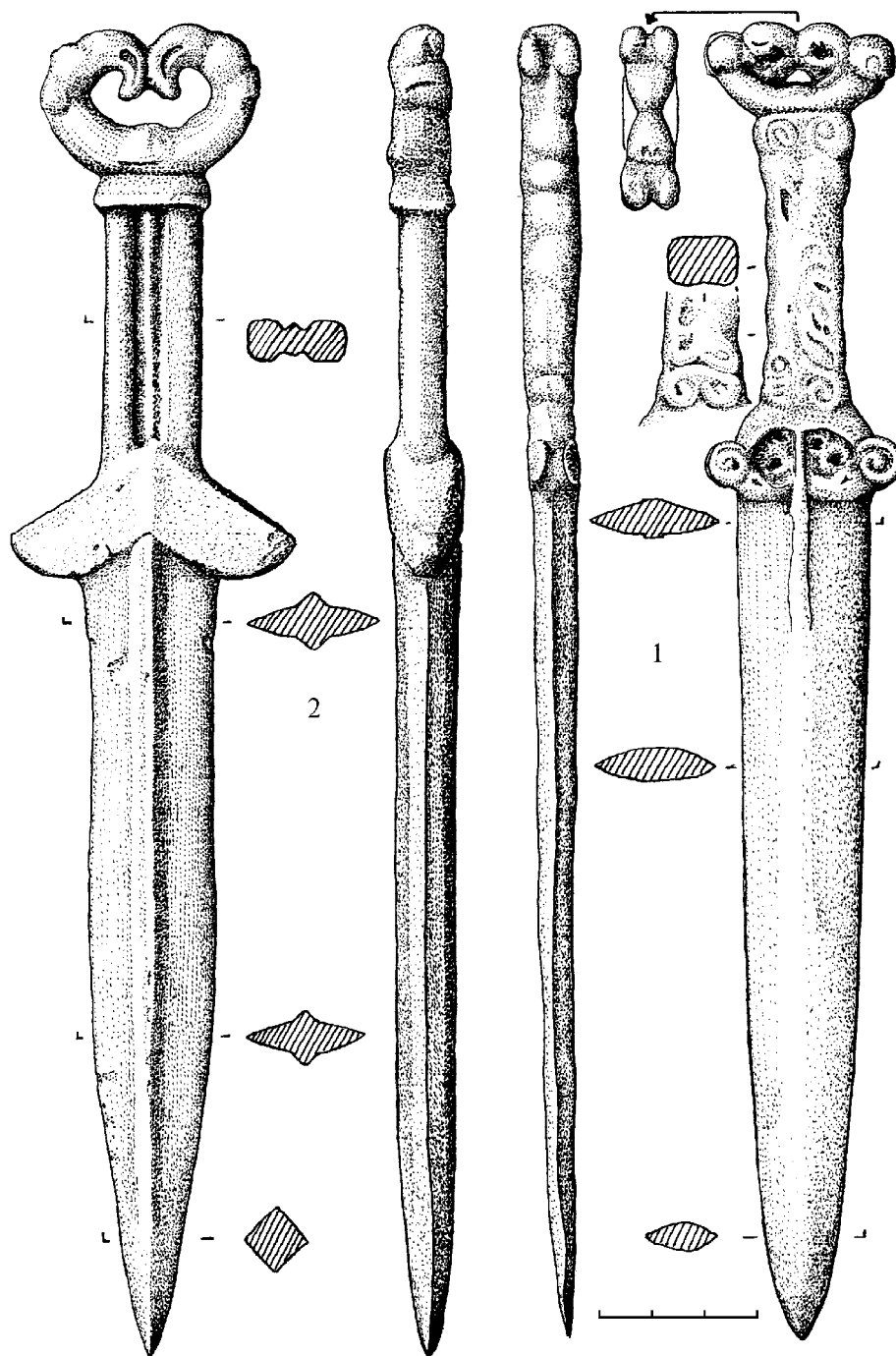

Рис. 36. Тыткескень-VI. Бронзовый кинжал из кургана №4 (2) и его ближайшая аналогия из Кайнду (1)

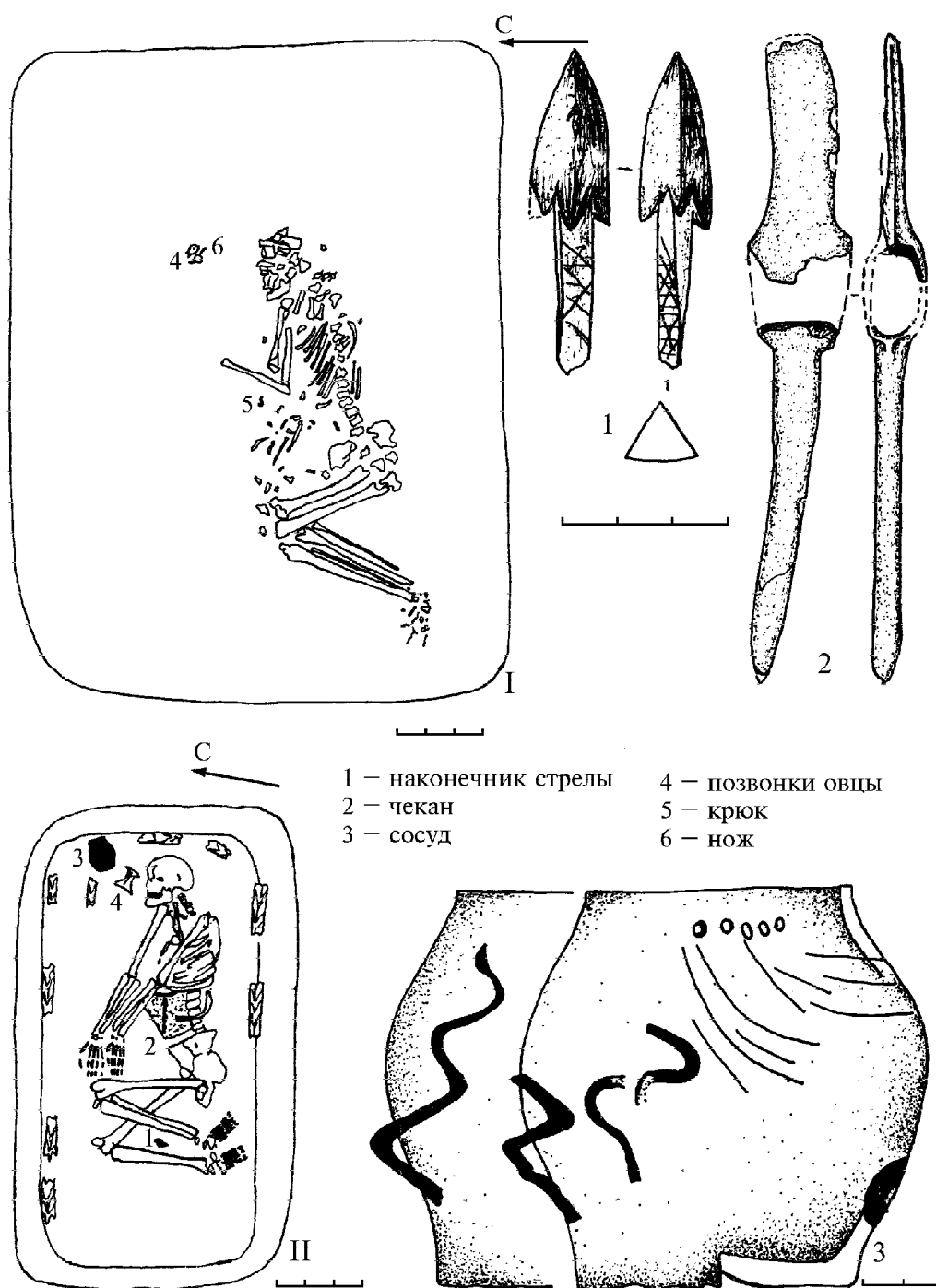

Рис. 37. Тыткескень-VI. Курганы №48/1 (I), №3 (II).
 1-3 - инвентарь из кургана №3 (1 - кость; 2 - бронза; 3 - глина)

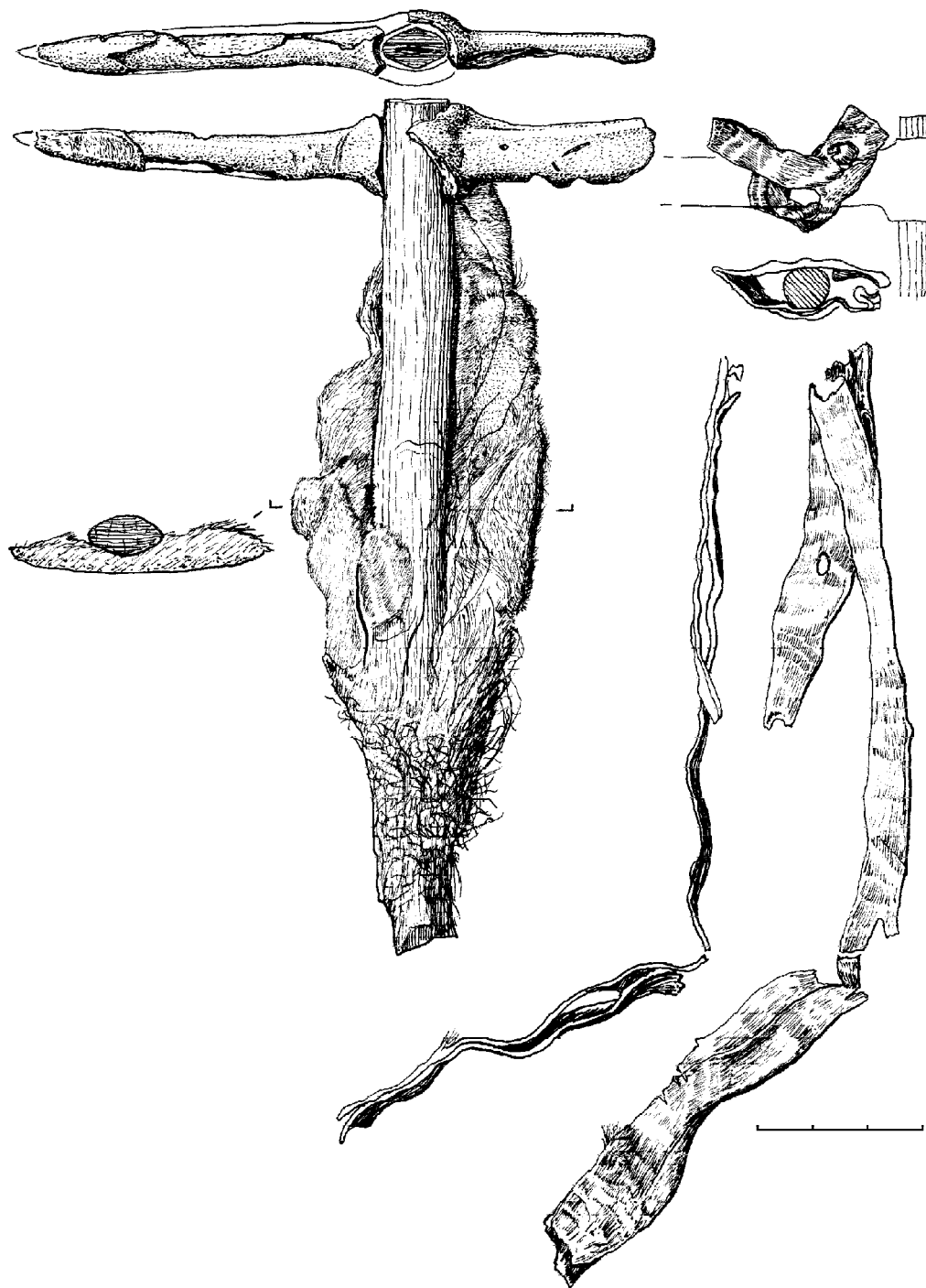

Рис. 38. Тыткескень-VI. Курган №3. Бронзовый чекан на деревянной рукояти и остатки органических материалов

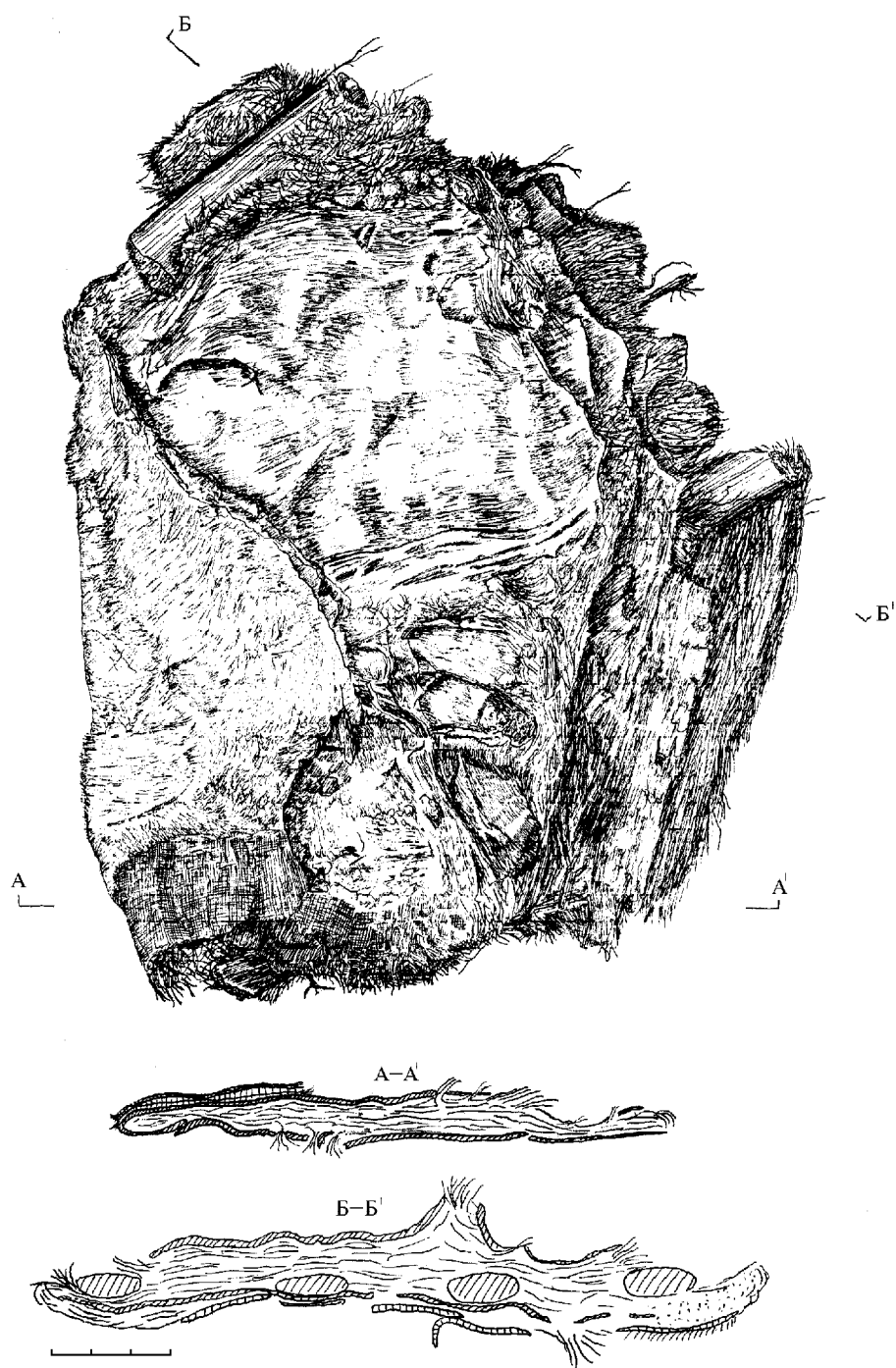

Рис. 39. Тыткескень-VI. Курган №3. Фрагмент мумифицированной части тела человека с остатками ткани, шерсти, растений и других материалов

Рис. 40. Тыткескень-VI. Курган №3. Фрагмент сохранившейся кожи

Рис. 41. Тыткескень-VI. Курган №3. Фрагмент кожаной одежды и изделия из войлока

Рис. 42. Тыткескень-VI. Курган №3. Фрагмент кожаной одежды и изделия из войлока

Рис. 43. Тыткескень-VI. Курган №3. Часть одежды из кожи с мехом

Рис. 44. Тыткескень-VI. Курган №3.
Фрагмент мумифицированной человеческой кожи с внутренним наполнением и остатки одежды

Рис. 45. Тыткескень-VI. Курган №3. Фрагмент мумифицированной человеческой кожи с внутренним наполнением и остатки одежды (вид сбоку)

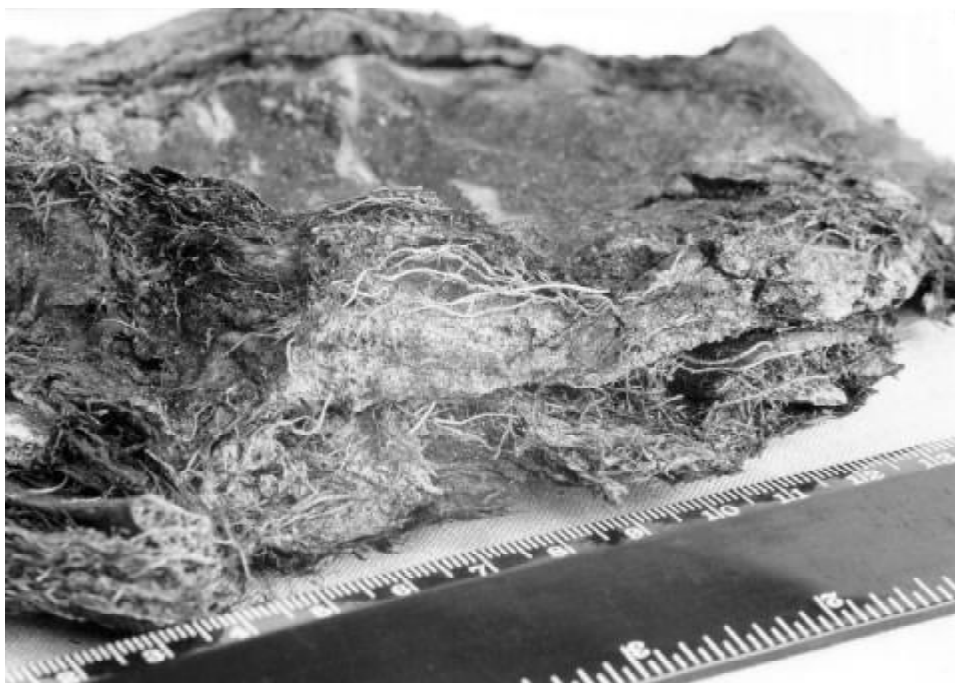

Рис. 46. Тыткескень-VI. Курган №3. Фрагмент мумифицированной человеческой кожи с внутренним наполнением и остатки одежды (снято ближе)

Рис. 47. Тыткескень-VI. Курган №3. Мумифицированный фрагмент. Остатки одежды

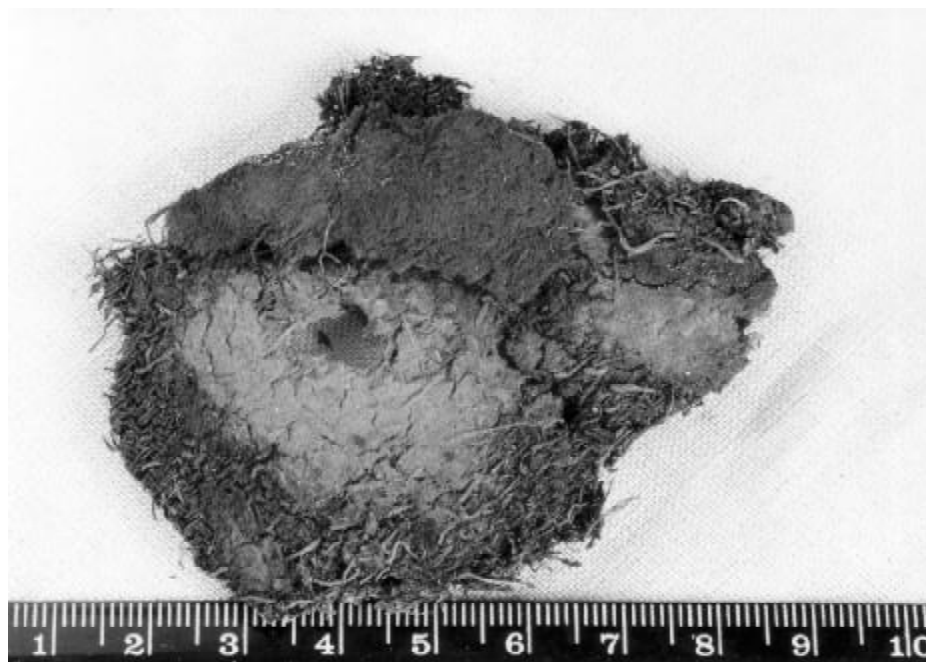

Рис. 48. Тыткескень-VI. Курган №2. Сохранившийся фрагмент ткани и шерсти

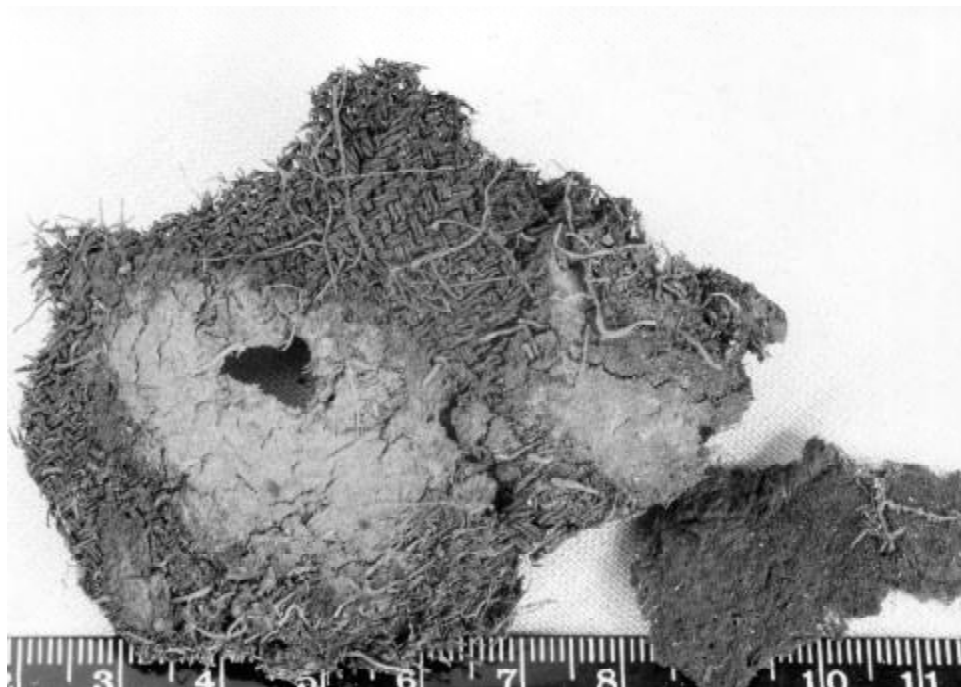

Рис. 49. Тыткескень-VI. Курган №2. Фрагмент ткани после снятия куска шерсти

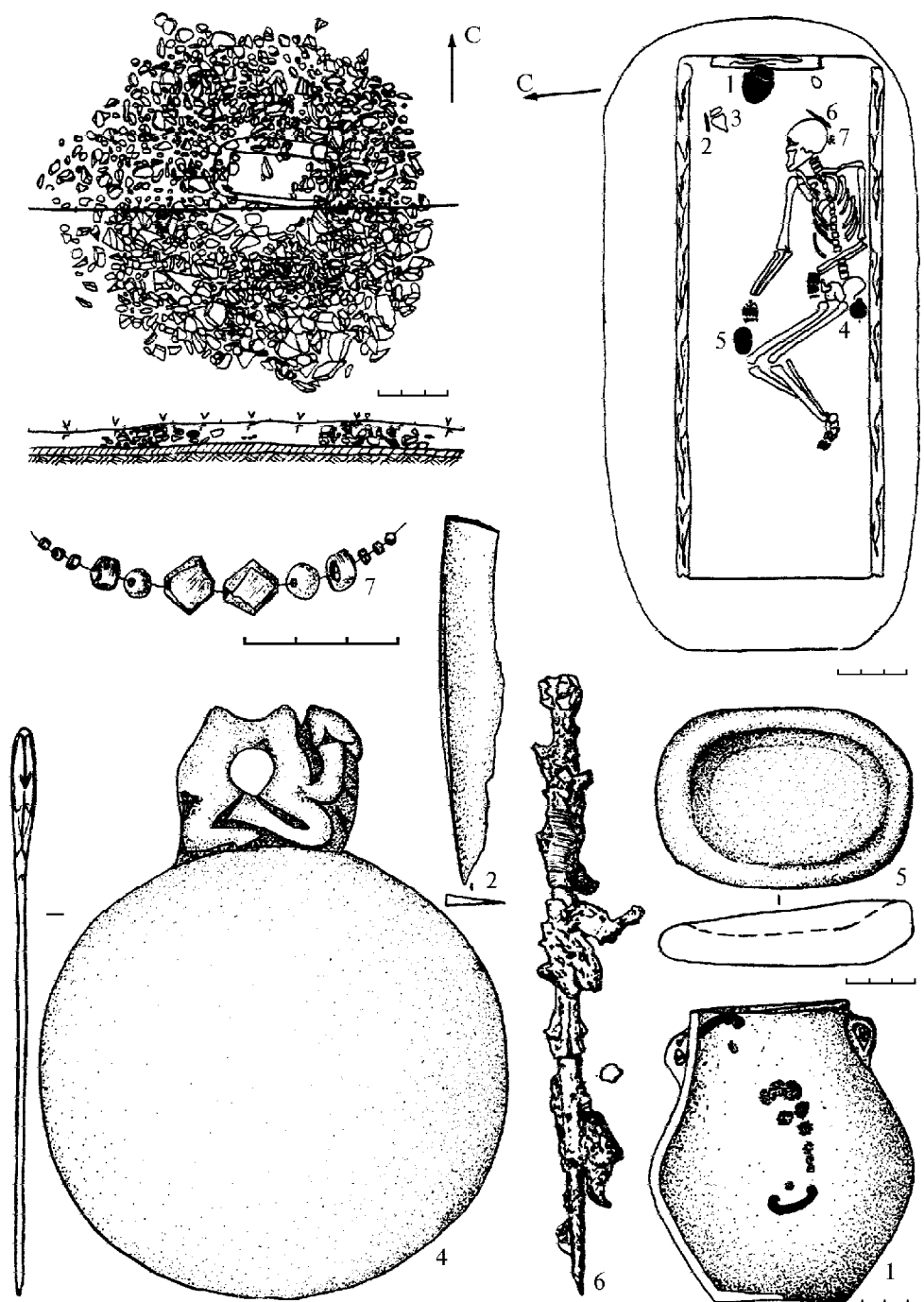

Рис. 50. Тыткескень-VI. Курган №2 и инвентарь из погребения:
1 – глина; 2, 4 – бронза; 5 – камень; 6 – железо; 7 – сердолик, стекло

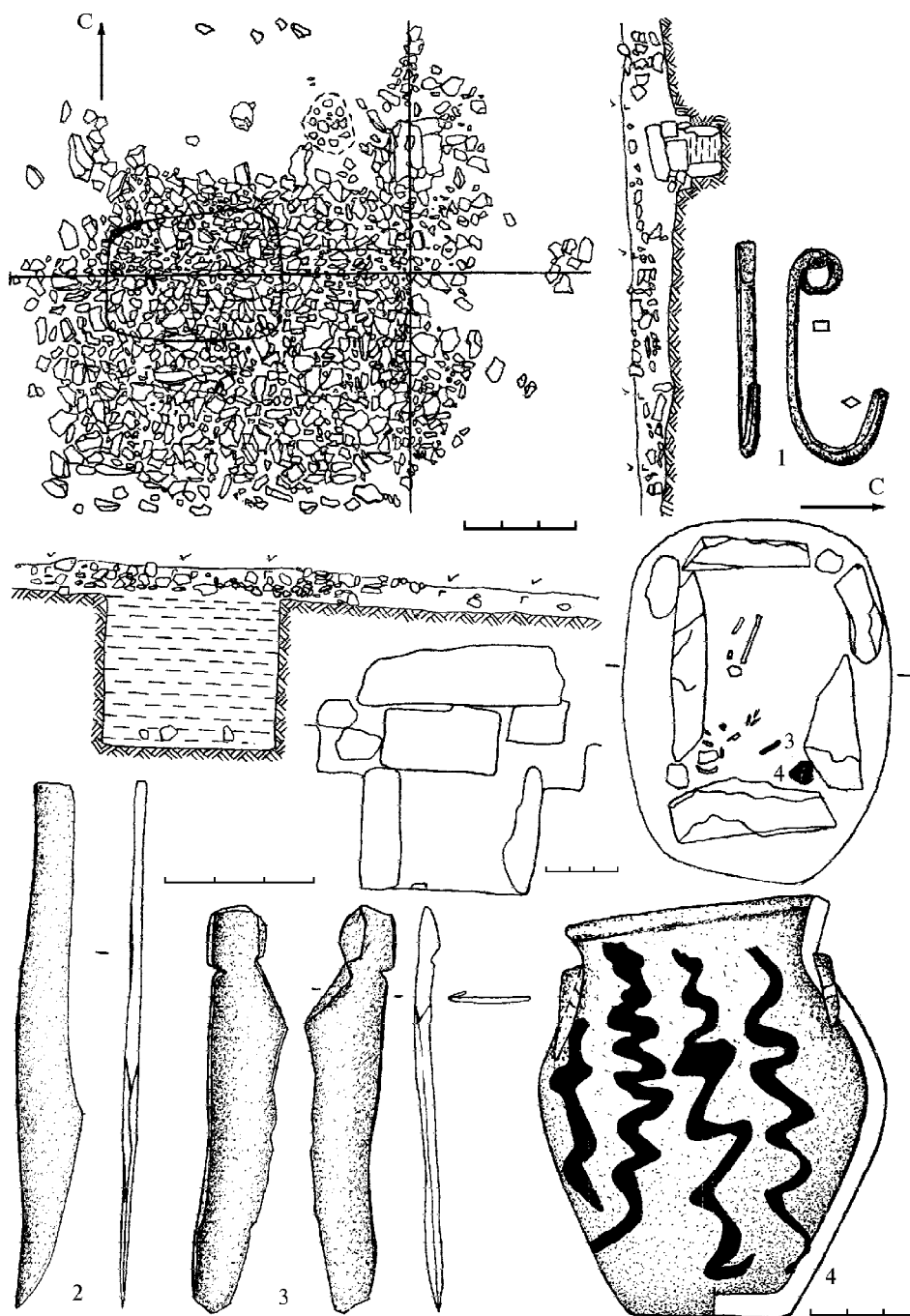

Рис. 51. Тыткескень-VI. Курган №48. Инвентарь из могилы №1 (1-2) и могилы №2 (3-4): 1-3 – бронза; 4 – глина

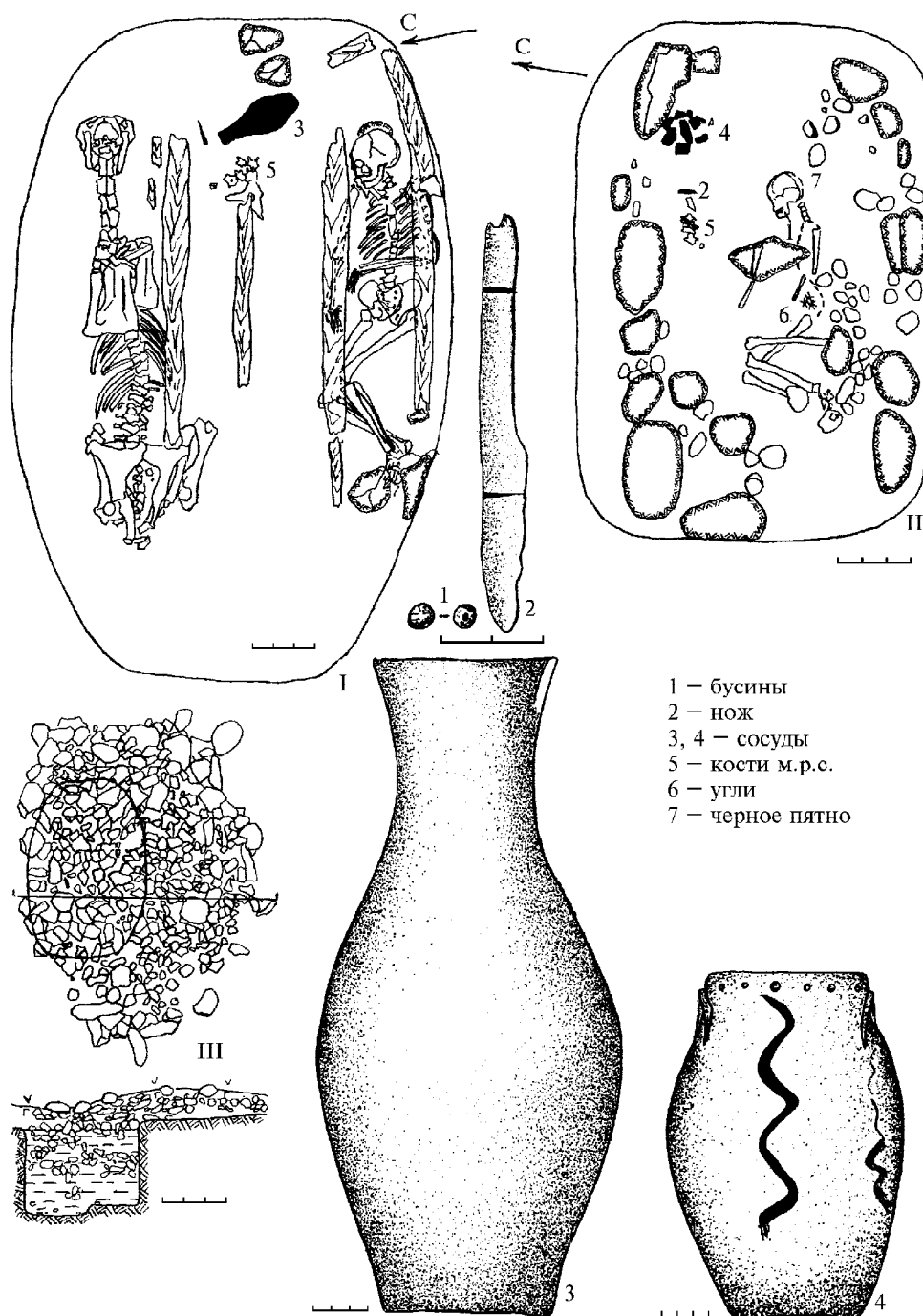

Рис. 52. Тыткескень-VI. Курганы №62 (I, III), №54 (II). Инвентарь из курганов №54 (1-2, 4) и №62 (3): 1 — сердолик; 2 — бронза; 3-4 — глина

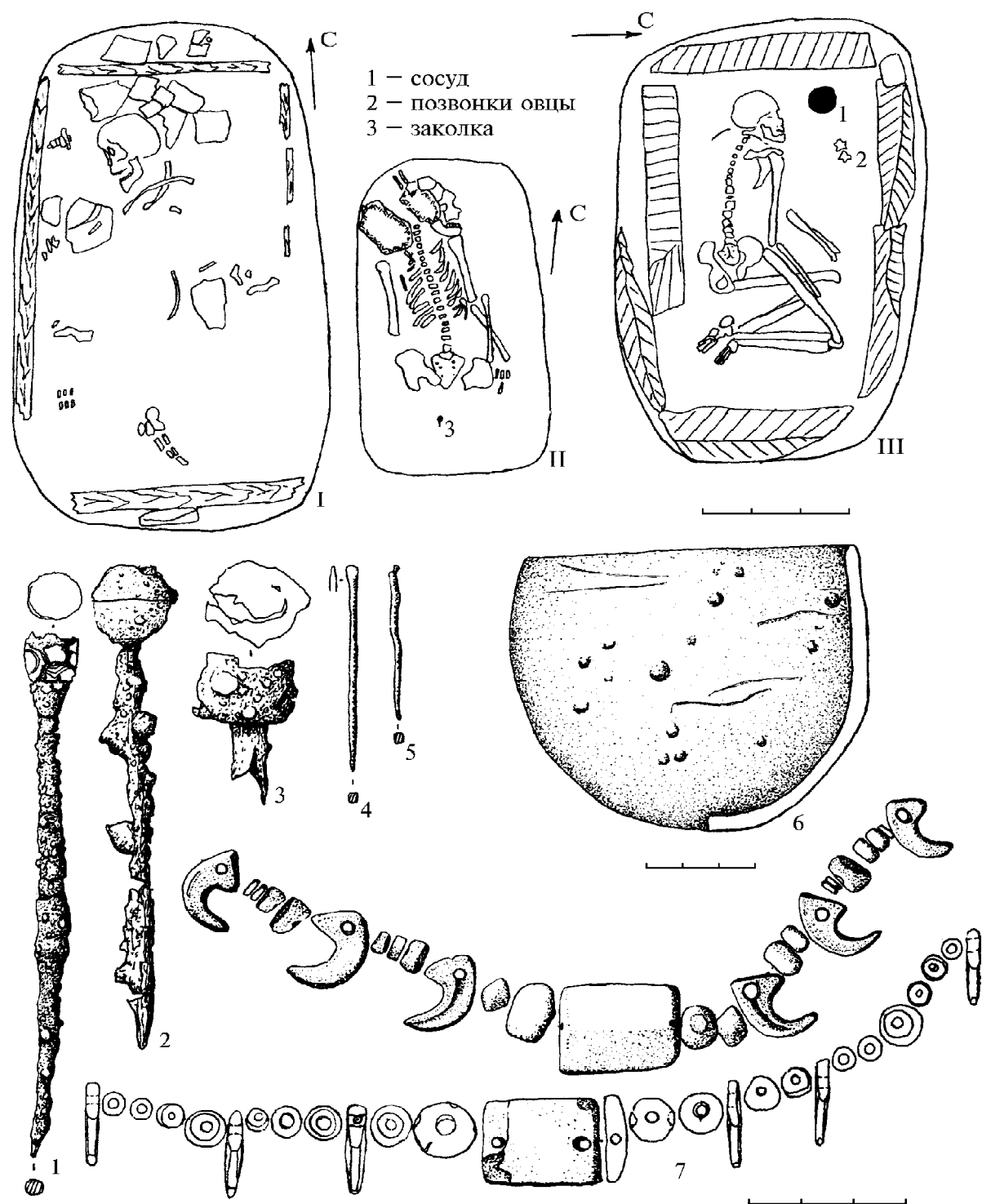

Рис. 53. Тыткескен-VI. Погребения и инвентарь курганов №32 (I), №31 (II, 3), №33 (7), №34 (III, 6)

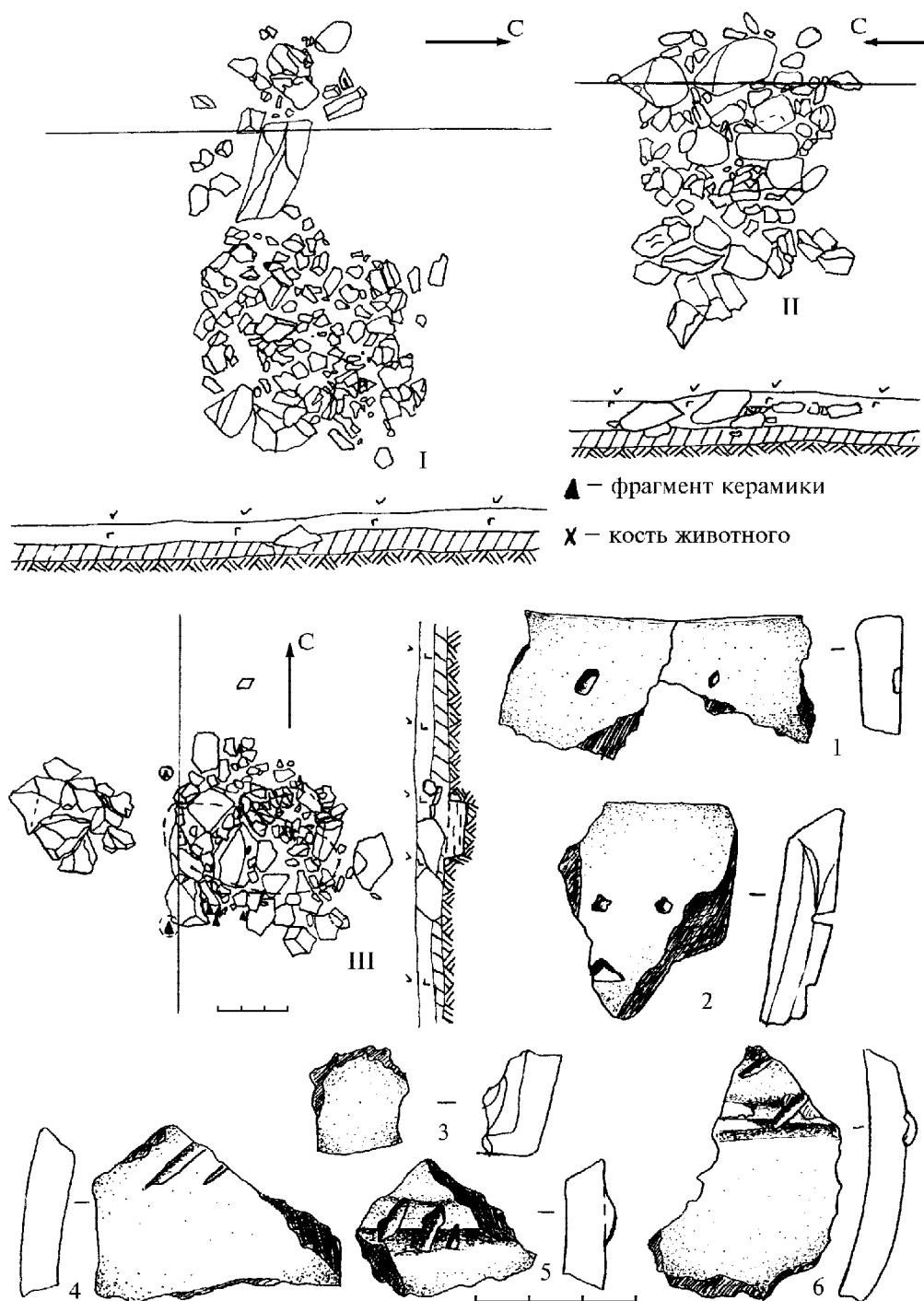

Рис. 54. Тыткескень-VI. Объекты №39 (1), №40 (2), №38 (III). Фрагменты керамики из них

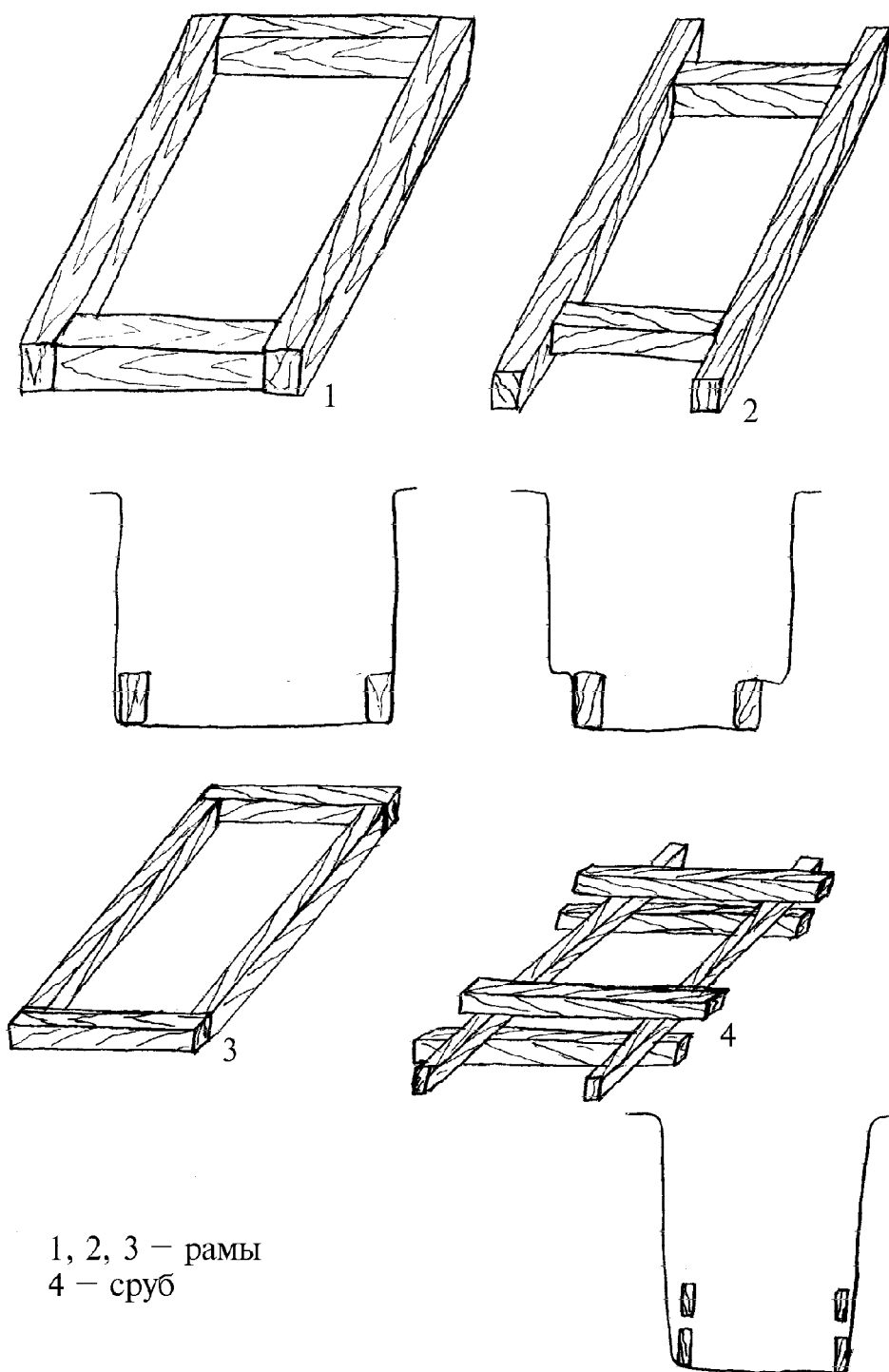

Рис. 55. Типы деревянных конструкций

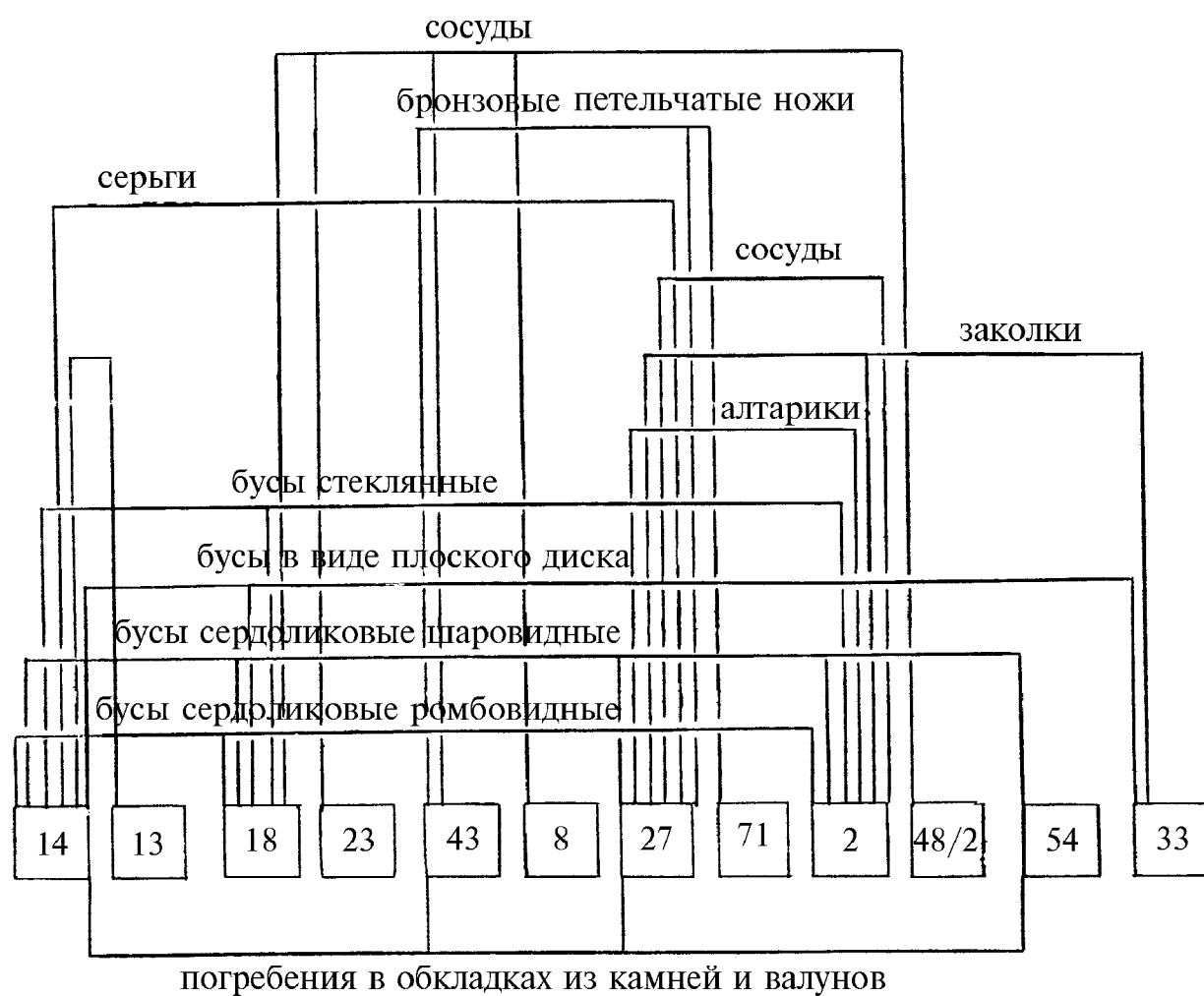

Рис. 56. Взаимовстречаемость однотипных или идентичных предметов на памятнике Тыткескень-VI

Таблица 1

Тыткескень-VI

№	Размеры насыпей			Внутридомовые конструкции							Кол. пог.	Пол		Возраст
				сруб	рама	к. я.	л. я.	обкл.	нст	не уст.		м	ж	
11	3,6x4,5									+	—			
12		4,0x5,8		+				+			1	?	?	?
13		5,5x6,0			+						1	+		30–35
14		6,6–7,0						+			1			35–40
15	2							+			1			Р
16			8,5–9,5	+							1	+		20–25
17	2,5–2,8					+					1			5
18		6,25x6,5			+						1		+	18–20
19		6,75			+						1		+	50–55
20			9,6	+							1	+		30–35
21		6,7		+							1	+		40–45
23		5,7		+							1		+	25–30
24		7,6x6,0		+							3		+	30–40 30–40 П.
25/ 1			8,0x7,2						—		2	+	+	35–40 50 ст.
25/ 2									—		1			1,5–2
47							+				3	+	+	45–50 30–35 Подр. (15–16)
44	3,5x2,75					+					1			Р
42		5,25x5,5						+			1	?	?	?
43			8x9					+			1	?		?
9	3,75				+						1		+	25–30
8	2,75				?					+	1			6–7
7		5x5			?						1		?	?
6			9,25x7,7 5							+	1	?		?
29		4,5x5,8								+	2	+	+	40–45 16–20
72	4,1x4,6							?			2	+	+	25–30 30–35
73		7,8x3,25								+	2	?	?	?
71		6x5,25						?			1	?	?	?
28						+					1	?		?
27		7,7x6,5						+			1		+	25–30
62		5,5x4,0								+	1	+		35–40
54		6,5–7						+			1	?	?	?
?														
4			10,5x9,0		?						1	?		?
3		5,5x5,0			?						1	+		25–30
2			7,25x8		+						1		+	Ок.20
48/ 1		6,5x5,0							+		1	+		45–50
48/ 2						+					1			Р
31		6,0x5,0								+	1		+	35–40
32		6,0			?						1	+		50–55
34		7,0x6,0				+					1	+		50–55
36		5,5x5,0								+	1	+		25–30
37										+	1			

Приложение III

Таблица 2

Тыткескень-I

№	Размеры насыпей		Внутримогильные конструкции					Кол. пог.	Пол		Возраст
			Комбиниров. камера	каменный ящик.	обкладка	нет	не уст.		М	ж	
1	4,0х2,8			+				1			9–10
2		5,5х6	+					1		+	20–25
3		6,5х6,5					+	1		+	20–25
15		6,0-6,5	?		+			1	+		50–55
18		6,0х5,0				-		1		+	45–55

Таблица 3

Тыткескень-VI. Тип погребальных камер и ориентация погребенных

Тип погребальной камеры	Кол-во конструкций	Ориентация погребенных								
		В	ЮВ	ЮВВ	СВВ	СВ	СЗЗ	С	З	ЮВВВ
Срубы	6	2	2	1		1				
Рамы	5+5	1+1	1	3+1	1			+1		1
Каменные ящики	5	4							1	
Деревянный ящик	1									
Обкладки из камней	6+2	2+2		1	1		1			
Отсутствие конструкции	3		2		1					
Комбинированные камеры	+1	1								
Не определено	8	2		1				1		
Итого:	42	15	5	7	3	1	1	2	1	1

Таблица 4

Тыткескень-I. Тип погребальных камер и ориентация погребенных

Тип погребальной камеры	Количество типов камер	Ориентация погребенных	
		ЮЗ	СЗЗ
Каменный ящик	1	1	
Комбинированная камера	1		1
Обкладка из камней	1		
Отсутствие конструкции	1		
Не установлено	1	1	
Итого:	5	2	1

Таблица 5

Могильник Тыткескень-VI (умерли в возрасте ...)

	Р	П	До 20	До 25	До 30	До 35	До 40	До 45	До 50	До 55	До 60	ст. 50	Всего	Ср. про- должит.
Р	7												7	
П		1											1	
М				1	2	3	2	1	3	2			14	41,07
Ж			3		4	1	4			1		1	14	34,27
Всего	7	1	3	1	6	4	6	1	3	3		1	36	

Тыткескень-I

	Р	П	До 20	До 25	До 30	До 35	До 40	До 45	До 50	До 55	До 60	ст. 50	всего
Р	1												1
П													
М										1			1
Ж				2						1			3
Всего	1			2						2			5

Таблица 6

Размеры сосудов из могильника Тыткескень-VI

№	«Ушки»	Роспись	Высота сосуда	Диаметр венчика	Диаметр тулова	Диаметр дна
Горшки						
3		+	10 см	6,7 см	10,3 см	7,1 см
34			8,7 см	9,2 см	10 см	
Горшкообразные						
9			10,2+?см	?	10,8 см	
19		+	18,3 см	13,5	16 см	9 см
47-1	у	+	16	11	13,7	6,5
71		+	19,2	13	16	9
Кринки						
47-2		+	24,6	11,5	15,7	7,5
73-1		+	23,5	10,4	15	10,1
Кринкообразные						
12		+	21,4	8,3	12	7,1
6			27,3	14,3	19,8	9-11
42			23,7	10,4	14,5	10,2
54	у	+	21,5	10,2	15	7,5
2	у	+	16,3	8,5	14	6,6
13		+	17,4	10,2	13,7	8
27	у		15,3	9,2	11,6	6,5
72			21,5	11,5	16,5	10,8
8	у		20,3	11	16,5	8,4
18		+	15	8,8-9,2	13	6,8
23		+	12,7	8,2	11,3	6,3
43		+	14,3	8,7	11,8	6,3
48,м.2	у	+	12,4	7,2	10,2	4,6
Корчаги						
11			27	15	23,5	12
7			28	15	23	11,5
Банка						
14		+	23	21,6	22,5	12,5
Кувшины						
62			38,5	10,7	18	9,6-9,8
73-2		+	26,6	7,8	12	5,8
73-3		+	23	7,3	10	5,7
21			28,3	12	19	10,2
Кувшиновидные						
47-3	у	+	28	12,5	20	11
20			13	20		12
24		+	25,5	10	16,5	10
29	у		17,5	9,5	15	6,5

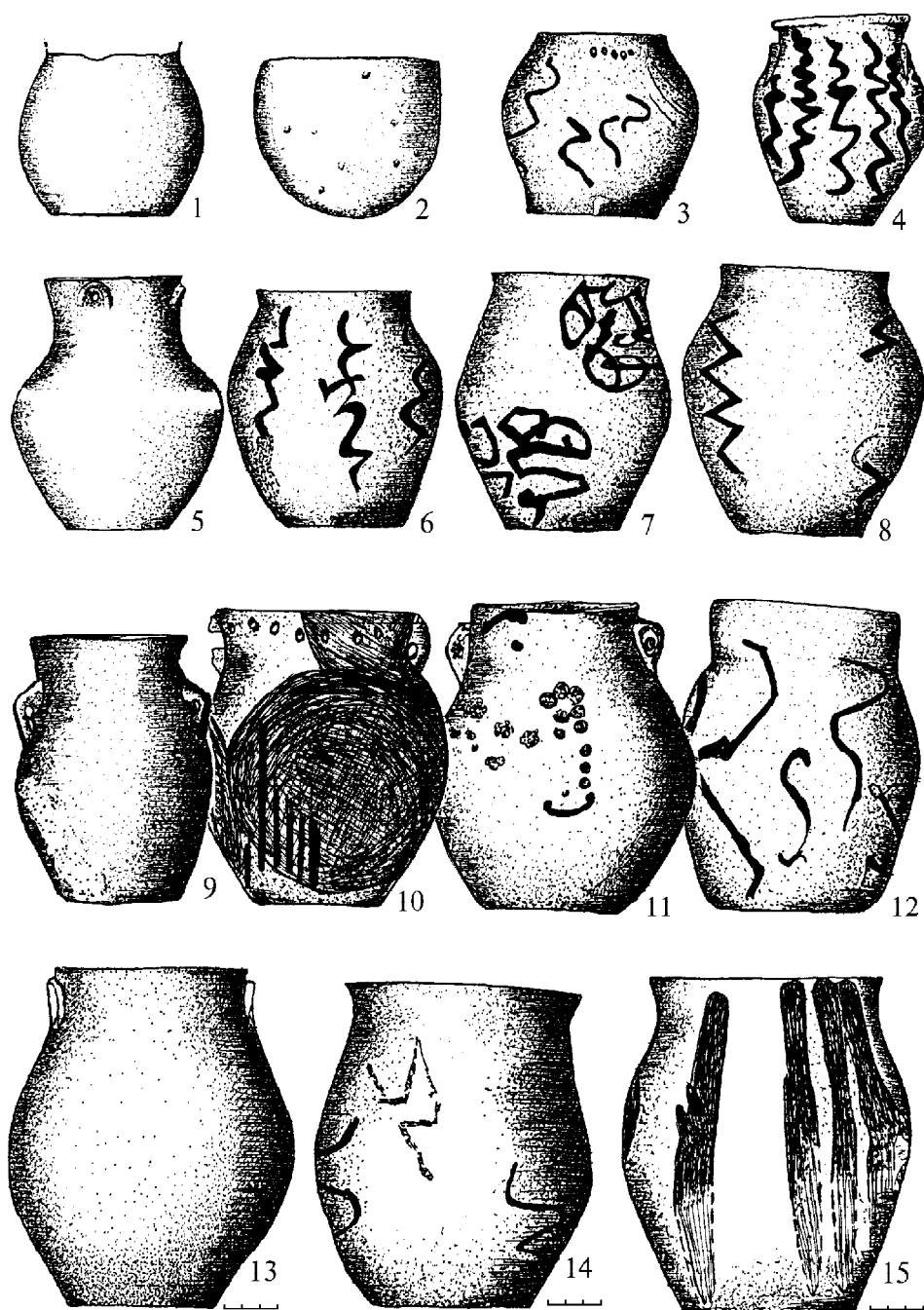

Таблица 7. Тыхтескень-VI: 1 – курган №9; 2 – курган №34; 3 – курган №3; 4 – курган №48;
5 – курган №29; 6 – курган №23; 7 – курган №43; 8 – курган №18; 9 – курган №27; 10 – объект №47;
11 – курган №2; 12 – курган №13; 13 – курган №8; 14 – курган №19; 15 – курган №71

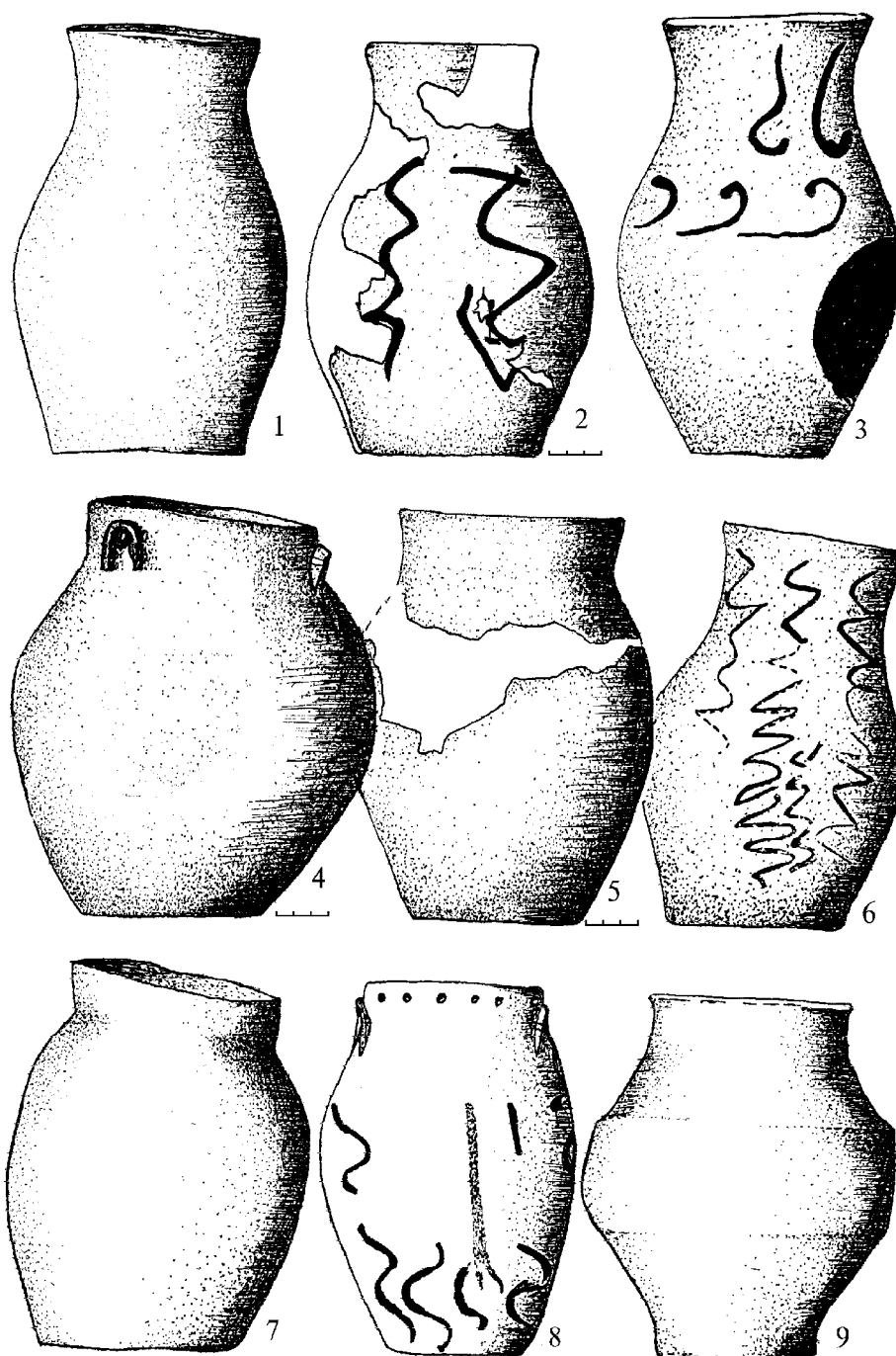

Таблица 8. Тьткескенъ-VI: 1 – курган №42; 2 – курган №24; 3 – курган №47; 4 – курган №7;
5 – курган №6; 6 – курган №73; 7 – курган №42; 8 – курган №54; 9 – курган №11

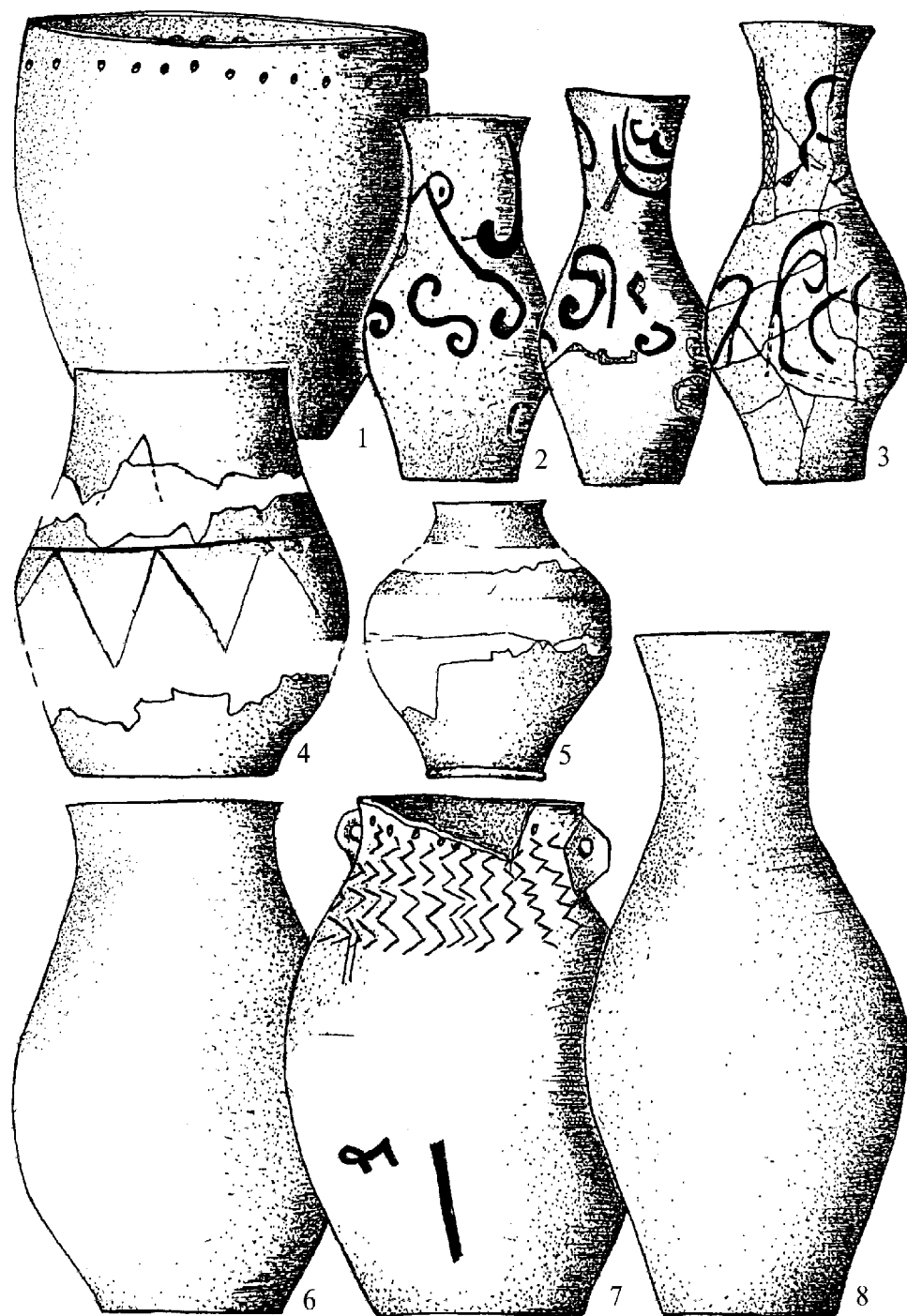

Таблица 9. Тяткескень-VI: 1 – курган №14; 2 – курган №12; 3 – курган №73; 4 – курган №20; 5 – курган №8; 6 – курган №21; 7 – объект №47; 8 – курган №62

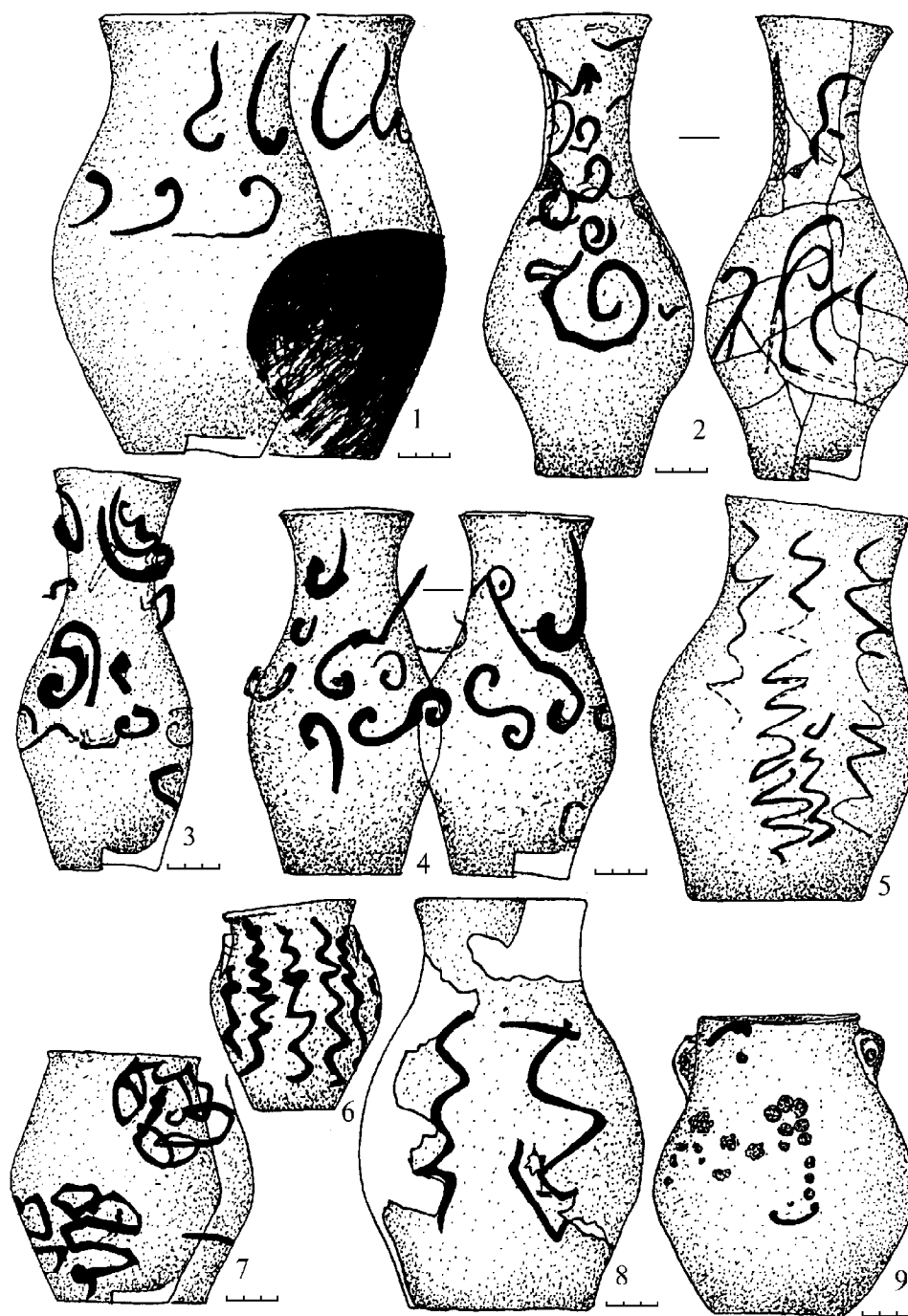

Таблица 10. Тыхтескень-VI: 1 – объект №47; 2, 3, 5 – курган №73; 4 – курган №12;
6 – курган №48; 7 – курган №73; 8 – курган №24; 9 – курган №2

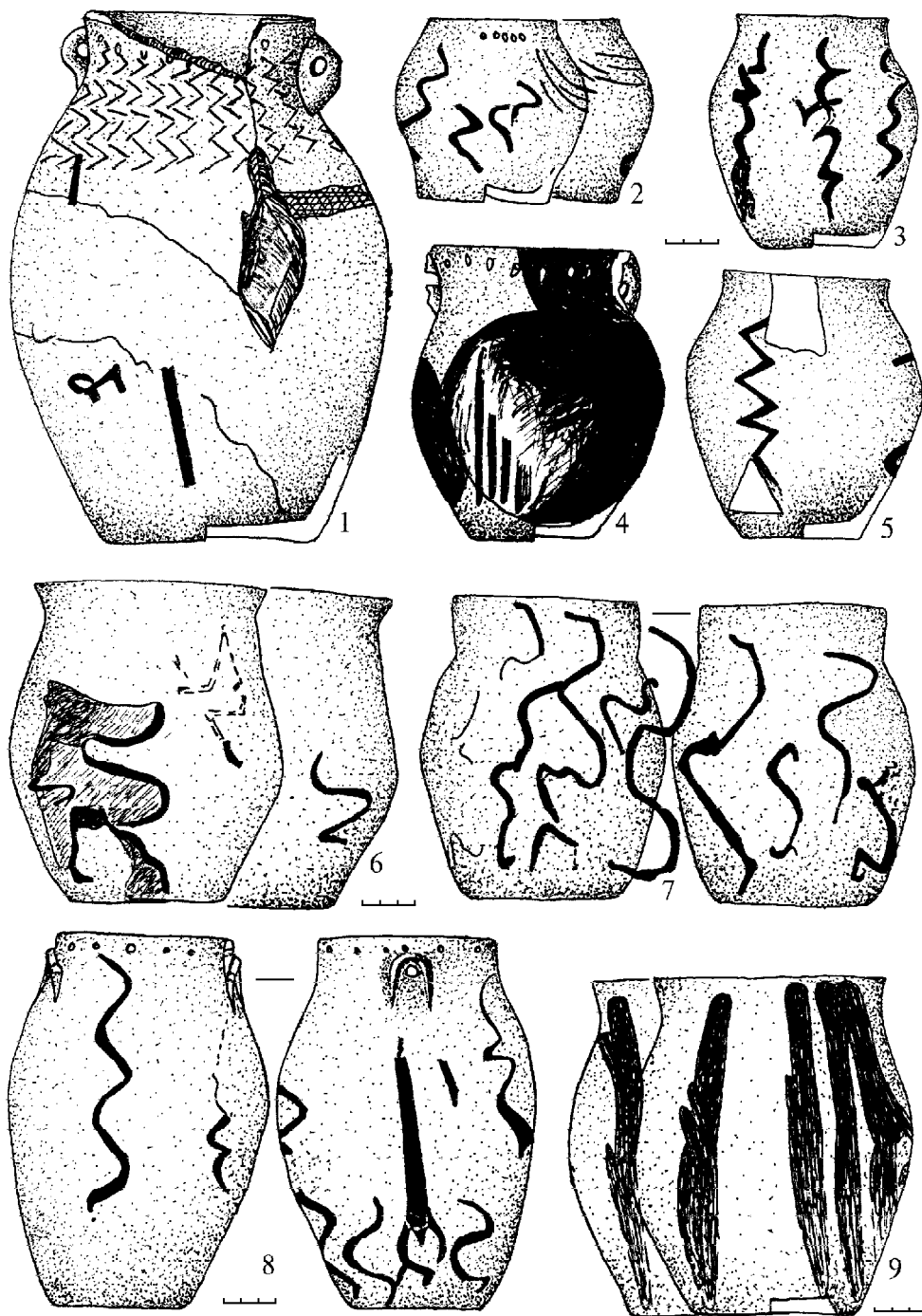

Таблица 11. Тяткескень-VI: 1, 4 – объект №47; 2 – курган №3; 3 – курган №23; 5 – курган №18; 6 – курган №19; 7 – курган №13; 8 – курган №54; 9 – курган №71

Таблица 12. Расписная керамика из могильников Сары-Кобы, курган №24 (1), Кок-су-I, курган №18 (2) Кырлык-I, курган №6 (3), Юстыд-XXII, курган №2 (4), Ташанта-II, курган №4 (5), Бике-I, курган №1 (6), Кызыл-Джар-I, курган №2 (7), Ала-Гаил (8)

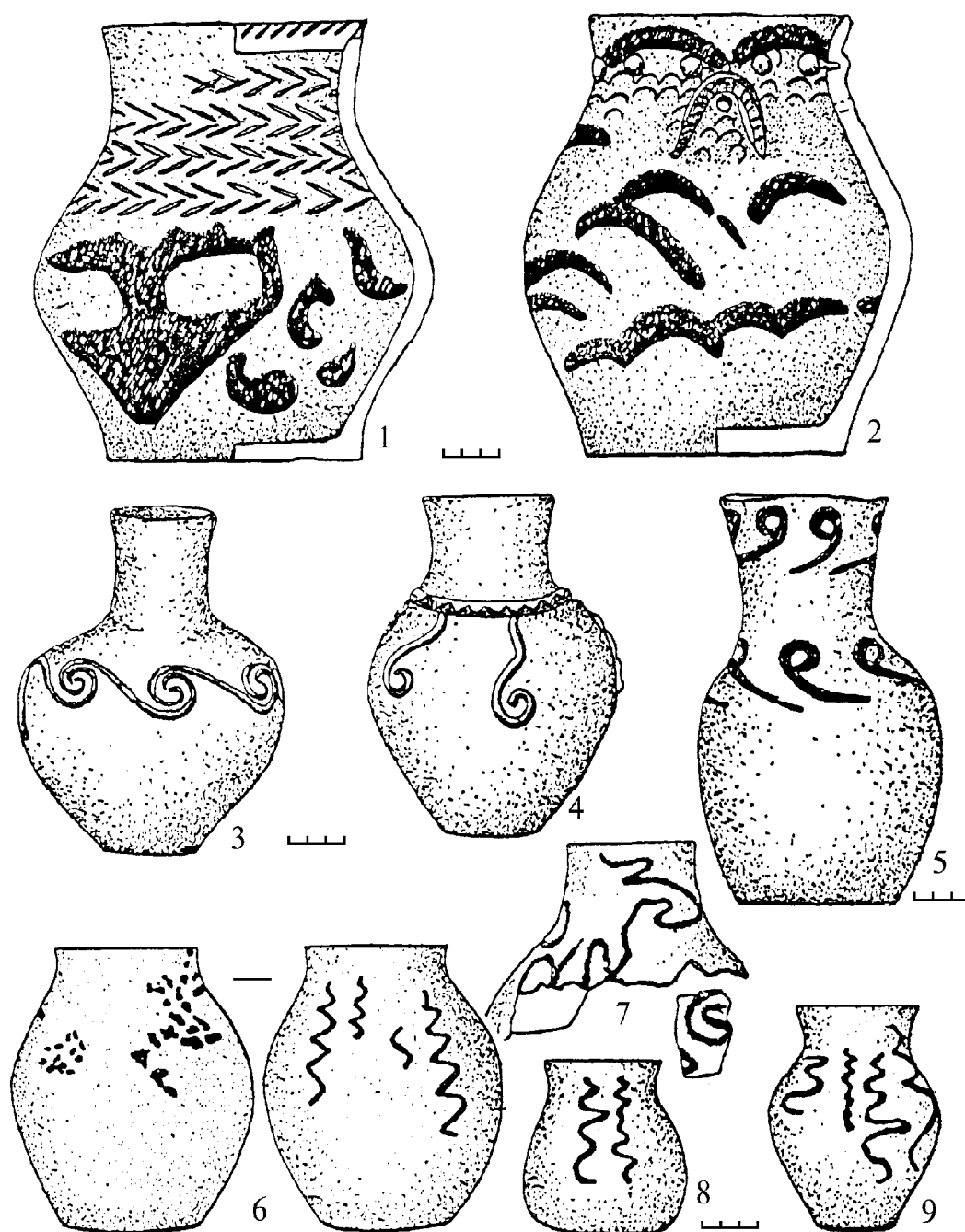

Таблица 13. Расписная керамика из могильников ЦРК (1), Бийск-I (2), Катанда (3), Барбургазы-I, курган №3 (4), Бике-I, курган №4 (6), Юстыд-XII, курган №21 (7), Бике-III, курган №1 (8), Бике-III, курган №3 (9)

SUMMARY

Kiryshin Y.F., Stepanova N.F., Tishkin A.A.

SCYTHIAN EPOCH IN MOUNTAIN ALTAY. PART II: BURIAL-FUNERAL COMPLEXES OF PAZYRYK CULTURE .

Scythian epoch is considered to be one of the most thoroughly studied periods of the ancient history of Mountain Altay. Nevertheless many questions are still under discussion (problems of chronology, origin of cultures, historical fortunes of population and other problems).

In spite of the fact that materials about Pazyryk culture from more than 135 burial grounds, including about 650 barrows, are introduced to a certain extent into scientific circulation, the territory of Mountain Altay has been studied unevenly. First investigations were held at the places that provoked special interest or were connected with the building of Chuiskii Highway. The situation somewhat changed in 1980-s by reason of melioration projects, extension of the highway system and etc. At present the most thoroughly investigated is Southeasten and a part of western Altay. Many articles and monographies are written with the help of the data about these regions. Central, Northern, North-westen Altay was investigated less. Planned works at the territories of Srednyaya (Middle) and Nizhnyaya (Lower) Katun had been held in the recently 20–25 years, but there are no summarizing works about the region. There are no monograph researches about Scythian epoch in Mountain Altay that could reflect the results of excavations of the latter 20 years. There is no collection of sites about the examined period. That is why such information is presented in this publication.

Investigations in different regions of Mountain Altay began not synchronous. In 1930-s the Altay expedition of State Museum of History (SMH) conducted works at Kosh-Agach region. In 1935 Sayan-Altay expedition of the SMH and IMCH conducted works in accordance with the building of Chuiskii Highway. As a result the researches near village Kurai were held. In 1964–1966 South-Altay archaeological expedition of State Ermitage with assistance of Gorno-Altai and Biisk Museums of local lore, history and economy under S.S. Sorokin's guidance excavated barrows at Argut-I and Kok-Su-I burial grounds. In 1971–1973 Uzuntal-I, III, V–VI burial grounds in Uzuntal valley were investigated by the Altay paleoethnographic group of LSU under D.G. Savinov's guidance. Since 1968 archaeological group of the North-Asian expedition of IHPH and Ph SD AS USSR under V.D. Kubarev's guidance had been carrying out researches regularly. As a result more than 160 barrows at 18 burial grounds from the valleys of the rivers Ulandryk, Usty, Barburgazy, Buguzun (Chuya tributaries) were excavated. Since 1976 of Altay expedition of Archaeology Institute AS USSR under V.A. Mogilnikov's guidance excavated more than 30 barrows at 8 burial grounds. From 1990 to 1996 on Ukok plateau investigations had been made by South-Altay and West-Siberian groups of the North-Asian complex expedition of Archaeology and Ethnography Institute SD RAS under N.V. Polosmak and V.I. Molodin's guidance. 275 barrows at 60 burial grounds were excavated at Kosh-Agach region territory.

56 barrows at 21 burial grounds were excavated at Onguday region territory. In 1927 M.P. Gryaznov and M.N. Komarova excavated "royal" barrow at natural boundary Shibe. In 1930 s at the valley of the Ursul river excavations were made by S.V. Kiselev, in 1935 – near village Tuekta by S.M. Sergeev. In 1950 excavation of Bashadar barrows were made under S.I. Rudenko's guidance, in 1954 – excavations of two "royal" barrows near village Tuekta. In 1970 s several barrows of common nomads were investigated. In 1974 and 1979 two barrows at the cliff Korkechu were excavated by the East-Altay group of North-Asian expedition of IH Ph SD

AS USSR under V.D. Kubarev's guidance. One barrow was investigated near village Tuyahra, at natural boundary Taalai, by the Gorno-Altai group of North-Asian expedition under A.P. Pogozheva's guidance. In 1979 two places at northern side of valley Karakol were investigated by archaeological expedition of GASR IHL and L. The basic number of barrows of common nomads was excavated in 1980 by archaeological expedition of Altay State University, Archaeology Institute AS USSR and etc.

At Ulagan region investigations began in 1929. Near the estuary of the Aragol river sites of Scythian epoch were excavated by V.S. Adrianov and S.I. Rudenko. M.P. Gryaznov excavated the First Pazyryk barrow. In 1947–1949 expeditions under S.I. Rudenko guidance worked at four “royal” barrows. In 1968–1969 excavations at Borotal, Alagail and Terbedok valleys were held by the expedition of IHPH SD AS USSR and Kemerovo Pedagogical Institute. In 1976 archaeological sites at flooding areas of Chuya hydro-electric power-station were investigated by the Altay expedition of Archaeology Institute of AS USSR.

At Ust-Koks region investigations began in 1865. The first were made by V.V. Radlov at Bolshoy (Big) Katandin barrow, the excavations were completed by A.A. Gavrilova in 1925 S.I. Rudenko excavated two barrows near the estuary of the Katanda river. In 1975 one barrow was investigated there by Gorno-Altai group of North-Asian expedition, in 1983 eight sites were investigated by the expedition of Altay State University. In 1970–1990 s more than ten barrows of Scythian epoch were excavated. Thus, about 20 sites that we are interested in were investigated in this region.

At Ust-Kansk region more than 20 interments, dating from Pazyryk time, were excavated. M.P. Gryaznov began the researches, excavating barrows near village Yakonur in 1939. In 1980-s investigations were held in the area of planned melioration works near village Kyrlyk, Ust-Kan and in the valley of the Karakol river and near village Chernii Anui.

At Chermal region more than 180 barrows of Scythian time or more than 30% of all barrows of this epoch in Mountain Altay were excavated. A distinguishing feature of excavations at the Srednyaya (Middle) Katun territory is that excavations of sites of Scythian time began here only in 1980, when A.P. Pogozheva excavated three barrows at Kara-Tenesh burial grounds in environs of village Kuyus, A.S. Surasakov excavated four barrows at Kyzyk-Telan-I. Since 1980 investigations were made by archaeological expeditions of Altay State University from Barnaul in accordance with sites' certification and examination of the area of proposed building of Katun hydro-electric power-station and access roads to it. As a result of large-scale investigations of the 100-km area at the valley of the Katun river more than 1000 barrows of different times and few dozens of settlements were found. In 1985–1993 about 90 sites of the examined time were investigated by expeditions of ASU at burial grounds of Kaindu, V. Elanda-II, Tytkesken-I, VI, V. Teltehen-I, Biike and etc. Since 1988 expeditions from Novosibirsk worked there. About 60 barrows are excavated by archaeological expeditions of IHPH and Ph SD AS USSR (later IAE SD RAS). In 1980–1990-s more than 70 barrows were investigated by Gorno-Altai archaeologists in environs of village Kuyus and near Choba estuary. In the later 1980-s investigations in the valley of the Karban river were made by archaeological expeditions of Barnaul Pedagogical Institute.

There are great difficulties in the comparative analysis of the data of burial-funeral complexes of Scythian epoch in Mountain Altay, because there are only references to some sites or few lines in some collections of articles that had a small circulation. Meanwhile investigation data of these sites is of great interest to the solution of a wide range of problems of ethnocultural character. The question is, for instance, about such burial grounds as Kurai-II, V, Ala-Gail-III, Kara-Tenesh, Ust-Kozholu, Airydash-I, Maima-IV, Cheba-V, Tytkesken-VI. Besides, at most burial grounds there are only from 1 to 5 barrows excavated. The number of sites that have more than 10 barrows excavated is only 17 of 135, and of 90 – only from 1 to 3 barrows excavated. Only at Ulandryk-I burial grounds 15 barrows were excavated, 17 at Kok-Su-I, at Airydash, 18 at Kaindu, 21 at Cheba-V, 26 at

Summary

Maltalu-IV, 28 at Barburgazy, 28 at Ustyrd-XII. The data of Tytkesken-VI sites, where 49 barrows were excavated, are of special interest to the full reflection of data about burial-funeral complex of Pazyryk time.

The summary of the main results about investigations of barrows of Scythian epoch is given in this monography, and, at the same time, data about archaeological excavations of the sites of Tykesken-I and VI are presented and analyzed. Works at those places had been held for several years. Many collaborators from ASU took part in the excavations together with the authors of the book. Many students of Historical Faculty had training field practice at those excavations or worked in research-production group "Archaeologist". Owing to such participation a great number of sites was investigated and representative data was received. The authors consider it the honour to express their gratitude to all self-sacrificing works in field conditions that assisted in getting the needed data for writing the book.

This publication is continuation of the realization of the project "Scythian epoch in Mountain Altay" (Kiryushin Y.F., Tishkin A.A., 1997). Materials of the book were basically ready by 1999, but for different reasons the monography wasn't published. In this connection a number of the newest data, published in 2001–2002, didn't find a proper reflection.

The significance of study Tytkesken-VI burial grounds is that at present there are no sites equal in number of barrows excavated. A great number of interments was not robbed and very interesting, sometimes unique data was received. Anthropological data was studied. The sites is not only one of highly investigated, but also one of the biggest of all known at present.

Determining the place of burial grounds of Tytkesken-I and VI it must be noticed that according to the main characteristics it dates from sites of Scythian time, dating from Pazyryk culture, though it has some difference. At the same time it is usual for complexes of that time of the Srednyaya (Middle) Katun region. There are unusual characteristics only in few interments and they do not detach it much from others. This burial ground can be considered typical for sites of the local variant of Pazyryk culture. Such characteristics variety in funeral rites shows the complex structure of population that left the sites. It is confirmed by anthropological data. The fact, that interments with different types of burial buildings and other characteristics were in one microline, gives evidence about synchronism of burials and peaceful existence of population. Equipment peculiarities can be explained either by contacts or by general components.

Перевод *И.М. Абдулганеевой*
Translated by *I.M. Abdulganeeva*

Научное издание

Юрий Федорович Кирюшин,
Надежда Федоровна Степанова,
Алексей Алексеевич Тишкин

СКИФСКАЯ ЭПОХА ГОРНОГО АЛТАЯ

Часть II

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

МОНОГРАФИЯ

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Подготовка оригинал-макета: Д.В. Тырышкин

Изд. лиц. ЛР 020261 от 14.01.1997 г.
Подписано в печать 3.06.2003. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 60х84/8. Уч. изд. л. 25,4.
Тираж 550 экз. Заказ 277

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66
Типография Некоммерческого партнерства «АзБука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98А